This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK
188.6
D65
V67
1898

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

89 23379

ВОСПОМИНАНІЯ

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА

ВАСИЛІЯ АБРАМОВИЧА

ДОКУДОВСКАГО [1]).

388 — 389

---

[1]) Генералъ-маіоръ Василій Абрамовичъ Докудовскій—уроженецъ Рязанской губерніи. Большая часть его служебной дѣятельности принадлежитъ западному краю (съ 1832 г.). Близко соприкасавшійся съ событіями, совершавшимися въ этомъ краѣ въ 40—60 годахъ,—онъ имѣлъ возможность хорошо знать и сохранить въ памяти и на бумагѣ много свѣдѣній, имѣющихъ не малый историческій интересъ. Дѣйствительно, послѣ А. В. осталось много рукописей, касающихся этой эпохи; подъ разными заглавіями. Переданныя въ распоряженіе Архивной Комиссіи владѣльцемъ рукописей, племянникомъ покойнаго. членомъ Ком. Владиміромъ Александровичемъ Докудовскимъ, онѣ будутъ печататься въ ея «Трудахъ» по мѣрѣ возможности и смотря по обстоятельствамъ. Прежде всего Комиссія приступила къ печатанію рукописи, носящей заглавіе: «Мои воспоминанія». Это довольно обработанныя автобіографическія записки. въ которыхъ воспоминанія раннихъ лѣтъ съ начала столѣтія до 1836 года, основаны на памяти, а съ 1836 г.—на дневникѣ; оканчиваются они на 1862 годѣ. Продолженіемъ ихъ можетъ служить «Дневникъ», оканчивающійся 1873 годомъ. Онъ находится также въ распоряженіи Комиссіи.

Умеръ В. А. въ 1874 году, 24 августа, въ Варшавѣ, гдѣ и погребенъ.

Отдѣльный оттискъ изъ „Трудовъ Ряз. Уч. Арх. Комиссіи“
за 1897 и 1898 г.г.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

„Отцы и братья! оже ся гдѣ буду
„описалъ, или переписалъ, или не до-
„писалъ, чтите, исправливая Бога дѣ-
„ля, а не клените“.

„Нѣсть тайны, еже не от-
„крыется“.

Прежде, чѣмъ начну излагать мои воспоминанія, считаю не лишнимъ высказаться о моей въ настоящее время личности. Мнѣ уже 72 года; я по службѣ старый Генералъ-Маіоръ и состою при Штабѣ Варшавскаго военнаго Округа; кавалеръ орденовъ: Св. Владиміра 2-й степени съ мечами, Св. Анны 1-й степени съ Императорскою короною, Св. Станислава 1-й ст., Св. Георгія 4-го кл. за 25 лѣтнюю безпорочную службу, польскій Знакъ Отличія за военныя достоинства, и двѣ медали; всей моей службы въ офицерскомъ чинѣ 50 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ; женатъ, имѣю сына (къ несчастію больного, безъ надежды исцѣленія) и, наконецъ, владѣю Всемилостивѣйше пожалованнымъ мнѣ въ Царствѣ Польскомъ маіоратомъ съ 750 р. с. назначеннаго ежегоднаго дохода.

Воспоминанія мой я пишу по памяти и изъ дневника, и вполнѣ сожалѣю, что сталъ вести его поздно, только съ 1836 года, когда былъ уже полковникомъ.

Отъ Сима или Хама, отъ бояръ или смердовъ, отъ бѣлой или черной кости возникнулъ мой родъ, того мнѣ неизвѣстно, но достовѣрно знаю: 1) что моя фамилія является въ напечатанномъ указѣ Сената 22 Іюля 1728 года, коимъ повелѣвалось составить особую коммиссію изъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Зыбина и Совѣтника *Докудовскаго*, для разсмотрѣнія поданныхъ на сосланнаго въ Сибирь Кн. Меньшикова челобитныхъ и доношеній о долгахъ и счетахъ на немъ и 2) что дѣдъ мой по отцу, Елисей Игнатьевичъ Докудовскій, былъ отставной Елизаветинской службы Маіоръ.

Послѣ смерти дѣда моего осталось *шесть* сыновей, *двѣ* дочери и до 80 душъ крестьянъ въ Рязанской губерніи. Всѣ сыновья, какъ подобаетъ дворянамъ, служили въ военной службѣ. Изъ нихъ старшій *Авраамъ*, мой родной отецъ, былъ капитаномъ и командовалъ ротою

Отдѣльный оттискъ изъ „Трудовъ Ряз. Уч. Арх. Комиссіи“
за 1897 и 1898 г.г.

ница полкового командира полковника Юніуса, дѣва непригожая и переспѣлая, влюбилась въ красиваго офицера и какъ онъ не поддавался и не раздѣлялъ чувствъ этой барышни, то прибѣгли къ нехитрому средству, именно,—къ опьяненію: и въ этомъ, возбужденномъ винными парами, состояніи, заставили брата объясниться и просить руки; разумѣется ему не отказали, и такимъ образомъ онъ женился съ приданымъ въ 60 душъ крестьянъ, оставилъ службу капитаномъ, былъ исправникомъ Рыбинскаго уѣзда Ярославской губерніи не безъ пользы для своихъ интересовъ, какъ это сплошъ да рядомъ дѣлалось въ цѣлой Россіи, и умеръ бездѣтнымъ 1840 года.

Николай,—личность даровитая, но самолюбивая, раздражительная и горячая.—Онъ былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ въ Рязанской Гимназіи и выпущенъ изъ 1 го кадетскаго корпуса въ пѣшую артиллерію подпоручикомъ.—Не долго же однако онъ оставался въ артиллеріи; по непріятностямъ съ своимъ батарейнымъ командиромъ едва не попался подъ судъ и долженъ былъ выйдти въ отставку; потомъ по моему совѣту опредѣлился капитаномъ въ 13-й егерскій полкъ, въ которомъ и я числился по спискамъ. Онъ любилъ боевую жизнь и нетерпѣлъ мирныхъ монотонныхъ фронтовыхъ занятій.—Во-время войны съ турками 1828 года, при осадѣ Варны, онъ героемъ показалъ себя при слѣдующемъ подвигѣ. Въ 1-мъ Варнскомъ бастіонѣ сдѣлана была довольно уже порядочная брешь; наши хотѣли узнать, что дѣлается за этимъ бастіономъ, и нѣтъ ли тамъ какихъ либо укрѣпленій или даже мины; для сего назначена была экспедиція 110 человѣкъ охотниковъ изъ 13 и 14 егерскихъ полковъ и 40 матросовъ подъ командою моего брата и сверхъ того въ резервъ роты 2-й гренадерскаго Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка и 1-й карабинерная 13-го егерскаго.—25 Сентября на разсвѣтѣ, охотники и матросы въ величайшей тишинѣ вползли къ самой верхушкѣ вала и по данному братомъ сигналу,—ура! бросились чрезъ валъ. Началась рѣзня; турки не устояли, обратили тылъ; наши гнали ихъ въ городъ, выкалывали изъ домовъ, зажигали оные и работали на славу. Наконецъ турки образумились и собрались въ большія толпы; храбрецы отступили къ своему резерву и общими силами думали удержать за собою бастіонъ, но стремленіе турокъ такъ было яростно и несоразмѣрность въ силахъ велика, что наши, послѣ двухъ часовой защиты бастіона, должны были отступить въ свои траншеи. Турки, напуганные храбростію этой горсти людей, въ тотъ же день выслали переговорщика и на другой день крѣпость сдалась. За этотъ-то подвигъ братъ получилъ Георгіевскій крестъ, который навѣсилъ на него самъ лично командовавшій всѣми войсками при Варнѣ Графъ Воронцовъ, сказавъ дивизіонному начальнику: *„какъ къ нему пристало крестъ“*,—а дивизіонный начальникъ добавилъ: *„что и гвардейскія петлицы*

въ царствованіе Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II-й. Прочіе отца моего братья, а мои дяди: *Алексѣй*, служилъ въ кирасирахъ, былъ мужчина рослый, стройный и мужественный. Будучи маіоромъ, онъ въ Москвѣ познакомился съ аристократическимъ домомъ Семена Муравьева, вскружилъ голову дочери его, и когда папаша не хотѣлъ отдать ея руки безъизвѣстному и бѣдному дворянчику, онъ выкралъ ее и обвѣнчался; она лѣтами была гораздо старше его и вдобавокъ невзрачна лицомъ; этотъ союзъ Богъ не благословилъ. Другой дядя, *Сергѣй*, въ послѣднее время службы своей находился плацъ-маіоромъ въ г. Гродно, вышелъ потомъ въ отставку подполковникомъ и привезъ съ собою въ имѣніе пожилую Литвянку въ качествѣ своей жены; въ отечественную съ французами 1812 года войну, командуя въ ополченіи полкомъ, тамъ и умеръ. Третій дядя, *Андрей*, оставилъ службу маіоромъ и умеръ городничимъ г. Крапивны Тульской губ.; онъ былъ женатъ на дѣвицѣ порядочнаго дома тамошнихъ помѣщиковъ Сытиныхъ и оставилъ послѣ себя одного сына и двухъ дочерей.—Четвертый дядя, *Капитонъ*, въ штабсъ-капитанскомъ чинѣ убитъ въ войнѣ съ горскими народами. Пятый и послѣдній, *Александръ*, служилъ на кавказкой линіи; Богъ знаетъ зачѣмъ, вышелъ въ отставку капитаномъ и померъ въ доставшемся на часть ему бѣдномъ наслѣдственномъ имѣньицѣ. Тетки мои, *Лукерія* и *Надежда*, оставшіяся послѣ матери своей уже взрослыми дѣвами, въ бракъ не вступали, жили въ качествѣ высокоблагородныхъ компаніонокъ или проживалокъ въ разныхъ помѣщичьихъ домахъ и давно уже почіютъ въ мирѣ.

Итакъ, отецъ мой, какъ выше я сказалъ, служилъ капитаномъ, женился на моей матери, бѣдной купеческой дочери, и послѣ смерти своего отца, а моего дѣда, вышелъ въ отставку, управлялъ нераздѣльнымъ съ братьями имѣніемъ, былъ дворянскимъ Засѣдателемъ, потомъ виннымъ Приставомъ въ г. Зарайскѣ и, будучи пораженъ параличемъ, удалился на покой въ деревню, но здѣсь отъ повторительнаго удара скоропостижно скончался и похороненъ въ селѣ Богрaмовѣ Рязанскаго уѣзда.—Отецъ мой былъ человѣкъ строгій и уважаемый отъ всѣхъ своихъ братьевъ и знакомыхъ; большой хлѣбосолъ и любилъ повеселиться. Мать моя, вышедшая замужъ 15 лѣтъ, была кроткаго и тихаго нрава, ласкова, обходительна, набожна и не получила никакого образованія, но имѣла много природнаго ума; она съ молодости была очень хороша собою и это то было причиною, что отецъ мой женился на ней.

Въ продолженіи своего замужества мать моя произвела на свѣтъ Божій девятнадцать человѣкъ дѣтей, изъ коихъ только *двойняжки* были женскаго пола, но послѣ смерти отца осталось насъ только пять братьевъ.

Владиміръ—служилъ въ Копорскомъ пѣхотномъ полку, гдѣ своячe-

ница полкового командира полковника Юніуса, дѣва непригожая и переспѣлая, влюбилась въ красиваго офицера и какъ онъ не поддавался и не раздѣлялъ чувствъ этой барышни, то прибѣгли къ нехитрому средству, именно, — къ опьяненію: и въ этомъ, возбужденномъ винными парами, состояніи, заставили брата объясниться и просить руки; разумѣется ему не отказали, и такимъ образомъ онъ женился съ приданымъ въ 60 душъ крестьянъ, оставилъ службу капитаномъ, былъ исправникомъ Рыбинскаго уѣзда Ярославской губерніи не безъ пользы для своихъ интересовъ, какъ это сплошъ да рядомъ дѣлалось въ цѣлой Россіи, и умеръ бездѣтнымъ 1840 года.

Николай, — личность даровитая, но самолюбивая, раздражительная и горячая. — Онъ былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ въ Рязанской Гимназіи и выпущенъ изъ 1 го кадетскаго корпуса въ пѣшую артиллерію подпоручикомъ. — Не долго же однако онъ оставался въ артиллеріи; по непріятностямъ съ своимъ батарейнымъ командиромъ едва не попался подъ судъ и долженъ былъ выйдти въ отставку; потомъ по моему совѣту опредѣлился капитаномъ въ 13-й егерскій полкъ, въ которомъ и я числился по спискамъ. Онъ любилъ боевую жизнь и нетерпѣлъ мирныхъ монотонныхъ фронтовыхъ занятій. — Во время войны съ турками 1828 года, при осадѣ Варны, онъ героемъ показалъ себя при слѣдующемъ подвигѣ. Въ 1-мъ Варнскомъ бастіонѣ сдѣлана была довольно уже порядочная брешь; наши хотѣли узнать, что дѣлается за этимъ бастіономъ, и нѣтъ ли тамъ какихъ либо укрѣпленій или даже мины; для сего назначена была экспедиція 110 человѣкъ охотниковъ изъ 13 и 14 егерскихъ полковъ и 40 матросовъ подъ командою моего брата и сверхъ того въ резервъ роты 2-й гренадерскаго Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка и 1-й карабинерная 13-го егерскаго. — 25 Сентября на разсвѣтѣ, охотники и матросы въ величайшей тишинѣ вползли къ самой верхушкѣ вала и по данному братомъ сигналу, — ура! бросились чрезъ валъ. Началась рѣзня; турки не устояли, обратили тылъ; наши гнали ихъ въ городъ, выкалывали изъ домовъ, зажигали оные и работали на славу. Наконецъ турки образумились и собрались въ большія толпы; храбрецы отступили къ своему резерву и общими силами думали удержать за собою бастіонъ, но стремленіе турокъ такъ было яростно и несоразмѣрность въ силахъ велика, что наши, послѣ двухъ часовой защиты бастіона, должны были отступить въ свои траншеи. Турки, напуганные храбростію этой горсти людей, въ тотъ же день выслали переговорщика и на другой день крѣпость сдалась. За этотъ-то подвигъ братъ получилъ Георгіевскій крестъ, который навѣсилъ на него самъ лично командовавшій всѣми войсками при Варнѣ Графъ Воронцовъ, сказавъ дивизіонному начальнику: *„какъ къ нему пристало крестъ“*, — а дивизіонный начальникъ добавилъ: *„что и гвардейскія петлицы*

также ему будутъ къ лицу",—давая симъ разумѣть, что братъ назначенъ къ переводу въ Лейбъ-Гвардіи егерскій полкъ.—При описанномъ нападеніи братъ былъ раненъ, но особенно получилъ сильный ударъ въ бокъ камнемъ, отъ коего страдалъ до самой смерти. Чрезъ свой подвигъ братъ сдѣлался извѣстнымъ Государю Императору и Великому Князю Михаилу Павловичу. Въ 1829 году онъ, въ числѣ прочихъ офицеровъ, былъ переведенъ въ Гвардейскій егерскій полкъ, но, по антипатіи къ мирной шагистикѣ, въ 1832 году перепросился состоять по арміи въ чинѣ полковника и удалился къ матери въ деревню, ожидая обѣщаннаго ему комендантскаго мѣста, получивъ предъ удаленіемъ своимъ отъ Императора аренду на 12 лѣтъ по 900 руб. сереб. въ годъ и дозволеніе имѣть при себѣ деньщиковъ.—Не задолго до выѣзда своего изъ Петербурга, въ концѣ Августа или или въ началѣ Сентября, какимъ то романическимъ и тайнымъ образомъ женился тамъ на одной бѣдной дѣвушкѣ, дочери умершаго штабъ-лѣкаря, а чрезъ пять мѣсяцевъ 16 Февраля 1833 года былъ уже въ гробѣ и погребенъ въ Рязанскомъ Спасскомъ монастырѣ.

Василій, писецъ сихъ воспоминаній.

Александръ.—Послѣдняя его служба, была въ Новгородскомъ военномъ поселеніи, гдѣ при извѣстномъ бунтѣ 1831 года чудеснымъ образомъ спасся отъ рукъ убійцъ. Послѣ того, командуя ротою въ чинѣ штабсъ-капитана, за то, что слишкомъ горячо вступился предъ баталіоннымъ командиромъ за своего офицера и крѣпко съ нимъ посчитался, попалъ подъ военный судъ, но конфирмаціею Великаго Князя Михаила Павловича былъ оправданъ, бросилъ службу, два раза надѣвалъ на себя брачное ярмо и скоропостижно скончался, оставивъ послѣ себя жену изъ фамиліи Ляпуновыхъ и четырехъ отъ обоихъ браковъ дѣтей.

Капитонъ,—19-ти лѣтній юноша и любимецъ матери.—Служилъ вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ въ 13-мъ егерскомъ полку подпоручикомъ въ званіи полковаго адъютанта; 1828 года, при взятіи Анапы, былъ раненъ въ ляжку на вылетъ пулею, а 8-го Августа, при осадѣ Варны ядро поразило его въ животъ и юноша палъ бездыханенъ, не страдая ни одной секунды, и похороненъ на берегу моря въ тѣни миндальныхъ и черешневыхъ деревъ, безъ креста на могилѣ, изъ опасенія, чтобы турки въ послѣдствіи не поругались и надъ символомъ нашего спасенія и надъ прахомъ убіеннаго.

Мать моя, набожная старушка, узнавъ о смерти своего любимца, сотворила знаменіе креста и съ упованіемъ на милосердіе Господа сказала: *„буди Его воля святая"*.

Послѣ смерти отца моего отсутствовавшіе его братья оставляли по-

койно мать мою управлять нераздѣльнымъ имѣніемъ и пользоваться бѣдными доходами; но пріѣхалъ вышедшій въ отставку милѣйшій дядюшка Сергѣй съ милѣйшей тетушкой литвинкою и вступилъ въ управленіе; началъ съ того, что мать мою безъ церемоніи выпроводилъ изъ четырехкомнатнаго домишка на чердакъ, гдѣ она жила все лѣто, пока не слѣпилъ для нея малую, темную и холодную на курьихъ ножкахъ избенку, въ которую она и перебралась съ меньшимъ моимъ братомъ Капитономъ, коему тогда было около 3-хъ лѣтъ. Этотъ достопочтѣннѣйшій дядюшка, особенно дражайшая его половина, заставляли мать мою терпѣть во всемъ нужду; она должна была выпрашивать или покупать для себя хлѣбъ; крестьянки свои и чужія приносили яйца, творогъ, молоко, крупу и т. п., не требуя никакой платы.—Единому только Богу извѣстно, что она перенесла и какому униженію подвергалась отъ этихъ нѣжныхъ родственниковъ въ продолженіи около трехлѣтняго ихъ пребыванія въ селѣ Васильевѣ. Она плакала, молилась и Богъ услышалъ голосъ безпомощной, угнетенной вдовы и явилъ ей милость. Дядья раздѣлились и на нашу долю досталось до 10 душъ крестьянъ и упомянутый домишко и мать вступила въ полное управленіе, не терпя уже голода и холода. Но болѣзнь угнетала ее; она страдала каменною болѣзнію и, живя въ деревнѣ, не имѣла средствъ прибѣгнуть къ медицинскимъ пособіямъ; наконецъ 14 Декабря 1833 предала душу свою Богу и похоронена въ селѣ Стабникахъ, принадлежащемъ Князю Волконскому, имѣя отъ роду 60 лѣтъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ мою добрую мать въ Январѣ 1832 г. и пробылъ у нея около полуторы недѣли вмѣстѣ съ милымъ братомъ Николаемъ. При возвращеніи моемъ въ 1833 году съ Кавказскихъ минеральныхъ водъ въ Варшаву, я могъ и долженъ былъ заѣхать къ ней, чтобы утѣшить ее въ потерѣ сына ея Николая, умершаго въ Февралѣ мѣсяцѣ и въ послѣдній разъ при наступившей потомъ чрезъ два мѣсяца ея кончинѣ проститься съ нею и получить материнское благословеніе; но сего я не исполнилъ по черствости моего сердца и недостаточности сыновней любви, и потому каждый разъ, когда вспоминаю я, чувствую болѣзненные упреки моей совѣсти и живѣйшее раскаяніе и молю Бога и мать мою отпустить тяжкое мое прегрѣшеніе.

Я сперва обучался въ Зарайскомъ уѣздномъ двуклассномъ училищѣ, въ которомъ оба учителя были врагами, безпрерывно между собою грызлись и даже дрались, не стѣсняясь присутствіемъ учениковъ; этому примѣру слѣдовали и сварливыя ихъ жены. Въ Зарайскѣ я чуть было разъ не утонулъ, купаясь въ рѣкѣ Осетрѣ. Потомъ, когда мать моя съ больнымъ моимъ отцемъ переселилась въ деревню, меня помѣстили въ Рязанское Уѣздное училище, гдѣ я былъ довольно из-

рядным ученикомъ и при экзаменахъ получалъ похвальные книги и листы. Я помѣщался въ самой бѣдной и холодной каморкѣ, но содержаніе меня было не посиламъ матери моей и я по милости добрыхъ людей принятъ въ заведеніе, содержимое дворянствомъ для бѣдныхъ ихъ собратій.

Юные недоросли помѣщались въ просторныхъ 4-хъ комнатахъ нижняго этажа дворянскаго каменнаго дома, а въ верхнемъ зимою бывали танцовальныя собранія и рекрутскіе наборы. Домъ находился на выѣздѣ, близъ заставы, обставленъ былъ двумя острогами; въ 300 шагахъ театръ, и въ верстѣ — гимназія. Жизнь наша въ этомъ дворянскомъ заведеніи не представляла ничего замѣчательнаго; всѣ мы одѣты были одинаково: зеленые мундиры въ родѣ куртокъ съ сѣрыми крестьянскаго сукна панталонами, сѣрые такого же сукна шинели и фуражки въ видѣ колпаковъ съ кисточкою на верху; тюфяки и подушки, набитыя соломою. Обѣдъ и ужинъ нашъ состоялъ изъ щей съ мясомъ и каши, завтракъ изъ куска всегда мягкаго, ржаного хлѣба, квасу, сколько душѣ угодно; по воскресеньямъ давали по куску пирога, словомъ,—пища была не прихотливая, но свѣжая и насыщавшая. Заведеніе имѣло директора, котораго однако же мы никогда не видали; надзиралъ за нами и кормилъ насъ престарѣлый отставной сержантъ съ помощію двухъ служителей; избранные и бывшіе у него въ милости, за привозимые изъ деревень гостинцы: муку, масло, яицы и т. п.— допускались въ театръ за кулисы, смотрѣли за исправностію освѣщенія, зажигали предъ пріѣздомъ публики и тушили по окончаніи спектакля сальныя освѣтительныя свѣчи, прятали воровски въ карманы огарки и отправлялись домой веселыми и довольными. За шалости иногда сѣкли насъ розгами, но чаще суровый надзиратель дарилъ оплеухами и любилъ въ особенности драть за уши. За чистоплотностію не гонялись; бани мы не знали,—лѣтомъ водили купаться въ р. Трубежъ.—Долженъ сказать, что за время четырехлѣтняго моего пребыванія въ этой дворянской бурсѣ у насъ не было ни одного умершаго, хотя были больные, особенно чесоткою, и вовсе не было ни лѣкаря, ни лекарствъ.—На Рождество, Свѣтлое Воскресеніе и на мѣстный праздникъ Св. Троицы я ѣздилъ къ матери въ деревню, или она присылала мнѣ съѣдобное и я былъ счастливъ, не помышляя о будущемъ; но когда бывало добрая моя мать дарила меня двугривеннымъ,—о! тогда не было предѣла моей радости. Самое отрадное время было тогда, когда насъ распускали на лѣтнюю вакацію и я въ деревнѣ ходилъ и бѣгалъ за ягодами, грибами, орѣхами, удилъ рыбу, бывалъ на сѣнокосахъ, на жатвѣ хлѣба и, всегда и вездѣ босикомъ, для сбереженія дворянскихъ сапоговъ.—Въ праздники Пасхи и Св. Троицы видѣлъ, какъ преподобный отецъ Іаковъ и дьячекъ Іосифъ, и съ супружницами, послѣ Богослуженія, поставивъ кресты и иконы въ передній

уголъ комнаты моей матери, ею угощались, упивались, тянули пѣсни и пускались въ плясъ.

Отъ лѣтъ моей ученической юности осталось въ моей памяти слѣдующее. 1) Находясь еще въ 1-мъ классѣ Рязанскаго уѣзднаго училища, одинъ разъ учитель задалъ мнѣ урокъ граматически разобрать и объяснить части рѣчи какого то періода. На другой день я представилъ мою работу, которую учитель нашелъ глупою и безсмысленною и началъ меня бранить. Желая вывернуться, я свалилъ на невиннаго моего брата Николая, который въ то время былъ уже въ послѣднемъ классѣ гимназіи и слѣдовательно не могъ надѣлать столь грубыхъ ошибокъ. Дали мнѣ очную ставку съ братомъ и обнаружилось, что я его оклеветалъ и за то мой педагогъ задалъ мнѣ достаточно внушительную порку, которая была первая и послѣдняя въ моей жизни. 2) будучи еще въ гимназіи, я встрѣтилъ на улицѣ учителя латинскаго языка, иностранца Линка, и сталъ его дразнить тѣми физическими недостатками, которые онъ имѣлъ въ произношеніи, давая намъ уроки; за это онъ больно меня поколотилъ. 3) къ хозяевамъ, у коихъ я жилъ, хаживала не то мѣщанка, не то купчиха въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и красавица; она имѣла связь съ однимъ учителемъ семинаріи и, замѣтивъ мою къ ней склонность, воспользовалась ею и выбрала меня своимъ Меркуріемъ для передачи любовныхъ ихъ другъ къ другу посланій. 4) разъ, пріѣхавши въ деревню къ матери моей на Рождество, вечеромъ я вышелъ къ ребятишкамъ на улицу и сталъ дразнить собакъ въ одномъ крестьянскомъ дворѣ; хозяинъ, рыжій мужичина, выскочивъ съ хворостиною, порядочно отстегалъ меня и я возвратился домой со стыдомъ и слезами. 5) разъ, купаясь въ р. Трурежѣ, я крѣпко зашибъ о камень колѣно и меня отнесли домой на рукахъ; дали о томъ знать моей по матери бабушкѣ; она немедленно явилась, употребивъ дешовое и вульгарное лѣкарство, именно *урину*, которою приказала тереть колѣно, и на третій день боль и опухоль совершенно изчезли и я сталъ на ноги.

Эта богомольная и набожная старушка, моя бабушка, не разставалась съ четками, творила молитвы, сидя, ходя и лежа, и нехотѣла жить у своей дочери въ деревнѣ потому, что тамъ не было церкви, а проживала въ Рязани въ семействѣ знакомаго секретаря Семенова.

Мало по малу и пополамъ съ грѣхомъ, промаршировалъ я чрезъ всѣ классы уѣзднаго училища и гимназіи, и готовъ былъ шагнуть въ послѣдній 4-й классъ, какъ забитъ былъ отбой и я, имѣя уже поднятую ногу навѣсу, остановился, что бы изъ неуча юноши преобразиться по волѣ судьбы въ неуча солдата

Послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи правительство въ 1813 г. потребовало въ Дворянскій полкъ недорослей, 16 лѣтнихъ дворянъ;

въ то время мнѣ было только 15 лѣтъ, но мать моя успѣла сдѣлать такъ, что мнѣ надбавили лишній годъ и показали 16-ти лѣтнимъ, и я вмѣстѣ съ 15-ю товарищами изъ дворянскаго заведенія отправленъ въ тотъ полкъ въ С.-Петербургъ.— Мать моя оплакала меня, благословила маленькимъ образкомъ патрона моего отца, Св. Авраамія и всунула въ карманъ весь свой наличный капиталъ 5 р. ассигн. Надобно сознаться, что въ то время ученическія мои знанія, почерпнутыя въ гимназіи, весьма были ограничены, хотя я вышелъ уже изъ 3-го класса и мнѣ бы должно было болѣе знать; въ оправданіе свое замѣчу, что въ гимназіи обученіе происходило крайне небрежно и ни кто не обращалъ вниманія ни на успѣхи и поведеніе учениковъ, ни на педагогическія способности учителей. Директоромъ гимназіи былъ прокуроръ, весьма рѣдко классы посѣщавшій; у насъ не было даже учителя Закона Божія.

Мы ѣхали на вольнонаемныхъ; сопровождавшій насъ дворянинъ Мисюревъ честно кормилъ свою нестроевую команду и иногда лакомилъ ее даже сбитнемъ.

Москву мы видѣли разрушенною и изпепеленною пожаромъ 1812 г. Наконецъ, по сквернѣйшей въ мірѣ дорогѣ мы доволоклись до Петербурга и явились въ полковую канцелярію, гдѣ послѣ 3-хъ дней ожиданія были распредѣлены по ротамъ и поступили тамъ въ разрядъ *новичковъ*.

Въ то время дворянскій полкъ состоялъ изъ двухъ баталіоновъ и одного дворянскаго кавалерійскаго эскадрона и былъ, такъ сказать, приткнутъ ко 2-му кадетскому корпусу подъ дирекціею стараго Клейнмихеля, котораго мы знали только по наслышкѣ.— Полкъ не имѣлъ собственнаго полкового командира, какъ мы теперь разумѣемъ, но были баталліонные, въ родѣ *почетныхъ*, Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка полковники: въ 1-мъ баталіонѣ Голтгоеръ и во 2-мъ Энгельгардтъ, *и настоящіе* полковники же: въ 1-мъ Брайко и во 2-мъ Вилькенъ, а кавалерійскаго эскадрона полковникъ Линденеръ.

Каждый баталіонъ дѣлился на роты, которыя имѣли, какъ и нынѣ, ротныхъ начальниковъ, фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ дворянъ. По малому росту, я попалъ въ 5-ю роту къ подпоручику Богдановичу.—Намъ не преподавали никакихъ наукъ; единственнымъ нашимъ занятіемъ были шагистика и ружейная экзерциція; это называлось у насъ службою; въ свободное же отъ этой немудреной, но располагающей къ тупоумію, службы, воспитанники или чистили ружья, или чинили свои мундиры и штаны (шинелей не было), а чаще всего слонялись изъ одной каморы въ другую; по барабану утромъ мы просыпались, умывались, одѣвались, оправляли кровати, выстраивались для молитвы и фельдфебельскаго осмотра нашей одежды и чистоты рукъ

(намъ мыла не давалось), завтракали кускомъ ржанаго хлѣба и принимались выдѣлывать служебную муштру; по барабану шли въ ногу обѣдать и ужинать; по барабану по насыщеніи вставали отъ стола и по командѣ дежурнаго офицера оставляли обѣденную залу и отправлялись въ свои камеры и, наконецъ, по тому же барабану творили молитву на сонъ грядущій, разоблачались, складывая по формѣ одежду на табуреты, чистили уродливыя краги къ штанамъ и сапоги, выставляли послѣдніе предъ кроватью въ линейку и ложились спать. Огромная обѣденная зала принадлежала къ зданію собственно 2-го кадетскаго корпуса и служила, какъ для кадетъ, такъ и для воспитанниковъ дворянскаго полка и эскадрона; первые прежде насъ ходили къ столу; съ ними мы не имѣли рѣшительно никакихъ сношеній и ни гдѣ не встрѣчались; кадетскій корпусъ и дворянскій полкъ—это были совершенно различныя учрежденія; въ стѣнахъ перваго преподавалась наука, въ стѣнахъ послѣдняго ни какой науки, кромѣ ружейныхъ пріемовъ на 12 темповъ, и забывалось то, что знали воспитанники до вступленія въ полкъ; одно было общее,—это кормленіе, пища. Толстѣйшій, боченкообразный корпусный экономъ Перфилка, закупатель съѣстныхъ снадобій, кормилъ очень удовлетворительно и по утвержденной программѣ; безъ сомнѣнія, болѣе половины бѣдныхъ воспитанниковъ полка (въ томъ числѣ и я), будучи дома, не имѣли подобнаго стола; два раза въ недѣлю насъ лакомили даже пирожнымъ; мы ѣли серебряными ложками, пили квасъ изъ серебряныхъ стопъ, и прислуживали намъ за столомъ инвалиды; инвалиды же служили и при камерахъ; они ежедневно, когда дворяне еще спали, натирали по посыпанному песку кирпичемъ полы и въ извѣстное время перемѣняли солому въ тюфякахъ и подушкахъ. За то мы не имѣли ни церкви, ни священника и не исполняли ни какихъ религіозно-христіанскихъ обязанностей, оставаясь совершенно во тьмѣ по душеспасительной части; у насъ такъ же не было ни бани, ни лѣтнихъ купаній и потому тѣлеса наши пребывали въ нечистотѣ и грязноватости.

Спустя годъ меня перевели въ гренадерскую роту, откуда дворяне выпускались въ армію офицерами; въ этой ротѣ ко мнѣ былъ расположенъ фельдфебель Харкевичъ, который помѣстилъ меня въ свою камеру и поручилъ доходную должность—пріемщика и раздатчика дворянамъ на завтракъ ржаного хлѣба. Отъ раздачи у меня постоянно оставалось до 10-ти порцій и я дарилъ ихъ моимъ товарищамъ, а чаще промѣнивалъ въ лавочкѣ на тюрю или окрошку, составленную изъ кваса и капусты; другіе лакомились сбитнемъ съ булками, но у меня не было денегъ для такой роскоши.

Наконецъ, назначенъ былъ выпускъ въ офицеры и я обрадовался, расчитывая навѣрное, что попаду въ разрядъ счастливыхъ смертныхъ, но, увы! обманулся: по малорослости я былъ забракованъ и оставленъ

до слѣдующаго выпуска, а въ утѣшеніе назначили меня прямо фельдфебелемъ въ прежнюю мою 5-ю роту. Погоревавши и поплакавши, я перебрался опять въ знакомую мнѣ роту и вступилъ въ исправленіе новой должности, украшенный золотыми галунами на мундирѣ. Въ это время ротнымъ начальникомъ былъ уже другой, именно штабсъ-капитанъ Вилькъ, прозванный „козломъ“.

Фельдфебель въ дворянскомъ полку тогда былъ лицо самостоятельное; въ ротѣ его боялись болѣе чѣмъ ротнаго командира, потому что онъ жилъ съ дворянами; имѣлъ надъ ними надзоръ и полную власть, а ротный начальникъ, находясь на квартирѣ, рѣдко заглядывалъ въ роту и заботился только о томъ, чтобы имѣть по болѣе такъ называемыхъ пенсіонеровъ, т. е. дворянъ изъ новичковъ, которые бы платили ему деньги за покровительство и за переводъ въ гренадерскую роту; эти пенсіонеры жили вмѣстѣ съ дворянами и содержались какъ и всѣ прочіе. Подобныхъ пенсіонеровъ имѣли и сами баталіонные командиры, получая за нихъ уже большую сумму. Такъ и въ Дворянскомъ полку, богатые имѣли преимущество предъ бѣдными и выпускались въ офицеры скорѣе, чѣмъ другіе.

Я былъ строгъ и суровъ, каждое утро и вечеръ я обходилъ камеры, осматривалъ оружіе и самихъ дворянъ, которыхъ состояло въ ротѣ до 200 чел. и за неисправности наказывалъ: ставилъ на колѣни, подъ ружья, заставлялъ тереть полъ кирпичемъ, оставлялъ безъ обѣда или безъ ужина, а иногда доставалось даже и ушамъ; камерные унтеръ-офицеры каждое утро и вечеръ мнѣ рапортовали; меня боялись даже и тѣ, кои ростомъ были выше, а лѣтами старше меня; за то рота моя была исправна и не дѣлала значительныхъ шалостей.— Я твердо зналъ строевую службу и безошибочно командовалъ на ученіяхъ; ротный и баталіонный командиры ко мнѣ были расположены, а первый при выпускѣ подарилъ мнѣ на память записную книжку или портфель, разумѣется безъ *приложенія*. Фельдфебели каждый вечеръ ходили къ баталіонному командиру полковнику Вилькену съ словеснымъ рапортомъ о благосостояніи ротъ. Они имѣли такое же кушанье, какъ и прочіе дворяне, но по благосклонности эконома Перфилки подавалась имъ двойная порція.— Мнѣ, какъ фельдфебелю, жившіе со мною въ камерѣ дворяне чистили мое ружье, платье, сапоги и краги охотно и непринужденно.

Лѣтомъ въ половинѣ Іюня 1814 года оба баталіона выступили въ лагерь въ Стрѣльну; Цесаревичъ Константинъ едва не каждый день пріѣзжалъ къ намъ съ неизмѣннымъ своимъ спутникомъ генераломъ Олсуфьевымъ, производилъ ученье и часто показывалъ насъ иностранцамъ; во фрунтѣ я командовалъ баталіономъ и, Великій Князь, когда бывало проходили мимо него церемоніальнымъ маршемъ, почти всегда,

обращаясь къ окружавшимъ его, кричалъ хриплымъ своимъ голосомъ указывая на меня: „*черный дьяволенокъ,—а? каково?*“. За всѣмъ тѣмъ, однако же разъ Его Высочество, бывъ на ученьи въ худомъ расположеніи духа, когда баталіонъ шелъ линіею, а я маршировалъ впереди баталіона въ 8 шагахъ отъ него, ему причудилось, что я не высоко поднималъ ногу и потому, подбѣжавъ ко мнѣ, съ великимъ гнѣвомъ закричалъ: „*черный чертъ, выше ногу, выше, выше, выше!*“, и съ каждымъ словомъ „выше“ наносилъ ударъ по моимъ бѣднымъ икрамъ привѣшенною къ бедру своею шпагою, и такимъ образомъ, вполнѣ неповинно, я удостоился получить изъ Августѣйшихъ Его рукъ до 8 ударовъ, безъ права именоваться рыцаремъ.—Въ другой разъ, Цесаревичъ, тоже будучи не въ своей тарелкѣ, за ничтожныя на ученьи ошибки, всѣхъ взводныхъ и баталіонныхъ командировъ (въ томъ числѣ и меня) оставилъ на плацу жариться на солнцѣ цѣлый день съ непокрытыми головами, разставивъ насъ по всему плацу на разныхъ пунктахъ и сверхъ того споролъ галуны и смѣстилъ въ рядовые, но спустя нѣсколько дней, умилостивился и возвратилъ чины, а съ ними и галуны. Во время же нахожденія полка въ Стрѣльнѣ случился такой казусъ: отъ стоявшихъ жаровъ, или отъ чего—другого начала тлѣть мглистая почва, на которой вблизи Стрѣльны росъ сосновый лѣсъ. Нежданно негаданно прибылъ къ полку Великій Князь, приказалъ бить тревогу и, когда полкъ выстроился, повелъ его на пожарище, и мы одною силою нашихъ ногъ потушили огонь.

Наконецъ, въ Маѣ 1815 года произведенъ выпускъ въ офицеры и я былъ назначенъ въ резервный баталіонъ 27-го егерскаго полка; тогда дѣйствовавшая армія вся была въ движеніи къ Парижу, по случаю бѣгства Наполеона съ острова Эльбы. Насъ обмундировали на казенный счетъ, т. е. сшили каждому изъ темно-зеленаго сукна мундиры съ панталонами, сѣраго сукна шинели, ботфорты, дали безобразный киверъ съ нитяными кутасами, нитяный шарфъ, шпаженку съ серебрянымъ темлякомъ и мишурные эполеты; всѣ эти вещи были менѣе чѣмъ посредственны; кто имѣлъ средства, тотъ обмундировался получше, а у меня не было мѣднаго гроша и я остался при казенныхъ, радуясь своему офицерству не менѣе другихъ. По обмундированіи я долженъ былъ явиться въ канцелярію за прогонами, какъ вдругъ получено было предписаніе отъ Цесаревича Константина изъ Варшавы, что бы на мѣсто переведенныхъ имъ изъ дѣйствующихъ баталіоновъ 13-го егерскаго полка 5-ти офицеровъ въ Волынскій гвардейскій полкъ, назначено было такое же число лучшихъ изъ выпускныхъ офицеровъ; я, какъ бывшій фельдфебелемъ, попалъ въ число 5-ти и вмѣсто 27-го меня уже переназначили въ 13 егерскій полкъ. Насъ было всего 10 человѣкъ и всѣ мы отправились на почтовыхъ въ Варшаву; изъ этихъ нововыпущенныхъ офицеровъ,—5-ть, кои при

самомъ выпускѣ назначены были въ резервный баталіонъ 13-го егерскаго полка, должны были остаться въ резервѣ, а остальные 5-ть вмѣсто выбранныхъ въ гвардію, должны были ѣхать въ дѣйствующіе баталіоны того же полка во Францію.—Прибывъ въ Варшаву, насъ тотъ часъ употребили на службу; меня нарядили въ караулъ на главную гауптвахту Краковскаго предмѣстья; въ тотъ же день былъ присланъ Великимъ Княземъ подъ арестъ одинъ драгунскій поручикъ; онъ выпросился у меня въ трактиръ пообѣдать, обѣщаясь немедленно возвратиться, и я, по глупости повѣривъ его слову, далъ ему позволеніе, а онъ не только въ тотъ день, но даже на другой не заблагоразсудилъ явиться на гауптвахту и меня Его Высочество, за отпускъ арестанта, приказалъ выдержать подъ арестомъ цѣлые сутки. Это было первое мое наказаніе по службѣ и я проклиналъ безчестнаго драгуна, меня обманувшаго.

Мы 5-ть человѣкъ съ нетерпѣніемъ ожидали отправленія нашего за границу и только чрезъ двѣ недѣли по прибытіи нашемъ въ Варшаву потребованы въ главный штабъ Цесаревича; но баталіонный командиръ подполковникъ Бабичевъ, вмѣсто меня назначилъ другого, желавшаго побывать за границею; я кланялся Его Высокоблагородію и убѣдительно доказывалъ его неосновательность, онъ и слышать не хотѣлъ моихъ убѣжденій и я волею—не волею покорился своей участи. Когда назначенные за границу офицеры явились въ штабъ за бумагами и прогонами, то начальникъ штаба генералъ Курута началъ повѣрять по списку, присланному изъ дворянскаго полка, и, не видя между явившимися меня, объявилъ, что я долженъ быть отправленъ, а не другой кто и вслѣдствіе сего меня немедленно потребовали въ штабъ, куда я явился, бывъ отъ сего въ восторгѣ.— Мы получили отправленіе и примѣрно прогоны, представились въ Брюлевскомъ Дворцѣ къ Цесаревичу, который осмотрѣлъ насъ съ головы до пятокъ,—при чемъ милостиво соизволилъ ущипнуть меня за щеку, и на другой день мы катили уже во Францію на двухъ огромныхъ форшпанахъ.—Изъ всѣхъ насъ, ни кто и ни какого не зналъ иностраннаго языка, но мы чрезъ Бреславль, Дрезденъ, Лейпцигъ, Майнцъ, Нанси и Бар-ле-дюкъ, съ Божіею помощію благополучно достигли въ Іюлѣ мѣсяцѣ до м. Нанжиса, гдѣ была полковая штабъ-квартира 13-го егерскаго полка.

Въ продолженіи нашей длинной дороги, я едва не умеръ отъ того, что на отведенной намъ у одного француза квартирѣ, съѣвъ двѣ дыни и напившись воды, впалъ въ совершенное безпамятство и въ такомъ безсознательномъ состояніи везли меня три дня; съ того времени я не только не могъ ѣсть дынь, но даже и по нынѣ чувствую тошноту отъ одного ея запаха. Другое произшествіе со мною тоже подвергало меня опасности: въ одномъ французскомъ селеніи мы остановились

бѣдать; намъ отвели квартиры и мнѣ съ однимъ изъ товарищей дали хозяина кривого и безобразнаго, съ отталкивающею физіономіею; но этотъ уродъ имѣлъ у себя уже взрослую привлекательную дочь; послѣ обѣда я вздумалъ полюбезничать съ нею; не зная ни одного слова по французски; красавица отправлялась въ садъ, я за нею; въ саду былъ погребъ,— она туда, я за нею, но сдѣсь и кончилась моя погоня; эта жестокая, увернувшись отъ меня, затворила двери и я остался въ темнотѣ, сильно испуганный. Форшпанки были уже готовы, надобно было ѣхать, а я не являлся, пропалъ; стали спрашивать кривого циклопа, призвали деревенскаго старшину, а меня нѣтъ какъ нѣтъ; пошли въ садъ и только тамъ услышали отчаянный мой крикъ и освободили изъ западни, а сельская нимфа скрылась. За мою легкомысленность я могъ бы дорого поплатиться; тогда французы иноземцевъ, какъ незванныхъ гостей, били и рѣзали при всѣхъ удобныхъ случаяхъ.

И такъ мы прибыли въ Нанжисъ, явились къ полковому командиру, полковнику Маевскому, и распредѣлены по ротамъ. Я попалъ въ 3-ю егерскую роту, которою командовалъ поступившій изъ Сибирскихъ гарнизоновъ тамошній урожденецъ изъ солдатскихъ дѣтей поручикъ Михайловъ,— офицеръ уже пожилой, но честный, трезвый и строгій, а баталіоннымъ начальникомъ былъ подполковникъ Ходаковскій, добродушно-хитрый хохолъ, любившій малороссійскій борщъ съ саломъ и на ученьяхъ всегда предварявшій въ голосъ, что бы *слухали* его *ушима* и *бачили очима*.

Въ то время всей русской арміи назначено было собраться къ г. Вертю на смотръ Императора АЛЕКСАНДРА I-го, и нашъ полкъ по нашемъ прибытіи, недѣли чрезъ три, выступилъ на сборное мѣсто. Мѣсяца за два до того полковые офицеры были обмундированы, что называется съ иголочки, щегольски; имъ, какъ и всѣмъ вообще офицерамъ арміи, готовившейся предстать на смотръ Царя и иностранцевъ, пожаловано было, для обновленія своего туалета, каждому по 200 франковъ. А какъ намъ, яко вновь прибывшимъ послѣ окончанія всѣхъ расчетовъ и недавно получившимъ въ дворянскомъ полку новое на счетъ казны даровое обмундированіе, было отказано въ отпускѣ тѣхъ денегъ,— то полковой начальникъ не изволилъ признать эти выставленныя дивизіоннымъ командиромъ, генераломъ Марковымъ, причины уважительными и самопроизвольно возложилъ на полковаго казначея немедленно одѣть насъ подобно прочимъ офицерамъ; что и было исполнено. Изъ отличнаго французскаго сукна были пошиты мундиры и панталоны, всѣ нитяныя вещи замѣнены серебряными, также и эполеты, вмѣсто мишурныхъ, даны серебряно—позлащенные. Но это преображеніе намъ дорого стоило: по аптекарскому счету хапуги—казначея мы цѣлый годъ оставались безъ жалованья, пробиваясь кое какъ.

Прибывъ къ Вертю, полкъ расположился въ шалашахъ. Смотровое мѣсто было отъ насъ верстахъ въ 10 ти сколько могу припомнить, на первомъ смотру арміи присутствовалъ одинъ только Императоръ со своею свитою,—это было родъ репетички; на другомъ же съ Прусскимъ Королемъ, принцами и легіономъ иностранцевъ въ пестрыхъ костюмахъ и разныхъ половъ. Потомъ армія была собрана уже въ другомъ пунктѣ, отслужила въ присутствіи Его Величества напутственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и чрезъ нѣсколько дней, въ первыхъ числахъ Сентября, отправились во свояси, въ православную Россію.

Въ продолженіи всего похода въ Россію,—а это не малый былъ путь,—я шелъ пѣшкомъ при ротѣ, по весьма уважительной причинѣ: не имѣлъ лашади, а купить не было зачто; чемоданишка мой возился съ солдатскими мѣшками, а миніатюрный мой ранецъ,—Богъ знаетъ для чего и до нынѣ существующій въ войскахъ,—красовался на плечахъ пьянчуги моего казеннаго деньщика. Во все пребываніе мое за границею я не бралъ въ ротъ не только водки, но и даже вина и и пива, хотя этихъ напоевъ было вдоволь и даровое на квиртирахъ. За границею же я никакихъ рѣдкостей не видалъ и не осматривалъ; да и не до того было; усталость и утомленіе отъ похода приковывали къ квартирѣ; радъ—радешенекъ, когда, бывало, доберешься до нее.

Нѣмцы кормили насъ сытнѣе и лучше, чѣмъ французы, а постели у первыхъ и по давно были роскошнѣе: пуховикъ подъ тобою, пуховикъ надъ тобою, пуховикъ въ головахъ, пуховикъ въ ногахъ.—Жарко до тошности.

Памятно мнѣ еще одно событіе, которое теперь кажется смѣшнымъ, а тогда было мнѣ не до смѣху. Въ дворянскомъ полку, при обмундированіи, сшиты были и шинели, но безъ подкладки; моя служила мнѣ и сюртукомъ, и шлафрокомъ, и одѣяломъ, и сдѣланная изъ недобротнаго сукна, поистерлась, поиздырявилась и, должна была поступить на деньщика, въ замѣнъ казенной солдатской. Надобно было шить новую для себя шинель, а денегъ нѣтъ; надобно было обратиться къ полковнику Маевскому, такъ какъ казначей въ нихъ мнѣ отказалъ,—а я Маевскаго боялся по его заносчивости и дерзости въ обращеніи; это меня смущало и останавливало лично предстать къ нему съ петиціею о деньгахъ; но послѣ ободренія ротнаго командира и его словъ: „*вѣдь онъ еще не кусается*“,—я рѣшился явиться къ грозному высокоблагородію, не съ простыми опредѣлительными словами: „пожалуйте, дескать, денегъ“,—а съ высокопарною рѣчью, сочиненною и нѣсколько разъ повторенною въ смятенномъ моемъ умѣ; что я исполнилъ на дневкѣ въ Прусскомъ городѣ Кемпенѣ, близъ границы

Царства Польскаго.—Я произнесъ глупо—витіеватую мою рѣчь, и до того спутался и заврался, что Маевскій рѣшительно не понялъ меня и съ раздражительнымъ нетерпѣніемъ спросилъ: „*да чего вы хотите*“?. Когда же узналъ, въ чемъ дѣло, засмѣялся и тотчасъ написалъ казначею о выдачѣ мнѣ въ заимообразъ просимыхъ мною 100 руб. ассиг. Это первое мое личное знакомство съ Маевскимъ и первое съ нимъ личное сношеніе, послѣ мы сошлись близко, даже болѣе чѣмъ близко.....

Послѣ безкровной компаніи и утомительнаго похода, 13-й егерскій полкъ прибылъ на свои кантониръ—квартиры Полтавской губерніи въ Пирятинскій уѣздъ и расположился полковой штабъ въ ничтожномъ городишкѣ Пирятинѣ, а роты въ селеніяхъ по малороссійскимъ казакамъ, какъ болѣе зажиточнымъ и безотвѣтнымъ, чѣмъ крестьяне помѣщиковъ.—Ротный мой начальникъ былъ переведенъ на свою родину въ Сибирскіе гарнизоны, а на мѣсто его назначенъ, произведенный изъ фельдфебелей, подпоручикъ Рядновъ, любившій выпить, погулять и пѣсенки попѣть. Онъ то, по своей благосклонности, мало по малу пріучилъ и меня тянуть стаканами сливянку и вишневку и задавать трепака съ хохлачками; въ раіонѣ роты помѣщиковъ, гдѣ бы я могъ бывать, не находилось, книгъ никакихъ не было,—свободнаго времени отъ ученій было много, опытности никакой, и я не ручаюсь, что бы при руководствѣ такого начальника я не сдѣлался горькою пьяницею, продолжая оставаться съ нимъ, если бы судьба не сжалилась надъ моею молодостію и не вырвала изъ рукъ этого пьянаго гуляки,—перемѣстивъ меня въ другую роту, гдѣ ротный начальникъ былъ лучшаго разбора и въ округѣ которой были помѣщичьи дома, которые я посѣщалъ, научался приличію и обращенію ума разума.

Офицеры въ ротахъ, въ томъ числѣ и я, по скудости жалованья, не могли держать собственнаго стола и даже имѣть стаканъ чаю, а обѣдали и ужинали или у ротныхъ своихъ начальниковъ, когда квартировали на ротныхъ дворахъ, или у своихъ хозяевъ,—казаковъ, къ которымъ приписывалось 3—4 лучшія, зажиточныя казачьи хаты или семейства для кормленія офицера. Надобно сказать, это кормленіе было сытное и вкусное. Вообще стоянка полка въ первые годы нашего квартированія въ Малороссіи, въ этомъ благословенномъ и изобильномъ тогда краѣ, была болѣе чѣмъ хороша для нижнихъ чиновъ: добродушные хохлы не имѣли понятія, что законно и что не законно; съ покорностію исполняли часто прихотливыя требованія солдатъ въ отношеніи пищи. Бывало роты идутъ для содержанія карауловъ въ полковую или дивизіонную квартиры на двѣ и на три недѣли,—за ними тянется вереницею на волахъ длинный обозъ, нагруженный солдатскими ранцами и взятыми отъ хозяевъ на все время отсутствія съѣстными припассами: паляницами, саломъ, крупою, солью и т. п. снѣдью—и никакихъ пререканій, споровъ и жалобъ отъ ка-

законъ на такое грабительство и наши вопіющія злоупотребленія не было; безплатными подводами мы распоряжались какъ собственными.— Уѣздный исправникъ былъ на сторонѣ войскъ; онъ состоялъ на откупу у полковаго командира, слѣдовательно намъ нечего было опасаться и мы съ крестьянами самовольничали, сколько душѣ угодно. Въ послѣдствіи однако же это измѣнилось къ удовольствію жителей и огорченію нашему.

По возвращеніи изъ заграницы полкъ приступилъ къ мирнымъ *боевымъ* занятіямъ, къ мирно-палочной муштрѣ солдатъ; но у насъ не было ни печатныхъ, ни рукописныхъ правилъ рекрутской школы, ротнаго, баталіоннаго и прочихъ ученій, и потому каждый обучалъ по своему крайнему разумѣнію. Инціатива къ соглашенію и однообразному введенію правилъ обученія, какъ и слѣдовало, вышла изъ главнаго штаба арміи. Онъ потребовалъ изъ полковъ команды для составленія учебнаго баталіона. Я какъ болѣе знающій въ наукѣ шагистики, чѣмъ отличался еще въ дворянскомъ полку, въ концѣ 1816 года былъ съ командою на безплатныхъ подводахъ отправленъ въ главную квартиру г. Могилевъ на Днѣпрѣ. Стояла жестокая зима, а я не имѣлъ теплой одежды, и потому въ пути, лежа на подводѣ, прикрывался сѣномъ или соломою, а иногда бралъ у хозяина квартиры кожухъ его и надѣвалъ его на свое грѣшное тѣло.

По прибытіи въ Могилевъ, явился я къ начальнику учебнаго баталіона подполковнику Левенталю. Команду мою размѣстили по обывательскимъ домамъ, по 3 и 4 человѣка въ каждомъ, съ продовольствіемъ отъ хозяина,—меня же впихнули къ сапожнику, съ которымъ и его семействомъ я жилъ въ одной комнатѣ.— Обыватели города были бѣдны, обременены постоемъ и большею частію евреи. Изъ первенствующихъ военныхъ лицъ въ Могилевѣ были: главнокомандующій Князь Барклай де Толли, начальникъ штаба Дибичъ, дежурный генералъ Ольдекопъ и начальникъ артиллеріи хромой Князь Яшвиль. Начались ученья; 6-ть дней въ недѣлю отъ утра до ночи насъ дрессировали, а въ Воскресенье учебное офицерство являлось на выходъ съ поклономъ къ Барклаю. Фигура величественная, внушавшая уваженіе.

Въ Могилевѣ не было у меня ни кормильца—хохла, ни приписныхъ квартиръ; я поступилъ на свое собственное продовольствіе, а въ карманѣ было мало грошей. Я переписывалъ ученья и рукописи продавалъ моимъ товарищамъ и такимъ образомъ на выручаемыя деньги я имѣлъ обѣдъ, состоящій изъ супа съ нѣсколькими картофелинами и фунтомъ мяса. Такъ я роскошничалъ до Великаго поста. Что бы болѣе по экономничать и сберечь копѣйку, а съ другой стороны исполнить долгъ христіанина, я сталъ постничать, и супъ,—всетаки одинъ супъ, варился и приправлялся конопляннымъ масломъ; иногда сострадательная

сапожница давала мнѣ кусокъ пирога или чашку размазни и я благодарилъ и не брезгалъ такими подачками. Эта малопитательная пища, при усиленномъ ежедневномъ на воздухѣ движеніи, крѣпко обезсилила меня и подѣйствовала на мой желудокъ. Къ счастію всѣмъ офицерамъ учебнаго баталіона Всемилостивѣйше пожаловано не въ зачетъ третное жалованье, и я неимѣлъ уже повода голодать, возвратился къ мясному и поправился силами.

Наконецъ учебный баталіонъ былъ выученъ, вышколенъ; всѣмъ преподаны одинаковыя правила фронтовой тактики; раскола не было; словомъ—*воспитаніе* окончено. Дибичъ сдѣлалъ баталіону строгую ревизію и команды, его составлявшія, отправлены въ свои полки для передачи имъ мудрости, почерпнутой въ главной квартирѣ. Левенталь произведенъ въ Полковники, а офицерство удостоилось получить Высочайшее благоволеніе. Тогда скупы были на вещественныя награды, столь щедро и зря нынѣ разбрасываемыя.

По прибытіи моемъ къ полку, тотчасъ изъ всѣхъ ротъ вытребованы были при офицерахъ команды въ полковой штабъ и, какъ патентованному инструктору, поручены мнѣ для обученія. При ежедневныхъ занятіяхъ предъ окнами квартиры полковника Маевскаго,— я съ нимъ и онъ сомною познакомились ближе и я пересталъ уже его бояться.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ полкъ, какъ и всѣ прочіе полки корпуса Сакена, собрались къ Полтавѣ на смотръ Императора АЛЕКСАНДРА I, а послѣ этого смотра нашъ 13-й егерскій полкъ отправился на новыя квартиры Екатеринославской губерніи въ Верхнеднепровскій уѣздъ.

Полковникъ Маевскій до переименованія своего въ 1814 году изъ военныхъ совѣтниковъ въ полковники съ назначеніемъ командиромъ полка, отличавшійся бойкостію своего пера, былъ полнымъ неучемъ по части мирныхъ фрунтовыхъ экспериментовъ и потому для изученія ихъ и сближенія съ собою назначилъ меня полковымъ адьютантомъ и личнымъ своимъ профессеромъ. Очутившись въ этихъ почетныхъ званіяхъ, я мало по малу и безъ всякихъ усилій, а единственно моимъ постояннымъ усердіемъ и точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, пріобрѣлъ его расположеніе и благосклонное вниманіе прелестной его жены, вѣтряной Варшавянки. Онъ называлъ меня своимъ наставникомъ, Клейнмихелемъ и даже, незнаю уже почему,—своимъ Бертье; часто дарилъ мнѣ вещи до гардероба моего относящіяся, а отъ супруги его получилъ дюжину новыхъ рубашекъ, которыхъ собственныхъ у меня было только двѣ; я парадировалъ на его запасной верховой кобылѣ, впрочемъ старой, которую онъ мнѣ и подарилъ. Маевскій, не зная ни какихъ иностранныхъ языковъ, составилъ себѣ изъ русскихъ разнообразнаго содержанія книгъ библіотеку, которою я возбранно

пользовался и съ этого—то времени, получивши вкусъ къ чтенію, началъ постепенно и самъ пріобрѣтать книги изъ скуднаго моего жалованья, которыхъ теперь у меня набралось до 1000 штукъ, въ числѣ коихъ много цѣнныхъ. Я покупалъ и читалъ, и читалъ безъ разбора; меня нѣкому было руководить въ выборѣ; за всѣмъ тѣмъ, я обязанъ этимъ книгамъ; если я имѣю кой—какія свѣдѣнія и занималъ трудныя, требовавшія нѣкоторыхъ познаній и сподобностей, должности,— то все—таки причиною книги и единственно книги, а не обученіе въ гимназіи, откуда я вышелъ простою *пѣшкою*.

По прибытіи къ полку, особенно въ резервномъ баталіонѣ, я нашелъ многихъ офицеровъ уже въ лѣтахъ зрѣлости, но боевыхъ и съ знаками отличія. По возвращеніи изъ заграницы въ отечество потребовалась отъ нихъ иная служба,—служба мирнаго времени, отъ которой они уже отвыкли въ продолженіи долголѣтнихъ походовъ и войнъ. Настоянія полкового командира, соединенныя съ запальчивостію и дерзостію, о занятіяхъ фронтовою частію были имъ, конечно, не по вкусу и вызвали ропотъ ихъ и сопротивленіе Маевскому и потому болѣе непріятные ему и болѣе оскорбляемые имъ вынуждены были переидти въ гарнизоны или выидти въ отставку. Надобно правду сказать, что Маевскій былъ неделикатенъ и заносчивъ съ подчиненными ему лицами,—особенно съ тѣми, кои рѣшались останавливать его начальническіе порывы.

Время *мирныхъ* занятій,—если не во всей арміи, то въ нашемъ 13 егерскомъ полку,—было для нижнихъ чиновъ временемъ жестокимъ, мучительнымъ. Оно началось въ царствованіе Благословеннаго, продолжалось при Незабвенномъ и кончилось при благодушномъ Императорѣ АЛЕКСАНДРѢ II-мъ. На ученіяхъ одиночныхъ и массами и внѣ ученій за ничтожныя ошибки и копѣечные проступки были въ ходу палки, розги, тесаки, шомпола, штыковыя ножны; били въ лицо, толками въ шею и т. п. словомъ. поступали безъ всякаго снисхожденія къ этимъ вполнѣ несчастнымъ страдальцамъ. И все это творилось подъ предлогомъ *доведенія ихъ до совершенства*. Эта жестокость къ солдату, это поруганіе человѣчества было модою или эпидеміею и никто не обращалъ на это вниманія; нижніе чины терпѣли и не смѣли приносить жалобъ, зная, что еще хуже будетъ, если кто заикнется.

Если съ одной стороны полковникъ Маевскій былъ расположенъ ко мнѣ, то съ другой,—онъ едва меня не погубилъ по слѣдующему кровавому произшествію.

Упомянутый выше подпоручикъ Радновъ въ пьяной пирушкѣ нанесъ ударъ по лицу молодому прапорщику Асовскому. Разумѣется,

подобное оскорбленіе положному понятію о чести омывается кровію; самъ Маевскій приказалъ непремѣнно имъ драться на дуэли. Они повиновались, но не могли найдти другого секунданта; всѣ отказались. Маевскій назначилъ меня и я, по, неопытности и вовсе не думая о послѣдствіяхъ, согласился на то. Дрались въ 6-ти шагахъ на пистолетахъ и палъ тотъ, кто былъ оскорбленъ и получилъ оплеуху; убійца преданъ военному суду; но какъ къ этому дѣлу былъ прикосновенъ самъ полковой командиръ, а онъ во всѣхъ управленіяхъ имѣлъ пріятелей и покровителей, то Радновъ и оба секунданта были спасены отъ разжалованія въ солдаты и отдѣлались—первый трехмѣсячнымъ арестомъ на гауптвахтѣ, а послѣдніе трехдневнымъ домашнимъ арестомъ. Но и досего времени совѣсть моя упрекаетъ меня въ этомъ произшествіи. Убитый былъ одинъ только сынъ у несчастной, бѣдной матери и того она лишилась! Можетъ быть Богъ покаралъ меня за мое преступленіе преждевременною кончиною старшаго моего сына!

Около 6-ти лѣтъ прошло, какъ я разлучился съ матерью и мнѣ страхъ какъ хотѣлось видѣть ее, но безденежье меня останавливало, а денегъ надобно было немало, что бы пуститься въ дальнѣйшій путь. Вдругъ, вовсе неожиданно, получаю отъ тетки письмо о смерти мужа ея, а моего дяди Алексѣя. Я тотчасъ отвѣчалъ ей, и старался утѣшить ее, а въ заключеніе сказалъ, что я желалъ бы лично раздѣлить съ нею горе, но не имѣю средствъ это исполнить. Чрезъ нѣкоторое время она прислала мнѣ, кажется, до 20-ти полуимперіаловъ; для уменьшенія издержекъ я запасся подорожною по казенной надобности, которую получилъ отъ корпусного старшаго адьютанта, сослуживца моего по полку, а Маевскій снабдилъ меня своею волчьею шубой; потомъ, получивъ отпускъ на 28 дней, я отправился въ путь 6-го Января 1819-го года въ чинѣ подпоручика.—Тетка, жившая въ деревнѣ Тамбовской губерніи Козловскаго уѣзда, которую я видѣлъ голько въ первый разъ, была мнѣ очень рада, по обыкновенію кормила на убой, возила къ брату своему отставному генералу Муравьеву, который показывалъ мнѣ, сущему профану, свой конскій заводъ; словомъ, я у добродушной тетушки плавалъ, какъ сыръ въ маслѣ. Замѣчательно, что другой братъ тетки жилъ въ 50 шагахъ отъ нея въ собственномъ домѣ, но не видались, будучи съ давняго времени въ ссорѣ. Простившись съ теткою и получивъ отъ нея еще нѣсколько денегъ и малоношенный фракъ ея покойнаго мужа, я поѣхалъ къ къ матери и какъ снѣгъ на голову явился къ ней въ Рязань. Какъ она была рада; обнимала, цѣловала и плакала; не знала гдѣ посадить! Нѣтъ словъ изъяснить всѣхъ материнскихъ чувствъ ея, всѣхъ изліяній нѣжности; но она сильно уже постарѣла,—къ чему содѣйствовала и болѣзнь ея. Мы отправились въ Василево, гдѣ я проживалъ

съ моею матерью нѣсколько истинно счастливыхъ дней; она меня благословила, дала 80 руб. асс. и отпустила въ дорогу. Отъ нея заѣхалъ я къ дядѣ Андрею, городничему въ г. Крапивнѣ. Онъ тоже принялъ меня ласково, родственно, но тетка, дражайшая его половина, холодно, церемонно, она то была настоящею градоначальницею, и правила городомъ, а мужъ ея ничего болѣе не дѣлалъ, какъ занимался вязаніемъ чулокъ. У дяди я увидѣлъ младшаго брата моего Капитона; я оставилъ его еще ребенкомъ, а встрѣтилъ юношею; я плакалъ, обнимая и цѣлуя его; воспоминаніе о его дѣтствѣ и о перенесеніи имъ съ матерью столько горя и нужды, наполняли душу мою: я не могъ оторваться отъ него. Такъ я любилъ моего малаго Тоню! Одежда его показала мнѣ, что онъ терпитъ, а робость и боязнь обнаруживали, что худое ему житье было у дяди; на всѣ мои вопросы онъ ничего мнѣ не сказалъ и ни на что и ни на кого не жаловался; а между тѣмъ, какъ въ послѣдствіи я узналъ, тетка была его истиннымъ бичемъ, его мучительницею и однажды едва не задушила его подушкою. При отъѣздѣ я не могъ взять съ собою моего невиннаго страдальца. Пробывъ нѣсколько дней у добрака дяди, я простился и отправился въ путь; при отъѣздѣ онъ потихоньку отъ злобной своей фуріи сунулъ мнѣ въ руку два полуимперіала, которые я чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ сторицею возвратилъ его сыну и внуку. Такимъ образомъ, повидавшись съ матерью и нѣкоторыми родными, я возвратился благополучно въ полкъ къ полковому празднику, на которомъ г-жа полковница напоила меня до такой степени, что меня должны были отливать холодною водою; за что Маевскій ее побранилъ, да и сама она сильно перепугалась. Она имѣла свои причины отуманить меня *чарой зелена вина*.

Забылъ сказать, что, возвращаясь къ полку, я остановился въ Орлѣ, что бы видѣться съ братомъ Николаемъ, служившимъ въ артиллеріи, и нашелъ его подъ арестомъ на гауптвахтѣ за ссору съ своимъ полковникомъ, послѣдствіемъ коей была его отставка. Я переночевалъ у брата на той же гауптвахтѣ и выѣхалъ на другой день. Въ Орлѣ тогда квартировали кирасиры и поселился на жительство графъ Сергѣй Каменскій. Этотъ побѣдитель турокъ при Батынѣ, занимался своимъ театромъ и, какъ разсказывали, пуодажею за дорогую цѣну своихъ крѣпостныхъ актрисъ кирасирамъ и раздачею въ мундирѣ со звѣздами и лентою билетовъ для входа въ театръ съ полученіемъ за нихъ денегъ.

Начальникомъ 15-й пѣхотной дивизіи, въ которой состоялъ 13-й егерскій полкъ былъ генералъ-маіоръ Кернъ, квартировавшій въ г. Лубнахъ, гдѣ и женился на умной и прелестной дочери помѣщика Петра Марковича Полторацкаго Аннѣ Петровной. Юная жена его была чуть ли не въ три раза моложе его. Онъ лишился дивизіи за

Какіе то противу своего корпусного командира барона Сакена продѣлки и дивизія нѣсколько мѣсяцевъ не имѣла настоящаго начальника, а командовалъ ею временно нашъ бригадный генералъ-маіоръ Гейденрейхъ, любимый и уважаемый за свой характеръ и привѣтливое, ласковое обращеніе. Наконецъ, назначенъ былъ и настоящій начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Логинъ Осиповичъ Ротъ, французъ—эмигрантъ, начавшій службу въ корпусѣ принца Конде, а потомъ перешедшій къ намъ. Онъ вовсе не былъ образованъ и ни когда ни чего не читалъ, хотя и говорилъ, что гдѣ то у него остались книги; но кромѣ соблазнительной Волтеровской Іоанны д'Аркъ съ картинками, другихъ книгъ у него не было. Онъ однако же имѣлъ много природнаго ума, гибкости въ характерѣ и смѣтливости; въ обществѣ былъ любезенъ, особенно съ дамами и большой комплиментистъ, но въ тоже время былъ до крайности самолюбивъ, эгоистъ, вспыльчивъ, дерзокъ, жестокъ и хвастунъ по природѣ. Предъ назначеніемъ къ намъ командовалъ дивизіею въ гренадерскомъ корпусѣ, но тамъ по личности къ командиру, кажется Астраханскаго Гренадерскаго полка, возникшей по причинѣ неудавшагося волокитства за женою его, онъ сталъ преслѣдовать ея мужа, дѣлать непріятности и личныя оскорбленія. Это преслѣдованіе Ротъ распространилъ и на полкъ, который онъ мучилъ ученьями, жестоко наказывалъ солдатъ и оттого въ короткое время произошло въ полку 18-ть самоубійствъ. Корпусный командиръ, графъ—Остерманъ-Толстой, узнавъ объ этомъ, довелъ до свѣдѣнія Императора, сказавъ съ обычною ему откровенностію: „или онъ, Остерманъ, отказывается отъ корпуса, или Ротъ долженъ быть удаленъ“,—и потому то сей послѣдній и былъ назначенъ къ намъ въ дивизію. Вся эта исторія съ Ротомъ была разсказываема задостовѣрное.

Полки 15 пѣхотной дивизіи, (кромѣ нашего 13 егерскаго полка, извѣстнаго въ цѣлой арміи своею исправностію) были въ запущенномъ состояніи. Кернъ былъ слабъ и занимался своею юницею; полковые командиры допускали себя до всевозможныхъ злоупотребленій, старались только о наполненіи своихъ кармановъ. Именно для этой дивизіи и нуженъ былъ такой начальникъ, какъ Ротъ. Онъ былъ строгъ, настойчивъ, не взирая на свою недостаточность, ни когда не бралъ въ займы у полковыхъ командировъ безъ уплаты, какъ это сплошъ да рядомъ дѣлалось, не принималъ отъ нихъ никакихъ услугъ, требовалъ и строго надзиралъ, чтобы до солдата все ему принадлежавшее доходило сполна, чтобы онъ хорошо былъ одѣтъ, обутъ и накормленъ, и за то солдаты любили его; онъ почти всѣхъ перемѣнилъ полковыхъ командировъ, заставивъ ихъ прежде исправить свои полки и пожертвовать часть накопленныхъ ими денегъ; даже самому Маевскому, не смотря на его связи,—приходилось круто, такъ

что долженъ былъ думать объ отставкѣ, но вскорѣ былъ произведенъ въ генералы. Ротъ мало уважалъ и новаго нашего корпусного командира, князя Андрея Ивановича Горчакова. Этотъ сибаритъ, скучный ораторъ предъ солдатами, безталанный племянникъ великаго Суворова, съ заспано-масляными глазами, всегда управляемый кѣмъ—нибудь изъ окружающихъ, большой любитель кислыхъ щей и пригожихъ мужскихъ личиковъ, не пользовался вообще уваженіемъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ князь былъ безмолвнымъ зрителемъ, когда Ротъ приглашеннаго самимъ княземъ на балъ изъ г. Золотоноши въ Кременчугъ полковнику Маевскому, за то, что этотъ послѣдній не испросилъ предварительнаго согласія Рота и недовелъ до его свѣдѣнія объ этомъ приглашеніи,—приказалъ при многочисленной публикѣ отъ развода удалиться и немедленно отправиться въ полкъ, оставивъ въ корпусной квартирѣ привезенныхъ съ собою на балъ офицеровъ; что Маевскій и долженъ былъ исполнить, не найдя защиты у Его Сіятельства.

Итакъ Ротъ прибылъ къ дивизіи; началъ съ того, что за злоупотребленія и поборы съ полковыхъ командировъ смѣнилъ старшаго дивизіоннаго адъютанта и поручилъ бригадному моему командиру приискать для занятія должности старшаго адъютанта исправнаго и способнаго офицера. Гейденрейхъ рекомендовалъ меня и Ротъ изъявилъ согласіе. Я ни чего о томъ не зналъ и, когда мнѣ было объявлено съ приказаніемъ явиться къ Роту,—я испугался этой чести и умолялъ и полкового и бригаднаго командировъ „да мимо идетъ меня сія чаша“, но тщетно, дѣло было сдѣлано, Ротъ имѣлъ рекомендацію и изъявилъ согласіе, а съ нимъ нельзя было безнаказанно шутить и противиться его волѣ. Покоряясь своей судьбинѣ, я со страхомъ и трепетомъ отправился утромъ къ Роту, котораго я видѣлъ только одинъ разъ, но слышалъ, что это за звѣрь, и какъ теперь помню, подходя къ крыльцу его квартиры, я былъ встрѣченъ выбѣжавшимъ деньщикомъ его, а за нимъ увидѣлъ и самого Рота въ шлафрокѣ, съ сверкающими глазами и воспаленнымъ лицомъ, ругающаго по кучерски деньщика. Замѣтивъ меня, его превосходительство закричалъ: „*Докудовскій, дай этой ракальѣ* (любимая имъ брань) *200 палокъ*“! Съ великимъ смущеніемъ и неохотою я исполнилъ это лестное для перваго знакомства порученіе,—въ нарочито устроенномъ сараѣ для караула и въ которомъ навалена была куча палокъ. Послѣ этой сильно озадачившей меня экзекуціи я отправился къ Роту въ комнаты и, какъ повелѣвалъ законъ, имѣлъ счастіе явиться. Онъ, сидя за туалетомъ въ фланелевой фуфайкѣ, чистилъ кабаньи свои зубы и принялъ меня любовно, спросилъ о чемъ то и приказалъ на другой же день переѣхать изъ лагеря въ городъ и вступить въ отправленіе новой должности. Кстати замѣчу, что Ротъ ужасно былъ жестокъ и драчливъ съ своими деньщиками; дать 100—200 палокъ, имѣя по двѣ палки въ

рукѣ, для него легче было, чѣмъ выпить стаканъ воды; наказаніе всегда производилось счетомъ, вслухъ; если при этой поркѣ деньщикъ вздумалъ бы просить помилованія, обыкновенно произнося: *явите Божескую милость*, то сердобольное превосходительство приказывало прекращать наказаніе и сызнова начиналъ оное и этою системою онъ довелъ деньщиковъ своихъ до такой степени дьявольскаго терпѣнія, что бывало при палочныхъ ударахъ не пикнетъ. Помню, что одинъ изъ нихъ при мнѣ, послѣ отсчитанныхъ ему ударовъ, обратясь къ нему, съ стоическимъ равнодушіемъ сказалъ: „*не угодно ли еще „Вашему Превосходительству*“? Это озадачило Рота; онъ плюнулъ ему въ лицо и ушелъ въ комнату. Оплеухи, удары и толчки руками и ногами даваемы были безъ счету, за малѣйшія бездѣлицы. За то въ квартирѣ его существовалъ порядокъ и чистота, а деньщики были наметаны, какъ лучшіе офиціанты въ башмакахъ; они узнавали по минѣ его и глазамъ, чего онъ хочетъ и требуетъ.

На другой день, какъ было приказано, я перебрался въ г. Лубны и вступилъ въ отправленіе новой своей должности; когда же въ Августѣ 1819 года вышелъ Высочайшій приказъ о моемъ назначеніи,—я преобразился, скинулъ скромный егерскій мундиръ и надѣлъ адъютантскій, съ серебряными петлицами и эксельбантомъ, а на головѣ вмѣсто безобразнаго кивера столь же безобразная торчала треуголка съ чернымъ перомъ. Не могу жаловаться на производство мое въ чины, когда я состоялъ въ полку; со времени выпуска моего изъ дворянскаго полка 19-го Мая 1815 года и до 7-го Іюня 1819 г., т. е. въ теченіи четырехъ лѣтъ я выпрыгнулъ въ поручики, но въ этомъ чинѣ я погрязъ и сидѣлъ цѣлые шесть лѣтъ. Это случилось отъ того, что Маевскій умѣлъ создавать вакансіи; а при наслѣдникѣ его, полковникѣ Куржевскомъ, человѣкѣ слабомъ, ума ограниченнаго, но впрочемъ добромъ, вакансіи мало открывались, ибо этотъ снисходительный полководецъ терпѣлъ одинаково и хорошихъ и дурныхъ, и трезвыхъ и пьяныхъ, лишь бы они курили трубку, тянули пуншъ, любили охоту и не мѣшали ему щичиться. (?) Со времени назначенія Куржевскаго полковымъ командиромъ исправность полка и служба постепенно начали упадать. Куржевскій первоначально служилъ въ Дворянскомъ полку и имѣлъ *протодіаконскій* голосъ и за эту—то зычность Цесаревичемъ Константиномъ былъ переведенъ въ лейбъ гвардіи егерскій полкъ, а оттуда въ послѣдствіи назначенъ командиромъ 13-го егерскаго полка.

Обязанность старшаго дивизіоннаго адъютанта состояла въ немедленномъ исполненіи всѣхъ приказаній, отдаваемыхъ дивизіоннымъ начальникамъ для устройства и порядка дивизіи; онъ былъ правою его рукою; вся переписка лежитъ на его отвѣтственности; а я сверхъ бумагомаранія занятъ былъ и фрунтовою частію: обученіемъ орди-

нарцевъ, вѣстовыхъ, учебныхъ командъ и т. п. Я всегда и вездѣ находился при дивизіонномъ начальникѣ; на смотрахъ, ученьяхъ и парадахъ. Эта должность была для меня истинною тяжестію, особенно при такомъ строгомъ, взыскательномъ и горячемъ начальникѣ, каковъ былъ Ротъ. Дивизіонное дежурство расположено было въ отдаленномъ отъ Рота домѣ, а что бы быть всегда готову, принимать и исполнять его приказанія, онъ въ прихожей своей квартиры сдѣлалъ перегородку и въ этомъ, едва вмѣстительномъ, чуланѣ, я и дивизіонный оберъ-аудиторъ Назаровъ занимались работою, заготовляли бумаги и представляли къ подписи. Сначала мнѣ было трудно съ Ротомъ, пока я не привыкъ ко всѣмъ его прихотямъ и привычкамъ, напримѣръ: онъ не разумѣлъ русскаго языка, но зналъ, что повторенія одного и тогоже слова въ бумагѣ должно избѣгать и потому настойчиво требовалъ, что бы отнюдь не было такихъ повтореній, какъ бы бумага ни была обширна, и я, исполняя его желаніе, долженъ былъ ломать голову и пріискивать однозначащія слова; при чтеніи бумаги, онъ бывало не пропуститъ ни одного ѣ и е, не спрося, такъ ли поставлена буква. У всякаго есть слабость: фельдмаршалъ Паскевичъ требовалъ, что бы въ бумагахъ были слова: *ибо и поелику*, и въ угодность ему они были. Ротъ былъ крайне прихотливъ по бумагамъ, желая показать, что онъ знаетъ русскій языкъ, и потому иногда приходилось раза по три переправлять одну и ту же бумагу, но это послужило мнѣ въ пользу: я болѣе занимался обработкою слога и обратился къ изученію русскаго языка и чтенію книгъ.

Я оставался довольнымъ обращеніемъ со мною Рота; онъ даже часто позволялъ себѣ со мною шутить; давалъ полезные совѣты, въ которыхъ по молодости, не опытности и незнанію свѣтскихъ обычаевъ, я дѣйствительно нуждался; я былъ серьезенъ, очень серьезенъ и почти никогда не улыбался; онъ совѣтывалъ почаще смотрѣться въ зеркало и принимать веселое лицо; ввелъ меня въ дома—отставного вице-адмирала Павла Васильевича Пустошкина и помѣщика Петра Марковича Полторацкаго, у коего гостила тогда дочь его, генеральша Кернъ, и который имѣлъ еще другую, почти уже невѣсту.

Работа моя въ томъ чуланѣ начиналась съ ранняго утра и продолжалась до самаго обѣда, который я постоянно имѣлъ у Рота.—Я имѣлъ хорошаго товарища въ собственномъ адъютантѣ Рота,—Тульценманѣ; съ его помощію я изучалъ характеръ и привычки моего владыки. Аудиторъ Назаровъ былъ человѣкъ грамотный, но любилъ заливать за галстукъ и начинять носъ табакомъ. Въ городѣ у меня былъ еще хорошо знакомый, командиръ пензенскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Репнинскій, который по милости своего вольнонаемнаго капельмейстера, отставного изъ австрійской службы офицера Реслинга, большого сплетника, жена котораго была въ тѣсной связи съ Ротомъ,

много терпѣлъ отъ Его Превосходительства за то, что жена Репнинскаго, дама гордая, надменная и сильно румянившаяся, дочь инженернаго генерала Глухова, зная связь жены Реслинга съ Ротомъ, перестала принимать ее. Репнинскій былъ друженъ со мною, но я не показывалъ сего изъ опасенія навлечь на себя неудовольствіе; я ему много дѣлалъ одолженій, предостерегая отъ непріятностей и все это дѣлалъ безкорыстно и безъ всякихъ видовъ; хотя онъ разъ упрашивалъ меня принять отъ него въ знакъ памяти серебряныя эполеты и эксельбантъ,—но я эту взятку отвергнулъ.

Въ Лубнахъ я въ первый разъ улицезрѣлъ бывшаго саксонскаго и настоящаго малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Репнина. Этотъ сибаритъ—вельможа каждый годъ въ извѣстное время оставлялъ свою резиденцію г. Полтаву и чрезъ Лубны и великолѣпное свое имѣніе Яготинъ ѣхалъ въ г. Черниговъ, творить судъ и правду. При переѣздѣ чрезъ Лубны онъ останавливался для завтрака у завѣдывавшаго казенными аптекою и аптечнымъ садомъ, кажется шведа по происхожденію, который за мѣсяцъ или за два откармливалъ для Его Сіятельства разными снадобьями теленка и индюка и угощалъ его вовремя остановки, а дивизіонный начальникъ въ той же аптекѣ и въ полной формѣ представлялъ караулъ, ординарцевъ и рапортъ. И на сей разъ была совершена вся эта церемонія. Князь приглашалъ къ завтраку Рота и насъ. Сидя за столомъ, меня не столько занимало превосходное жаркое, сколько аппетитъ, который заявилъ при семъ Боляринъ и его неопрятность при принятіи пищи. Въ Лубнахъ же, тоже въ первый разъ, я видѣлъ другую знаменитость: новороссійскаго генералъ-губернатора графа Ланжерона. Онъ ѣхалъ изъ Одессы въ Петербургъ, остановился на почтовой станціи, оставилъ на ней свою супругу и неожиданно явился къ Роту, скушалъ нѣсколько наскоро приготовленныхъ котлетъ, выпилъ чашку кофе и отправился въ путь. На всѣ просьбы Рота позволить ему съѣздить за графинею,—Ланжеронъ, незнаю почему, не согласился; но Ротъ однако же самъ отвезъ графа на станцію и вѣроятно видѣлъ его супругу.

Не долго продолжалось мое личное служеніе съ Ротомъ, не болѣе 6 - 7 мѣсяцевъ, какъ онъ оставилъ дивизію и отправился для командованія корпусомъ вмѣсто князя Горчакова, назначеннаго корпуснымъ командиромъ 2-го пѣхотнаго корпуса. Отъѣзжая въ корпусную квартиру г. Кременчугъ на неопредѣленное время, Ротъ настоятельно приказалъ мнѣ писать къ нему подробно о всемъ, что будетъ дѣлаться въ дивизіи.

Сколь ни былъ я молодъ и неопытенъ, а зналъ, что онъ хочетъ, другими словами: онъ требовалъ отъ меня шпіонства, и я тогда же рѣшился не исполнять его желанія, а писать только то, что будетъ

мейству! Однажды я какъ вкусную рѣдкость отослалъ къ нему живаго осетра, наполнивъ жабры его бѣлымъ хлѣбомъ, напитаннымъ водкою, и онъ доставленъ былъ живымъ. Въ Прохоровкѣ кромѣ Максимовича жилъ еще помѣщикъ Базилевичъ, съ которымъ я не былъ знакомъ по его нелюдкости и несообщительности, но который былъ тѣмъ замѣчателенъ, что каждый годъ производилъ на свѣтъ Божій ребенка отъ своей жены, которая восемь лѣтъ не оставляла своего плодотворнаго ложа, по причинѣ совершеннаго невладѣнія своими ногами.

Я былъ изъ лучшихъ и знающихъ ротныхъ командировъ; рота была всегда исправна, начальство мною довольно и я обрекъ себя для фрунтовой службы. Но не такъ вышло.

Корпусная квартира расположилась въ Житомірѣ. Тогда настоящимъ корпуснымъ командиромъ считался графъ Воронцовъ, но онъ былъ въ долговременномъ отпуску за границей и ни одной минуты не командовалъ лично корпусомъ до самаго назначенія его новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, а продолжалъ командовать вмѣсто него генералъ Ротъ. При корпусномъ штабѣ находились выписанные изъ пажевскаго корпуса за что то два пажа Креницынъ и 16 лѣтній Арсеньевъ. Они жили свободно, службы никакой не несли и вмѣсто солдатскаго мундира одѣвались въ партикулярное платье; они были хорошо образованы и Ротъ даже ихъ принималъ у себя. У Арсеньева былъ задушевный пріятель и совѣтникъ старшій корпусного штаба адъютантъ, маіоръ Рудневъ, характера чрезвычайно мягкаго и романическаго. Вдругъ, неизвѣстно по какой причинѣ, Арсеньевъ застрѣлился. Это самоубійство дошло до свѣдѣнія главнокомандовавшаго Князя Сакена и до самого Императора АЛЕКСАНДРА I-го; такъ же узнали, что не одинъ Арсеньевъ проживалъ безъ всякой надобности въ корпусномъ Штабѣ, но и другіе и что всѣ они щеголяли въ цивильномъ платьѣ. За все это по Высочайшему повѣленію Роту сдѣланъ былъ выговоръ и предписано немедленно ихъ разослать въ полки и употреблять на службу, какъ простыхъ солдатъ. Ротъ это исполнилъ, но взбѣшенный на Руднева, къ романическому характеру коего относилъ самоубійство Арсеньева, смѣстилъ его съ адъютантства и при этомъ случаѣ вспомнилъ о своемъ прежнемъ дивизіонномъ адъютантѣ, т. е. обо мнѣ, представилъ меня въ корпусные адъютанты. Назначеніе вышло въ Августѣ 1822 г., послѣ двухъ-лѣтняго нахожденія моего въ полку со дня бывшаго моего съ дивизіонныхъ адъютантовъ смѣщенія. Я вовсе не ожидалъ такой чести; тѣмъ болѣе не полагалъ, чтобы Ротъ могъ когда либо вспомнить обо мнѣ послѣ неудовольствія его за мое неповиновеніе его волѣ.

Вслѣдъ за самоубійствомъ Арсеньева у Рота произошла скандальная сцена съ находившимся при немъ въ качествѣ адъютанта поручикомъ

Во время этого движенія я сблизился съ Куржевскимъ и онъ постоянно хорошо былъ ко мнѣ расположенъ, хотя иногда и возникали между нами споры по той причинѣ, что онъ недопускалъ въ роты полнаго количества провіанта, удерживая его въ свою пользу. Съ баталіоннымъ командиромъ, маіоромъ Лисецкимъ (убитъ при Варнѣ 1828 года), я былъ на дружеской ногѣ и съ товарищами жилъ въ полномъ согласіи.—Прошедши нѣсколько сотъ верстъ, дальнѣйшее движеніе корпуса въ Италію было пріостановлено: Австрійцы успѣли задушить революцію. Мы такъ жалѣли, что не удалось намъ побывать въ Италіи и полакомиться макаронами!

По прекращеніи движенія полкъ нашъ расположился Полтавской губерніи въ Золотоношскомъ уѣздѣ. а я съ ротою занялъ квартиры въ деревнѣ Прохоровкѣ на самомъ берегу Днѣпра, Въ этой деревнѣ жилъ достаточный помѣщикъ Максимовичъ, старецъ почтенный сѣдинами, весельчакъ и хлѣбосолъ. Я съ нимъ познакомился. Онъ и старушка, жена его, меня любили; каждый день я у нихъ обѣдалъ и игралъ съ старикомъ и его роднымъ братомъ, тоже ветхимъ днями драбантомъ временъ Екатерины, по копѣйкѣ въ бостонъ; старушка кормила меня медовыми вареньями, особенно ласкала меня, вспоминая о своемъ сынѣ, умершемъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ въ военной службѣ и разъ домогалась, чтобы я принялъ легкій новый тулупчикъ изъ такъ называемыхъ *ягнячьихъ выпортковъ*, но я отказался и поступилъ глупо. Она была такъ добра, такъ кротка и предупредительна!

Командуя ротою, я разжился денженками; добродушные хохлы не брали провіанта, а довольствовались нѣсколькими ведрами *горѣлки* (водки). Я завелся легкою повозочкою и упряжною лошадью, а другую лошадь, иноходца, выигралъ въ карты у одного офицера; за то баталіонному командиру проигралъ серебряный чайникъ и молошникъ, сдѣланные изъ оставшихся послѣ смѣщенія съ адъютантства эксельбантовъ и эполетъ. Въ карты въ азартныя игры никогда не любилъ играть, а со времени проигрыша серебра и вовсе пересталъ, да и не умѣлъ; но я былъ мастеръ въ бостонъ и вистъ. Въ продолженіи времени моей стоянки въ Прохоровкѣ пріѣхалъ ко мнѣ меньшой братъ Капитонъ. Я опредѣлилъ его на службу юнкеромъ и помѣстилъ его съ собою на квартирѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ. Отъ моей резиденціи дер. Прохоровки до имѣнія Полторацкаго села Хорошки, въ которомъ онъ проживалъ съ своимъ семействомъ и возвратившеюся къ нему, по не ладу съ ревнивымъ мужемъ, его дочерью генер. Кернъ, —по прямой дорогѣ было не болѣе 80 вер. и потому я—таки частенько ѣздилъ къ нимъ и у нихъ гостилъ, оставляя роту на волю Божію. При одной такой экскурсіи въ жаркое время, отъ небрежности кучера, къ моему огорченію, иноходецъ мой палъ. Этотъ путь я обыкновенно совершалъ въ одну упряжку: такъ бывало я спѣшилъ къ этому почтенному се-

ума, медикъ рѣшительно безъ пацiентовъ; старый мой знакомецъ, оберъ-гевальдигеръ Реслингъ (бывшiй капельмейстеръ и потомъ дивизiонный гевальдигеръ), по прежнему былъ наушникомъ Рота. Его жена, изъ за которой онъ и былъ назначенъ въ настоящее званiе, преспокойно жила во флигелѣ у Рота для его потѣхи; эта нѣмка, простая и безграмотная, по своей дородности была бы высоко оцѣнена туркою и русскимъ купцомъ. Ротъ обходился съ нею какъ съ женщиной потерянною, что не дѣлало чести Его Превосходительству. Оберъ-квартермейстеръ, полковникъ *Врановскiй* былъ спокойнаго характера и не дальняго ума и образованiя, но тщеславный: за то, что при разводахъ я отдавалъ ему пароль, чего вовсе мнѣ не было надобности дѣлать,—онъ угощалъ меня завтраками, присылалъ лучшiй курительный табакъ, фрукты и конфекты, которыя получалъ самъ отъ поляковъ, въ связи съ нимъ бывшихъ; онъ былъ иностранецъ, кажется Богемецъ. Эта невинная душа, не злобивый агнецъ, принадлежалъ къ тайному обществу и зналъ цѣль его, т. е. измѣненiе государственнаго порядка, и за то по приговору верховнаго Уголовнаго суда въ 1826 г. сосланъ былъ на поселенiе.

Житомiръ въ мое время былъ прескучнѣйшимъ городомъ, населенный поляками, а болѣе жидами; съ первыми мы не сближались. Было одно только русское семейство, имѣвшее собственный свой домикъ, куда я и товарищъ мой Губаревъ были вхожи,—это домъ состоявшаго подъ судомъ бывшаго совѣтника при губернаторѣ Комбурлеѣ,—Грабовскаго. Хозяинъ происходилъ изъ духовнаго сословiя и былъ старикъ умный, веселый и занимательный въ своихъ разсказахъ о прошломъ; жена его и въ мое время еще была недурна; у нихъ было двѣ дочери дѣвицы, которыя пополамъ съ грѣхомъ пѣли и брянчали на фортепiанахъ; старшая говорила по французски. Въ этомъ патрiархальномъ семействѣ мы проводили свободное отъ службы время, иногда обѣдали, ужинали и играли въ карты на фишки; дѣвицы были взрослыя и удили себѣ жениховъ; мѣтили на насъ, но мы вздыхали, болтали нѣжныя глупости и только! Не женитьба, а препровожденiе времени намъ было нужно. Гораздо уже послѣ, старшая, которая отличала меня отъ всѣхъ прочихъ, вышла замужъ за адвоката. По словамъ старика Грабовскаго, чиновничеству при Комбурлеѣ было не житье, а масляница и денегъ, т. е. золота и серебра, было въ такомъ изобилiи, что не знали куда ихъ дѣвать, а старушка разсказывала о волокитствѣ Комбурлея, о задававшихся имъ празднествахъ знаменитой Марьѣ Антоновнѣ Четвертинской и т. п.

Занятiя наши состояли въ томъ, что мы утромъ являлись въ корпусное дежурство, работали до 2-хъ часовъ, а потомъ шли обѣдать къ Роту; послѣ обѣда, выпивши кофе, расходились по квартирамъ, а вечеромъ я отправлялся къ Грабовскимъ. Къ этому времени должно

отнести заведеніе мною галошъ; Ротъ былъ прихотливъ и не любилъ, чтобы къ нему приходили съ загрязненными сапогами; прежде я вовсе не зналъ галошъ, за то не вѣдалъ и простуды, но, познакомившись съ ними, я узналъ и простуду.

Въ раіонѣ корпуса, близъ М. Бѣлой церкви, жила въ великолѣпной своей усадьбѣ Александріи—графиня Браницкая, статсъ—дама Екатерины II-й. Раза два въ продолженіи нашего квартированія въ Житомірѣ пріѣзжалъ къ ней на побывку зять ея графъ Воронцовъ и при каждомъ его пріѣздѣ дивизіонный начальникъ Павелъ Нейдгартъ, бригадные и полковые командиры представлялись графу и при каждомъ пріѣздѣ распространялись по корпусу слухи и ожиданія, что онъ вступитъ въ командованіе корпусомъ, чего, по правдѣ сказать, многіе и желали. Ротъ, встревоженный этими пріѣздами графа, волновавшими корпусъ, довелъ о томъ до свѣдѣнія главнокомандовавшаго арміею и вышло посему Высочайшее повѣленіе, что корпусные командиры, возвращающіеся изъ отпуска изъ за границы, не иначе могутъ вступать въ командованіе своими корпусами, какъ только съ Высочайшаго разрѣшенія. Это успокоило Рота и прекратило непріятные для него толки.

Кстати о Браницкой. Она была любимою изъ всѣхъ племянницею великолѣпнаго Потемкина и женою польскаго Гетмана; когда то славилась красотою, о чемъ свидѣтельствуетъ ея портретъ въ Бѣлой церкви. Но я видѣлъ ее въ 1824 году, уже старухою; она была скряга, въ родѣ гоголевской Коробочки, носившая за поясомъ отъ всѣхъ кладовыхъ ключи и собиравшая со всего копѣйку; крестьяне ея были бѣдны и разорены, между тѣмъ главный ея управитель, какъ говорили, купилъ до 2 т. душъ; она никого и никогда не приглашала къ себѣ обѣдать, хотя часто наши генерали и полковые командиры по большимъ праздникамъ и въ высокоторжественные дни являлись къ ней съ поздравленіями. Однажды Ротъ, послѣ смотра полка въ Бѣлой церкви, пріѣхалъ къ ней съ визитомъ и я былъ съ нимъ. Входитъ садовникъ съ двумя корзинами, наполненными персиками; Ея Сіятельство взяла изъ нихъ два и подала Роту, а мнѣ шишъ. Въ другой разъ обѣдалъ у нея князь Сакенъ съ нѣсколькими генералами и адъютантами, въ числѣ коихъ находился и я; подаютъ какое то древнее венгерское, наливаютъ въ рюмочки генералитету, а адъютантовъ обошли. Такая была скаредная эта старая карга, владѣтельница несмѣтныхъ богатствъ! Давно уже она въ могилѣ; добрыми дѣлами нельзя ея помянуть: она не осушила слезъ несчастному, не напоила жаждующаго, не накормила алчущаго и не призрѣла бѣднаго и нищаго. Внукъ ея, находящійся при красномъ принцѣ Наполеонѣ, отъявленный врагъ Россіи.

ума, медикъ рѣшительно безъ пацiентовъ; старый мой знакомецъ, оберъ-гевальдигеръ Реслингъ (бывшiй капельмейстеръ и потомъ дивизiонный гевальдигеръ), по прежнему былъ наушникомъ Рота. Его жена, изъ за которой онъ и былъ назначенъ въ настоящее званiе, преспокойно жила во флигелѣ у Рота для его потѣхи; эта нѣмка, простая и безграмотная, по своей дородности была бы высоко оцѣнена туркою и русскимъ купцомъ. Ротъ обходился съ нею какъ съ женщиной потерянною, что не дѣлало чести Его Превосходительству. Оберъ-квартермейстеръ, полковникъ *Врановскiй* былъ спокойнаго характера и не дальняго ума и образованiя, но тщеславный; за то, что при разводахъ я отдавалъ ему пароль, чего вовсе мнѣ не было надобности дѣлать,—онъ угощалъ меня завтраками, присылалъ лучшiй курительный табакъ, фрукты и конфекты, которыя получалъ самъ отъ полаковъ, въ связи съ нимъ бывшихъ; онъ былъ иностранецъ, кажется Богемецъ. Эта невинная душа, не злобивый агнецъ, принадлежалъ къ тайному обществу и зналъ цѣль его, т. е. измѣненiе государственнаго порядка, и за то по приговору верховнаго Уголовнаго суда въ 1826 г. сосланъ былъ на поселенiе.

Житомiръ въ мое время былъ прескучнѣйшимъ городомъ, населенный поляками, а болѣе жидами; съ первыми мы не сближались. Было одно только русское семейство, имѣвшее собственный свой домикъ, куда я и товарищъ мой Губаревъ были вхожи,—это домъ состоявшаго подъ судомъ бывшаго совѣтника при губернаторѣ Комбурлеѣ,—Грабовскаго. Хозяинъ происходилъ изъ духовнаго сословiя и былъ старикъ умный, веселый и занимательный въ своихъ разсказахъ о прошломъ; жена его и въ мое время еще была недурна; у нихъ было двѣ дочери дѣвицы, которыя пополамъ съ грѣхомъ пѣли и брянчали на фортепiанахъ; старшая говорила по французски. Въ этомъ патрiархальномъ семействѣ мы проводили свободное отъ службы время, иногда обѣдали, ужинали и играли въ карты на фишки; дѣвицы были взрослыя и удили себѣ жениховъ; мѣтили на насъ, но мы вздыхали, болтали нѣжныя глупости и только! Не женитьба, а препровожденiе времени намъ было нужно. Гораздо уже послѣ, старшая, которая отличала меня отъ всѣхъ прочихъ, вышла замужъ за адвоката. По словамъ старика Грабовскаго, чиновничеству при Комбурлеѣ было не житье, а масляница и денегъ, т. е. золота и серебра, было въ такомъ изобилiи, что не знали куда ихъ дѣвать, а старушка разсказывала о волокитствѣ Комбурлея, о задававшихся имъ празднествахъ знаменитой Марьѣ Антоновнѣ Четвертинской и т. п.

Занятiя наши состояли въ томъ, что мы утромъ являлись въ корпусное дежурство, работали до 2-хъ часовъ, а потомъ шли обѣдать къ Роту; послѣ обѣда, выпивши кофе, расходились по квартирамъ, а вечеромъ я отправлялся къ Грабовскимъ. Къ этому времени должно

отнести заведеніе мною галошъ; Ротъ былъ прихотливъ и не любилъ, чтобы къ нему приходили съ загрязненными сапогами; прежде я вовсе не зналъ галошъ, за то не вѣдалъ и простуды, но, познакомившись съ ними, я узналъ и простуду.

Въ раіонѣ корпуса, близъ М. Бѣлой церкви, жила въ великолѣпной своей усадьбѣ Александріи—графиня Браницкая, статсъ—дама Екатерины II-й. Раза два въ продолженіи нашего квартированія въ Житомірѣ пріѣзжалъ къ ней на побывку зять ея графъ Воронцовъ и при каждомъ его пріѣздѣ дивизіонный начальникъ Павелъ Нейдгартъ, бригадные и полковые командиры представлялись графу и при каждомъ пріѣздѣ распространялись по корпусу слухи и ожиданія, что онъ вступитъ въ командованіе корпусомъ, чего, по правдѣ сказать, многіе и желали. Ротъ, встревоженный этими пріѣздами графа, волновавшими корпусъ, довелъ о томъ до свѣдѣнія главнокомандовавшаго арміею и вышло посему Высочайшее повѣленіе, что корпусные командиры, возвращающіеся изъ отпуска изъ за границы, не иначе могутъ вступать въ командованіе своими корпусами, какъ только съ Высочайшаго разрѣшенія. Это успокоило Рота и прекратило непріятные для него толки.

Кстати о Браницкой. Она была любимою изъ всѣхъ племянницею великолѣпнаго Потемкина и женою польскаго Гетмана; когда то славилась красотою, о чемъ свидѣтельствуетъ ея портретъ въ Бѣлой церкви. Но я видѣлъ ее въ 1824 году, уже старухою; она была скряга, въ родѣ гоголевской Коробочки, носившая за поясомъ отъ всѣхъ кладовыхъ ключи и собиравшая со всего копѣйку; крестьяне ея были бѣдны и разорены, между тѣмъ главный ея управитель, какъ говорили, купилъ до 2 т. душъ; она никого и никогда не приглашала къ себѣ обѣдать, хотя часто наши генерали и полковые командиры по большимъ праздникамъ и въ высокоторжественные дни являлись къ ней съ поздравленіями. Однажды Ротъ, послѣ смотра полка въ Бѣлой церкви, пріѣхалъ къ ней съ визитомъ и я былъ съ нимъ. Входитъ садовникъ съ двумя корзинами, наполненными персиками; Ея Сіятельство взяла изъ нихъ два и подала Роту, а мнѣ шишъ. Въ другой разъ обѣдалъ у нея князь Сакенъ съ нѣсколькими генералами и адъютантами, въ числѣ коихъ находился и я; подаютъ какое то древнее венгерское, наливаютъ въ рюмочки генералитету, а адъютантовъ обошли. Такая была скаредная эта старая карга, владѣтельница несмѣтныхъ богатствъ! Давно уже она въ могилѣ; добрыми дѣлами нельзя ея помянуть: она не осушила слезъ несчастному, не напоила жаждующаго, не накормила алчущаго и не призрѣла бѣднаго и нищаго. Внукъ ея, находящійся при красномъ принцѣ Наполеонѣ, отъявленный врагъ Россіи.

исправлялись и все приводимо было въ порядокъ. Никакого замѣчанія, никакого выговора, а тѣмъ менѣе крика...Императоръ АЛЕКСАНДРЪ не изволилъ выказать въ продолженіи этого жалкаго ученья; баталіонъ наказалъ только тѣмъ, что по окончаніи ученья ни слова не сказалъ солдатамъ и не произнесъ обычнаго: *„спасибо ребята“*, а полковнику командиру полковнику Швейковскому объявилъ, что баталіонъ худо учился, и только!

У Швейковскаго была статная англійская верховая отлично выѣзжанная лошадь. Императору она весьма понравилась и Его Величество хотѣлъ ее купить, но Швейковскій не уступилъ,—тѣмъ дѣло и кончилось.

Въ Бобруйскѣ я въ первый разъ видѣлъ юнаго Великаго Князя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, возвращавшагося отъ Августѣйшаго своего тестя изъ Берлина; видѣлъ, какъ Его Высочество представлялся Государю и съ какою подобострастностію дѣлалъ ему поясные поклоны и на вопросы давалъ отвѣты. Императоръ при началѣ представленія обнялъ и поцѣловалъ будущаго своего наслѣдника.

Изъ Бобруйска я съ Ротомъ отправился въ Брестъ, гдѣ собраны были для смотра Государя вся польская армія и литовскій корпусъ, предводительствуемые Цесаревичемъ Константиномъ; мы остановились на почтѣ. Я почти и не видалъ этихъ войскъ, потому что въ день смотра, какъ только я выѣхалъ къ нимъ, у меня лопнули бѣлые панталоны и я долженъ былъ возвратиться домой, а на другой день я съ генераломъ отправились въ г. Острогъ, гдѣ Ротъ встрѣчалъ ночью Государя, остановившагося на ночлегъ въ домѣ князя Яблоновскаго, и потомъ послѣ долгой, скучной и безпокойной поѣздки прибыли мы въ Житоміръ здравы и невредимы.

Приступаю къ описанію воспоминаній моихъ о произшествіяхъ, взволновавшихъ едва не всю Россію.

До Ноября 1825 года мы по прежнему въ Житомірѣ прозябали и практиковались служебнымъ многописаніемъ. Въ Ноябрѣ, не припомню какого числа, темнымъ вечеромъ, пріѣзжаетъ въ городъ какая то личность и тотъ часъ является къ генералу Роту. Что между ними происходило, мнѣ неизвѣстно, только Ротъ призвалъ къ себѣ Горчакова; послѣдній собственноручно пишетъ донесеніе въ Дибичу, находившемуся въ Таганрогѣ съ Императоромъ, печатаетъ конвертъ и въ эту же ночь отправляется съ тѣмъ конвертомъ въ Таганрогъ адъютантъ Рота графъ Штейнбокъ, а явившаяся личность тою же ночью исчезаетъ изъ Житоміра. Прибывъ въ Таганрогъ, Штейнбокъ застаетъ

Государя уже скончавшимся и отдаетъ конвертъ съ надписью „*секретно*“ и „*о самонужнѣйшемъ*“ прямо въ руки Дибичу (такъ было приказано). По прочтеніи бумагъ Дибичъ спросилъ Штейнбока: *вы не знаете о чемъ эти бумаги?* Получивъ отвѣтъ, что не знаетъ, вновь прочиталъ бумаги и опять спросилъ: „*такъ вы точно не знаете*“? Послѣ отрицательнаго отвѣта Дибичъ послалъ за княземъ Волконскимъ и генералъ-адъютантомъ Чернышевымъ и, спросивъ Штейнбока, сколько дней онъ ѣхалъ и не заѣзжалъ ли къ кому, отпустилъ его, сказавъ: „*вы будете награждены; ступайте,—отдохните; васъ скоро отправятъ*“.

На другой же день изъ Таганрога выѣхалъ Чернышевъ въ Тульчинъ къ графу Витгенштейну, а на третій Штейнбокъ въ Житоміръ. Отъ него то и узнали мы о томъ, что до его поѣздки относилось; а позже узнали, что являвшаяся въ Житоміръ таинственная личность былъ капитанъ *Майборода* Вятскаго пѣхотнаго полка, которымъ командовалъ полковникъ Пестель, и, состоя самъ въ заговорѣ, пріѣзжалъ съ доносомъ о томъ заговорѣ, отвезенномъ Штейнбокомъ въ Таганрогъ *).

Вскорѣ послѣ отъѣзда Штейнбока въ Таганрогъ, въ Житомірѣ между евреями распространился слухъ о кончинѣ Императора Александра; а вслѣдъ за тѣмъ мы изъ главной квартиры получили повелѣніе о совершеніи присяги новому Императору Константину Павловичу, что Ротъ со всѣмъ корпуснымъ штабомъ немедленно и исполнилъ въ православномъ соборѣ, гдѣ я гласно прочелъ предъ присягавшими присланную присягу. Архіерея тогда не было; онъ жилъ въ м. Ямполѣ.

Едвали, сколько могу припомнить, мы не одновременно получили свѣдѣніе о возмущеніи въ Петербургѣ 14-го Декабря и повелѣніе изъ главной квартиры совершить новую присягу Императору Николаю Павловичу.

На второй или третій день Рождества Христова предписано Роту объ арестованіи полковыхъ командировъ: Ахтырскаго гусарскаго Артамона Муравьева, Александропольскаго пѣхотнаго Повало-Швейковскаго и

---

*) Въ дополненіе и объясненіе этого мѣста «воспоминаній» считаемъ нелишнимъ привести нѣсколько строкъ изъ донесенія Дибича вел. кн. Николаю Павловичу 4 Дек. 1825 г. (См. Русск. Стар. 1897 г. Февр. Междуцарствіе въ Россіи), «получилъ я, писалъ Дибичъ, 1-го Декабря, съ прибывшимъ сюда, въ Таганрогъ, адъютантомъ генералъ лейтенанта Рота, поручикомъ гусарскаго, принца Оранскаго полка, гр. Штейнбокомъ, отъ сего генерала рапортъ и письмо, писанное рукою начальника корпуснаго штаба г-м. Горчакова, и при нихъ письмо Вятскаго пѣхотнаго полка кап. Майбороды на высочайшее имя.—Капит. Майборода

полковника Тизенгаузена—Полтавскаго пѣхотнаго, и объ отправленіи ихъ подъ крѣпкою стражею, со всѣми бумагами, какія у нихъ найдутся, въ главную квартиру арміи въ г. Могилевъ на Днѣпрѣ.

Для арестованія Тизенгаузена былъ отправленъ я въ Бобруйскъ, гдѣ полкъ его содержалъ караулы; но Тизенгаузенъ предъ тѣмъ за нѣсколько дней выѣхалъ въ г. Кіевъ къ полковнику князю Трубецкому и потому я арестованія его исполнить не могъ. Возвращаясь въ Житоміръ, на почтовыхъ станціяхъ встрѣтилъ главнаго заговорщика, полковника Пестеля, арестованнаго Чернышевымъ и отправленнаго имъ въ Петербургъ; не зная его и преступленія его, по его приглашенію завтракалъ съ нимъ; потомъ встрѣтилъ ѣхавшихъ на перекладныхъ тоже подъ стражею Швейковскаго и Муравьева; первый былъ веселъ и смѣялся своему аресту, послѣдній же при разговорѣ со мною хныкалъ и клялся, что онъ ни въ чемъ не виноватъ. Странно было видѣть высокаго дебелаго мужчину,—проливающимъ слезы, подобно старой бабѣ. Какъ извѣстно, оба они, а съ ними и горбунъ Тизенгаузенъ, дальній родственникъ Дибича, оказались важными государственными преступниками и сосланы въ Сибирь на каторжныя работы.

Въ Житомірѣ я узналъ о возмутившемся Черниговскомъ полку; это беззаконіе совершилъ обманомъ подполковникъ Муравьевъ—Апостолъ (Сергѣй) съ своими клевретами. Въ тоже время изъ главной квартиры и днемъ и ночью были присылаемы жандармы съ бумагами объ арестованіи то того, то другаго офицера изъ корпуса и отправленіи ихъ въ сопровожденіи офицера и двухъ жандармовъ прямо въ Петербургъ въ слѣдственную коммиссію. Помню такой забавный случай: одного арестованнаго артиллерійскаго офицера отвезъ въ Петербургъ той же артиллерійской бригады подпоручикъ Веденятинъ и по возвращеніи оттуда о сдачѣ арестанта представилъ въ корпусный штабъ квитанцію; едва онъ успѣлъ доѣхать до своей батареи, какъ, по предписанію

говоритъ въ письмѣ семъ, что, подозрѣвая давно полковаго своего командира, полковника Пестеля въ незаконныхъ связяхъ къ нарушенію общаго спокойствія дабы лучше о томъ узнать, поддавался притворно и тѣмъ открылъ, что въ Россіи существуетъ уже болѣе 10-лѣтъ и болѣе и болѣе увеличивается общество либераловъ, корень котораго въ Россіи и въ нѣкоторыхъ прилежащихъ мѣстахъ ему, Майбородѣ, извѣстны, и т. д..... Въ томъ же письмѣ проситъ Майборода представиться лично государю императору съ тѣмъ, чтобы препоручено было довѣренной особѣ привезть его сюда. Онъ считаетъ жизнь свою въ опасности и посему нерѣшаясь открыться своему высшему начальству, проситъ перевода изъ второй арміи, куда угодно будетъ. Въ случаѣ же, что теперь увидитъ себѣ опасность, намѣренъ спастись къ г-лейт. Роту.—Генералъ Ротъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ прибавляетъ, что Майборода, явясь къ нему въ Житоміръ, объявилъ ему еще лично, при прозьбѣ о доставленіи открытаго

изъ главной квартиры, его самого арестовали и отправили въ Петербургъ. Много было штабъ и оберъ-офицеровъ въ 3-мъ корпусѣ нахватано и отослано въ Петербургъ; изъ нихъ очень мало возвратидось оправданными. Это было для насъ тяжелое время; я и товарищъ мой Губаревъ дневали и ночевали въ дежурствѣ, принимая жандармовъ, привозимыя ими бумаги и немедленно исполняя по нимъ приказанія начальства.

Возмутившійся Черниговскій полкъ шатался съ мѣста на мѣсто; дисциплина въ немъ исчезла, офицеровъ не слушались и предавались пьянству и буйству. Для усмиренія полка шло нѣсколько гусарскихъ эскадроновъ съ конною артиллеріею подъ командою генералъ-маіора барона Гейсмара. Помню, что въ концѣ бумаги отъ начальника главнаго штаба 1-й арміи Поля къ генералу Роту насчетъ полка было приписано собственноручно, чтобы бунтовщикамъ не давать пощады.

Гейсмаръ настигъ полкъ на его переходѣ; онъ тянулся въ величайшемъ безпорядкѣ; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ ядрами и картечью, солдаты бросили ружья, большая часть которыхъ были незаряжены и имѣли деревянные кремни, и ударились на утекъ, а гусары кололи и рубили это жалкое стадо. Послѣ такого побоища, совершеннаго въ началѣ Января 1826 года, труднѣе было разбѣжавшихся собрать и отвесть въ Бѣлую Церковь со всѣми захваченными офицерами. Генералъ Ротъ, пріѣхавши къ отряду побѣдителей на другой день разбитія полка (4 Января), ужасно гнѣвался на Гейсмара за то, что онъ, по силѣ даннаго ему предписанія, не дождался его Рота прибытія и дерзнулъ безъ него одержать *блистательную* побѣду надъ бунтовщиками; не менѣе того однако же онъ съ мѣста побоища отъ своего имени послалъ къ главнокомандующему Сакену въ Могилевъ съ капитаномъ Стихомъ реляцію объ окончаніи дѣла и возвратился съ досадою въ душѣ въ Житомиръ. Это донесеніе Рота изъ Могилева было отправлено въ Петербургъ съ тѣмъ же Стихомъ и тамъ такъ были осчастливлены развязкою этой несчастной исторіи, что Стихъ произведенъ въ подполковники, а самъ Ротъ получилъ ленту Александра Невскаго. Съ своей стороны и скупая графиня Браницкая отъ радости, что избавилась отъ опаснаго посѣщенія Черниговскаго полка,

---

упомянутаго письма, что общество, о которомъ онъ говоритъ, было составлено подъ именемъ общества просвѣщенія, что впослѣдствіи многіе отъ него отклонились.. .. и что они вѣрно не отказались бы въ открытіи дальнѣйшихъ свѣдѣній..... сверхъ сего объявилъ Майборода, что деньщикъ Пестеля, Савенко, ему совершенно преданный, знаетъ много подробностей и гдѣ важнѣйшія бумаги, кои хранятся частью въ двухъ зеленыхъ портфеляхъ. Майборода уѣхалъ обратно въ свой полкъ и надѣется, что скроетъ поѣздку свою въ Житомиръ». Ред.

раскошелилась и прислала гусарамъ побѣдителямъ 600 р. асс. Эта Екатерининская оберъ-гофмейстерина при началѣ возмущенія, когда оно возникло не далеко отъ ея резиденціи, боясь разграбленія, милліоны свои и драгоцѣнности, какъ говорили, спровадила въ Кіевскую крѣпость.

Надо правду сказать, что и самыя наши власти, начиная съ Петербурга и кончая Житоміромъ, таки достаточно струхнули при возмущеніи цѣлаго полка, предполагая, что примѣру его и другіе послѣдуютъ, особенно тѣ полки, командиры коихъ были арестованы и увезены въ Петербургъ. Но сего, къ счастію, не случилось.

Взятыхъ при разбитіи Черниговскаго полка офицеровъ предписано было въ оковахъ и подъ стражею отправить на почтовыхъ въ Петербургъ. Это отправленіе Ротъ поручилъ было исполнить князю Горчакову, который для того и выѣхалъ въ Бѣлую Церковь и я съ нимъ. Оно совершилось въ Февралѣ мѣсяцѣ и я былъ не вольнымъ свидѣтелемъ этой возмутительной транспортировки и записывалъ чины и фамиліи для составленія донесенія. Отправленіе ихъ сдѣлано было ночью и кончилось рано утромъ. Помню, что Муравьевъ—Апостолъ былъ съ обвязанною платкомъ головою, потому что былъ раненъ, впрочемъ слегка; онъ былъ средняго роста, плечистый, здоровый мужчина, глаза имѣлъ сѣрые и быстрые и вообще лицо серьезное. Находили въ немъ сходство съ Наполеономъ 1-мъ. За нимъ ввели подпоручика Полтавскаго полка Бестужева—Рюмина, фанатика, восторженнаго; онъ обратился къ князю Горчакову и громкимъ голосомъ произнесъ: *„Ваше Сіятельство, у меня въ Москвѣ престарѣлый отецъ; до него дойдутъ обо мнѣ слухи превратные, ужасные; это убьетъ его; умоляю Васъ предупредить его и увѣдомить обо мнѣ“*. Горчаковъ обѣщалъ (разумѣется не исполнилъ и не могъ исполнить) и при этомъ обѣщаніи Бестужевъ вскричалъ: *„такъ вы мнѣ обѣщаете! Позвольте мнѣ пожать вашу руку“*. Горчаковъ сдѣлалъ было движеніе къ нему, что бы дать ему руку, которую уже и протянулъ, но остановился и сказалъ ему сурово, грозно: *„Государственному преступнику руки я не даю“*,—отвернулся и ушелъ въ другую комнату. Тогда Бестужевъ воскликнулъ: „Боже мой, Боже мой“! и обратясь ко мнѣ, попросилъ моей руки; не видя въ томъ ничего особенно важнаго, а тѣмъ менѣе преступнаго, я подалъ ему мою руку, которую онъ, крѣпко пожавъ, произнесъ: *„благодарю“*!—Въ тотъ же день мы возвратились въ Житоміръ.

Въ концѣ Марта или въ началѣ Апрѣля Ротъ, самъ ли отъ себя, или по повелѣнію свыше, объѣзжалъ нѣкоторые полки 8-й пѣхотной дивизіи, изъ которыхъ много офицеровъ, по принадлежности ихъ къ

тайнымъ злонамѣреннымъ обществамъ, было арестовано и отправлено въ Петербургъ. Цѣль этой поѣздки была развѣдать двухъ оставшихся офицеровъ и самихъ солдатъ. Для той цѣли и меня взялъ съ собою въ качествѣ сыщика,—что было крайне мнѣ непріятно,—и одинъ разъ въ запальчивости, за показавшееся ему дерзкимъ мое возраженіе, едва не выбросилъ меня изъ коляски на дорогѣ. Задача была не разрѣшимая; никакого враждебнаго духа не открыто; все обстояло благополучно и мы возвратились въ Житоміръ.

Вскорѣ послѣ этой поѣздки нежданно и негаданно пріѣхалъ къ намъ начальникъ главнаго штаба 1-й арміи Толь и остановился въ трактирѣ. Ротъ, какъ младшій въ чинѣ, явился къ нему въ парадной формѣ и съ рапортомъ. Толь встрѣтилъ его съ шпагою на боку и шляпою въ рукѣ. Не долго Ротъ оставался у него и, возвратясь въ бѣшенствѣ на квартиру, сказалъ предъ ожидавшими его близкими къ нему лицами: *„мнѣ выговоръ! Не хочу служить"!*.—Послѣ адъютантъ Толя объяснилъ намъ, что штабъ и оберъ-офицеры въ Петербургской слѣдственной коммиссіи приносили жалобу на дерзкое обращеніе Рота и Императоръ повелѣлъ Толю отправиться въ Житоміръ и лично объявить ему крайнее Его Величества неудовольствіе. Толь по исполненіи Высочайшей воли въ тотъ же день отправился во свояси въ Могилевъ.

Едва ли не вслѣдъ за этимъ посѣщеніемъ Толя начальникомъ нашего 3-го пѣхотнаго корпуса былъ назначенъ изъ 2-й арміи генералъ Рудзевичъ, а Ротъ корпуснымъ начальникомъ во 2-ю армію къ графу Витгенштейну. Весь корпусный штабъ, съ начальникомъ его во главѣ, княземъ Горчаковымъ, наканунѣ отъѣзда, какъ подобаетъ, въ парадной формѣ собрался къ нему и мирно простился; онъ благодарилъ за службу и нѣкоторыхъ облобызалъ. Мы не проливали слезъ, но сожалѣли, теряя его; мы уже примѣнились къ его характеру, знали его привычки, капризы и, по совѣсти, не имѣли права на него жаловаться и осуждать его; для исправныхъ по службѣ и умѣвшихъ держать себя онъ рѣдко забывался и былъ доступенъ. Недѣли за двѣ до отъѣзда Ротъ получилъ казенный орденъ св. Александра Невскаго, т. е. ленту съ крестомъ и звѣзду; послѣдняя была изъ папки и украшена серебряными блестками (въ нынѣшнее царствованіе дается серебряная), которую онъ мнѣ подарилъ на память и которая теперь у меня хранится.

Пріѣхалъ и Рудзевичъ и вступилъ въ командованіе корпусомъ. При представленіи къ нему штаба онъ былъ холоденъ и ни какого не сказалъ служебнаго спича; онъ видимо былъ недоволенъ перемѣщеніемъ изъ 2-й арміи и своимъ назначеніемъ и какъ будто чуждался

раскошелилась и прислала гусарамъ побѣдителямъ 600 р. асс. Эта Екатерининская оберъ-гофмейстерина при началѣ возмущенія, когда оно возникло не далеко отъ ея резиденціи, боясь разграбленія, милліоны свои и драгоцѣнности, какъ говорили, спровадила въ Кіевскую крѣпость.

Надо правду сказать, что и самыя наши власти, начиная съ Петербурга и кончая Житоміромъ, таки достаточно струхнули при возмущеніи цѣлаго полка, предполагая, что примѣру его и другіе послѣдуютъ, особенно тѣ полки, командиры коихъ были арестованы и увезены въ Петербургъ. Но сего, къ счастію, не случилось.

Взятыхъ при разбитіи Черниговскаго полка офицеровъ предписано было въ оковахъ и подъ стражею отправить на почтовыхъ въ Петербургъ. Это отправленіе Ротъ поручилъ было исполнить князю Горчакову, который для того и выѣхалъ въ Бѣлую Церковь и я съ нимъ. Оно совершилось въ Февралѣ мѣсяцѣ и я былъ не вольнымъ свидѣтелемъ этой возмутительной транспортировки и записывалъ чины и фамиліи для составленія донесенія. Отправленіе ихъ сдѣлано было ночью и кончилось рано утромъ. Помню, что Муравьевъ—Апостолъ былъ съ обвязанною платкомъ головою, потому что былъ раненъ, впрочемъ слегка; онъ былъ средняго роста, плечистый, здоровый мужчина, глаза имѣлъ сѣрые и быстрые и вообще лицо серьезное. Находили въ немъ сходство съ Наполеономъ 1-мъ. За нимъ ввели подпоручика Полтавскаго полка Бестужева—Рюмина, фанатика, восторженнаго; онъ обратился къ князю Горчакову и громкимъ голосомъ произнесъ: „*Ваше Сіятельство, у меня въ Москвѣ престарѣлый отецъ; до него дойдутъ обо мнѣ слухи превратные, ужасные; это убьетъ его; умоляю Васъ предупредить его и увѣдомить обо мнѣ*“. Горчаковъ обѣщалъ (разумѣется не исполнилъ и не могъ исполнить) и при этомъ обѣщаніи Бестужевъ вскричалъ: „*такъ вы мнѣ обѣщаете! Позвольте мнѣ пожать вашу руку*“. Горчаковъ сдѣлалъ было движеніе къ нему, что бы дать ему руку, которую уже и протянулъ, но остановился и сказалъ ему сурово, грозно: „*Государственному преступнику руки я не даю*“,—отвернулся и ушелъ въ другую комнату. Тогда Бестужевъ воскликнулъ: „Боже мой, Боже мой“! и обратясь ко мнѣ, попросилъ моей руки; не видя въ томъ ничего особенно важнаго, а тѣмъ менѣе преступнаго, я подалъ ему мою руку, которую онъ, крѣпко пожавъ, произнесъ: „*благодарю*“!—Въ тотъ же день мы возвратились въ Житоміръ.

Въ концѣ Марта или въ началѣ Апрѣля Ротъ, самъ ли отъ себя, или по повелѣнію свыше, объѣзжалъ нѣкоторые полки 8-й пѣхотной дивизіи, изъ которыхъ много офицеровъ, по принадлежности ихъ къ

При колоніи Сатуново, на Дунаѣ, Императоръ Николай въ Маѣ мѣсяцѣ изволилъ осмотрѣть весь нашъ корпусъ и остался весьма доволенъ, особенно 3-й гусарской дивизіей генерала Ридигера; о чемъ отданъ былъ Высочайшій приказъ, въ составленіи коего съ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба Его Величества генераломъ Потаповымъ и я участвовалъ свѣдѣніями о названіи войскъ и фамиліи ихъ начальниковъ. Между тѣмъ, для переправы чрезъ Дунай противъ крѣпости Исакчи вооруженною рукою проложили къ Дунаю чрезъ густѣйшій тростникъ дорогу, устроили на ней гати и мосты и на самомъ берегу въ камышахъ соорудили батарею на 6-ть орудій. Наканунѣ переправы я всю ночь съ Рудзевичемъ провелъ на этой батареѣ. Едва начало мерещиться 27 Мая, какъ наши батареи стали дѣйствовать; турки отвѣчали тѣмъ же и почти весь день происходила пальба. Здѣсь въ первый разъ я былъ въ сраженіи; свистъ ядеръ оглушалъ меня и сначала я было сталъ каждому мусульманскому ядру униженно кланяться, но потомъ попривыкъ и не воздавалъ уже имъ болѣе моего высокопочтенія. На вечеръ турки были сбиты и ретировались. Я съ своимъ генераломъ отправился на непріятельскій берегъ на небольшой лодкѣ; весь день у меня во рту не было ни крошки; я однако же запасся двумя пшеничными морскими сухарями; плывя по водѣ, тощій мой желудокъ доложилъ о себѣ; я вынулъ изъ кармана одинъ сухарь и сталъ его размачивать въ Дунаѣ; онъ былъ твердъ, какъ камень; это увидѣлъ Рудзевичъ, взялъ у меня и остальной сухарь и тоже началъ размачивать и грызть. Вышедши на берегъ, когда уже смеркалось, мы расположились на взятомъ непріятельскомъ укрѣпленіи; я, по приказанію Рудзевича, составилъ краткую побѣдную реляцію о переправѣ чрезъ Дунай съ представленіемъ списка о удостоиваемыхъ къ наградамъ; Рудзевичъ предлагалъ мнѣ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, но я пожелалъ быть переведеннымъ въ гвардію и меня перевели тѣмъ же чиномъ лейбъ-гвардіи въ Павловскій полкъ, въ тотъ полкъ, который и до нынѣ отличается уродственными головными кичками.

Послѣ переправы чрезъ Дунай корпусъ потянулся къ Шумлѣ; его велъ самъ Императоръ; жары были нестерпимыя; воду встрѣчали только въ фонтанахъ; строгость и взысканія за разныя неизбѣжныя мелочи насъ утомляли; при оз. Карасу съ нами соединились пришедшія изъ подъ Браилова войска; при Карасу застигла насъ ужасная буря съ ливнемъ; всѣ палатки были снесены; наконецъ, мы доплелись до Шумлы страшно утомленные. Присутствіе Государя при войскахъ и постоянное ефрейторство сильно насъ смущало. Не стану описывать кампанію 1828 года,—она извѣстна. Императоръ отправился къ Варнѣ. При Шумлѣ мы стояли въ палаткахъ; я имѣлъ особую; со мною помѣщался свитской части капитанъ Тиличѣевъ, трусъ естественный. Всѣ штабные чины обѣдали у Рудзевича.

До Октября мы толклись безъ успѣха и пользы около Шумлы, а въ началѣ этого мѣсяца войска сняли блокаду и нашъ 3-й пѣхотный корпусъ отправился на зимнія квартиры въ княжество Молдавское. Корпусный штабъ расположился въ грязномъ г. Фокшанахъ. Кн. Горчаковъ, какъ выше было сказано, былъ устраненъ отъ дѣлъ, а Хондаковъ задумалъ объ отставкѣ и тоже пересталъ заниматься и потому со всѣми бумагами и докладами я ходилъ къ Рудзевичу. Этотъ добрый генералъ оказывалъ полное ко мнѣ довѣріе и расположеніе; бывало не сядетъ обѣдать безъ меня и сердился, когда я не приходилъ къ столу. Фокшаны мнѣ памятны по снѣгамъ: разъ выпалъ такой снѣгъ, что прервалъ всякое между домами сообщеніе; въ другой разъ Рудзевичъ, отправившись съ мною для осмотра полковъ, съ первой же станціи долженъ былъ возвратиться, по невозможности ѣхать далѣе по занесенной снѣгомъ дорогѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до открытія кампаніи 1829 года послѣдовали въ главномъ штабѣ арміи новыя назначенія, такъ: вмѣсто Витгенштейна,—главнокомандующимъ Дибичъ; вмѣсто Киселева,—Начальникомъ главнаго штаба Толь: вмѣсто князя Горчакова (нашего брата), генералъ-квартирмейстеромъ Бутурлинъ и вмѣсто Байкова, дежурнымъ генераломъ Обручевъ. Въ послѣднюю должность былъ приглашаемъ нашъ князь Горчаковъ, но онъ отказался почемуто. А какъ Рудзевичъ былъ старше въ чинѣ Дибича и сверхъ того, будучи подстрекаемъ чистолюбивою своею женою и проѣзжавшимъ тогда чрезъ Фокшаны въ Россію графомъ Ланжерономъ, тоже отказавшимся, какъ старшій, состоять подъ командою Дибича,—то сталъ манкировать службою и за то получилъ замѣчаніе, а вслѣдъ затѣмъ и новое назначеніе командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса въ Россію. Онъ собрался и готовъ былъ уже выѣхать и взять меня съ собою, какъ апоплексическій ударъ по утру на суднѣ мгновенно прекратилъ жизнь его и служебное поприще, похвально имъ пройденное. Тѣло съ двумя его адъютантами,—Энгельгартомъ и Томарою, отправлено на родину его въ Крымъ. Причину скоропостижной его смерти полагали двоякою: оскорбленное и униженное самолюбіе, и совершенное отсутствіе всякаго движенія при его полнотѣ и сырой комплекціи.

На мѣсто Рудзевича командиромъ нашего 3-го пѣхотнаго корпуса назначенъ генералъ-лейтенантъ Красовскій, необразованный науками, нѣсколько горячій, но имѣвшій особенную способность возбуждать духъ солдата и быть ими любиму. Искусный, храбрый генералъ пользовался большою довѣренностію у Дибича. Корпусъ двинулся изъ Молдавіи въ Болгарію къ Черноводамъ на присоединеніе къ прочимъ войскамъ, и корпусный штабъ выступилъ изъ Фокшанъ. На первомъ переходѣ у одного служителя князя Горчакова оказалась чума и князя со всѣми

его людьми и обозомъ оставили на мѣстѣ, а сами слѣдовали далѣе къ Дунаю.—Изъ подъ Черноводъ собравшіяся войска двинулись къ Силистріи, откуда Дибичъ пошелъ къ Шумлѣ, а Красовскій съ корпусомъ остался у Силистріи для покоренія этой крѣпости.—Около двухъ мѣсяцевъ мы бились и возились съ Силистріею; наконецъ, она сдалась и на другой день меня Красовскій послалъ въ крѣпость еще въ полной власти непріятеля находившуюся затѣмъ, что бы быть свидѣтелемъ сдачи турками оружія. Я взялъ съ собою двухъ конныхъ казаковъ и лишь проѣхалъ крѣпостныя ворота, какъ вдругъ очутился предъ брадатымъ Пашою, который сидѣлъ въ бесѣдкѣ съ кальяномъ въ зубахъ, а турки сбрасывали предъ нимъ въ кучу свое оружіе: ружья, пистолеты, сабли, ятаганы и кинжалы, выламывая изъ нихъ, гдѣ было, серебро, какъ это было отъ насъ имъ дозволено. Я привѣтствовалъ Пашу наклоненіемъ головы; онъ тоже кивнулъ мнѣ головою; потомъ я сѣлъ и смотрѣлъ на сцену швырянія оружія. Я не совсѣмъ былъ спокоенъ по среди этихъ варваровъ, которые звѣрски смотрѣли на гяура; но послѣ я еще больше испугался, когда Паша чрезъ переводчика сказалъ мнѣ, что нѣсколько нашихъ людей проникнули въ крѣпость и грабятъ дома. Я въ туже минуту съ казакомъ послалъ о томъ записку Красовскому; онъ прислалъ роту и оказалось, что эти мошенники—грабители были безстрашные деньщики, искавшіе по домамъ поживы. До глубокой ночи я оставался въ крѣпости и, уѣзжая оттуда въ лагерь, нагрузилъ моихъ двухъ казаковъ отобраннымъ мною лучшимъ и разнаго рода турецкимъ оружіемъ, которое и раздарилъ; одинъ только ятаганъ съ серебряною ручкою остается и до нынѣ у меня. Изъ сданнаго оружія Красовскій отобралъ лучшее и на двухъ повозкахъ отправилъ въ Россію для оружейной Великаго Князя Михаила Павловича. Главный Силистрійскій Паша подарилъ побѣдителю своему, Красовскому, отличнаго бѣлаго жеребца съ нарядною сбруей, а побѣдитель отдарилъ побѣжденнаго двумя дюжинами шампанскаго. Правовѣрные, не смотря на запрещеніе корана, любятъ таки выпить; я убѣжденъ, что если бы самому пророку Магомету попалась въ руки шипучая, не отказался бы вкусить этого запрещеннаго Аллахомъ шербета. Я видѣлъ, какъ одинъ полковникъ низама, бывшій у насъ въ плѣну, стаканами пилъ ликеръ и въ присядку плясалъ съ солдатами.

За взятіе Силистріи Красовскій награжденъ орденомъ Св. Владиміра 1-й ст., чѣмъ онъ не былъ доволенъ, утверждая, что по статуту онъ имѣлъ право на Георгія 2 класса;—а меня произвели въ подполковники; чрезъ три же мѣсяца я былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офецеромъ на мѣсто Хондакова, получившаго отставку.

Изъ подъ Силистріи мы пошли къ Шумлѣ, гдѣ Дибичъ оставилъ нашъ корпусъ съ тою цѣлію, чтобы тревожить засѣвшаго въ Шумлѣ

визиря покушеніями на оную и заставить его тамъ сидѣть; что Красовскій отлично исполнилъ, безпрерывно маневрируя около Шумлы и показывая видъ, что хочетъ взять ее; а между тѣмъ Дибичь перешелъ за Балканы, бралъ городъ за городомъ, затѣмъ Адріанополь и заключилъ миръ.

Подъ Шумлою я имѣлъ случай видѣть и быть въ палаткѣ Гуссейнъ-Паши, истребителя Янычаръ; глаза у него маленькіе, быстрые, лицо рябоватое, звѣрское; онъ угощалъ насъ трубками и кофе. Видѣлъ я также и самого визиря съ черною окладистою бородою и чрезвычайно располагающею физіономіею; ему Красовскій тоже подарилъ цѣлый ящикъ шампанскаго.

Подъ Шумлою я жестоко заболѣлъ тамошнею лихорадко-горячкою и послѣ заключенія мира едва дотащился до зимнихъ квартиръ въ Варну, гдѣ нѣсколько поправился и долженъ былъ вступить въ исправленіе своей должности. Казенный мой деньщикъ Андрей, не смотря на свою лѣнь, во время моей болѣзни усердно за мною ухаживалъ.

Въ Варнѣ мы простояли до весны 1830 года; тамъ тяжелая была для меня работа по устройству разстроеннаго войною корпуса; я до того исчахъ, что князь Горчаковъ навѣрное полагалъ, что кости мои будутъ положены въ Варнѣ, гдѣ находилась безъизвѣстная могила и моего милаго брата Тони; да и самъ Горчаковъ подвергся одинаковой со мною болѣзни и бредилъ въ жару тѣмъ, что оставалось у него въ памяти отъ чтенія книгъ ему мною даваемыхъ, наприм., Дмитрія Самозванца Булгарина и тому подобныхъ, мнѣ изъ Петербурга присылавшихся.

Ко времени нашей стоянки въ Варнѣ относится: 1) взломъ моихъ золотыхъ часовъ, похищеніе изъ оныхъ всего внутренняго механизма, находившимся у меня въ услуженіи 14 лѣтнимъ Болгариномъ и побѣгъ его и 2) благополучное шествіе 2-го пѣхотнаго корпуса изъ за Балканъ въ Россію.— Высочайшее повелѣніе объ этомъ движеніи получено было поздно, уже осенью 1829 года и корпусъ изнуренный, истерзанный отъ похода, чумы, болѣзней и недостатка продовольствія, начавъ переходить чрезъ Балканы, внезапно застигнутъ былъ сильными морозами и жестокими вьюгами; по дорогѣ отъ самыхъ Балканъ до Дуная, обозы двигались лошадей и людей; замерзшихъ было множество, а въ степяхъ, по коимъ онъ двигался, не было ни жилищъ, ни дровъ, что бы развести огонь и обогрѣться; стояло только множество стоговъ сѣна еще накошеннаго въ 1828 году для войскъ и сберегаемаго генералъ-интендантомъ Абакумовымъ,—Богъ знаетъ для чего—яко зеницу ока. Командовавшій временно корпусомъ генералъ-лейтенантъ Сулима

дозволилъ нѣсколько стоговъ употребить войскамъ для разведенія огня и за то отъ Дибича получилъ строгій выговоръ. Одна батарея потеряла всѣхъ своихъ лошадей и за то полковникъ Шамборанъ отрѣшенъ отъ батареи. Словомъ, корпусъ бѣдствовалъ, а командиръ его графъ Петръ Паленъ предъ началомъ движенія уѣхалъ въ Россію.

Съ открытія весны и главная квартира арміи стала возвращаться изъ Адріанополя; при Варнѣ она имѣла дневку и была расположена въ палаткахъ за крѣпостью. Мы встрѣчали Дибича; онъ былъ молчаливъ, печаленъ, грустенъ; онъ потерялъ супругу, умершую въ Петербургѣ въ Мартѣ 1830 года.

Вскорѣ потомъ и нашъ корпусъ выступилъ во свояси: корпусный штабъ въ Одессу, потому что генералу Красовскому повелѣно было временно исправлять должность генералъ-губернатора Новороссійскаго края, въ продолженіи даннаго графу Воронцеву отпуска за границу.

Изъ Молдавіи я вывезъ нѣсколько отличныхъ къ трубкамъ янтарей, пять саженныхъ черешневыхъ чубуковъ и до десяти штучекъ шелковой матеріи, изъ которыхъ три штуки взялъ у меня князь Горчаковъ для своей супруги; была у меня пара превосходныхъ сильныхъ лошаковъ, добытыхъ казаками при рекогноцировкѣ, которыхъ я продалъ за 40 червонцевъ одному Бояру въ Бессарабіи при слѣдованіи въ Одессу, и, наконецъ, въ карманѣ у меня находилось до 2 руб. ассигн. Я былъ богачъ!

Въ Одессѣ мнѣ и корпусному дежурству отвели цѣлый каменный двухэтажный домъ съ мебелью и хозяйственными заведеніями; я занималъ весь первый этажъ, состоящій изъ 8-ми комнатъ, а въ нижнемъ помѣщались писаря и дежурство, или комнаты, въ которыхъ совершалась операція многописанія. Я кромѣ прежней безобразной повозки неимѣлъ ни какого иного экипажа, а между тѣмъ былъ дежурнымъ штабъ-фицеромъ. По прибытіи въ Одессу я купилъ подержанныя дрожки и пару упряжныхъ лошадей. Все было бы въ Одессѣ хорошо, если бы было воды болѣе, а пыли и грязи менѣе; отъ послѣдней моя коренная надорвалась и околѣла.

Въ Одессѣ мы застали еще графа Воронцова и потому всѣ чины корпуснаго штаба, въ отсутствіе Красовскаго, были ему представлены княземъ Горчаковымъ. Онъ принялъ насъ въ библіотекѣ великолѣпнаго своего дворца. Въ Одессѣ же я не разъ видалъ и встрѣчалъ г-жу Нарышкину, урожденную графиню Потоцкую, съ которою, какъ говорили, Воронцовъ имѣлъ интимныя сношенія. Прелестное воздушное созданіе.

Въ этой же Одессѣ Красовскій хотѣлъ было меня женить на падчерицѣ покойнаго генерала Сабанѣева, дѣвушкѣ 16 лѣтъ и довольно

достаточной по землѣ въ Бессарабіи. Предложеніе мнѣ сдѣлалъ князь Горчаковъ, не объявивъ однако же, на комъ онъ меня сватаетъ, говоря только, что дѣвица достойная и не бѣдная; но видно судьбѣ не угоденъ былъ этотъ союзъ; я рѣшительно отказался *по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ*. Между тѣмъ какъ князь склонялъ меня къ женитьбѣ и требовалъ, что бы я подумалъ о его предложеніи, ни онъ, ни я незнали, и не предполагали, что моя будущая невѣста и жена росла въ его семействѣ. Эта падчерица, родная дочь корпуснаго штабъ-доктора, по старанію его же Красовскаго, выдана замужъ за генералъ-маіора Стиха и была страдалицею, а послѣ его смерти бездѣтная вдова вышла уже сама замужъ за какого то полковника.

Въ царствѣ Польскомъ вспыхнуло возмущеніе, была объявлена война; по желанію князя Горчакова онъ назначенъ былъ начальникомъ корпуснаго штаба въ 1-й корпусъ и уѣхалъ изъ Одессы. Я къ нему истинно былъ привязанъ и съ душевною скорбію простился съ нимъ; по его порученію, я отправилъ его семейство въ Москву къ роднымъ и распродалъ оставшіяся послѣ выѣзда ихъ разныя вещи. Къ намъ на мѣсто князя начальникомъ штаба назначенъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Фридриксъ, офицеръ умный, благородный и вѣжливый.

Наши бились уже съ поляками, а мы сидѣли въ Одессѣ; но раннею весною 1831 года намъ назначили новаго корпуснаго командира генерала Кайсарова, а Красовскаго на мѣсто его начальникомъ Главнаго штаба 1-й арміи къ князю Сакену и съ тѣмъ вмѣстѣ велѣно было корпусному штабу перейдти въ Житоміръ. Кайсаровъ прислалъ особое предписаніе, чтобы корпусный штабъ слѣдовалъ форсированнымъ маршемъ, а я (дежурный штабъ-офицеръ) и еще одинъ изъ старшихъ адъютантовъ на почтовыхъ прибыли къ нему въ Житоміръ. — Обдаривъ начальника таможеннаго округа Болховскаго штабъ-офицерскою палаткою за то, что бы чемоданы мои были чиновникомъ на моей квартирѣ опечатаны безъ контроля, я и старшій адъютантъ отправились въ знакомый намъ Житоміръ на перекладныхъ, и явились къ Кайсарову, который при сей вѣрной оказіи снабдилъ насъ словеснымъ наставленіемъ о нашихъ обязанностяхъ и проч. Извѣстно, Кайсаровъ всегда говорилъ и писалъ свысока и широковѣщательно. Послѣ, его превосходительство, узнавъ меня короче, оказывалъ полное ко мнѣ довѣріе и расположеніе. Онъ былъ скупъ; утверждаютъ, что когда то въ Молдавіи онъ столкнулъ съ высокой лѣстницы своего шурина Ланского и завладѣлъ его имѣніемъ. Онъ удаленъ былъ съ мѣста на-

чальника главнаго штаба арміи, какъ говорили, по настоянію князя Сакена, за связь съ его княгиня побочною дочерью полковницею Захаровою, и за частыя распри съ дежурнымъ генераломъ Карповымъ, фаворитомъ Сакена. Въ Житомірѣ нашли мы военнаго губернатора Левашова (бывшаго потомъ Графомъ), который навелъ страхъ на всѣхъ жителей своими распоряженіями и опасеніями нападенія и который, для сохраненія своей особы отъ врага, въ ночное время предъ квартирою своею ставилъ баталіонъ съ двумя заряженными орудіями и горящими фитилями.

Спустя недѣли три, корпусный штабъ передвинулся въ г. Острогъ, гдѣ одинъ разъ у Кайсарова я увидѣлъ генералъ-маіора Берга, возвращавшагося послѣ женитьбы своей изъ заграницы; мы съ нимъ сталкивались подъ Силистріей; онъ узналъ меня. Кто бы дерзнулъ тогда сказать, что это будущій главнокомандующій, генералъ-фельдмаршалъ и намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ! Изъ Острога я ѣздилъ въ Кіевъ какъ затѣмъ, чтобы поторопить коммисаріатскую коммиссію о высылкѣ вещей въ войска, такъ и еще болѣе по собственному интимному дѣлу. Изъ Острога чрезъ Дубно, Владиміръ Волынскій и Устилучъ вступили войска нашего корпуса въ Царство Польское и въ среднихъ числахъ Іюля обложили кр. Замосцъ,—альфа и омега безкровныхъ нашихъ подвиговъ. Сперва корпусный штабъ расположился въ огромной клунѣ, въ которой отгороженъ былъ для меня изъ хвороста особый уголъ, гдѣ я и поселился, преспокойно занимаясь дѣлами; въ этой же клунѣ, въ двухъ устроенныхъ раздѣльныхъ комнатахъ, помѣщались Кайсаровъ и баронъ Фридриксъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы перешли въ с. Сатанцы, расположились по крестьянскимъ хатамъ и тамъ кончили нашу кампанію.

Въ продолженіе блокады не произошло ничего замѣчательнаго; поляки вылазокъ не дѣлали и ни чѣмъ насъ не тревожили, а мы не могли и думать брать крѣпость безъ правильной осады и осадныхъ орудій. Кайсаровъ маневрировалъ: то приближался къ крѣпости, то возвращался на свою позицію; разъ попытался было склонить гарнизонъ къ сдачѣ угрозами, но и угрозы не помогли. За всѣмъ тѣмъ, цѣль наша была достигнута: на Волынь не было набѣговъ изъ крѣпости.

Но со мной произошла цѣлая исторія, а именно: въ Августѣ, я и оберъ-провіантмейстеръ Сервирогъ были отправлены въ г. Люблинъ для собранія подробныхъ свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ продовольствуется фуражемъ расположенная тамъ конно-егерская дивизія генерала Панкова, прикомандированная тогда къ нашему корпусу,—дивизія изнуренная, истасканная и не способная ни къ какому движенію, и какіе есть запасы въ магазинѣ. По исполненію сего пору-

ченія дня чрезъ три, возвращаясь изъ Люблина, я долженъ былъ остановиться въ г. Красноставѣ для осмотра коннаго лазарета. Пріѣхавъ туда въ бурную, дождливую ночь, я остался на почтовой станціи и въ ожиданіи разсвѣта прилегъ на канапѣ. О непріятелѣ рѣшительно слышно не было да онъ и не долженъ былъ явиться посреди нашихъ войскъ, а вышло противное. На самомъ разсвѣтѣ почтмейстеръ разбудилъ меня и вскричалъ по польски: *„пане полковнику, поляки съ городу; почтовые лошади ждутъ пана"!* Я стремглавъ вскочилъ, набросилъ на себя мокрый отъ дождя турецкій янычарскій изъ верблюжей шерсти съ капишономъ плащъ и, взявъ подъ мышку портфель съ бумагами и казенными деньгами до 1000 руб. асигн., выбѣжалъ на крыльцо къ почтовой повозкѣ,—но было уже поздно; поляки были на дворѣ, и именно отыскивали пріѣхавшаго почтою русскаго полковника, одинъ уланскій унтеръ-офицеръ, завидѣвъ меня, подскакалъ и, уставя пистолетъ, грозно требовалъ: *сдаться и брони*,—а эту бронь или неповинную мою шпагу, въ попыхахъ я забылъ въ комнатѣ; вбѣжавъ туда, я портфель мой проворно бросилъ подъ кровать, указавъ на него рукою почтмейстеру, который въ тотъ же день привезъ его самъ къ Кайсарову, и объявилъ о моемъ плѣнѣ. По окончаніи войны, этотъ почтмейстеръ, по фамиліи Голомбь, по моему старанію за свой добросовѣстный поступокъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й степ. И такъ я, оберъ-провіантмейстеръ Сервирогъ и еще не знаю гдѣ захваченный артиллерійскій капитанъ Миницкій, уроженецъ Каменецъ-Подольской губерніи ѣхавшій въ отпускъ да до 8 нижнихъ чиновъ, въ числѣ коихъ былъ фельдшеръ изъ жидовъ,—попались въ плѣнъ; меня съ Миницкимъ посадили въ ту же почтовую повозку, которая для меня была приготовлена почтмейстеромъ. Но прежде чѣмъ этотъ скитавшійся отрядъ, состоявшій изъ пѣшихъ и конныхъ до 200 челов., оставилъ Красноставъ, мы въ сообществѣ офицеровъ и самого предводителя этой банды, подполковника Щанецкаго, позавтракали у одного панка на скорую руку и пустились въ путь. Отрядъ пробирался лѣсами, болотами и глухими, малоѣзженными проселочными дорогами; его вели лѣсничіе, которые были въ отрядѣ на службѣ, *слѣдовательно* люди эти, зная хорошо мѣстность, могли безопасно вести отрядъ. Съ нами обращались вѣжливо; ни чего у насъ не отобрали, спрашивая только, нѣтъ ли казенныхъ денегъ. Этого рода деньги поляки отбирали, выдавая квитанціи. Мы обѣдали, ужинали и пили кофе *и арбату* всегда вмѣстѣ съ офицерами.

Между тѣмъ, Кайсаровъ, получивъ свѣдѣніе, привезенное почтмейстеромъ о путешествовавшемъ польскомъ отрядѣ и моемъ плѣненіи, отправилъ за нимъ гусаръ подъ командою генералъ-маіора Плаутина и съ двумя орудіями; этотъ отрядъ на третьемъ уже переходѣ слѣдо-

шли за нами по пятамъ, такъ что мы два раза, остановившись на ночлегъ, должны были въ глухую ночь подниматься и бѣжать; но поляки имѣли лучшихъ шпіоновъ, проводниковъ и мѣстные жители были на ихъ сторонѣ. Наконецъ мы благополучно достигли до г. Янова довольно рано и, считая себя въ совершенной безопасности отъ преслѣдованія, расположились на ночлегъ за городомъ на опушкѣ лѣса. На другой день чуть свѣтъ, когда все еще спало, послѣ наканунной гульбы, насъ пробудили два ядра, посланные изъ отряда Плаутина, только что прибывшаго въ Яновъ. Сдѣлалась тревога и страшная суматоха; довудца поляковъ прежде всего закричалъ: *„пленныхъ впередъ"*!, и насъ посадили въ повозки при конномъ конвоѣ, помчали по дорогѣ; мы видѣли однакоже, какъ за нами улепетывали храбрые поляки. Въ одномъ мѣстѣ путь раздѣлялся: къ австрійской границѣ, которая оттуда была близка, и къ Вислѣ въ м. Завихвостъ. Поляки въ страхѣ одни бѣжали къ границѣ, другіе и мы съ ними мчались къ Завихвосту. Мы слышали вдалекѣ выстрѣлы русскихъ и спокойно оставались на повозкахъ, подъ прикрытіемъ обнаженныхъ сабель и незная, что командовавшій поляками отдалъ еще на мѣстѣ приказаніе заколоть насъ, если мы покусимся бѣжать; не смотря однако же на то, изъ плѣнныхъ два солдата бѣжали въ лѣсъ и хотя вслѣдъ за ними и на нашихъ глазахъ посланы были нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ, но солдатики счастливо ускользнули. Напослѣдокъ, мы, т. е. одни только плѣнные, прежде всѣхъ прибыли къ Вислѣ и нашли нѣсколько уже приготовленныхъ лодокъ; насъ тотъ часъ перевезли на другую сторону въ Завихвостъ, откуда мы видѣли нашъ русскій отрядъ, преслѣдовавшій поляковъ. Но какъ ни скоро наши поспѣшали, не могли однако же настигнуть врага; прибѣжавъ къ рѣкѣ и бросивъ лошадей въ добычу, онъ переправился на лодкахъ; только вслѣдъ за нимъ послано было нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ. Русскіе кричали: *„отдайте намъ нашего полковника и убирайтесь къ чорту"*! Это требованіе увеличило значеніе мое; и въ польскихъ газетахъ напечатали, что взятъ въ плѣнъ *шефъ штаба*. Въ Завихвостѣ мы переночевали; ночью ко мнѣ приходилъ одинъ изъ поляковъ до революціи служившій лѣсничимъ, и предлагалъ мнѣ бѣжать съ нимъ, клятвою увѣряя, что это предпріятіе кончится успѣшно; но я отказался отъ рискованнаго этого дѣла; послѣ сему бывшему лѣсничему—шляхтичу я доставилъ мѣсто въ Варшавѣ; его фамилія Грубе. На другой день насъ отправили на почтовыхъ и безъ всякаго конвоя, только при офицерѣ, въ г. Кельцы къ генералу Вейсенгофу. Въѣзжая въ Сандомиръ, живая то злая баба, видя меня въ турецкомъ плащѣ, очень похожемъ на рясу капуциновъ, велегласно объявила, что я московскій попъ и при сей вѣрной оказіи ругнула меня и всѣхъ москвичей. Остановившись въ Сандомирѣ ночевать, когда я лежалъ уже въ постели, явился ко мнѣ какой то панокъ, владѣлецъ деревеньки,

гдѣ то около Замосця; наскучивъ быть патріотомъ и желая возвратиться восвояси къ своимъ хлопамъ, онъ просилъ у меня охраннаго листа и письма къ корпусному командиру Кайсарову; будучи плѣнникомъ, я отказалъ ему и въ томъ и въ другомъ.

Въ Сташевѣ, куда пріѣхали рано, мы, въ ожиданіи отвода намъ квартиры, прямо съ повозокъ вошли въ трактиръ, гдѣ много было нашихъ Подолянъ и Волынянъ. Увидя русскихъ плѣнныхъ, эти герои биліарда расхрабрились, начали ругать всѣхъ вообще русскихъ и даже, окаянные, дерзнули худо отзываться объ Императорѣ. Я въ ту же минуту оставилъ трактиръ, а капитанъ Миницкій, знавши по польски, вступилъ съ ними въ прю. Это дошло до свѣдѣнія комендантa и онъ присылалъ ко мнѣ офицера съ извиненіемъ. У меня изошли всѣ серебрянныя деньги и остались русскія ассигнаціи. Поляки не хотѣли ихъ размѣнивать, безумно вѣря въ успѣхъ своего возмущенія и что тогда эти бумажки не будутъ уже въ входу; но жиды умнѣе и прозорливѣе ихъ: зная прирожденное хвастовство поляковъ, тотчасъ размѣняли мнѣ, но тайно, изъ осторожности. Въ Сташевѣ призывалъ меня комендантъ инвалидный подполковникъ Кохановскій и я предсталъ предъ свѣтлыя его очи подъ прикрытіемъ трехъ жидовъ, вооруженныхъ косами. Забавно было смотрѣть на этихъ трусливыхъ косоносцевъ и на торжественное шествіе мое посреди ихъ; они же оставались при мнѣ въ продолженіи суточнаго моего пребыванія въ Сташовѣ, изъ коихъ одинъ постоянно торчалъ у двери моей. Сильно сивый комендантъ сталъ снимать съ меня показаніе: сколько и какія войска подъ Замосцемъ, о начальникахъ, продовольствіи и т. п. Но какъ вопросы свои онъ дѣлалъ, сидя за бюро, и не догадался предложить мнѣ стула, то я прежде чѣмъ началъ отвѣчать, исправилъ его невѣжливость и, извинясь только предъ сидѣвшею въ комнатѣ за работою какою то молодою дамою, взялъ стулъ, спокойно усѣлся и сообщилъ ему тѣ свѣдѣнія, какія мнѣ заблагоразсудилось, увеличивъ число войскъ и сказавъ, что недавно прибыли изъ Кіева осадныя орудія.

Наконецъ, доволокли насъ до Кельцъ; сопровождавшій насъ офицеръ отправился къ коменданту, а мы зашли въ трактиръ напиться кофе; какъ ни было еще рано, а въ трактирѣ мы застали уже много шумящихъ, кричащихъ, пьющихъ и игравшихъ на биліардѣ, въ разныхъ костюмахъ людей. Я подсѣлъ къ одному старому ветерану штабъ-офицеру и, поразговорившись съ нимъ кое о чемъ, спросилъ: „что это за паны“? Онъ отвѣчалъ: *„а вотъ видите, это все воякн; имъ бы надобно быть давно въ полѣ, а они здѣсь воюютъ по трактирамъ, пьютъ, буянятъ и не о чемъ не думаютъ“*. Онъ добавилъ; *„такихъ въ Кельцахъ наберется до 2 т. челов.“* Въ самомъ дѣлѣ, въ Кельцахъ было какое то резерв-

шли за нами по пятамъ, такъ что мы два раза, остановившись на ночлегъ, должны были въ глухую ночь подниматься и бѣжать; но поляки имѣли лучшихъ шпіоновъ, проводниковъ и мѣстные жители были на ихъ сторонѣ. Наконецъ мы благополучно достигли до г. Янова довольно рано и, считая себя въ совершенной безопасности отъ преслѣдованія, расположились на ночлегъ за городомъ на опушкѣ лѣса. На другой день чуть свѣтъ, когда все еще спало, послѣ наканунной гульбы, насъ пробудили два ядра, посланные изъ отряда Плаутина, только что прибывшаго въ Яновъ. Сдѣлалась тревога и страшная суматоха; довудца поляковъ прежде всего закричалъ: *„пленныхъ впередъ"*!, и насъ посадили въ повозки при конномъ конвоѣ, помчали по дорогѣ; мы видѣли однакоже, какъ за нами улепетывали храбрые поляки. Въ одномъ мѣстѣ путь раздѣлялся: къ австрійской границѣ, которая оттуда была близка, и къ Вислѣ въ м. Завихвостъ. Поляки въ страхѣ одни бѣжали къ границѣ, другіе и мы съ ними мчались къ Завихвосту. Мы слышали вдалекѣ выстрѣлы русскихъ и спокойно оставались на повозкахъ, подъ прикрытіемъ обнаженныхъ сабель и незная, что командовавшій поляками отдалъ еще на мѣстѣ приказаніе заколоть насъ, если мы покусимся бѣжать; не смотря однако же на то, изъ плѣнныхъ два солдата бѣжали въ лѣсъ и хотя вслѣдъ за ними и на нашихъ глазахъ посланы были нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ, но солдатики счастливо ускользнули. Напослѣдокъ, мы, т. е. одни только плѣнные, прежде всѣхъ прибыли къ Вислѣ и нашли нѣсколько уже приготовленныхъ лодокъ; насъ тотъ часъ перевезли на другую сторону въ Завихвостъ, откуда мы видѣли нашъ русскій отрядъ, преслѣдовавшій поляковъ. Но какъ ни скоро наши поспѣшали, не могли однако же настигнуть врага; прибѣжавъ къ рѣкѣ и бросивъ лошадей въ добычу, онъ переправился на лодкахъ; только вслѣдъ за нимъ послано было нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ. Русскіе кричали: *„отдайте намъ нашего полковника и убирайтесь къ чорту"*! Это требованіе увеличило значеніе мое; и въ польскихъ газетахъ напечатали, что взятъ въ плѣнъ *шефъ штаба*. Въ Завихвостѣ мы переночевали; ночью ко мнѣ приходилъ одинъ изъ поляковъ до революціи служившій лѣсничимъ, и предлагалъ мнѣ бѣжать съ нимъ, клятвою увѣряя, что это предпріятіе кончится успѣшно; но я отказался отъ рискованнаго этого дѣла; послѣ сему бывшему лѣсничему—шляхтичу я доставилъ мѣсто въ Варшавѣ; его фамилія Грубе. На другой день насъ отправили на почтовыхъ и безъ всякаго конвоя, только при офицерѣ, въ г. Кельцы къ генералу Вейсенгофу. Въѣзжая въ Сандомиръ, какая то злая баба, видя меня въ турецкомъ плащѣ, очень похожемъ на рясу капуциновъ, велегласно объявила, что я московскій попъ и при сей вѣрной оказіи ругнула меня и всѣхъ москичей. Остановившись въ Сандомирѣ ночевать, когда я лежалъ уже въ постели, явился ко мнѣ какой то панокъ, владѣлецъ деревеньки,

штаба арміи Паскевича князю Горчакову, бывшему когда то своему подчиненному. Въ этомъ письмѣ, сказавъ о цѣли посылки польскихъ офицеровъ въ Варшаву, Ротъ домогался счастія присутствовать при сдачѣ крѣпости, принять и представить ключи отъ нея и быть упомянутымъ о томъ въ донесеніи Государю Императору *). На это велерѣчивое письмо кн. Горчаковъ отвѣчалъ, что князь Варшавскій отозвался, что какъ Ротъ „не состоитъ подъ его начальствомъ и войскъ „его корпуса при блокадѣ Замосця нѣтъ, то ни воспретить до окончанія сдачи той крѣпости остаться, ни дать на сіе дозволенія, не „считаетъ себя въ правѣ; да къ тому же фельдмаршалъ имѣетъ въ „виду, что сдача сей крѣпости должна послѣдовать, не по какимъ „либо особымъ причинамъ, а единственно вслѣдствіе настоящаго возстановленія въ Польшѣ законной власти, и потому въ нахожденіи „при сей сдачи не полагаетъ ни какой важности для лица, которое „при оной будетъ“.

Дѣло въ томъ, что ни Кайсаровъ, ни Ротъ съ своими корпусами, не принадлежали къ дѣйствовавшей арміи Паскевича, а къ 1-й арміи Сакена, и о кой какихъ дѣйствіяхъ войскъ при Замосцѣ, съ начала блакады, было доносимо сему послѣднему, а между тѣмъ самая крѣпость находилась въ царствѣ Польскомъ, которое усмирялъ и покорялъ Паскевичъ. Тутъ является обычная наша безтолочь.

Какъ бы то ни было, а Ротъ, къ своему натурально—безобразному носу, получилъ носъ административный, порядочно ругнулъ Паскевича, а для компаніи и Горчакова, и на третій день выѣхалъ къ своимъ войскамъ за Бугъ.—Забавны были его проводы. Кайсаровъ зналъ о покушеніи Рота лишить его славы покорителя крѣпости, зналъ и о суровомъ отзывѣ ему Паскевича и за всѣмъ тѣмъ онъ, подчиняясь чиноположенію, совсѣмъ своимъ корпуснымъ штабомъ, въ полной парадной формѣ, предсталъ къ Его Высокопревосходительству, раскланялся

---

*) Вотъ это письмо генерала Рота къ князю Горчакову: «Ведя, съ возвращенія моего съ войсками отъ Вислы, переговоры о сдачѣ кр. Замосца, я не могъ скрыть Вамъ, что мнѣ было бы весьма больно, если бы до выступленія въ предѣлы Россіи ввѣренныхъ мнѣ войскъ, кои участвовали въ пораженіи Ромарино и въ блокадѣ крѣпости, я долженъ былъ лишаться счастія представить ключи отъ оной Его Свѣтлости. Почему я увѣренъ, по дружбѣ вашей комнѣ, что Ваше Сіятельство примите всѣ зависящія мѣры къ поданію имѣющимъ быть посланнымъ завтра отъ гарнизона офицерами въ Варшаву, удовлетворительныхъ свѣдѣній, послѣ возвращенія которыхъ съ таковыми и прочіе, безъ сомнѣнія, въ тоже время намъ покорятся.—Я равномѣрно смѣю надѣяться, что Его Свѣтлость не пожелаетъ меня лишить сего счастія, которое мнѣ будетъ дороже всякаго вознагражденія, на каковое я не имѣю видовъ и уступаю охотно нынѣшнему моему подкомандующему, почитая себя счастливымъ, если мое имя, какъ представляющаго ключи крѣпости, будетъ упомянуто въ донесеніи Его Величеству».

ное депо и я видѣлъ и офицеровъ регулярныхъ войскъ всякаго оружія и не служащихъ патріотовъ, одѣтыхъ казаками, гайдуками, венгерцами и, Богъ вѣдаетъ, еще чѣмъ: настоящій маскерадъ безъ масокъ! Всѣ эти шалопаи ужасно храбры были языкомъ, а въ сраженіе не шли. Намъ объявили, что дня чрезъ три насъ отправятъ въ общее депо плѣнныхъ въ Мѣховъ; мы не были представлены генералу Вейсенгофу потому, что его превосходительство нѣсколько уже недѣль пилъ запоемъ, не выходилъ изъ спальни и ни кого не принималъ. Вейсенгофъ имѣлъ репутацію умнаго и образованнаго человѣка, но, къ сожалѣнію, предавался запою. Прошли три дня и мы готовы были отправиться въ дорогу; вдругъ мнѣ и капитану Миницкому объявлена свобода; мы были размѣнены. Это вотъ какъ случилось. Вскорѣ послѣ взятія насъ въ плѣнъ въ Красноставѣ, генералъ Ридигеръ имѣлъ дѣло съ поляками, поколотилъ ихъ и въ числѣ плѣнныхъ попалъ одинъ полковой командиръ и другой штабъ-офицеръ. Кайсаровъ, узнавъ объ этой побѣдѣ, просилъ Ридигера вымѣнять меня и оберъ-проіантмейстера Сервирога, что онъ и исполнилъ; но только вмѣсто Сервирога, взялъ своего капитана Миницкаго, отдавъ за насъ упомянутыхъ двухъ плѣнныхъ. Итакъ, послѣ 15-ти дневнаго плѣна я получилъ свободу; насъ тотчасъ отправили къ Ридигеру, котораго я благодарилъ за мое освобожденіе и, отобѣдавъ у него, немедленно пустился къ своему корпусу подъ Замосць, гдѣ къ изумленію моему нашелъ прежняго моего начальника, корпуснаго командира генерала Рота, который, выпросивъ разрѣшеніе у главнокомандующаго 1-й арміи князя Сакена, находиться при блокадѣ Замосця, явился туда не гаданный — не прошенный, съ однимъ только своимъ штабомъ, оставивъ собственныя свои войска за Бугомъ.

Такъ какъ Ротъ былъ уже полный генералъ, а Кайсаровъ генералъ-лейтенантъ, то первый, яко старшій, принялъ командованіе надъ всѣми войсками 3 пѣхотнаго корпуса при Замосцѣ, находившимися и эти закадычные друзья съ того времени сдѣлались врагами.

Ротъ, чтобы устрашить поляковъ и побудить Замосць сдаться, приказалъ заготовить фашины и шатался съ войсками около крѣпости, показывая видъ, что хотятъ брать ее штурмомъ, но поляки не испугались и Замосць не думалъ сдаваться. Между тѣмъ какъ Ротъ творилъ разныя штуки для устрашенія осажденныхъ и маневрировалъ съ войсками туда и сюда, и впередъ и назадъ, получено было свѣдѣніе о взятіи Паскевичемъ Варшавы и тотчасъ о томъ сообщено въ крѣпость, требуя немедленной ея сдачи; но поляки не повѣрили и изъявили желаніе видѣть своими глазами, что Варшава дѣйствительно пала, тогда Ротъ дозволилъ полякамъ назначить изъ гарнизона двухъ офицеровъ и отправилъ ихъ съ барономъ Фридриксомъ въ Варшаву, при письмѣ, отъ 30 Сентября 1831, года къ начальнику главнаго

отъ князя предложеніи и данномъ мною согласіи.—Этотъ легкомысленный мой поступокъ остался не замѣченнымъ и послужилъ мнѣ въ пользу, какъ ниже будетъ сказано.—Загѣмъ Красовскій въ тотъ же день выѣхалъ въ Кіевъ, а я чрезъ нѣсколько дней обратно въ Замосць.

Послѣ блакады нашъ 3-й пѣхотный корпусъ причисленъ или вошелъ въ составъ дѣйствовавшей арміи Паскевича и въ концѣ Октября и войска отправились на зимнія квартиры, а корпусный штабъ съ Кайсаровымъ во главѣ, въ г. Кельцы; но на дорогѣ полученъ былъ Высочайшій приказъ о назначеніи Ридигера командиромъ нашего 3-го корпуса, а Кайсарова—4-го корпуса и сверхъ того получена бумага отъ Красовскаго объ отправленіи меня къ нему въ Кіевъ. Кайсаровъ, отъѣзжая изъ штаба по новому назначенію, предоставилъ на мою волю ѣхать или не ѣхать въ Кіевъ, потому что нашъ корпусъ уже выбылъ изъ арміи. Я призадумался надъ своимъ положеніемъ, незная къ кому я буду Высочайшимъ приказомъ назначенъ: къ Красовскому или Горчакову; къ тому же я подалъ прошеніе объ отпускѣ на 2 мѣсяца и по всему этому я рѣшился остаться при корпусѣ и не ѣхать къ Красовскому.

Въ Кельцахъ мы застали уже Ридигера; тамъ же вскорѣ мнѣ вышелъ и отпускъ; но, прежде отъѣзда, я отправился въ Краковъ, купилъ для дороги бричку и нѣсколько штукъ голландскаго полотна для себя и для подарковъ; при покупкѣ полотна, мнѣ помогла въ выборѣ случившаяся тогда въ магазинѣ и совершенно мнѣ не знакомая графиня Малаховская.—Возвратившись въ Кельцы и раскланявшись съ кѣмъ слѣдовало, въ началѣ Декабря я отправился на родину; заѣхалъ сперва по дорогѣ къ возлюбленной моей тетушкѣ въ г. Крапивну, подарилъ ей штуку полотна, купилъ у нея за баснословную цѣну 20 лѣтняго слугу, который въ послѣдствіи умеръ отъ чахотки и выѣхалъ къ матери.

У старушки моей матери я засталъ брата Николая; она была больна, страдала и не жаловалась; помѣщалась въ одной комнатѣ и не оставляла ее; днемъ я и братъ находились съ многострадальною матерью, а ночевать ходили въ крестьянскую избу; съ нею жила или гостила тетка Лукерья. Пребываніе мое у матери въ д. Василевѣ было не продолжительное и, увы! послѣднее въ сей жизни. Я оставилъ ей штуку полотна, изъ котораго она хотѣла сшить себѣ саванъ и 250 руб. и получивъ отъ нее материнское благословеніе, простился съ нею и милымъ братомъ, котораго тоже видѣлъ въ послѣдній разъ на этомъ свѣтѣ и отправился къ корпусу чрезъ Кіевъ, въ которомъ долженъ былъ остановиться по слѣдующей причинѣ.

По возвращеніи Красовскаго изъ Варшавы въ Кіевъ, князь Сакенъ

въ Октябрѣ мѣсяцѣ вошелъ съ представленіемъ о назначеніи меня къ Красовскому для особыхъ порученій съ производствомъ въ полковники и назначеніемъ столовыхъ денегъ по 3 тыс. руб. асс. въ годъ, наровнѣ съ полковыми командирами.—На это представленіе Государь Императоръ изволилъ согласиться, но по канцелярскому обычаю, замедлилось почему-то исполненіемъ, т. е. не было объявлено въ Высочайшемъ приказѣ о моемъ производствѣ и назначеніи и не былъ подписанъ Указъ о производствѣ столовыхъ по 3 тыс. руб.

Между тѣмъ и князь Горчаковъ надумался и вспомнилъ обо мнѣ и фельдмаршалъ князь Варшавскій, въ свою очередь, только спустя около двухъ мѣсяцевъ, именно 11 Декабря отнесся къ Военному Министру графу Чернышеву объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на назначеніе меня къ князю Горчакову для особыхъ порученій, съ оставленіемъ при мнѣ получаемыхъ мною по званію дежурнаго штабъ-офицера столовыхъ по 2 тыс. руб. въ годъ.

На это графъ Чернышевъ отъ 29 Декабря отвѣчалъ, что прежде чѣмъ получено упомянутое отношеніе отъ 11 Декабря, князь Сакенъ входилъ съ представленіемъ о назначеніи меня къ Красовскому для особыхъ порученій съ производствомъ въ полковники и назначеніемъ столовыхъ по 3 тыс. руб. въ годъ; на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе,—и потому онъ Чернышевъ, пріостановивъ исполненіе Высочайшаго повелѣнія,—проситъ князя Варшавскаго объ увѣдомленіи его, угодно ли будетъ Его Свѣтлости, чтобы я остался при полученномъ мною назначеніи или же опредѣленъ былъ сходно представленію его, Паскевича.

Паскевичъ на этотъ вопросъ отъ 12 Января 1832 года отозвался, что я для Горчакова совершенно необходимъ и потому убѣдительно проситъ исходатайствать Высочайшее соизволеніе на назначеніе меня къ Горчакову съ производствомъ въ полковники и опредѣленіемъ столовыхъ по 3 тыс. руб. въ годъ,—„чего я по отлично-усердной своей службѣ и способностямъ вполнѣ заслуживаю“.

Сознаюсь, я худо поступилъ, изъявивъ согласіе и Горчакову и Красовскому быть назначеннымъ къ нимъ для особыхъ порученій; но, отклони я предложеніе послѣдняго и скажи, что далъ уже слово первому,—я не былъ бы произведенъ и не получалъ бы столовыхъ по 3 тыс. руб.—За все это я благодаренъ медленности Горчакова и поспѣшности Красовскаго.

По сему то я, возвращаясь изъ отпуска, и остановился въ Кіевѣ, раздумывая: ѣхать ли мнѣ въ Варшаву, или ожидать въ Кіевѣ возвращенія изъ Москвы Красовскаго, незная еще моего назначенія; однако же послѣ двухъ недѣль моего нахожденія въ Кіевѣ и окончанія срока моего отпуска, я долженъ былъ, хотя и не весьма охотно, отправиться

въ корпусный штабъ въ г. Люблинъ, куда онъ перешелъ изъ Кельцъ. Въ Люблинѣ былъ уже полученъ Высочайшій приказъ, отданный 5-го Марта о моемъ назначеніи къ Горчакову и бумага отъ него о немедленномъ меня къ нему отправленіи.

Прибывъ въ Варшаву, я на другой же день вступилъ въ исправленіе новой своей должности и помѣстился въ самомъ королевскомъ дворцѣ, называемомъ замкомъ, обокъ своей канцеляріи и апартамента занимаемой кн. Горчаковымъ;—изъ моихъ комнатъ видъ былъ отличный на Вислу и Прагу, а внизу садъ и терраса,—мѣсто вседневной прогулки Паскевича. День моей службы былъ слѣдующій: утромъ рано входилъ я въ канцелярію, куда мнѣ приносили чай и тамъ я вскрывалъ конверты, получавшіеся на имя фельдмаршала и князя Горчакова; бумаги не нужныя и текущія, по отмѣткѣ времени полученія ихъ и запискѣ въ журналъ, смотря по содержанію и моему назначенію, были отсылаемы генералъ-квартермистру Бергу, дежурному генералу Викинскому и директору канцеляріи главнокомандующаго, прочія же бумаги, почему либо замѣчательныя или требовавшія разрѣшенія, откладывалъ въ портфель; въ 11 часовъ являлся съ докладомъ къ Горчакову; проработавъ съ нимъ, онъ отправлялся тоже съ докладомъ къ фельдмаршалу, а я возвращался въ канцелярію; излагалъ на отданныхъ мнѣ бумагахъ резолюціи и сполнялъ другія, отданныя мнѣ, приказанія; такъ я возился до 2-хъ часовъ полудня; тогда Горчаковъ возвращался отъ фельдмаршала и присылалъ адъютанта за мною, сдавалъ всѣ подписанныя Его Свѣтлостію бумаги равно и вышедшія съ доклада съ приказаніями, какое по нимъ сдѣлать исполненіе, и тутъ же вновь передавалъ мнѣ приказанія, полученныя имъ отъ фельдмаршала; я опять скрывался въ свою канцелярію и работалъ до 5, а нерѣдко и до 6 часовъ; по окончаніи занятій, уже утомленный, измученный, приходилъ въ свои комнаты, обѣдалъ на скорую руку (отъ Горчаковскихъ обѣдовъ я отказался за недосугомъ) и ложился отдохнуть; заснувши немного, опять являлся въ канцелярію, приготовлялъ докладъ къ слѣдующему утру и работалъ по разнымъ секретнымъ дѣламъ, и въ 11 или 12 часовъ отправлялся на сонъ грядущій; иногда доставалось просиживать за работою ночи напролетъ.--И хотя чрезъ годъ моего производства въ полковники я получилъ значительную награду въ орденѣ Св. Владиміра 3-й ст., за всѣмъ тѣмъ я былъ истиннымъ мученикомъ и рабомъ моей должности и мѣста; что продолжалось лѣтъ 8, т. е. до перехода моего въ полевой аудиторіатъ. Не было дня, чтобы ретивый кн. Горчаковъ по нѣскольку разъ не призывалъ меня къ себѣ, а какъ онъ и я жили въ третьемъ этажѣ замка и къ нему былъ ходъ совсѣмъ съ другой стороны и снизу, то я долженъ былъ подниматься по 120 ступенямъ вверхъ и на столько же спускаться внизъ, при каждомъ зовѣ. Я не зналъ ни баловъ, ни зва-

въ Октябрѣ мѣсяцѣ вошелъ съ представленіемъ о назначеніи меня къ Красовскому для особыхъ порученій съ производствомъ въ полковники и назначеніемъ столовыхъ денегъ по 3 тыс. руб. ассиг. въ годъ, наровнѣ съ полковыми командирами.—На это представленіе Государь Императоръ изволилъ согласиться, но по канцелярскому обычаю, замедлилось почему-то исполненіемъ, т. е. не было объявлено въ Высочайшемъ приказѣ о моемъ производствѣ и назначеніи и не былъ подписанъ Указъ о производствѣ столовыхъ по 3 тыс. руб.

Между тѣмъ и князь Горчаковъ надумался и вспомнилъ обо мнѣ и фельдмаршалъ князь Варшавскій, въ свою очередь, только спустя около двухъ мѣсяцевъ, именно 11 Декабря отнесся къ Военному Министру графу Чернышеву объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на назначеніе меня къ князю Горчакову для особыхъ порученій, съ оставленіемъ при мнѣ получаемыхъ мною по званію дежурнаго штабъ-офицера столовыхъ по 2 тыс. руб. въ годъ.

На это графъ Чернышевъ отъ 29 Декабря отвѣчалъ, что прежде чѣмъ получено упомянутое отношеніе отъ 11 Декабря, князь Сакенъ входилъ съ представленіемъ о назначеніи меня къ Красовскому для особыхъ порученій съ производствомъ въ полковники и назначеніемъ столовыхъ по 3 тыс. руб. въ годъ; на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе,—и потому онъ Чернышевъ, пріостановивъ исполненіе Высочайшаго повелѣнія,—проситъ князя Варшавскаго объ увѣдомленіи его, угодно ли будетъ Его Свѣтлости, чтобы я остался при полученномъ мною назначеніи или же опредѣленъ былъ сходно представленію его, Паскевича.

Паскевичъ на этотъ вопросъ отъ 12 Января 1832 года отозвался, что я для Горчакова совершенно необходимъ и потому убѣдительно проситъ исходатайствать Высочайшее соизволеніе на назначеніе меня къ Горчакову съ производствомъ въ полковники и опредѣленіемъ столовыхъ по 3 тыс. руб. въ годъ,—„чего я по отлично-усердной своей службѣ и способностямъ вполнѣ заслуживаю“.

Сознаюсь, я худо поступилъ, изъявивъ согласіе и Горчакову и Красовскому быть назначеннымъ къ нимъ для особыхъ порученій; но, отклони я предложеніе послѣдняго и скажи, что далъ уже слово первому,—я не былъ бы произведенъ и не получалъ бы столовыхъ по 3 тыс. руб.—За все это я благодаренъ медленности Горчакова и поспѣшности Красовскаго.

По сему то я, возвращаясь изъ отпуска, и остановился въ Кіевѣ, раздумывая: ѣхать ли мнѣ въ Варшаву, или ожидать въ Кіевѣ возвращенія изъ Москвы Красовскаго, незная еще моего назначенія; однако же послѣ двухъ недѣль моего нахожденія въ Кіевѣ и окончанія срока моего отпуска, я долженъ былъ, хотя и не весьма охотно, отправиться

въ корпусный штабъ въ г. Люблинъ, куда онъ переѣхалъ изъ Кельцъ. Въ Люблинѣ былъ уже полученъ Высочайшій приказъ, отданный 6-го Марта о моемъ назначеніи къ Горчакову и бумага отъ него о немедленномъ меня къ нему отправленіи.

Прибывъ въ Варшаву, я на другой же день вступилъ въ исправленіе новой своей должности и помѣстился въ самомъ королевскомъ дворцѣ, называемомъ замкомъ, обокъ своей канцеляріи и апартамента занимаемой кн. Горчаковымъ;—изъ моихъ комнатъ видъ былъ отличный на Вислу и Прагу, а внизу садъ и терраса,—мѣсто вседневной прогулки Паскевича. День моей службы былъ слѣдующій: утромъ рано входилъ я въ канцелярію, куда мнѣ приносили чай и тамъ я вскрывалъ конверты, получавшіеся на имя фельдмаршала и князя Горчакова; бумаги не нужныя и текущія, по отмѣткѣ времени полученія ихъ и запискѣ въ журналъ, смотря по содержанію и моему назначенію, были отсылаемы генералъ-квартермистру Бергу, дежурному генералу Виниченому и директору канцеляріи главнокомандующаго, прочія же бумаги, почему либо замѣчательныя или требовавшія разрѣшенія, откладывалъ въ портфель; въ 11 часовъ являлся съ докладомъ къ Горчакову; проработавъ съ нимъ, онъ отправлялся тоже съ докладомъ къ фельдмаршалу, а я возвращался въ канцелярію; излагалъ на отданныхъ мнѣ бумагахъ резолюціи и сполнялъ другія, отданныя мнѣ, приказанія; такъ я возился до 2-хъ часовъ полудня; тогда Горчаковъ возвращался отъ фельдмаршала и присылалъ адъютанта за мною, сдавалъ всѣ подписанныя Его Свѣтлостію бумаги равно и выходившія съ доклада съ приказаніями, какое по нимъ сдѣлать исполненіе, и тутъ же вновь передавалъ мнѣ приказанія, полученныя имъ отъ фельдмаршала; и опять скрывался въ свою канцелярію и работалъ до 5, а нерѣдко и до 6 часовъ; по окончаніи занятій, уже утомленный, изнуренный, приходилъ въ свои комнаты, обѣдалъ на скорую руку (отъ Горчаковскихъ обѣдовъ я отказался за недосугомъ) и ложился отдохнуть; заснувши немного, опять являлся въ канцелярію, приготовлялъ докладъ къ слѣдующему утру и работалъ по разнымъ секретнымъ дѣламъ, и въ 11 или 12 часовъ отправлялся на сонъ грядущій; иногда доставалось просиживать за работою ночи напролетъ.—И хотя чрезъ годъ моего производства въ полковники я получилъ значительную награду въ орденѣ Св. Владиміра 3-й ст., за всѣмъ тѣмъ я былъ истиннымъ мученикомъ и рабомъ моей должности и мѣста; что продолжалось лѣтъ 8, т. е. до перехода моего въ полевой аудиторіатъ. Не было дня, чтобы ретивый кн. Горчаковъ по нѣскольку разъ не призывалъ меня къ себѣ, а какъ онъ и я жили въ третьемъ этажѣ замка и къ нему былъ ходъ совсѣмъ съ другой стороны и снизу, то я долженъ былъ подниматься по 120 ступенямъ вверхъ и на столько же спускаться внизъ, при каждомъ зовѣ. Я не зналъ ни баловъ, ни зва-

лялъ о женидьбѣ, отказавшись уже разъ въ Одессѣ отъ дѣвушки съ достаткомъ. Но судьба распорядилась мною иначе: „суженаго конемъ не объѣдешь“.

Въ одно прекрасное утро, сидѣлъ я у полковника Прибыткова, помѣщавшагося въ томъ же замкѣ о бокъ моихъ комнатъ, и толковалъ съ нимъ о какомъ то служебномъ дѣлѣ; входитъ докторъ-гомеопатъ, старикъ—французъ Бижель, прежде меня лѣчившій, и который каждый день ходилъ въ домъ Горчакова. Это былъ болтунъ, сплетникъ и вѣстовщикъ, служившій въ этихъ званіяхъ при дворѣ покойнаго цесаревича Константина. Не помню, какъ у насъ зашелъ общій разговоръ о семействѣ Горчакова; Бижель коснулся и о сироткѣ; я, какъ мущина, воздалъ хвалу ея личику и стройности стана и произнесъ въ концѣ, безъ всякой задней мысли: „вотъ премиленькая была бы женочька“!—Бижель подхватилъ мои слова и спросилъ меня: „а хотите на ней жениться“? Я свѣтреничалъ и, принимая вопросъ за шутку, отвѣчалъ: „почему и не такъ“. Тѣмъ разговоръ и кончился и я отправился въ канцелярію. Старый болтунъ пересказалъ княгинѣ, которая обѣими руками схватилась за эту болтовню и стала дѣйствовать обычными ей подземными путями. И теперь не могу отдать себѣ отчета, какъ я мало по малу познакомился съ будущею моею невѣстою въ Саксонскомъ саду, куда она съ гувернанткою—пройдохою и съ дѣтьми Горчаковыхъ приходила гулять; сближаясь все болѣе и болѣе, мы стали передавать другъ другу записочки и узелъ дѣлался крѣпче Во время этого моего волокитства князь былъ въ отсутствіи изъ Варшавы, по дѣламъ службы; княгиня тоже за границею на водахъ; но объ моемъ ухаживаніи и нашемъ обоюдномъ сближеніи свѣдѣнія сіятельной были передаваемы постоянно и подробно. Она возвратилась и я предсталъ предъ ея свѣтлыя очи просить руки сироткн; княгиня прослезилась; разумѣется, охотно согласилась и сказала, чтобы я переговорилъ о томъ съ своимъ мужемъ. Помню, поднятіе княгинею бѣлаго платка къ глазамъ меня тронуло и преисполнило сердце мое благодарностію; это было тогда, но когда послѣ я узналъ ее ближе и короче, пришелъ къ такому заключенію, что это была одна комедія. Пріѣхалъ и князь. При первомъ свиданіи онъ встрѣтилъ меня словами: „такъ вы хотите жениться на Сашѣ? Но я за нею ничего не „могу дать; подумайте объ этомъ“. Я отвѣчалъ: „я уже думалъ „прежде, чѣмъ сдѣлалъ предложеніе княгинѣ и никакого приданаго „за нею не домогаюсь“.—На это Горчаковъ сказалъ: „ну, когда такъ, она ваша, я согласенъ“,—и подалъ мнѣ руку. Тѣмъ и кончилось мое сватовство, а въ Сентябрѣ 1834 г. было совершено обрученіе, отложивъ вѣнчаніе до 16 лѣтняго ея возраста. Послѣ молитвы и даннаго благословенія при обрученіи, князь обнялъ меня и сказалъ: „ну, вотъ теперь я вашъ отецъ“! Тогда уже я, какъ женихъ, до

была для меня закалдованнымъ Ивановскимъ кладомъ: нѣсколько разъ я былъ представляемъ къ ней и каждый разъ давали ордена.

По возвращеніи съ Кавказа, я не желалъ оставаться при занимаемой мною должности и просился во фронтъ, но Горчаковъ не отпустилъ; я писалъ къ Красовскому и просилъ дать мнѣ полкъ въ его 6-мъ пѣхотномъ корпусѣ; онъ отвѣчалъ, что не можетъ исполнить моей просьбы, такъ какъ онъ не корпусный уже командиръ и назначенъ членомъ въ военный совѣтъ. Потомъ я вторично въ концѣ 1834 года просилъ обратить меня во фронтъ, но Горчаковъ и на сей разъ отказалъ, и я остался по прежнему тянуть канцелярскую тягу.

Забылъ я сказать, что при возвращеніи моемъ изъ плѣна, я заѣзжалъ къ знаменитому нашему поэту Денису Давыдову; онъ былъ тогда генералъ-маіоромъ и съ отрядомъ оберегалъ переправу чрезъ Вислу при Казимиржѣ и помѣщался въ шалашѣ на берегу рѣки. Я засталъ его по утру, вмѣсто шлафорка въ шинели, не умытымъ, не причесаннымъ, грязнымъ и распивающимъ прескверный чай изъ глинянаго чайника съ отколотымъ носкомъ и безъ ручки.—Но переправы и предмостнаго укрѣпленія не уберегъ; съ половиною отряда вздумалъ безъ нужды и пользы попартизанить, а въ его то отсутствіи нахлынули Поляки. Остававшіеся русскіе съ генераломъ Слатвинскимъ, по безсилію для отраженія, отступили и враги переправились.—Давыдовъ не былъ тѣмъ, чѣмъ былъ въ 1812—1813 годахъ.

Приступаю къ воспоминанію о важнѣйшемъ періодѣ жизни моей,—это о женитьбѣ. Нѣкогда князь Горчаковъ, изъ состраданія, взялъ себѣ совершенно бѣдную, безпомощную, безъ отца и матери оставшуюся сиротку, дочь умершаго маіора Гавриленки. Она росла и воспитывалась въ его семействѣ, какъ пришлая и чужая; ее оскорбляли и бранили; одѣвали и обували кое—какъ, лишь бы прикрыть наготу; иногда случалось, что это бѣдняжка сама чинила нитками свои башмаки, и все это дѣлалось съ вѣдома княгини Агафокліи Николаевны, урожденной Бахметьевой, женщины—святоши, тщеславной, скупой и эгоистки; мужъ ея и не зналъ, что творилось съ сиротою; онъ былъ далеко добрѣе и человѣчнѣе сіятельной своей супруги. Разъ она рѣшилась было эту дѣвушку, уже 13 или 14 лѣтъ, отдать генеральшѣ Барышниковой, извѣстной по своей скупости и жестокости характера, но князь Горчаковъ отказалъ на отрѣзъ, съ замѣчаніемъ о неприличіи великодушной затѣи княгини.—Я зналъ эту сиротку, еще когда она была ребенкомъ 5 или 6 лѣтъ и потомъ здѣсь въ Варшавѣ увидѣлъ ее уже 15-лѣтнею. Она была премиленькая и прехорошенькая въ темномъ своемъ камлотовомъ платьицѣ и дика, какъ горная серна; мнѣ удалось нечаянно видѣть ее не болѣе 4, 5 разъ у Горчаковыхъ и она мнѣ очень приглянулась и понравилась; но я вовсе не помыш-

лялъ о женидьбѣ, отказавшись уже разъ въ Одессѣ отъ дѣвушки съ достаткомъ. Но судьба распорядилась мною иначе: „суженаго конемъ не объѣдешь“.

Въ одно прекрасное утро, сидѣлъ я у полковника Прибыткова, помѣщавшагося въ томъ же замкѣ о бокъ моихъ комнатъ, и толковалъ съ нимъ о какомъ то служебномъ дѣлѣ; входитъ докторъ-гомеопатъ, старикъ—французъ Бижель, прежде меня лѣчившій, и который каждый день ходилъ въ домъ Горчакова. Это былъ болтунъ, сплетникъ и вѣстовщикъ, служившій въ этихъ званіяхъ при дворѣ покойнаго цесаревича Константина. Не помню, какъ у насъ зашелъ общій разговоръ о семействѣ Горчакова; Бижель коснулся и о сироткѣ; я, какъ мущина, воздалъ хвалу ея личику и стройности стана и произнесъ въ концѣ, безъ всякой задней мысли: „вотъ премиленькая была бы женочька“!—Бижель подхватилъ мои слова и спросилъ меня: „а хотите на ней жениться“? Я свѣтреничалъ и, принимая вопросъ за шутку, отвѣчалъ: „почему и не такъ“. Тѣмъ разговоръ и кончился и я отправился въ канцелярію. Старый болтунъ пересказалъ княгинѣ, которая обѣими руками схватилась за эту болтовню и стала дѣйствовать обычными ей подземными путями. И теперь не могу отдать себѣ отчета, какъ я мало по малу познакомился съ будущею моею невѣстою въ Саксонскомъ саду, куда она съ гувернанткою—пройдохою и съ дѣтьми Горчаковыхъ приходила гулять; сближаясь все болѣе и болѣе, мы стали передавать другъ другу записочки и узелъ дѣлался крѣпче Во время этого моего волокитства князь былъ въ отсутствіи изъ Варшавы, по дѣламъ службы; княгиня тоже за границею на водахъ; но объ моемъ ухаживаніи и нашемъ обоюдномъ сближеніи свѣдѣнія сіятельной были передаваемы постоянно и подробно. Она возвратилась и я предсталъ предъ ея свѣтлыя очи просить руки сиротки; княгиня прослезилась; разумѣется, охотно согласилась и сказала, чтобы я переговорилъ о томъ съ своимъ мужемъ. Помню, поднятіе княгинею бѣлаго платка къ глазамъ меня тронуло и преисполнило сердце мое благодарностію; это было тогда, но когда послѣ я узналъ ее ближе и короче, пришелъ къ такому заключенію, что это была одна комедія. Пріѣхалъ и князь. При первомъ свиданіи онъ встрѣтилъ меня словами: „такъ вы хотите жениться на Сашѣ? Но я за нею ничего не „могу дать; подумайте объ этомъ“. Я отвѣчалъ: „я уже думалъ „прежде, чѣмъ сдѣлалъ предложеніе княгинѣ и никакого приданаго „за нею не домогаюсь“.—На это Горчаковъ сказалъ: „ну, когда такъ, она ваша, я согласенъ“,—и подалъ мнѣ руку. Тѣмъ и кончилось мое сватовство, а въ Сентябрѣ 1834 г. было совершено обрученіе, отложивъ вѣнчаніе до 16 лѣтняго ея возраста. Послѣ молитвы и даннаго благословенія при обрученіи, князь обнялъ меня и сказалъ: „ну, вотъ теперь я вашъ отецъ“! Тогда уже я, какъ женихъ, до

времени свадьбы ходила къ своей невѣстѣ чрезъ день или два по вечерамъ; съ нами оставалась или гувернантка или сама княгиня. Невѣста моя была о лицетворенная невинность!

Между тѣмъ я вспомнилъ о какомъ то наслѣдствѣ, доставшемся невѣстѣ моей и ея брату во Франціи отъ ихъ матери француженки, о которомъ давнымъ—давно происходила переписка, но уже нѣсколько лѣтъ какъ смолкла; я поднялъ дѣло, взялъ отъ князя бумаги, который при семъ случаѣ мнѣ сказалъ, что изъ этого ничего не выйдетъ,— и бросился съ ними къ пріятелю моему дѣйств. стат. совѣтнику Николаю Старинкевичу. Онъ показалъ бумаги юристамъ, которые признали ихъ удовлетворительными. Потомъ обратился къ французскому консулу съ просьбою о содѣйствіи, и возобновилась переписка, но уже консула съ французскимъ министерствомъ; наконецъ наслѣдство отыскано, продано и деньги до 36 т. франковъ получены и положены въ банкъ; но это сдѣлалось тогда, когда я былъ уже женатъ.

Вступая въ бракъ, я не имѣлъ денегъ, чтобы устроиться въ новомъ своемъ положеніи; правда, у меня была коляска, кое какое столовое серебро и бѣлье; я самъ былъ богатъ гардеробомъ, но всего этого недостаточно, чтобы жить съ женою своимъ хозяйствомъ. Я занялъ въ счетъ будущихъ благъ у полковыхъ командировъ: Гернета 100 чер. и Липранди 5 т. р. ас., выписалъ изъ Вѣны карету; пару лошадей изъ числа зобракованныхъ подарилъ мнѣ жандармскій полковникъ Парадовскій; купилъ хомуты, столовую и кухонную посуду и другія вещи, необходимыя для новаго хозяйства.—Приближаясь ко дню свадьбы, я не хотѣлъ оставаться въ замкѣ, для избѣжанія безпрерывнаго бѣганья днемъ и ночью по зову Горчакова, хотя мнѣ отводили другое, болѣе просторное и удобное помѣщеніе, а перешелъ на иную квартиру въ самомъ уже городѣ, въ конфискованный домъ Паца, которую немножко пріубралъ (мебель казенная); поваръ былъ деньщикъ, неказистый, но могъ сварить щи и кашу; словомъ—я приготовился принять мою жену въ новомъ жилищѣ, сколько денежные способы мнѣ позволяли, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ этой минуты. Невѣстѣ моей я сдѣлалъ убогіе подарки: браліантовыя сережки и мериносовый илъ какой то другой большой платокъ и только! Но изъ чего было дѣлать богатые подарки, да отъ меня ихъ и не требовали и даже не намекали

Наступилъ наконецъ вожделѣнный день вѣнчанія 28 Апрѣля 1835 года. Посаженными отцомъ и матерью у насъ были князь и княгиня Горчаковы, а шаферами: полковникъ Прибытковъ, мой пріятель, и адъютантъ Паскевича Рудзевичъ, сынъ бывшаго корпуснаго моего начальника. Вечеромъ совершилось столь желанное бракосочетаніе въ военно-походной церкви замка обоз-священникомъ арміи Черняевскимъ. Изъ церкви мы отправились въ апартаменты князя Горчакова,

соли Величкѣ, и безъ осмотра въ таможнѣ возвратилась съ накупленными на 450 р. с. разными вещами. Но прежде этой поѣздки, 28 Августа 1837 года, Богъ даровалъ намъ сына, названнаго во св. крещеніи Александромъ, крестнымъ отцомъ коего былъ полковникъ Черевинъ, а матерью—княгиня Горчакова; чрезъ два же года, 31 августа 1839 г. родился и другой сынъ Ипполитъ, у котораго крестнымъ отцомъ былъ дежурный генералъ Викинскій, а матерью—таже княгиня. Надъ обоими дѣтьми таинство крещенія совершилъ оберъ-священникъ арміи Чернявскій, и обоихъ ребятишекъ мать кормила своею грудью. За недѣлю до рожденія первенца, княгиня подарила полный комплектъ дѣтскаго бѣлья; Горчаковъ подарилъ на зубокъ роженицѣ золотой съ браліантикомъ на золотой цѣпочкѣ эмалевый крестикъ; пріятель мой полковникъ Сотниковъ – Венгерскій червонецъ 1760 года; самъ же я, гораздо позже и разновременно, въ ознаменованіе моей радости и за то, что юная моя жена мужественно перенесла страданія при родахъ, продолжавшихся сутки, и дала сына,—подарилъ штучку шелковой матеріи, купленную въ Берлинѣ полковникомъ Коцебу (нынѣшнимъ Новороссійскимъ генер. губернаторомъ), большой черный платокъ терно и собольи хвосты; и въ довершеніе первыхъ крестинъ, присутствовавшихъ угостилъ завтракомъ, стоившимъ мнѣ до 50 руб. сер.

Я становился старшимъ изъ полковниковъ. Оставаясь по особымъ порученіямъ и занимаясь бюрократствомъ, я не имѣлъ надежды быть произведеннымъ въ генералы, но сильно опасался, по примѣру предмѣстника моего, полковника Сотникова, попасть въ дѣйствительные статскіе совѣтники и остаться безъ мѣста, безъ содержанія и безъ надежды на полученіе должности по гражданскому вѣдомству,—что было бы для меня истиннымъ бѣдствіемъ;—полковаго же командирства, заведясь семействомъ, ни за что не хотѣлъ имѣть, и потому я непремѣнно рѣшился оставить мою должность и выглядывать открытія другого, болѣе опредѣлительнаго и постояннаго, мѣста.—Я недолго ожидалъ: въ полевомъ аудиторіатѣ открывалась вакансія члена и я подалъ князю о перемѣщеніи меня туда докладную записку слѣдующаго содержанія:

ЗАПИСКА

15 января 1840 года.

„Я теперь однимъ изъ старшихъ полковниковъ. При ожидаемомъ производствѣ въ день Пасхи, т. е. 14 апрѣля, я, или буду обойденъ, или произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, подобно Сотникову, Губареву и другимъ".

„Если меня обойдутъ, то, кромѣ слѣдующаго чина, я ничего не потеряю, ибо, оставаясь на занимаемомъ мѣстѣ, буду пользоваться тѣмъ же содержаніемъ, которое теперь обезпечиваетъ жизнь моего семейства“.

„Если меня произведутъ въ дѣйств. стат. совѣтники,— что конечно послѣдуетъ, служа внѣ фронта съ 1819 года,—въ такомъ случаѣ, подобно Сотникову и Губареву, останусь и безъ мѣста, и безъ содержанія, съ неминуемою нищетою и безъ всякой надежды устроить мое семейство и дать ему пріютъ и кусокъ хлѣба, потому что деньги съ маіората, которыя я теперь стараюсь собирать, сколь онѣ ни малы, тогда обратятся на прокормленіе жены и дѣтей; о воспитаніи же послѣднихъ нечего будетъ и помышлять“.

„Мѣста гражданскаго губернатора въ Россіи, которое представляется съ производствомъ въ дѣйст. стат. совѣт., безъ особеннаго покровительства, не дадутъ,—да я и нежелаю получить его, поелику не имѣю ни навыка и нужныхъ познаній въ гражданскихъ дѣлахъ, ни состоянія и свѣтскаго образованія, необходимыхъ для столь важнаго поста“.

„Если бы даже, какимъ либо непредвидимымъ случаемъ и по причинамъ болѣе уважительнымъ, чѣмъ усердная, честная и безукоризненная 25 лѣтняя служба,—подобно князю Тенишеву и Шебекѣ, я былъ произведенъ въ генералъ-маіора, что и тогда меня ожидаетъ! Я все таки останусь безъ мѣста, а главное безъ содержанія и долженъ думать объ отставкѣ, чтобы получить незначительную пенсію.— Все на что я могу расчитывать при производствѣ въ генералъ-маіоры, это назначеніе бригаднымъ командиромъ. Но здѣсь потребуются издержки, особенно при этихъ переѣздахъ, перемѣщеніяхъ и передвиженіяхъ въ продолженіи службы, которыя столь тягостны для семейнаго человѣка, что наши лучшіе бригадные командиры: Савостьяновъ, Обручевъ и другіе, имѣютъ желаніе быть назначенными къ постояннымъ мѣстамъ, какъ напр., комендантами и военными начальниками губерніи въ Польшѣ, какъ эта милость оказана была князю Тенишеву.—Къ тому же, долговременная отвычка отъ фронта и слабое здоровье служатъ мнѣ препятствіемъ быть исправнымъ бригаднымъ командиромъ“.

„И такъ, цѣль моей службы, собственно для устройства моего семейства, есть получить постоянное мѣсто, которое бы съ одной стороны обезпечивало въ настоящее время существованіе мое, жены и дѣтей моихъ, а съ другой—давало бы возможность изъ арендныхъ денегъ составить хотя незначительный капиталъ на всякій случай“.

„Теперь въ полевомъ аудиторіатѣ открывается вакансія, вмѣсто „Бакунина, и я желалъ бы быть на оную назначеннымъ, если можно, съ „нынѣ получаемыми мною 3 тыс. р. столовыми, т. е. 1 тыс. р. болѣе чѣмъ

соли Величкѣ, и безъ осмотра въ таможнѣ возвратилась съ накупленными на 450 р. с. разными вещами. Но прежде этой поѣздки, 28 Августа 1837 года, Богъ даровалъ намъ сына, названнаго во св. крещеніи Александромъ, крестнымъ отцомъ коего былъ полковникъ Черевинъ, а матерью—княгиня Горчакова; чрезъ два же года, 31 августа 1839 г. родился и другой сынъ Ипполитъ, у котораго крестнымъ отцомъ былъ дежурный генералъ Викинскій, а матерью—таже княгиня. Надъ обоими дѣтьми таинство крещенія совершилъ оберъ-священникъ арміи Чернявскій, и обоихъ ребятишекъ мать кормила своею грудью. За недѣлю до рожденія первенца, княгиня подарила полный комплектъ дѣтскаго бѣлья; Горчаковъ подарилъ на зубокъ роженицѣ золотой съ браліантикомъ на золотой цѣпочкѣ эмалевый крестикъ; пріятель мой полковникъ Сотниковъ – Венгерскій червонецъ 1760 года; самъ же я, гораздо позже и разновременно, въ ознаменованіе моей радости и за то, что юная моя жена мужественно перенесла страданія при родахъ, продолжавшихся сутки, и дала сына,—подарилъ штучку шелковой матеріи, купленную въ Берлинѣ полковникомъ Коцебу (нынѣшнимъ Новороссійскимъ генер. губернаторомъ), большой черный платокъ терно и собольи хвосты; и въ довершеніе первыхъ крестинъ, присутствовавшихъ угостилъ завтракомъ, стоившимъ мнѣ до 50 руб. сер.

Я становился старшимъ изъ полковниковъ. Оставаясь по особымъ порученіямъ и занимаясь бюрократствомъ, я не имѣлъ надежды быть произведеннымъ въ генералы, но сильно опасался, по примѣру предмѣстника моего, полковника Сотникова, попасть въ дѣйствительные статскіе совѣтники и остаться безъ мѣста, безъ содержанія и безъ надежды на полученіе должности по гражданскому вѣдомству,—что было бы для меня истиннымъ бѣдствіемъ;—полковаго же командирства, заведясь семействомъ, ни за что не хотѣлъ имѣть, и потому я непремѣнно рѣшился оставить мою должность и выглядывать открытія другого, болѣе опредѣлительнаго и постояннаго, мѣста.—Я недолго ожидалъ: въ полевомъ аудиторіатѣ открывалась вакансія члена и я подалъ князю о перемѣщеніи меня туда докладную записку слѣдующаго содержанія:

ЗАПИСКА

15 января 1840 года.

„Я теперь однимъ изъ старшихъ полковниковъ. При ожидаемомъ производствѣ въ день Пасхи, т. е. 14 апрѣля, я, или буду обойденъ, или произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, подобно Сотникову, Губареву и другимъ".

„Если меня обойдутъ, то, кромѣ слѣдующаго чина, я ничего не потеряю, ибо, оставаясь на занимаемомъ мѣстѣ, буду пользоваться тѣмъ же содержаніемъ, которое теперь обезпечиваетъ жизнь моего семейства“.

„Если меня произведутъ въ дѣйств. стат. совѣтники,— что конечно послѣдуетъ, служа внѣ фронта съ 1819 года,—въ такомъ случаѣ, подобно Сотникову и Губареву, останусь и безъ мѣста, и безъ содержанія, съ неминуемою нищетою и безъ всякой надежды устроить мое семейство и дать ему пріютъ и кусокъ хлѣба, потому что деньги съ маіората, которыя я теперь стараюсь собирать, сколь онѣ ни малы, тогда обратятся на прокормленіе жены и дѣтей; о воспитаніи же послѣднихъ нечего будетъ и помышлять“.

„Мѣста гражданскаго губернатора въ Россіи, которое представляется съ производствомъ въ дѣйст. стат. совѣт., безъ особеннаго покровительства, не дадутъ,—да я и нежелаю получить его, поелику не имѣю ни навыка и нужныхъ познаній въ гражданскихъ дѣлахъ, ни состоянія и свѣтскаго образованія, необходимыхъ для столь важнаго поста“.

„Если бы даже, какимъ либо непредвидимымъ случаемъ и по причинамъ болѣе уважительнымъ, чѣмъ усердная, честная и безукоризненная 25 лѣтняя служба,—подобно князю Тенишеву и Шебекѣ, я былъ произведенъ въ генералъ-маіора, что и тогда меня ожидаетъ? Я все таки останусь безъ мѣста, а главное безъ содержанія и долженъ думать объ отставкѣ, чтобы получить незначительную пенсію.— Все на что я могу расчитывать при производствѣ въ генералъ-маіоры, это назначеніе бригаднымъ командиромъ. Но здѣсь потребуются издержки, особенно при этихъ переѣздахъ, перемѣщеніяхъ и передвиженіяхъ въ продолженіи службы, которыя столь тягостны для семейнаго человѣка, что наши лучшіе бригадные командиры: Савостьяновъ, Обручевъ и другіе, имѣютъ желаніе быть назначенными къ постояннымъ мѣстамъ, какъ напр., комендантами и военными начальниками губерніи въ Польшѣ, какъ эта милость оказана была князю Тенишеву.—Къ тому же, долговременная отвычка отъ фронта и слабое здоровье служатъ мнѣ препятствіемъ быть исправнымъ бригаднымъ командиромъ“.

„И такъ, цѣль моей службы, собственно для устройства моего семейства, есть получить постоянное мѣсто, которое бы съ одной стороны обезпечивало въ настоящее время существованіе мое, жены и дѣтей моихъ, а съ другой—давало бы возможность изъ арендныхъ денегъ состовить хотя незначительный капиталъ на всякій случай“.

„Теперь въ полевомъ аудиторіатѣ открывается вакансія, вмѣсто „Бакунина, и я желалъ бы быть на оную назначеннымъ, если можно, съ „нынѣ получаемыми мною 3 тыс. р. столовыми, т. е. 1 тыс. р. болѣе чѣмъ

„по штату положено члену аудиторіата". Князь Горчаковъ прочиталъ эту записку и неожиданно меня спросилъ: „а кѣмъ же я васъ замѣню"? Этотъ вопросъ крайне меня удивилъ и огорчилъ, показавъ съ одной стороны его эгоизмъ, а съ другой,—что онъ во мнѣ, какъ я имѣлъ полное право надѣяться, прослуживши съ нимъ и при немъ около 18 лѣтъ,—не принимаетъ участія, а только заботится о себѣ. Потомъ онъ началъ отклонять меня, наговоривъ кучу комплементовъ о моихъ способностяхъ, утверждалъ, что я могу быть дежурнымъ генераломъ, не сказавъ только, въ которой арміи, ибо тогда существовала одна армія, Паскевича, а у него это мѣсто, въ случаѣ открытія вакансіи, занялъ бы конечно свой человѣкъ,—или гражданскимъ губернаторомъ. Я видѣлъ, что всѣ эти рѣчи и слова клонятся къ тому, чтобы убѣдить меня остаться при настоящей должности,—но я былъ непреклоненъ; онъ даже проговорился о производствѣ меня въ генералы; но и на это я не поддался; зная его характеръ и отношенія къ фельдмаршалу, я поблагодарилъ и сказалъ, что такое производство я сочту особенною для себя милостію, потому что тогда буду получать болѣе содержанія, а при отставкѣ болѣе пенсіона, и все таки настаивалъ о перемѣщеніи меня въ аудиторіатъ. Потомъ онъ нашелъ затрудненіе въ просьбѣ о столовыхъ. Я отвѣчалъ, что если я не заслужилъ оставленія при мнѣ столовыхъ по 3 тыс. р., которые впрочемъ выпрошены мнѣ были генераломъ Красовскимъ, то буду довольствоваться и 2 тыс. р., добавивъ съ досадою, что въ послѣднемъ случаѣ мнѣ придется не держать экипажа и за столомъ имѣть вмѣсто трехъ—два блюда. Князь не возражалъ и обѣщалъ доложить записку мою фельдмаршалу,—которую и положилъ въ свой портфель.

Чрезъ нѣсколько часовъ князь возвратился съ бумагами отъ его свѣтлости и объявилъ мнѣ, что по запискѣ моей фельдмаршалъ на все согласился, и съ симъ словомъ съ сильною досадою разорвалъ мою записку въ мелкія клочки и бросилъ ихъ въ корзину, а я тотчасъ пошелъ писать представленіе.—Ужъ конечно Горчаковъ не читалъ фельдмаршалу моей записки, а просто докладывалъ на словахъ о моей просьбѣ; тамъ есть рѣзкія мѣста; еще рѣзче и запальчивѣе я былъ на словахъ съ княземъ; я безъ обиняковъ сказалъ ему, что Тенишева произвела въ генералы его жена, а Шебеку—дежурный генералъ Викинскій; у меня же нѣтъ такихъ покровителей. При этихъ то словахъ князь, вслѣдствіе затронутаго его самолюбія и забывъ обычную свою сдержанность, отвѣчалъ: „пожалуй и я произведу васъ въ генералы". А я, поймавъ его на словѣ, какъ упомянуто выше благодарилъ за обѣщаніе,

Послѣ ухода моего, часа чрезъ два, князь прислалъ за мною и уже съ спокойнымъ духомъ началъ совѣщаться: кого бы на мое мѣсто назначить? Я предлагалъ нѣкоторыхъ лицъ, но онъ не соглашался,

образованіе моимъ дѣтямъ и куда, заведя мое семейство, въ случаѣ моей смерти, я оставилъ бы его въ безотрадномъ положеніи.—Съ одной стороны эта невыгода и опасенье, а съ другой большое содержаніе, которое состояло, кромѣ жалованья по чину, еще изъ столовыхъ 7 тыс. р., квартирныхъ 1 тыс. р., разъѣздныхъ 3 тыс. руб. и на экстраординарные расходѣ 3 тыс. р. и изъ коихъ, при аккуратной жизни, могъ бы отложить не малое количество,—и точно, почетное мѣсто,—ибо начальнику киргизовъ по военной части предоставлены права дивизіоннаго начальника, а по гражданской—гражданскаго губернатора. Все это заставило крѣпко обдумывать сдѣланное мнѣ предложеніе, взвѣшивать на вѣсахъ всѣ выгоды и не выгоды; но вспомнивъ слова Горчакова,—что онъ ничего не можетъ для меня сдѣлать, я рѣшился на ссылку въ Сибирь, надѣясь тамъ скорѣе быть и произведеннымъ и объявилъ о моемъ согласіи князю Горчакову.

Въ то время фельдмаршалъ находился въ Петербургѣ и слѣдовало отъ него испросить согласіе, а потому князь Горчаковъ отправилъ къ нему докладную записку слѣдующаго содержанія:

„ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

1 Января 1841 года.

„Братъ мой командиръ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса и генералъ-губернаторъ западной Сибири, проситъ, меня, по случаю открывшейся вакансіи пограничнаго начальника сибирскихъ киргизовъ, пріискать совершенно благонадежнаго человѣка въ чинѣ генералъ-маіора или полковника, для занятія сего мѣста; при чемъ увѣдомляетъ, что этотъ военный пограничный начальникъ долженъ будетъ управлять тамъ и гражданскою частію на правахъ губернатора.

„Находя съ моей стороны, что бывшій при мнѣ по особымъ порученіямъ, а нынѣ состоящій членомъ въ полевомъ аудиторіатѣ полковникъ Докудовскій по своей испытанной благонадежности и дѣятельности съ пользою для службы могъ бы занять упомянутое мѣсто, тѣмъ болѣе, что съ онымъ преимущественно сопряжена административная часть, къ которой онъ весьма способенъ, и въ особенности принимая во вниманіе, что вовсе продолженіе службы сего штабъ-офицера въ главномъ штабѣ арміи, за примѣрную ревность его къ выполненію лежавшей на немъ обязанности, ваша свѣтлость изволили постоянно удостоивать его благосклоннымъ вашимъ вниманіемъ, я осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить васъ о дозволеніи брату моему представить полковника Докудовскаго на означенное мѣсто, которое и собственно для этого штабъ офицера было бы истиннымъ благодѣяніемъ въ томъ отношеніи, что оно открыло бы ему болѣе видовъ въ будущемъ и

вмѣстѣ съ тѣмъ, по присвоеннымъ оному преимуществамъ, вполнѣ обезпечивало бы содержаніе его, какъ семейнаго человѣка".

„Если на это милостивое послѣдуетъ соизволеніе вашей свѣтлости, въ такомъ случаѣ не благоугодно ли будетъ приказать заготовленное мною и при семъ представляемое офиціальное о томъ увѣдомленіе генералъ-губернатору Западной Сибири отправить по принадлежности съ тѣмъ, чтобы онъ могъ уже войти съ надлежащимъ по этому предмету представленіемъ, если съ своей стороны найдете, что полковникъ Докудовскій дѣйствительно можетъ быть назначенъ на вышесказанное мѣсто".

Фельдмаршалу записка обо мнѣ была докладчикомъ прочитана; его свѣтлость засмѣялся, сказавъ: „что это ему въ Сибирь вздумалось"?— потомъ помолчавъ немного, какъ будто размышлялъ о чемъ то, произнесъ: „ну, съ Богомъ, если хочетъ; я согласенъ",—и оффиціальная бумага отъ князя Горчакова къ брату его отправлена 8 Января, въ г. Омскъ, Тобольской губерніи.

Въ ожиданіи моего назначенія, которое казалось вполнѣ достовѣрнымъ, я прилежно занялся изученіемъ положенія объ управленіи Киргизами, а жена приготовленіемъ въ далекій, ея устрашавшій, путь, какъ вдругъ получается Высочайшій приказъ, состоявшійся 20 Января, коимъ пограничныхъ Киргизовъ начальникомъ былъ назначенъ командиръ Житомірскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Вишневскій. Это назначеніе послѣдовало такимъ случаемъ: послѣ письма Сибирскаго кн. Горчакова къ брату его Варшавскому Горчакову о пріисканіи генералъ-маіора или полковника въ Киргизскіе пограничные начальники,—отъ военнаго министра получена была Сибирскимъ Горчаковымъ бумага, коею требовалось согласія его на назначеніе въ Киргизскіе воеводы полковника Вишневскаго, якобы лично ему графу Чернышеву извѣстнаго; разумѣется, Горчаковъ не могъ противъ сего ничего сказать, тѣмъ болѣе что вакансія Киргизскаго начальника оставалась праздною около 8 мѣсяцевъ,—и, сіятельный князь поспѣшилъ дать требовавшееся согласіе, и Вишневскій назначенъ, думаю, прежде, чѣмъ дошла до него посланная изъ Петербурга оффиціальная брата его обо мнѣ бумага. И такъ я остался на бобахъ, по прежнему въ аудиторіатѣ и нисколько не сокрушался о неуспѣхѣ, а жена и радовалась, избавившись отъ холоднаго климата, для ея слабой груди невыносимаго.

8 Апрѣля князь Горчаковъ, встрѣтивъ меня на прогулкѣ, изъявилъ сожалѣніе о неудавшемся назначеніи и сказалъ, что онъ писалъ къ брату, что если откроется хорошее мѣсто въ Сибири, напр., гражданскаго губернатора, то чтобы назначилъ меня, присовокупивъ, что братъ его еще въ прошломъ году, когда очистилась вакансія пограничнаго начальника Киргизовъ, хотѣлъ было представить меня, но не сдѣлалъ

образованіе моимъ дѣтямъ и куда, заведя мое семейство, въ случаѣ моей смерти, я оставилъ бы его въ безотрадномъ положеніи.—Съ одной стороны эта невыгода и опасенье, а съ другой большое содержаніе, которое состояло, кромѣ жалованья по чину, еще изъ столовыхъ 7 тыс. р., квартирныхъ 1 тыс. р., разъѣздныхъ 3 тыс. руб. и на экстраординарные расходѣ 3 тыс. р. и изъ коихъ, при аккуратной жизни, могъ бы отложить не малое количество,—и точно, почетное мѣсто,—ибо начальнику киргизовъ по военной части предоставлены права дивизіоннаго начальника, а по гражданской—гражданскаго губернатора. Все это заставило крѣпко обдумывать сдѣланное мнѣ предложеніе, взвѣшивать на вѣсахъ всѣ выгоды и не выгоды; но вспомнивъ слова Горчакова,—что онъ ничего не можетъ для меня сдѣлать, я рѣшился на ссылку въ Сибирь, надѣясь тамъ скорѣе быть и произведеннымъ и объявилъ о моемъ согласіи князю Горчакову.

Въ то время фельдмаршалъ находился въ Петербургѣ и слѣдовало отъ него испросить согласіе, а потому князь Горчаковъ отправилъ къ нему докладную записку слѣдующаго содержанія:

„ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

1 Января 1841 года.

„Братъ мой командиръ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса и генералъ-губернаторъ западной Сибири, проситъ, меня, по случаю открывшейся вакансіи пограничнаго начальника сибирскихъ киргизовъ, пріискать совершенно благонадежнаго человѣка въ чинѣ генералъ-маіора или полковника, для занятія сего мѣста; при чемъ увѣдомляетъ, что этотъ военный пограничный начальникъ долженъ будетъ управлять тамъ и гражданскою частію на правахъ губернатора.

„Находя съ моей стороны, что бывшій при мнѣ по особымъ порученіямъ, а нынѣ состоящій членомъ въ полевомъ аудиторіатѣ полковникъ Докудовскій по своей испытанной благонадежности и дѣятельности съ пользою для службы могъ бы занять упомянутое мѣсто, тѣмъ болѣе, что съ онымъ преимущественно сопряжена административная часть, къ которой онъ весьма способенъ, и въ особенности принимая во вниманіе, что вовсе продолженіе службы сего штабъ-офицера въ главномъ штабѣ арміи, за примѣрную ревность его къ выполненію лежавшей на немъ обязанности, ваша свѣтлость изволили постоянно удостоивать его благосклоннымъ вашимъ вниманіемъ, я осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить васъ о дозволеніи брату моему представить полковника Докудовскаго на означенное мѣсто, которое и собственно для этого штабъ офицера было бы истиннымъ благодѣяніемъ въ томъ отношеніи, что оно открыло бы ему болѣе видовъ въ будущемъ и

вмѣстѣ съ тѣмъ, по присвоеннымъ оному преимуществамъ, вполнѣ обезпечивало бы содержаніе его, какъ семейнаго человѣка".

„Если на это милостивое послѣдуетъ соизволеніе вашей свѣтлости, въ такомъ случаѣ не благоугодно ли будетъ приказать заготовленное мною и при семъ представляемое офиціальное о томъ увѣдомленію генералъ-губернатору Западной Сибири отправить по принадлежности съ тѣмъ, чтобы онъ могъ уже войти съ надлежащимъ по этому предмету представленіемъ, если съ своей стороны найдете, что полковникъ Докудовскій дѣйствительно можетъ быть назначенъ на вышесказанное мѣсто".

Фельдмаршалу записка обо мнѣ была докладчикомъ прочитана; его свѣтлость засмѣялся, сказавъ: „что это ему въ Сибирь вздумалось"?— потомъ помолчавъ немного, какъ будто размышлялъ о чемъ то, произнесъ: „ну, съ Богомъ, если хочетъ; я согласенъ",—и оффиціальная бумага отъ князя Горчакова къ брату его отправлена 8 Января, въ г. Омскъ, Тобольской губерніи.

Въ ожиданіи моего назначенія, которое казалось вполнѣ достовѣрнымъ, я прилежно занялся изученіемъ положенія объ управленіи Киргизами, а жена приготовленіемъ въ далекій, ея устрашавшій, путь, какъ вдругъ получается Высочайшій приказъ, состоявшійся 20 Января, коимъ пограничныхъ Киргизовъ начальникомъ былъ назначенъ командиръ Житомірскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Вишневскій. Это назначеніе послѣдовало такимъ случаемъ: послѣ письма Сибирскаго кн. Горчакова къ брату его Варшавскому Горчакову о пріисканіи генералъ-маіора или полковника въ Киргизскіе пограничные начальники,—отъ военнаго министра получена была Сибирскимъ Горчаковымъ бумага, коею требовалось согласія его на назначеніе въ Киргизскіе воеводы полковника Вишневскаго, якобы лично ему графу Чернышеву извѣстнаго; разумѣется, Горчаковъ не могъ противъ сего ничего сказать, тѣмъ болѣе что вакансія Киргизскаго начальника оставалась праздною около 8 мѣсяцевъ,—и сіятельный князь поспѣшилъ дать требовавшееся согласіе, и Вишневскій назначенъ, думаю, прежде, чѣмъ дошла до него посланная изъ Петербурга оффиціальная брата его обо мнѣ бумага. И такъ я остался на бобахъ, по прежнему въ аудиторіатѣ и нисколько не сокрушался о неуспѣхѣ, а жена и радовалась, избавившись отъ холоднаго климата, для ея слабой груди невыносимаго.

8 Апрѣля князь Горчаковъ, встрѣтивъ меня на прогулкѣ, изъявилъ сожалѣніе о неудавшемся назначеніи и сказалъ, что онъ писалъ къ брату, что если откроется хорошее мѣсто въ Сибири, напр., гражданскаго губернатора, то чтобы назначилъ меня, присовокупивъ, что братъ его еще въ прошломъ году, когда очистилась вакансія пограничнаго начальника Киргизовъ, хотѣлъ было представить меня, но не сдѣлалъ

этого, потому что полагалъ меня не выпустятъ изъ арміи и, наконецъ, что хотя братъ его лично и не знаетъ меня, *но извѣстенъ*, какъ выразился Горчаковъ, по *нашимъ сношеніямъ и разумѣетъ васъ, какъ человѣка честнаго, усерднаго и способнаго.* Я поблагодарилъ князя за его участіе, сдѣлалъ почтительный реверансъ и мы разстались.

Но гораздо прежде этой встрѣчи, я былъ призванъ къ генералъ-квартирмистеру Бергу, который спрашивалъ меня: „къ чему будетъ приговоренъ командиръ гусарскаго полка полковникъ Фелькерзамъ за растрату казенныхъ денегъ и другія злоупотребленія"? Я отвѣчалъ, что дѣло объ немъ въ аудиторіатѣ еще не разсматривалось. При этомъ случаѣ Бергъ распространился о честности отца Фелькерзама, бывшаго Курляндскаго губернатора, и о худомъ поведеніи его матери, давъ мнѣ понять, что Паскевичъ, когда онъ былъ командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса и стоялъ въ Митавѣ, имѣлъ интимныя сношенія съ этою дамою. Отпуская меня, Бергъ высказалъ полное сожалѣніе о неудавшемся моемъ назначеніи и присовокупилъ, что поговоритъ князю Горчакову, чтобы написалъ своему брату, дабы онъ имѣлъ меня въ виду для хорошаго мѣста въ Сибири. Теперь представляется вопросъ: самъ-ли князь, безъ посторонняго напоминанія, писалъ къ брату своему обо мнѣ, какъ это онъ объявилъ при встрѣчѣ 8 Апрѣля, или написалъ уже тогда, когда Бергъ о томъ напомнилъ ему! Имѣю причины думать и вѣрить въ послѣднее предположеніе.

Коротко было наше пребываніе на квартирѣ Примасовскаго дворца; она понадобилась управлявшему театрами и особенно театральными крысами генер. адъютанту Раутенштрауху, доставлявшему контингентъ изъ своихъ юныхъ терпсихоръ похотливому Паскевичу, и потому директору квартирной коммисіи, старику полковнику Игнатьеву, приказано его свѣтлостію немедленно очистить мою квартиру и отдать ее вельможному Раутенштрауху. Игнатьевъ позамѣшкался нѣсколько дней и за то отъ Паскевича такую получилъ гонку, что въ перепугѣ отъ страха, умолялъ меня въ тотъ же день переѣхать съ квартиры въ назначенную мнѣ другую, генералъ-маіорскую; что я и исполнилъ, опасаясь и для себя грозы, занялъ новую, далеко лучшую и удобную, чѣмъ прежняя. Вся невыгода этой квартиры на улицѣ Наливкахъ была та, что огромный домъ принадлежалъ жиду, лежалъ въ населенномъ одними жидами кварталѣ, многочисленнѣйшемъ противъ прочихъ христіанскихъ кварталовъ и былъ на большомъ похоронномъ пути къ Повозконковскому католическому для всѣхъ Варшавянъ кладбищу.

Мирное мое житіе въ храмѣ Ѳемиды нарушено нежданно-негадано незаслуженнымъ преслѣдованіемъ всемощнаго моего—куманька Викинскаго. Я былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ и пользовался

постояннымъ его расположеніемъ; но это не помѣшало ему сдѣлаться моимъ врагомъ по слѣдующему дѣлу. Въ Брестъ-Литовскѣ существовала инженерная строительная коммиссія для постройки крѣпости. Обнаружились въ ней, какъ обыкновенно бываетъ во всѣхъ инженерныхъ коммиссіяхъ,—большія злоупотребленія и всѣ члены ея преданы военному суду, въ томъ числѣ и дѣлопроизводитель, нѣкій Арцишевскій, къ коему, мнѣ неизвѣстно почему, Викинскій имѣлъ нѣжнѣйшую симпатію и о существованіи котораго я не зналъ и не вѣдалъ. По вопросу: судить ли ихъ арестованными?—Аудиторіатъ отвѣчалъ утвердительно. Потомъ, когда судное объ нихъ дѣло поступило въ аудиторіатъ, то, разумѣется, послѣдній приговорилъ ихъ къ наказанію по законамъ.—На это то и взъѣлся Викинскій, благовѣствуя всѣмъ и каждому, кто только слушать хотѣлъ, что и арестованіе Арцишевскаго и приговоръ объ немъ--было дѣло рукъ моихъ, моего вліянія въ аудиторіатѣ, чтобы только досадить ему, Викинскому; на эту тему и пошелъ, и пошелъ колокольнить, объявляя во всеуслышаніе, что онъ никогда мнѣ этого не проститъ и изъ друга дѣлается присяжнымъ врагомъ.—И точно, нѣсколько лѣтъ громилъ и уязвлялъ меня, но я молчалъ, терпѣлъ и кончилось миромъ. Дражайшій мой кумъ былъ однимъ изъ опасныхъ и пристрастныхъ людей.

Хроникеръ Варшавы, помѣщая въ свою лѣтопись происшествія и явленія, чѣмъ либо замѣчательныя, обязанъ вписать не внесенныя мною позабывчивости въ своемъ мѣстѣ,—два знаменательныя посѣщенія Императора Николая: одно и первое послѣ усмиренія мятежа, 1834 года, когда Его Величество прдставлявшейся ему съ повинною головою польской депутаціи произнесъ грозное и назидательное слово, ошеломившее депутатовъ и разнесшееся по всей Европѣ, и другое посѣщеніе иного рода. Именно: съ 15 на 16 Августа 1840 г. въ $1^1/_2$ часа пополуночи, прибылъ изъ Петербурга Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, который того же числа рано утромъ отправился за границу къ своей невѣстѣ, которая потомъ въ сопровожденіи августѣйшаго своего жениха, его родительницы и велик. кн. Ольги Николаевны, 24 Августа имѣла торжественный въѣздъ въ Варшаву, будучи встрѣчена у заставы царственнымъ своимъ свекромъ и провожена имъ верхомъ на конѣ въ Лазенковскій дворецъ, постреди войскъ, разставленныхъ шпалерами по улицамъ, встрѣчавшихъ и провожавшихъ процессію звуками барабановъ, трубъ, музыки и криками: Ура!

Въ Январѣ 1842 года прибыло купленное мною семейство, состоявшее изъ мужа—повара, жены его и 4-хъ дѣтей. Оно прежде принадлежало князю Тенишеву и жена повара была молочною сестрою князя; но когда этотъ кухонный артистъ, разъ въ пьяномъ видѣ занесъ на своего барина руку съ ножемъ, то былъ проданъ совсѣмъ его семействомъ капитану Познанскому; а у этого офицера жена молда-

ванка начала за дерзости бить и колотить своихъ прислугъ почемъ ни попало и два раза была ими принесена жалоба, то и было приказано капитану непремѣнно продать своихъ людей.—Казалось бы мнѣ и не слѣдовало покупать это семейство, но я купилъ по желанію моей жены, которую настойчиво и убѣдительно о томъ просила княгиня Тенишева. Я сдѣлалъ большое дурачество и мы долго должны были терпѣть отъ сварливаго и дерзкаго характера мужа и жены, пока я не сослалъ ихъ въ деревню.—Разъ эта женщина разсказала женѣ моей удивительную исторію о причинѣ періодическаго сумашествія матери князя. Еще дѣвицею она была скромна, чрезвычайно набожна и не любила ни какихъ развлеченій; разъ привидѣлось ей воснѣ, что она согрѣшила и это такъ подѣйствовало на ея разсудокъ, что она и до замужества и послѣ замужества по временамъ впадала въ сумашествіе; особенно вышедши замужъ, она оказывала величайшее отвращеніе къ исполненію супружеской обязанности;—у нея и былъ одинъ только сынъ.—Вся эта исторія относится до психологіи.

Сильно мнѣ надоѣло постоянно видѣть и жить съ жидами и потому мы переселились на другую квартиру въ христіанскомъ кварталѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, на все лѣто наняли за городомъ хорошенькій домикъ, называемый Багатель, и съ садомъ за 225 руб. сер. Дорого, но я могъ такую издержку сдѣлать, потому что неожиданно получилъ отъ адъютанта Паскевича, полковника Ушакова, свой безнадежный долгъ. 825 р. с., бывшій на немъ нѣсколько лѣтъ, занятый имъ при своей женитьбѣ.

Генералъ-аудиторъ аудиторіата Григорьевъ былъ человѣкъ старый, и боязливый; онъ не столько страшился фельдмаршала, сколько фаворита его, грубаго и дерзкаго Викинскаго и отъ того нерѣдко наше правосудіе хромало въ ущербъ правды.- Не смотря на то, что старикъ рѣшительно мучилъ Паскевича своими докладами, заставляя его выслушивать отъ доски до доски, фельдмаршалъ былъ расположенъ къ нему за его честность и не подкупность, но теченіе дѣлъ было медленное, подсудимые иногда понѣсколько лѣтъ ожидали рѣшенія своей участи, содержась подъ арестомъ; ропотъ и нареканія на аудиторіатъ раздавались совсѣхъ сторонъ, и потому, по докладу моему князю Горчакову о необходимости назначить генералъ-аудитору помощника, который въ случаѣ смерти Григорьева могъ-бы заступить его мѣсто,—свѣтлѣйшій писалъ къ Военному Министру и помощникомъ назначенъ изъ аудиторіатскаго департамента дѣйст. стат. сов. Бѣляевъ.

Походный атаманъ, ген.-маіоръ Сергѣевъ, отъѣзжая на всегдашній покой на Донъ, дочь свою, воспитывавшуюся въ Александрійскомъ казенномъ институтѣ, поручилъ женѣ моей, которая, послѣ выпуска изъ заведенія, ѣздила за нею въ Пулавы и мѣсяца три держала у

камердинеру короля Станислава Понятовскаго Ричу; при моемъ наймѣ, составлялъ собственность польскаго банка и былъ въ арендѣ у его фактора — жида. — Яблокъ и грушъ въ оба лѣта уродилось въ изобиліи, противъ ожиданія удивленнаго еврея, и все было наше; особено великолѣпны были махровыя розы, какихъ я никогда не видалъ.

Около трехъ лѣтъ минуло прозябанію моему въ аудиторіатѣ; открылась вакансія военнаго начальника въ Калишской губерніи и подполковникъ Филиповъ добрый мой пріятель и землякъ, намекнулъ князю о назначеніи меня къ упомянутому мѣсту, которому, сверхъ жаловатья по чину, присвоено было еще и столовыхъ по 1800 р. изъ казны Царства Польскаго; но Горчаковъ отвѣчалъ, что эти мѣста фельдмаршалъ даетъ только старшимъ лѣтами и службою, — тогда какъ предъ симъ назначенъ былъ старшій адъютантъ полковникъ Горловъ и лѣтами и въ настоящемъ чинѣ моложе меня, но дѣло въ томъ, что онъ былъ покровительствуемъ Викинскимъ и исправлялъ у него должность шептуна, — Горчаковъ еще добавилъ: „самъ виноватъ, почему не взялъ полка“. Филиповъ все это передалъ мнѣ и я, будучи крайне огорченъ не заслуженнымъ равнодушіемъ князя, 9 Февраля написалъ и послалъ ему слѣдующаго содержанія письмо.

ПИСЬМО.

„Позвольте Выше Сіятельство мнѣ напомнить Вамъ о себѣ.

„Во время нахожденія вашего начальникомъ штаба въ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ, я имѣлъ честь служить съ вами слишкомъ восемь лѣтъ старшимъ корпуснымъ адъютантомъ и потомъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ. Спустя нѣсколько послѣ того, когда вы были назначены начальникомъ главнаго штаба арміи, я состоялъ столько же времени лично уже при вашей особѣ, слѣд. двѣ трети всей моей службы и лучшія лѣта моей жизни я провелъ при васъ и съ вами.

„Не мнѣ говорить, успѣшно ли я выполнялъ мои обязанности и былъ ли достоинъ полученныхъ мною знаковъ отличій. Могу только сказать, что я постоянно имѣлъ счастіе пользоваться вашимъ расположеніемъ, а даже былъ на хорошемъ счету и у самаго Г. Генералъ-Фельдмаршала, хотя, какъ вы неоднократно мнѣ объявляли при разныхъ случаяхъ, — этому лестному обо мнѣ мнѣнію Его Свѣтлости, вы нисколько не были причастны.

„Выше Сіятельство изволите припомнить, что я вовсе не домогался быть назначеннымъ къ вамъ по особымъ порученіямъ.

Въ Сентябрѣ 1831 года, пріѣхавъ въ Варшаву для ускоренія просимаго мною отпуска, я предполагалъ послѣ возвращенія къ своему мѣсту вступить во фронтъ и Федоръ Васильевичъ Ридигеръ обѣщалъ

мнѣ дать полкъ; въ чемъ я могу представить письменное доказательство. Но послѣ вашего чрезвычайно-милостиваго пріема и дружескихъ объятій, когда въ роковой для меня часъ сдѣлали предложеніе состоять при вашей особѣ, — я увлеченный сценою вашего пріема и истинно тогда привязанный къ вамъ, безъ размышленія далъ мое согласіе. Между тѣмъ и бывшій начальникъ главнаго штаба 1 арміи Генералъ Красовскій, желалъ меня имѣть при себѣ и покойный Князь Сакенъ еще въ Октябрѣ мѣсяцѣ вошелъ о томъ съ представленіемъ, ходатайствуя вмѣстѣ съ тѣмъ о повышеніи въ полковники и производствѣ наравнѣ съ полковыми командирами столовыхъ денегъ по 3 тыс. р. въ годъ; на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе; но по злосчастной моей судьбинѣ, неизвѣстно почему не было о томъ объявлено тогда же въ Высочайшемъ приказѣ; а спустя послѣ того полутора мѣсяца и Его Свѣтлость вошелъ такъ же съ представленіемъ съ тою только разницею, что Фельдмаршалъ не просилъ хода тайства о повышеніи меня въ полковники и только испрашивалось оставленія при мнѣ тѣхъ столовыхъ денегъ, кои я получалъ въ званіи дежурнаго штабъ-офицера 2 тыс. р., хотя предмѣстникъ мой Сотниковъ, на мѣсто коего я поступалъ, пользовался столовыми по 3 т. р. Наконецъ, послѣ происшедшей по сему предмету переписки съ Г. Военнымъ Министромъ, меня назначили къ Вашему Сіятельству, а благодаря справедливому вниманію къ прежней службѣ моей Афанасія Ивановича Красовскаго, произвели въ полковники и дали 3 тыс. р. столовыхъ.

„Въ Февралѣ 1832 года я вступилъ въ отправленіе своей должности; спустя слишкомъ годъ, здоровье мое совершенно разстроилось и я долженъ былъ отправиться въ Маѣ 1833 г. къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ, — но судьбина моя преслѣдовала меня. — Въ отсутствіе мое, Государъ Императоръ неожиданно изволилъ прибыть въ Царство Польское, осмотрѣлъ войска при Новогеоргіевскѣ и возвратился въ Петербургъ. — Я пріѣхалъ съ Кавказа мѣсяцемъ ранѣе даннаго мнѣ срока; чрезъ два или три мѣсяца пошли представленія о наградахъ, но я не удостоился быть включеннымъ въ списки, потому что не состоялъ на лицо во время пребыванія здѣсь Императора, хотя правду сказать, нѣкоторые изъ чиновниковъ вовсе не лицезрѣли Его Величества и не были на смотру, оставаясь въ Варшавѣ и въ другихъ мѣстахъ; неменѣе того однако же были представлены, и хотя я, до моего отпуска находился при васъ на дѣйствительной службѣ около полутора года и при самомъ началѣ вступленія моего въ должность, безъ всякой моей стороны просьбы, Ваше Сіятельство изволили мнѣ обѣщать при первомъ случаѣ наградить меня арендою.

„Возстановивъ здоровье и размышляя о моемъ положеніи, послѣдствія коего не представлялись мнѣ утѣшительными, я обратился къ

первоначальному моему намѣренію служить во фронтѣ, и въ концѣ 1832, а потомъ въ 1834 году просился во фронтъ, съ назначеніемъ полковымъ командиромъ, но Ваше Сіятельство изволили отказать мнѣ въ моей просьбѣ; что точно я тогда имѣлъ желаніе обратиться во фронтъ, могутъ быть представлены въ доказательство два письма отъ Генерала Красовскаго и Барона Фридрикса.

„Въ 1835 году я женился; но, клянусь Богомъ, безъ всякихъ видовъ на будущее, и даже данное Вашимъ Сіятельствомъ при обрученіи названіе мнѣ сына не возродило во мнѣ рѣшительно никакихъ надеждъ, ибо я основывалъ мои права, на единой токмо моей службѣ. Въ томъ же году въ Калишѣ я осмѣлился вновь безпокоить васъ о назначеніи меня полковымъ командиромъ въ корпусъ Генерала Нейдгарта въ Москву; Нейдгартъ обѣщалъ, сказавъ однако же, что унего нѣтъ вакансіи: на томъ и кончилось мое домогательство служить во фронтѣ.—Видя неудачу моей участи, справедливо надѣясь, что Ваше Сіятельство, за долговременную службу мою собственно при васъ, не оставите меня и не бросите, какъ отъявленнаго негодяя.

„Между тѣмъ время къ производству близилось; я расчелъ, по случившимся въ глазахъ моихъ примѣрамъ, что хотя и не буду произведенъ въ генералы, но легко могу попасть въ Дѣйст. Стат. Совѣт. и тогда, обремененный уже семействомъ, я рѣшительно долженъ буду бѣдствовать.—Это я изложилъ въ моей къ вамъ запискѣ съ просьбою о переводѣ меня въ аудиторіатъ.—Правда, Ваше Сіятельство нѣсколько останавливали меня, но приводимыя вами причины, не были успокоительны; здѣсь вы изволили предложить мнѣ полкъ; но могъ ли я принять его, когда имѣлъ уже семейство и былъ опять разстроенъ въ здоровьѣ? Конечно Ваше Сіятельство изволите вспомнить разговоръ нашъ и вырвавшееся у васъ восклицаніе: „что и вы можете произвесть меня въ Генералы“,—когда я докладывалъ вамъ, что извѣстный Савостьяновъ, находясь тоже членомъ аудиторіата въ арміи Сакена, по предстательству Начальника Штаба Генерала Муравьева, былъ произведенъ, равно Князь Тенишевъ и Шебека, мѣста которыхъ вовсе не были по штату генеральскими, получили повышенія посредствомъ покровительства другихъ лицъ.—Слова Вашего Сіят. я дерзнулъ принять за обѣщаніе, и тогда же принесъ вамъ живѣйшую мою благодарность.

„Прискорбно вспомнить, какъ послѣ 16 лѣтней моей службы при васъ и совершенной преданности,—я, усердный вашъ слуга, имѣлъ несчастіе получить отпускъ отъ васъ.—Послѣ холоднаго, убійственнаго „*прощайте*,—невольно припомнилъ я Одессу, когда вы отправлялись въ 1 пѣхот. корпусъ, и потомъ Варшаву, когда вы встрѣтили меня въ 1831 году; но совѣсть моя ни противу особы вашей, ни противу

мнѣ дать полкъ; въ чемъ я могу представить письменное доказательство. Но послѣ вашего чрезвычайно-милостиваго пріема и дружескихъ объятій, когда въ роковой для меня часъ сдѣлали предложеніе состоять при вашей особѣ, — я увлеченный сценою вашего пріема и истинно тогда привязанный къ вамъ, безъ размышленія далъ мое согласіе. Между тѣмъ и бывшій начальникъ главнаго штаба 1 арміи Генералъ Красовскій, желалъ меня имѣть при себѣ и покойный Князь Сакенъ еще въ Октябрѣ мѣсяцѣ вошелъ о томъ съ представленіемъ, ходатайствуя вмѣстѣ съ тѣмъ о повышеніи въ полковники и производствѣ наравнѣ съ полковыми командирами столовыхъ денегъ по 3 тыс. р. въ годъ; на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе; но по злосчастной моей судьбинѣ, неизвѣстно почему не было о томъ объявлено тогда же въ Высочайшемъ приказѣ; а спустя послѣ того полутора мѣсяца и Его Свѣтлость вошелъ такъ же съ представленіемъ съ тою только разницею, что Фельдмаршалъ не просилъ хода тайства о повышеніи меня въ полковники и только испрашивалось оставленія при мнѣ тѣхъ столовыхъ денегъ, кои я получалъ въ званіи дежурнаго штабъ-офицера 2 тыс. р., хотя предмѣстникъ мой Сотниковъ, на мѣсто коего я поступалъ, пользовался столовыми по 3 т. р. Наконецъ, послѣ происшедшей по сему предмету переписки съ Г. Военнымъ Министромъ, меня назначили къ Вашему Сіятельству, а благодаря справедливому вниманію къ прежней службѣ моей Афанасія Ивановича Красовскаго, произвели въ полковники и дали 3 тыс. р. столовыхъ"

„Въ Февралѣ 1832 года я вступилъ въ отправленіе своей должности; спустя слишкомъ годъ, здоровье мое совершенно разстроилось и я долженъ былъ отправиться въ Маѣ 1833 г. къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ, — но судьбина моя преслѣдовала меня. — Въ отсутствіе мое, Государь Императоръ неожиданно изволилъ прибыть въ Царство Польское, осмотрѣлъ войска при Новогеоргіевскѣ и возвратился въ Петербургъ. — Я пріѣхалъ съ Кавказа мѣсяцемъ ранѣе даннаго мнѣ срока; чрезъ два или три мѣсяца пошли представленія о наградахъ, но я не удостоился быть включеннымъ въ списки, потому что не состоялъ на лицо во время пребыванія здѣсь Императора, хотя правду сказать, нѣкоторые изъ чиновниковъ вовсе не лицезрѣли Его Величества и не были на смотру, оставаясь въ Варшавѣ и въ другихъ мѣстахъ; неменѣе того однако же были представлены, и хотя я, до моего отпуска находился при васъ на дѣйствительной службѣ около полутора года и при самомъ началѣ вступленія моего въ должность, безъ всякой моей стороны просьбы, Ваше Сіятельство изволили мнѣ обѣщать при первомъ случаѣ наградить меня арендою.

„Возстановивъ здоровье и размышляя о моемъ положеніи, послѣдствія коего не представлялись мнѣ утѣшительными, я обратился къ

хотя была для того уважительная причина: ибо это имѣніе принадлежало къ разряду маіоратовъ Генералъ-маіорскихъ, принося доходу слишкомъ 1500 р. с. и, какъ увѣряли меня въ Коммиссіи финансовъ, перемѣну эту весьма легко было сдѣлать. Я бросился къ Викинскому и умолялъ его оказать свое содѣйствіе, но его превосходительство отказалъ единственно потому, что я состоялъ на службѣ при особѣ Вашего Сіятельства.

Вотъ уже безконечные три года, я въ этомъ злощастномъ аудиторіатѣ; сколько въ продолженіи сего времени младшимъ меня и службою и лѣтами дано выгодныхъ и почетныхъ мѣстъ!

Примѣромъ тому могутъ служить адъютанты: Дена, Гилленшмита, Викинскаго и даже Безака, и сколько еще обѣщано таковыхъ же мѣстъ другимъ тоже въ штабахъ служащимъ.—Все это въ порядкѣ вещей: такъ дѣлалось прежде и такъ будетъ дѣлаться всегда. Каждый начальникъ старается о выгодахъ своихъ подчиненныхъ.—Прискорбнѣе всего—это слышать сожалѣнія о моей участи и распространившееся мнѣніе, что *только нѣкоторыя привилегированныя лица имѣютъ силу и мужество* ходатайствовать у г. Генералъ-Фельдмаршала о служащихъ подъ ихъ начальствомъ личностяхъ".

Эта дерзкая эпистола ни подвигнула князя къ настолнію у фельдмаршала обо мнѣ, ни возбудила особеннаго его на меня гнѣва; онъ сказалъ только моей жены, что я *написалъ ему глупости*, а княгиня ей же объявила, что князь мною не доволенъ.

Между тѣмъ въ этомъ 1843 году члены аудиторіата, разумѣется въ томъ числѣ и я, два раза подвергнулись дѣйствительному гнѣву фельдмаршала: разъ за неясное изложеніе сути въ заключеніе по одному слѣдственному дѣлу; мы ожидали, что онъ разругаетъ насъ въ пухъ и прахъ, но, къ нашему изумленію, обошелся съ нами по человѣчески; при нашей явкѣ, онъ сказалъ лично мнѣ: *„я знаю, вы „хорошо пишете, а какъ написано заключеніе! Вамъ надо са„мимъ составлять заключенія по дѣламъ; онъ* (указавъ на генералъ-аудитора Григорьева) *„уже старъ"*. Нельзя было возражать, что по закону заключенія составляются аудиторами подъ редакціею генералъ-аудитора, а члены произносятъ только приговоры и мнѣнія. Надобно было много большой отваги, чтобы оправдываться. И мы были рады—рады, что наше свиданіе съ его свѣтлостію, кончилось безъ ругани.—Придя въ аудиторіатъ, я тотчасъ составилъ новое заключеніе, болѣе толковое и грамотное, которое на другой же день и было утверждено.

службы, ни въ чемъ меня не упрекнула, развѣ въ томъ только можно было меня винить, что я слишкомъ былъ довѣрчивъ и безгранично къ вамъ преданъ.—За то Дежурный Генералъ истинно утѣшилъ меня, разсуждая о неблагодарной службѣ моей при васъ и далъ слово быть моимъ покровителемъ.

„Но надобножъ было злому моему року наслать на меня новое, неожиданное бѣдствіе въ лицѣ *Брестскаго дѣла*.—Спросили мнѣнія аудиторіата: кого предать военному суду и арестованными или нѣтъ? Въ число отданныхъ подъ судъ попалъ какой то *Арцишевскій*, котораго я вовсе не зналъ, но онъ пользовался, какъ послѣ уже узнано, особеннымъ расположеніемъ Викинскаго. Его превосходительство за то, что мы подали мнѣніе судить виновныхъ *арестованными*, возсталъ на меня со всею яростію, получивъ отъ кого то ложное свѣдѣніе, что будто бы сему мнѣнію я былъ причиною; объявилъ торжественно на одномъ обѣдѣ, что яко бы Ваше Сіятельство призывали меня поэтому дѣлу и дали мнѣ какое-то приказаніе, и не устыдился сказать, что онъ вѣчно будетъ мнѣ *мстить*; послѣднее было объявлено нѣсколько разъ и самому Генералъ-аудитору,—Это не сплетни, но истина: ибо на другой день, узнавъ о происшедшей сценѣ и гнѣвѣ Викинскаго, я позаботился собрать о томъ свѣдѣніе и заслуживающіе довѣрія свидѣтели: Тутчекъ, Сотниковъ, Старынкевичъ, Заболоцкій, Горловъ и докторъ Бунцевичъ, вполнѣ подтвердили.

„Награжденіе меня маіоратомъ я высоко цѣню; покрайней мѣрѣ лично не пойду съ сумою нищаго; но опять таки злая моя судьбина своимъ вмѣшательствомъ испортила дѣло.—Маіоратъ вмѣстѣ съ другими былъ уже мнѣ назначенъ и проэктъ къ подписанію лежалъ въ портфелѣ у г. Фурмана; надобно однакоже, чтобы Ваше Сіятельство вѣроятно хотѣли сдѣлать мнѣ благодѣяніе и сами вызвались писать къ Фурману, чтобы мнѣ назначено было такое имѣніе, которое по контракту съ казною имѣло самый дальній срокъ; не понимая въ чемъ дѣло, я крайне обрадовался, не зналъ какъ и благодарить за участіе; и точно мнѣ переназначили имѣніе, но только безъ лѣса, безъ воды съ разрушенными хозяйственными строеніями.—Поздно я увидѣлъ мою ошибку и тогда какъ безъ особаго ходатайства, нельзя было уже поправить дѣла.—Я дѣйствительно былъ въ горѣ, потому что отъ ошибки терпѣло мое семейство и по моей опрометчивости уменьшился и безъ того скудный мой доходъ; тѣмъ болѣе я проклиналъ мое неразуміе, что назначенный мнѣ прежній маіоратъ былъ несравненно и лучше и выгоднѣе.—Я попытался было просить васъ о перемѣнѣ имѣнія, но получилъ въ томъ отказъ, хотя подобную милость оказалъ Фельдмаршалъ другимъ, находившимся въ болѣе противу меня счастливомъ положеніи касательно маіората, и даже не согласились переговорить и съ Фурманомъ о представленіи имъ перемѣны мнѣ имѣнія,

хотя была для того уважительная причина: ибо это имѣніе принадлежало къ разряду маіоратовъ Генералъ-маіорскихъ, принося доходу слишкомъ 1500 р. с. и, какъ увѣряли меня въ Коммиссіи финансовъ, перемѣну эту весьма легко было сдѣлать. Я бросился къ Викинскому и умолялъ его оказать свое содѣйствіе, но его превосходительство отказалъ единственно потому, что я состоялъ на службѣ при особѣ Вашего Сіятельства.

Вотъ уже безконечные три года, я въ этомъ злощастномъ аудиторіатѣ; сколько въ продолженіи сего времени младшимъ меня и службою и лѣтами дано выгодныхъ и почетныхъ мѣстъ!

Примѣромъ тому могутъ служить адъютанты: Дена, Гилленшмита, Викинскаго и даже Безака, и сколько еще обѣщано таковыхъ же мѣстъ другимъ тоже въ штабахъ служащимъ.—Все это въ порядкѣ вещей: такъ дѣлалось прежде и такъ будетъ дѣлаться всегда. Каждый начальникъ старается о выгодахъ своихъ подчиненныхъ.—Прискорбнѣе всего—это слышать сожалѣнія о моей участи и распространившееся мнѣніе, что *только нѣкоторыя привилегированныя лица имѣютъ силу и мужество* ходатайствовать у г. Генералъ-Фельдмаршала о служащихъ подъ ихъ начальствомъ личностяхъ".

Эта дерзкая эпистола ни подвигнула князя къ настоянію у фельдмаршала обо мнѣ, ни возбудила особеннаго его на меня гнѣва; онъ сказалъ только моей жены, что я *написалъ ему глупости*, а княгиня ей же объявила, что князь мною не доволенъ.

Между тѣмъ въ этомъ 1843 году члены аудиторіата, разумѣется въ томъ числѣ и я, два раза подвергнулись дѣйствительному гнѣву фельдмаршала: разъ за неясное изложеніе сути въ заключеніе по одному слѣдственному дѣлу; мы ожидали, что онъ разругаетъ насъ въ пухъ и прахъ, но, къ нашему изумленію, обошелся съ нами по человѣчески; при нашей явкѣ, онъ сказалъ лично мнѣ: „*я знаю, вы „хорошо пишете, а какъ написано заключеніе? Вамъ надо са„мимъ составлять заключенія по дѣламъ; онъ* (указавъ на генералъ-аудитора Григорьева) „*уже старъ*". Нельзя было возражать, что по закону заключенія составляются аудиторами подъ редакціею генералъ-аудитора, а члены произносятъ только приговоры и мнѣнія. Надобно было много большой отваги, чтобы оправдываться. И мы были рады—рады, что наше свиданіе съ его свѣтлостію, кончилось безъ ругани.—Придя въ аудиторіатъ, *я* тотчасъ составилъ новое заключеніе, болѣе толковое и грамотное, которое на другой же день и было утверждено.

Въ другой разъ, хотя мы лично и не имѣли счастія быть призываемы предъ грозныя очи юпитера Варшавскаго, однако же надъ нами заочно разразилась буря съ громомъ и молніею по слѣдующему дѣлу. Чиновникъ Красовскій, еще въ 1832 году, сдѣлалъ въ Галиціи подрядъ на покупку и доставку провіанта въ Варшаву; по его не опытности и безпечности генералъ-интенданта арміи Погодина эта милліонная операція не удалась, казна понесла убытки и Красовскій былъ преданъ военному суду. Судъ продолжался нѣсколько лѣтъ и кончился тѣмъ, что по манифесту освободилъ его отъ личнаго наказанія, но приговорилъ взыскать съ него до 400 тыс. р. ас. въ казну. Аудиторіатъ согласился съ этимъ приговоромъ, но добавилъ, чтобы Красовскій былъ отставленъ отъ службы и ни куда не опредѣляемъ; а какъ у него ни какого движимого, и ни недвижемаго имущества не оказалось, то аудиторіатъ полагалъ всю ту сумму взыскать съ Погодина потому уваженію, что онъ избралъ этого чиновника для операціи, представилъ его какъ опытнаго и благонадежнаго для ея исполненія и не— только, по обязанности начальника, не слѣдилъ за его дѣйствіями, но даже на многія его важныя представленія не давалъ ни какихъ разрѣшеній. Въ такомъ видѣ составленный въ аудиторіатѣ докладъ былъ представленъ старикашкою генералъ-аудиторомъ. Паскевичъ взбѣленился, пришелъ въ неописанную ярость (въ *энтузіазмѣ*, какъ выразился генер. аудиторъ), швырнулъ законнику докладъ въ лицо и закричалъ: „противу Погодина въ аудиторіатѣ интригуютъ (это сказано на мой счетъ), что онъ честнѣйшій (это уже вздоръ) и способнѣйшій чиновникъ; что Красовскій насъ подкупилъ (и это вздоръ) что, какъ у васъ руки не отсохли, подписывая докладъ; что мы всѣ бѣлены объѣлись; что слѣдовало прежде рѣшенія спросить мнѣнія его, фельдмаршала; что онъ теперь не знаетъ какъ оправдать Погодина и, наконецъ, приказалъ докладъ передѣлать и отнюдь ни кому не говорить, что этотъ докладъ былъ представляемъ его свѣтлости.--Ну, и началась передѣлка этого злополучнаго дѣла, продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ; эту передѣлку поручено произвести искусному архитектору, помощнику генералъ-аудитора Бѣляеву; докладъ ходилъ по порукамъ то къ дежурному генералу, то къ самому Погодину и все это происходило подъ покровомъ величайшей тайны и мы рѣшительно не знали, что творится съ этимъ казуснымъ дѣломъ; узнали только тогда, когда поднесенъ былъ Бѣляевымъ для нашей подписи новый докладъ, выгородившій Погодина и обратившій тѣ 400 т. р. на счетъ казны; и мы съ покорностію и смиреніемъ подначальныхъ людей докладъ скрѣпили своимъ рукоприкладствомъ и творецъ доклада награжденъ за свое юридическое искуство 800 р. с. изъ экстраординарной суммы, а у Погодина и Красовскаго отъ хлѣбенной операціи по русскому обычаю „*рыльцо осталось въ пушку*“.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи это проклятаго дѣла, гнѣвъ

на меня фельдмаршала еще не остылъ; такъ предсѣдатель постоянной слѣдственной коммиссіи по политическимъ дѣламъ, тайный совѣтникъ Стороженко, подалъ ему докладную записку о назначеніи меня въ оную членомъ; прочитавъ ее, Паскевичъ сказалъ: „*выберите другаго*“, когда же Стороженко заикнулся было что то сказать, то его свѣтлость закрѣчалъ: „*я вамъ говорю выберите другаго*“!—Тѣмъ дѣло и кончилось, и я, чрезъ отказъ фельдмаршала, лишился 300 р. с. должности члена присвоенныхъ.

Въ Іюнѣ изъ заграницы въ Петербургъ чрезъ Варшаву проѣзжалъ принцъ Гессенъ—Кассельскій, юный женихъ юной невѣсты вел. княжны Александры Николаевны.—Фельдмаршалъ показывалъ этому, едва вступившему въ совершеннолѣтіе, нѣмчурѣ Александровскую Цитадель и угостилъ его любимымъ своимъ блюдомъ, подъ видомъ двухъ конно-мусульманскихъ сотенъ.—Чрезъ полтора мѣсяца, проѣздомъ изъ заграницы, остановился въ Варшавѣ полуполякъ и полунѣмецъ, владѣтель несмѣтныхъ богатствъ, оберъ-шенкъ графъ Браницкій и 15 Августа ночью, послѣ объяденія и излишней выпивки у кого то на обѣдѣ, скоропостижно скончался.

---

8 Сентября въ 4 часа полудня Государь Императоръ изволилъ прибыть изъ Берлина отъ Августѣйшаго своего тестя въ Варшаву и вечеромъ получилъ изъ Петербурга телеграмму (замѣчу въ скобкахъ шедшую 14 часовъ) о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени цесаревны сыномъ. Его Величество, въ ознаменованіе столь радостнаго для него событія, принесшему телеграмму полковнику Геллерту пожаловалъ перстень и произвелъ въ генералы 50 полковниковъ; Паскевича освободилъ отъ уплаты въ Польскій банкъ 180 т. р. с., взятыхъ имъ заимообразно для покупки Гомельскаго имѣнія, повелѣвъ эту сумму внести въ банкъ изъ казны Царства; сверхъ того, попредставленію фельдмаршала, Императоръ пожаловалъ кн. Горчакову 15 т. р. с., Стороженкѣ 6 т. и секретарю Паскевича Очькину 3 т. р. с.—По случаю-же крещенія новорожденнаго, названнаго Николаемъ, 10 Октября произведено въ полные генералы 32, въ генер. лейт. 16 и въ генер. маіоры 26. И гдѣ же теперь этотъ новорожденный, достигшій $21^1/_2$ лѣтъ, Цесаревичъ и Наслѣдникъ престола? Увы!—въ могилѣ, скончавшись въ Ниццѣ 12 Апрѣля 1865 года!

Въ этотъ свой пріѣздъ Императоръ на смотрахъ и ученьяхъ войскъ былъ крайне снисходителенъ къ промахамъ и ошибкамъ и ни кому не изъявилъ неудовольствія и никого не оскорбилъ и не унизилъ словомъ, какъ за частую бывало прежде. Эту кротость Давида одни относили къ умягченію сердца Царя отъ дарованнаго ему Богомъ вну-

ка,—другіе же говорили, что отъ замѣчанія великаго кн. Михаила Павловича, сдѣланнаго Августѣйшему своему брату о томъ, что всѣ оказываемыя имъ неудовольствія, замѣчанія и выговоры живо принимаются фельдмаршаломъ и вліяютъ на его здоровье.—Я полагаю ни то, ни другое,—а одна только случайность; вѣдь не удержался же Императоръ выставить и указать Паскевичу всѣ неисправности и безпорядки, замѣченныя имъ при осмотрѣ въ это же время Новогеоргіевской кр., откуда свѣтлѣйшій возвратился разсвирѣпѣлымъ, *аки левъ, искій кого поглотити.*

По прибытіи Государя Императора въ Варшаву между военными распространился говоръ о томъ, что, проѣзжая ночью чрезъ Познань, сдѣланы были по одному изъ экипажей два пистолѣтные выстрѣла, къ счастію не по той колескѣ, въ которой находился Его Величество, а по другой, въ которой сидѣлъ правитель походной канцеляріи; одинъ изъ выстрѣловъ пробилъ коляску и пуля пролетала мимо самаго правителя, не задѣвъ его. Потомъ разсказывали, что по приказанію Императора объэтомъ злодѣйскомъ происшествіи, видимо послагавшемъ на жизнь Царя, Паскевичъ сообщилъ намѣстнику Познанскаго княжества, который отвѣчалъ, что о томъ въ Познани ничего неизвѣстно. Вся эта исторія была сопровождаема таинственностію и нельзя ни утверждать, ни отрицать разсказывавшагося происшествія; достовѣрно только то, что въ первыхъ числахъ Октября, былъ посланъ въ Познань знаменитый сыщикъ, жандармскій полковникъ Абрамовичъ.

25 Октября скончался генералъ-аудиторъ арміи Григорьевъ отъ легочной чахотки; за 8 дней до своей смерти онъ мнѣ сказалъ: „послѣдніе два года уходили меня; накажи Николай Угодникъ моихъ „гонителей“! и перекрестился.—Тогда же пользовавшій его докторъ мнѣ объявилъ, что болѣзнь его быстро развилась въ недавнемъ только времени отъ какого то огорченія. А какъ Григорьевъ пригласилъ доктора для своего лѣченія вскорѣ послѣ доклада дѣла фельдмаршалу о Красовскомъ и Погодинѣ, то безъсомнѣнія произнесенная при семъ случаѣ его свѣтлостію ругань и была причиною быстраго развитія болѣзни и ускорила его смерть.—При отпѣваніи тѣла въ соборѣ присутствовали оба его гонителя: Паскевичь и Викинскій. Опись имуществу, остававшемуся послѣ покойнаго, производилъ я, сообща съ гражданскимъ чиновникомъ Андреевымъ; оказалось денегъ наличныхъ и въ государственныхъ бумагахъ 19 т. р. с. между тѣмъ доведено было до свѣдѣнія фельдмаршала, что будто бы покойникъ оставилъ 120 т. р. с. Нѣсколько дьячковъ и пономарей въ лаптяхъ, назвавшихся родственниками умершаго изъ Смоленской губерніи, явились за наслѣдствомъ, но никто изъ нихъ ничего не получилъ, а все отправлено было въ Смоленское Губернское Правленіе.

Чета Горчаковыхъ задумала 18 Ноября задать блестящій вечеръ

дармскимъ маіоромъ Распоповымъ выпрожена за границу, а на другой день появилась въ Варшавскомъ Курьерѣ слѣдующая обвинительная о Лолѣ Монтесъ, статья:

Лола Монтесъ.

„За нѣсколько предъ симъ временемъ, появилась въ Варшавѣ Лола „Монтесъ, будто бы испанская танцовщица, предшествуемая не заслу„женною репутаціею, которую разгласила извѣстная лживостію газета „(Лихновскаго), но вскорѣ обнаружилось, что написанное о ней мнѣніе „было вполнѣ ложное: ибо, не взирая на усилія нѣкоторыхъ про„текторовъ, безпристрастная публика и истинные любители оцѣнили „ее сходно тому, чего она дѣйствительно стоитъ и выразили ей свое „неудовольствіе. — Безпокойная танцовщица, будучи симъ взбѣшена, „поступила противу всякаго приличія, конечно въ той увѣренности, „что за подобные проступки бывъ не наказана за границею, надѣялась „и здѣсь такъ же, что ей будетъ все позволено и потому стала „дѣйствовать какъ безумная; однако же окончаніе этой новой импро„визованной комедіи не было выгодно для актрисы ибо, когда она „своею запальчивостію дошла до того, что дерзнула ударить бывшаго „на службѣ полицейскаго служителя, то сей послѣдній способомъ весьма „неделикатнымъ, сильною рукою отплатилъ ей тѣмъ же и заставилъ „ее быть осторожнѣе въ своихъ поступкахъ, а высшее начальство вы„нуждено было приказать подъ конвоемъ выпроводить ее изъ Варшавы, „съ воспрещеніемъ никогда сюда не возвращаться".

По окончаніи этого скандальнаго происшествія, въ польской публикѣ появилась карикатура или картинка, въ которой Лола, колѣнопреклоненная предъ распятіемъ, обхватила подножіе креста, Абрамовичъ съ жандармами отталкиваетъ ее отъ креста, а Паскевичъ побуждаетъ ихъ къ тому.

1844 годъ.

Первый день новаго года начался идолопоклонствомъ фельдмаршалу Паскевичу, присутствіемъ при богослуженіи въ православномъ соборѣ и несноснѣйшимъ шляньемъ по домамъ для глупѣйшихъ поздравленій, и кончился даннымъ его свѣтлостію на славу костюмированнымъ баломъ и ужиномъ. Старикъ любилъ повеселиться, особенно когда была въ отсутствіи его мучительница, неизлѣчимо-ревнивая супруга. Такъ 25 Января въ Лазенковскомъ дворцѣ задалъ завтракъ, потомъ обѣдъ

ложи; она явилась, и старый волокита, окруженный близкими къ нему военными лицами, подошелъ къ самому ея носу, осмотрѣлъ съ головы до ногъ и сказалъ: „*да она не дурна*“! Гордая Андалузянка, справедливо оскорбленная и осмотромъ, по выраженію ея, какъ будто лошади и словами, отвѣчала: „*Князь, вы думаете, что новое мнѣ „сказали; ни сколько; я слышала уже это и въ Лондонѣ и „Берлинѣ*“!—сдѣлала книксенъ и удалилась. Возвратился изъ заграницы директоръ театровъ, полковникъ Абрамовичъ и сталъ придираться къ Терпсихорѣ, арестовалъ слугу ея испанца за то, что тотъ не снялъ предъ нимъ шапки, и, наконецъ, отказалъ ей отъ театра подъ предлогомъ, что танцы ея монотонны и публика пресытилась. Она принесла жалобу, и фельдмаршалъ приказалъ додержать заключенныя съ нею условія. У донны были сторонники, въ главѣ которыхъ стояли банкиръ Штейнкелеръ и издатель газеты Лихновскій; на ея сторонѣ былъ также министръ статсъ-секретарь Туркулъ, записной поклонникъ прекраснаго пола.

Собираясь въ послѣдній разъ выступить на сцену, Лола получила анонимное извѣщеніе, что она будетъ освистана. - Неустрашимая испанка пренебрегла этимъ предостереженіемъ и едва начала танецъ, какъ раздались свистки; публика взволновалась; тогда Монтесъ, прекративъ танецъ, послѣ глубокаго книксена, произнесла къ зрителямъ, что она не думаетъ, чтобы причиною сдѣланнаго ей оскорбленія была благородная публика, но оно произведено вотъ этимъ господиномъ, указавъ рукою на Абрамовича. При этой выходкѣ, зрители, по антипатіи къ Абрамовичу, захлопали, затопали и закричали: браво, браво, фора, фора!—Занавѣсъ опустился, раздались крики, вызывающіе Монтесъ, но занавѣсъ не поднимался и Лола явилась передъ рампою, кланялась и вновь отпустила что то оскорбительное объ Абрамовичѣ,—и новыя оглушительныя рукоплесканія. При этомъ скандалѣ не было въ театрѣ ни военнаго губернатора, ни оберъ-полицеймейстера.

Посланная эстафета вызвала фельдмаршала изъ его Ивангородскаго имѣнія въ Варшаву; онъ началъ съ того, что разругалъ губернатора и полицеймейстера за небытность ихъ въ театрѣ; Штейнкелера и Лихновскаго, какъ коноводовъ, запряталъ на гаубвахту и приказалъ тотчасъ поставить къ дверямъ донны полицейскаго часоваго съ тѣмъ, чтобы онъ не выпускалъ ее изъ комнаты, и распорядиться о вывозѣ ея заграницу.

Вооруженный часовой поставленъ. Когда разъ артистка хотѣла выдти изъ комнаты, онъ ее не выпустилъ и *втолкнулъ* назадъ; взбѣшенная терпсихора дала ему оплеуху и получила такую же сдачу: она выхватила изъ за пояса кинжалъ, а часовой выставилъ свою саблю, но до кровопролитія не дошло.—Потомъ въ тотъ же день будущая положница Баварскаго короля и пожалованная имъ графиня, съ жан-

дармскимъ маіоромъ Распоповымъ выпрожена за границу, а на другой день появилась въ Варшавскомъ Курьерѣ слѣдующая обвинительная о Лолѣ Монтесъ, статья:

Лола Монтесъ.

„За нѣсколько предъ симъ временемъ, появилась въ Варшавѣ Лола „Монтесъ, будто бы испанская танцовщица, предшествуемая не заслу„женною репутаціею, которую разгласила извѣстная лживостію газета „(Лихновскаго), но вскорѣ обнаружилось, что написанное о ней мнѣніе „было вполнѣ ложное: ибо, не взирая на усилія нѣкоторыхъ про„текторовъ, безпристрастная публика и истинные любители оцѣнили „ее сходно тому, чего она дѣйствительно стоитъ и выразили ей свое „неудовольствіе.—Безпокойная танцовщица, будучи симъ взбѣшена, „поступила противу всякаго приличія, конечно въ той увѣренности, „что за подобные проступки бывъ не наказана за границею, надѣялась „и здѣсь такъ же, что ей будетъ все позволено и потому стала „дѣйствовать какъ безумная; однако же окончаніе этой новой импро„визованной комедіи не было выгодно для актрисы ибо, когда она „своею запальчивостію дошла до того, что дерзнула ударить бывшаго „на службѣ полицейскаго служителя, то сей послѣдній способомъ весьма „неделикатнымъ, сильною рукою отплатилъ ей тѣмъ же и заставилъ „ее быть осторожнѣе въ своихъ поступкахъ, а высшее начальство вы„нуждено было приказать подъ конвоемъ выпроводить ее изъ Варшавы, „съ воспрещеніемъ никогда сюда не возвращаться“.

По окончаніи этого скандальнаго происшествія, въ польской публикѣ появилась карикатура или картинка, въ которой Лола, колѣнопреклоненная предъ распятіемъ, обхватила подножіе креста, Абрамовичь съ жандармами отталкиваетъ ее отъ креста, а Паскевичь побуждаетъ ихъ къ тому.

1844 годъ.

Первый день новаго года начался идолопоклонствомъ фельдмаршалу Паскевичу, присутствіемъ при богослуженіи въ православномъ соборѣ и несноснѣйшимъ шляньемъ по домамъ для глупѣйшихъ поздравленій, и кончился даннымъ его свѣтлостію на славу костюмированнымъ баломъ и ужиномъ. Старикъ любилъ повеселиться, особенно когда была въ отсутствіи его мучительница, неизлѣчимо-ревнивая супруга. Такъ 25 Января въ Лазенковскомъ дворцѣ задалъ завтракъ, потомъ обѣдъ

„ея родитель.—За нѣсколько часовъ до кончины, этотъ прекрасный „ангелъ приказала подать себѣ портретъ императора, стала прощаться „съ нимъ, цѣловать его и требовала, чтобы положить его съ нею во „гробъ.—Императоръ все это видѣлъ и слышалъ, не будучи ею за„мѣченъ, не былъ въ состояніи удержаться и зарыдалъ.—Могущест„венный владыка и повелитель народа проливаетъ слезы надъ своимъ „дѣтищемъ, какъ простой смертный! Это растрогало бы самую за„черствѣлую душу; я бы желалъ, чтобы при этой сценѣ были тѣ, ко„торые называютъ его тираномъ и не вѣрятъ, чтобы онъ имѣлъ „сердце. Я люблю моего старшаго сына, но я охотно пожертвовалъ „бы имъ за жизнь юной великой княгини и чтобы избавить государя „отъ горя. При возглашеніи ей въ церкви *вѣчной памяти*, я не „въ силахъ былъ удержаться и самъ не знаю какъ заплакалъ;— „нашлись же люди, которые меня осмѣяли".

Въ Петербургѣ напечатана была книга, подъ названіемъ: *Продѣлки на Кавказѣ.*—Неизвѣстный авторъ описываетъ въ ней безпорядки и частію злоупотребленія.—По выходѣ ея, вскорѣ она конфискована, но здѣшній книгопродавецъ Истоминъ прежде конфискаціи успѣлъ получить 10 экземпляровъ и распродать.—Фельдмаршалъ читалъ ее и сказалъ, что не стоило книгу конфисковать. Проѣзжавшій чрезъ Варшаву тайный совѣтникъ Норовъ объявилъ, что книга написана *племянницею* Кавказскаго помѣщика Реброва, бывшаго тамъ у Ермолова директоромъ канцеляріи; что эта книга возбудила вниманіе и императора, который, прочитавъ ее, сказалъ военному министру Чернышеву: *„мы ничего не знаемъ о Кавказѣ, а эта дама открываетъ намъ глаза"*. Но всего замѣчательнѣе это то, что по одному экземпляру книги было препровождено отъ Чернышева Головину и Коцебу, къ лицамъ, въ книгѣ выставленнымъ.

Касательно моей личности въ этомъ 1844 году, произошли слѣдующія явленія:

1.

Умеръ директоръ Варшавской квартирной коммиссіи, полковникъ Игнатьевъ. Фельдмаршалъ, обратившись къ кн. Горчакову сказалъ, что не знаетъ кого назначить на мѣсто умершаго. Князь отвѣчалъ, что просится туда жандармскій маіоръ Повало-Швейковскій; на это его свѣтлость возразилъ: *„онъ слишкомъ молодъ"* тогда князь предложилъ меня и на это получилъ отвѣтъ: *„онъ тоже молодъ; туда надобно назначить кого нибудь изъ полковыхъ командировъ,*

старика, для покоя“.—По докладѣ же, что Варшавскій военный губернаторъ проситъ назначить своего дежурнаго штабъ-офицера, полковника Бутенева,—Паскевичъ и на то не согласился, и, конецъ концовъ, по желанію Викинскаго назначилъ его кватуру, полков. Тикановскаго. Мнѣ крайне было досадно слышать о неумѣстномъ предложеніи Горчакова посвятить меня въ директоры квартирной комиссіи и я былъ доволенъ отказомъ его свѣтлости.

2.

Послѣ неудавшагося моего назначенія на службу къ ордынцамъ въ Сибирь, я уже и не помышлялъ объ этой ледяной и ссыльной сторонѣ и совершенно забылъ обѣщанія, данныя Бергомъ и Горчаковымъ, впихнуть меня туда на службу,—какъ вдругъ вполнѣ неожиданно отъ генер. губернатора Западной Сибири князя Петра Дмитріевича Горчакова (роднаго брата Варшавскаго) изъ г. Омска получилъ собственноручное письмо слѣдующаго содержанія:

„Года два уже назадъ братъ мой просилъ меня при удобномъ „случаѣ доставить вамъ губернаторскую должность подъ моимъ на„чальствомъ. Въ то время хотя и не имѣлось въ виду вакансіи по „Западной Сибири, однако же, находясь въ Петербургѣ, упомянулъ я „объ васъ мелькомъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, который не казался „далекимъ васъ принять подъ свое начальство, но не иначе какъ съ „тѣмъ, чтобы вы, по примѣру всѣхъ прочихъ, были причислены къ „министерству на испытаніе.—По всѣмъ объ вашей службѣ свѣдѣ„ніямъ, не сомнѣваюсь, чтобы вы не удовлетворили Льва Алексѣевича „Перовскаго, и послѣ того не сдѣлались мнѣ добрымъ помощникомъ, „по сему при переводѣ Тобольскаго губернатора Ладыженскаго къ „другой должности, я поставляю себѣ за удовольствіе сообщить вамъ, „что вѣроятно можете вы его замѣстить, если на условія, предлагаемыя „Министромъ, согласны“.

„Въ семъ случаѣ напишите ему прямо отъ себя, съ согласія ва„шего начальства“ и приложите включаемое здѣсь отъ меня письмо. „Во всякомъ случаѣ прошу васъ объ отвѣтѣ, присовокупляя совѣтъ „рѣшиться безъ промедленія по усмотрѣнію вашему“.

Не много надобно было думать объ отвѣтѣ; разсчетъ былъ ясенъ; согласившись на предложеніе, я бы потерялъ здѣсь должность, хотя незавидную, но обезпечивавшую меня въ содержаніи; а Богу единому извѣстно, попалъ ли бы я еще въ губернаторы: такъ какъ эти мѣста въ Петербургѣ отдаются или лицамъ по протекціи, или своимъ департаменскимъ чиновникамъ; при томъ меня устрашала мысль, что

„ея родитель.—За нѣсколько часовъ до кончины, этотъ прекрасный „ангелъ приказала подать себѣ портретъ императора, стала прощаться „съ нимъ, цѣловать его и требовала, чтобы положить его съ нею во „гробъ.—Императоръ все это видѣлъ и слышалъ, не будучи ею за„мѣченъ, не былъ въ состояніи удержаться и зарыдалъ.—Могущест„венный владыка и повелитель народа проливаетъ слезы надъ своимъ „дѣтищемъ, какъ простой смертный! Это растрогало бы самую за„черствѣлую душу; я бы желалъ, чтобы при этой сценѣ были тѣ, ко„торые называютъ его тираномъ и не вѣрятъ, чтобы онъ имѣлъ „сердце. Я люблю моего старшаго сына, но я охотно пожертвовалъ „бы имъ за жизнь юной великой княгини и чтобы избавить государя „отъ горя. При возглашеніи ей въ церкви *вѣчной памяти*, я не „въ силахъ былъ удержаться и самъ не знаю какъ заплакалъ;— „нашлись же люди, которые меня осмѣяли".

— —

Въ Петербургѣ напечатана была книга, подъ названіемъ: *Продѣлки на Кавказѣ.*—Неизвѣстный авторъ описываетъ въ ней безпорядки и частію злоупотребленія.—По выходѣ ея, вскорѣ она конфискована, но здѣшній книгопродавецъ Истоминъ прежде конфискаціи успѣлъ получить 10 экземпляровъ и распродать.—Фельдмаршалъ читалъ ее и сказалъ, что не стоило книгу конфисковать. Проѣзжавшій чрезъ Варшаву тайный совѣтникъ Норовъ объявилъ, что книга написана *племянницею* Кавказскаго помѣщика Реброва, бывшаго тамъ у Ермолова директоромъ канцеляріи; что эта книга возбудила вниманіе и императора, который, прочитавъ ее, сказалъ военному министру Чернышеву: „*мы ничего не знаемъ о Кавказѣ, а эта дама открываетъ намъ глаза*". Но всего замѣчательнѣе это то, что по одному экземпляру книги было препровождено отъ Чернышева Головину и Коцебу, къ лицамъ, въ книгѣ выставленнымъ.

Касательно моей личности въ этомъ 1844 году, произошли слѣдующія явленія:

1.

Умеръ директоръ Варшавской квартирной коммиссіи, полковникъ Игнатьевъ. Фельдмаршалъ, обратившись къ кн. Горчакову сказалъ, что не знаетъ кого назначить на мѣсто умершаго. Князь отвѣчалъ, что просится туда жандармскій маіоръ Повало-Швейковскій; на это его свѣтлость возразилъ: „*онъ слишкомъ молодъ*" тогда князь предложилъ меня и на это получилъ отвѣтъ: „*онъ тоже молодъ; туда надобно назначить кого нибудь изъ полковыхъ командировъ*,

„Письмо къ г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ при семъ имѣю честь ,представить обратно“.

Содержаніе письма ко мнѣ Сибирскаго князя и мой отвѣтъ къ нему Варшавскій князь Горчаковъ узналъ отъ жены моей, сказавъ, что я поступилъ благоразумно, отказавшись отъ губернаторства.—6-го Октября вечеромъ, заѣхавъ за дочерью, бывшею у жены моей, князь засталъ меня нѣсколько нездоровымъ и обложившимся многотомнымъ военно-суднымъ дѣломъ о Фелькерзамѣ, которое я разсматривалъ.—Спросивъ о моемъ здоровьѣ, онъ потребовалъ письмо своего брата, которое я и прочиталъ ему, вмѣстѣ съ моимъ отвѣтомъ, и на словахъ объяснилъ всѣ невыгоды и неудобства, кои я долженъ встрѣтить, отправившись въ Петербургъ *на испытаніе*; онъ согласился со мною, сказалъ, что самъ напишетъ о томъ брату. Я поблагодарилъ за участіе, но просилъ не безпокоить болѣе брата обо мнѣ; а на вопросъ его почему? я отвѣчалъ, что мнѣ до *полнаго пенсіона* остается служить съ небольшимъ три года и это время я хочу оставаться въ Варшавѣ и не забиваться въ Сибирь,—Я далъ ему понять, не говоря прямо, что послѣ трехъ лѣтъ, я намѣренъ оставить службу.—Онъ спросилъ, какой будетъ назначенъ мнѣ пенсіонъ и услышавъ что 2 т, руб. ас. сталъ высчитывать все, что я въ отставкѣ могу получать, насчиталъ до 7 т. р. ас. и объявилъ, что все это мало; потомъ спросилъ: гдѣ я намѣренъ поселиться? совѣтую основаться въ Харьковѣ, гдѣ есть и университетъ; потомъ предлагалъ помѣстить дѣтей въ кадетскій корпусъ, но я на послѣднее не согласился, отвѣчая, что въ кадетскихъ корпусахъ хорошаго образованія не даютъ; а на замѣчаніе его, что въ пажескомъ корпусѣ воспитываютъ отлично, я возразилъ, что туда и генералъ-маіорскихъ дѣтей не принимаютъ; что для князя было новостію, хотя положеніе о томъ давно уже существуетъ.—Наконецъ онъ сквозь зубы процѣдилъ замѣчаніе, *что я, точно, несчастливо служу, но что впрочемъ въ три года можетъ положеніе мое перемѣниться.*—Князь разстался со мною въ самомъ лучшемъ расположеніи, повторивъ вновь, что отказъ мой его брату былъ основателенъ, и онъ самъ ему о томъ напишетъ.

Послѣ этой конференціи, 8 Октября неожиданно опять явился Горчаковъ ко мнѣ съ письмомъ въ рукѣ, только что имъ полученнымъ отъ своего брата изъ Сибири.—По обыкновенію онъ началъ читать скоро и невнятно; я могъ только уразумѣть, что князь Петръ пишетъ къ своему брату, что послѣ отправленія своего письма ко мнѣ, онъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ вопросъ: не имѣетъ ли онъ кого въ виду въ Тобольскіе губернаторы? Потомъ князь Петръ пишетъ, что онъ ко мнѣ о томъ писалъ, но не получилъ отвѣта; что надобно только предварительно подвергнуться *короткому* испытанію въ Петербургѣ и, наконецъ, что въ Тобольскѣ для губернатора есть

хорошій домъ и губернаторъ получаетъ содержанія 12 тыс. руб. ас. По окончаніи чтенія письма, князь спросилъ: на что я рѣшаюсь? Я отвѣчалъ, что, разъ отказавшись, и теперь отказываюсь, тѣмъ болѣе, что надобно ѣхать въ Петербургъ на какое то *испытаніе*, хотя бы и *короткое* и перемѣнить мундиръ военный на статскій.—Онъ опять спросилъ: даже и *безъ испытанія*, я не хочу быть губернаторомъ? я отвѣчалъ даже и безъ испытанія не хочу. „Ну, въ такомъ случаѣ, я напишу о томъ брату", сказалъ князь Горчаковъ,—и ушелъ. Тѣмъ и кончилась моя исторія съ губернаторствомъ и я нисколько о томъ не сожалѣлъ.

1845 годъ.

Въ день новаго года, на выходѣ официальномъ у фельдмаршала Паскевича, князь Горчаковъ, проходя мимо меня и взявъ за руку сказалъ: „*придите ко мнѣ въ 6 час. вечера*".—Я не зналъ повода къ такому приглашенію, но мнѣ тутъ же объяснилъ *по секрету* Безакъ (мой добрый товарищъ и будущій генералъ-губернаторъ), что готовится предложеніе о занятіи открывшагося смертію полковника Канатова мѣста генералъ-провіантмейстера арміи.—Потомъ того-же дня въ церкви у обѣдни сенаторъ Стороженко объявилъ мнѣ, что онъ два раза просилъ князя Горчакова о назначеніи меня помощникомъ къ нему въ слѣдственную политическую коммиссію, и въ оба раза князь отвѣчалъ: „*подумаю*".

Итакъ, въ назначенный часъ я явился къ Горчакову, который дѣйствительно предложилъ мнѣ должность генералъ-провіантмейстера. Послѣ нѣкоторыхъ общихъ нашихъ разсужденій по сему предмету и моего объявленія, что генералъ-инденданть арміи Погодинъ, мой будущій начальникъ, непріязненно ко мнѣ расположенъ, что я едва ли уживусь съ нимъ по хищническимъ его свойствамъ и онъ, по своей силѣ у фельдмаршала, конечно загрязнитъ меня,—я заключилъ свое объясненіе тѣмъ, что предоставилъ волѣ начальства назначить или не назначить меня, показавъ при этомъ случаѣ желаніе мое не быть генералъ-провіантмейстеромъ.—Потомъ Горчаковъ спросилъ меня, хочу ли я быть назначеннымъ въ помощники къ Стороженкѣ? Я отозвался утвердительно и просилъ, потому что получалъ-бы болѣе содержанія и имѣлъ бы надежду на другія награды.—Затѣмъ свиданіе наше кончилось и я не получилъ назначенія ни туда, ни сюда, т. е. ни въ генералъ-провіантмейстеры, ни въ помощники.—Въ послѣдствіи я узналъ отъ Стороженки, что хотя Горчаковъ и согласился на назначеніе меня помощникомъ, но не хотѣлъ самъ лично докладывать о

гомъ фельдмаршалу, безъ сомнѣнія потому, что я считался *своимъ* его зіятельству и онъ опасался отказа, и потому, Горчаковъ предоставилъ самому Стороженкѣ испросить соизволенія его свѣтлости; однако же и Стороженко не смѣлъ воспользоваться дозволеніемъ Горчакова, такъ какъ еще прежде уже ему было отказано, а теперь и подавно боялся разгнѣвать Паскевича: ибо мѣсто помощника уже было занято дальнимъ родственникомъ его свѣтлости, слѣд. нельзя же было сказать ему, что вашъ родственникъ человѣкъ неспособный, дайте мнѣ на мѣсто его другого.--Надобно было имѣть много храбрости, чтобы такъ поступить, а Стороженко былъ человѣкъ гибкій и любилъ загребать жаръ чужими руками.

Если съ одной стороны я имѣлъ не удачу въ назначеніи вышеописанномъ, то съ другой стороны нѣсколько времени за тѣмъ, я былъ обрадованъ дѣломъ о моемъ производствѣ въ генералы,—дѣломъ начавшемся случайно и кончившемся счастливо по милости дежурнаго генерала Викинскаго.—Такъ оно произошло.

Въ главномъ штабѣ арміи обходимыхъ при производствѣ полковниковъ состояло три: исправляющій должность директора госпиталей *Звѣревъ* и члены полеваго аудиторіата: *я* и товарищъ мой *Левицкій—Леонтьевъ*.—Въ первыхъ мѣсяцахъ сего 1845 года инспекторскій департаментъ потребовалъ формулярные о службѣ этихъ лицъ списки; такъ же потребовалъ формуляръ и полковника *Шеншина*, состоявшаго на службѣ по Царству Польскому въ званіи директора горныхъ казенныхъ заводовъ. Никто не зналъ причины требованія формуляровъ. Разъ встрѣтился я съ Шеншинымъ и между разговорами упомянулъ и объ этихъ формулярахъ; онъ объявилъ, что получилъ изъ Петербурга письмо, предварявшее его, что онъ можетъ быть будетъ переименованъ въ статскіе совѣтники, такъ какъ Императоръ предложилъ уменьшить число полковниковъ, переименовавъ ихъ въ гражданскіе чины; онъ еще добавилъ, что объ оставленіи его по прежнему полковникомъ начальникъ его главный директоръ финансовъ въ царствѣ,—Моравскій, вошелъ уже съ предоставленіемъ къ фельдмаршалу. Это свѣдѣніе меня озадачило; я вообразилъ, что и со мною тоже можетъ послѣдовать, т. е. переименуютъ въ гражданскій чинъ и причислятъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, не расчитавъ и не сообразивъ, что моя должность чисто военная и правительству нѣтъ ни надобности, ни пользы переименовывать насъ и замѣнять другими.— Я тотчасъ слышанное мною передалъ товарищу моему Левицкому, пригласилъ его идти къ дежурному генералу и просить, чтобы насъ не переименовывали въ гражданскіе чины, а оставили въ нашихъ полковничьихъ, хоть и безъ производства. По настоянію моему онъ согласился сопутствовать мнѣ, боясь какъ чумы Викинскаго, при-

вивъ, что это будетъ безполезно. „*Попробуемъ*“ былъ мой отвѣтъ и мы отправились.

Викинскаго, къ счастію, нашли мы въ веселомъ расположеніи; я объяснилъ причину нашего прихода; онъ не вѣрилъ свѣдѣнію, сообщенному мнѣ Шеншинымъ, говорилъ, что это какое нибудь недоразумѣніе и наконецъ обѣщалъ обо всемъ этомъ доложить его свѣтлости. Уходя отъ Викинскаго, я въ шутку сказалъ ему: „*ваше превосхо-*
„*дительство, вѣдь на нашихъ мѣстахъ по штату положено*
„*быть генералъ-маіорамъ; право было бы не грѣшно, если бы*
„*и насъ бѣдняковъ произвели; насъ такъ давно уже обходятъ*“.
Викинскій ничего на это не отвѣчалъ и мы удалились, вовсе не помышляя о производствѣ и не думая, чтобы послѣднія мои слова, мимоходомъ сказанныя, принесли намъ какую пользу. Но сверхъ ожиданія и чаянія, эти слова послужили въ нашу пользу и, по ихъ справедливости, обратили вниманіе Викинскаго. Онъ, какъ я узналъ послѣ отъ него самаго, сталъ предстательствовать за насъ у фельдмаршала и добиваться *прямо* о производствѣ, присоединивъ къ намъ и Звѣрева. Свѣтлѣйшій долго не соглашался, но Викинскій не такой былъ человѣкъ, чтобы отказаться отъ того, чего онъ проситъ и желаетъ, и таки вымучилъ согласіе у Паскевича на представленіе о нашемъ производствѣ. Собственно во мнѣ приняла участіе и сама фельдмаршальша, отдавшая своему супругу безтолковую записку, поданную ей отъ ея любимицы княгини Тенишевой;—но эта записка дошла до рукъ Паскевича въ то уже время, когда дѣло было кончено и онъ приказалъ Викинскому заготовить бумагу къ Военному Министру о нашемъ производствѣ.

Эта бумага состоялась 8 Августа за № 5269 и была слѣдующаго содержанія:

„Исправляющій должность директора гошпиталей и члены полеваго „аудиторіата дѣйствующей арміи, полковники: Звѣревъ, Докудовскій „и Левицкій—Леонтьевъ постоянно отличаются усердіемъ, точностію „и дѣятельностію въ исполненіи своихъ обязанностей.—Они состоятъ „въ этихъ чинахъ: первый—съ 25 Октября 1832 г., второй—съ „28 Ноября 1831 г. и послѣдній съ 28 Января 1833 года и об„ходятся въ производствѣ младшими ихъ полковниками: Звѣревъ съ „1841 г., Докудовскій 1840 и Левицкій съ 1843 г.

„Обращая вниманіе на долговременную службу этихъ штабъ-офице„ровъ въ настоящихъ чинахъ и имѣя въ виду, что на мѣста, кои „занимаютъ они по содержанію 1616 ст. IV и 144 ст. 11 томовъ свода „военныхъ постановленій, опредѣляются въ генералы,—я пріемлю честь „просить покорнѣйше Ваше Сіятельство представить на Всемилости„вѣйшее Государя Императора воззрѣніе похвальную ихъ службу и

„исходатайствовать Монаршее благоизволеніе на производство ихъ въ „генералъ-маіоры, съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ“.

Въ тотъ же день, когда была подписана эта бумага фельдмаршаломъ, благовѣстителемъ радостнаго сего событія былъ полковникъ князь Бебутовъ, встрѣтившій меня на улицѣ и возвращавшійся изъ главнаго дежурства, которое онъ ежедневно посѣщалъ за новостями; а, возвращаясь домой, я нашелъ о томъ же записку отъ старшаго адъютанта, подполковника Бегичева, въ отдѣленіи котораго производилось это дѣло.

Хотя формальное представленіе отъ фельдмаршала и сдѣлано, но изъ опасенія, чтобы оно не провалилось, или не было въ канцеляріи заброшено, или не послѣдовалъ отказъ, если докладъ Императору будетъ сдѣланъ съ какою либо закорючкою,—я послалъ письма въ Петербургъ къ генералу Бергу и командиру лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка генералу Липранди, прося ихъ объ участіи и чтобы они похлопотали о насъ, гдѣ будетъ слѣдовать.

Когда я услышалъ неблагопріятную выше описанную вѣсть отъ Шеншина, я передалъ ее женѣ моей, сказавъ, что вынужденъ буду проситься въ отставку, если только меня переименуютъ въ гражданскій чинъ. Жена моя весьма этимъ огорчилась и пересказала о томъ бывшей гувернанткѣ въ домѣ князя Горчакова, г-жѣ Инье, которая тотчасъ написала объ этомъ заграницу къ княгинѣ Горчаковой и я отъ князя получилъ слѣдующаго содержанія письмо:

„Почтеннѣйшій Василій Абрамовичъ. Жена мое получила вчера „письмо отъ г-жи Инье, которая пишетъ глухо и безтолково, что вы „находитесь въ ожиданіи увольненія и необходимости оставить Варшаву. По старой дружбѣ нашей, я прошу васъ увѣдомить меня: что „такое? Дѣйствительно ли вы въ какомъ-либо затруднительномъ положеніи, въ какомъ именно и нельзя ли какъ нибудь помочь дѣлу? „Я пробуду здѣсь по меньшей мѣрѣ еще двѣ недѣли и такъ есть еще „время получить здѣсь отъ васъ письмо, но надобно не отлагать его „отправленія, потому что иногда почта ходитъ довольно долго“.

„Прощайте, съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ объясненія извѣстія „г-жи Инье на вашъ счетъ, которое меня крѣпко огорчаетъ.—Я ни „какъ не могу придумать, что могло бы дать поводъ къ оставленію „вами настоящаго мѣста, иначе какъ съ переходомъ на другое болѣе „вамъ выгодное“.

На это письмо я отвѣчалъ князю коротко, благодарилъ за участіе и увѣдомилъ, что по милости дежурнаго генерала, дѣло мое приняло хорошій оборотъ и я представленъ къ производству въ генералы.

Вскорѣ послѣ отправленія моего отвѣта князю, я получилъ отъ

Липранди изъ Петербурга письмо отъ 22 Августа слѣдующаго содержанія:

„Церемонное письмо ваше я имѣлъ честь получить; сначала поду„малъ, что вы со мною шутите; съ старыми товарищами и въ осо„бенности такими близкими, какъ мы были съ вами, тонъ этотъ не „къ лицу; но полно выговаривать, а приступимъ къ дѣлу".

„По полученіи вашего письма, сейчасъ же приступилъ къ дѣлу и „вы очень кстати предупредили; докладъ уже сошелъ въ пользу вашу; „къ 6 Декабря ваше превосходительство наденете военный мундиръ и „останетесь на своемъ мѣстѣ; не пишу подробностей; но довольно „того, что исполнится по вашему желанію, но прошу васъ, чтобы сіе „оставалось между нами, до поры до времени".

А отъ 23 Августа за № 6949 получена фельдмаршаломъ отъ Военнаго Министра такого рода бумага:

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу отношеніе „Вашей Свѣтлости отъ 8 сего Августа № 5269 Высочайше повелѣть „соизволилъ: исправляющаго должность директора гошпиталей и чле„новъ полеваго аудиторіата дѣйствующей арміи полковниковъ: Звѣ„рева, Докудовскаго и Левицкаго—Леонтьева, *имѣть въ виду при „производствѣ полковниковъ въ генералъ маіоры*".

Генералъ же Бергъ (нынѣшній фельдмаршалъ) не удостоилъ меня отвѣтомъ, но поручилъ графу Сакену передать мнѣ *по секрету*, что я буду произведенъ.

Тщетно сталъ бы я описывать мою радость; это было малодушіе, но я столько терпѣлъ! Къ 6 Декабря (ко дню тезоименитства Государя Императора) готово было полное генеральское облаченіе, но въ этотъ день ни какого производства не было; не было такъ же производства ни какого и на новый 1846 годъ; наконецъ въ день Пасхи, 7 Апрѣля, вышло производство и въ числѣ другихъ произведены въ генералы Звѣревъ и я, а Левицкій, неизвѣстно почему, по прежнему обойденъ; онъ, а въ особенности жена его, взъѣлись на меня и приписывали обойденіе его моимъ интригамъ,—чего вовсе не было. Фельдмаршалъ повторилъ о Левицкомъ и чрезъ три мѣсяца и онъ сталъ генераломъ.—Такова исторія о моемъ производствѣ въ генералъ-маіоры!

Въ числѣ чадъ нашего купленнаго повара находился 20-лѣтній сынъ его, отъявленный лѣнтяй, грубіанъ, дерзкій до нестерпимости, особенно когда подъ хмѣлькомъ и—записной неряха, онъ былъ грамотей и безъ моего вѣдома пользовался моими книгами, особенно пристрастенъ былъ къ стихотворству. Подъ наитіемъ глупости онъ состряпалъ въ родѣ поэмы, подъ названіемъ: *„Исторія военныхъ „событій Кота Муровича съ мышами, составленная дѣйствы- „тельнымъ зрителемъ сихъ происшествій русскимъ простолю- „диномъ самоучкою“*.—Посвятилъ эту неизобразимо—безграмотную галиматью Гасударю Наслѣднику и отправилъ полновѣсную свою рукопись къ книгопродавцу Базунову для напечатанія, при столь же безграмотномъ и безсмысленномъ письмѣ. Объ этой продѣлкѣ я вовсе не зналъ до тѣхъ поръ, пока Базуновъ не переслалъ мнѣ эту эрунду. Въ первыхъ числахъ Іюля, этотъ негодный піита рѣшительно взбунтовался, надѣлалъ мнѣ и женѣ моей кучу дерзостей, и въ заключеніе объявилъ, что онъ *нарочно* служилъ худо, дабы быть отдану въ солдаты и дослужиться офицерскаго чина. Я согласился съ его желаніемъ и пока списывался съ житомірскимъ знакомымъ о пріемѣ въ гамошнемъ рекрутскомъ присутствіи моего воителя, держалъ на гауптвахтѣ его изъ опасенія отъ него бѣды; но отецъ и мать горько возрыдали и самъ негодяй принесъ повинную съ обѣщаніемъ исправиться, и я эту непріятную исторію окончилъ по желанію сердобольныхъ его родителей, розочнымъ увѣщаніемъ, объявивъ, что при первой его пакости, забрею ему лобъ;—что и случилось спустя нѣсколько лѣтъ за тяжкія побои своей сестрѣ и за намѣреніе въ пьяномъ видѣ убить ее топоромъ.

Къ 1845 году должно отнести слѣдующее событіе: изъ Петербурга получено было частное свѣдѣніе изъ вѣрнаго источника, что князь Горчаковъ (Варшавскій) назначается главнокомандующимъ на Кавказъ на мѣсто генерала Головина. Князь такъ былъ увѣренъ въ этомъ назначеніи, что началъ заботливо собирать свѣдѣнія о Кавказѣ и предварительно распоряжаться о своемъ семействѣ, но ожиданіе не сбылось и туда назначенъ былъ графъ Воронцовъ. Разсказывали за достовѣрное, что будто-бы на вопросъ Императора, Паскевичъ отвѣчалъ, что состояніе здоровья Горчакова таково, что онъ не можетъ быть назначенъ на Кавказъ. Дѣйствительно, кн. Горчаковъ вообще былъ слабаго здоровья и по Кавказскому климату едва-ли могъ тамъ быть.

1846 годъ.

Итакъ, 7 Апрѣля, по милости Божіей и Царя и благодушію Викинскаго, я былъ произведенъ въ генералы, превратился изъ куколки въ бабочку и сталъ рыцаремъ съ шлемомъ, съ бѣлою волосяною гривою, съ шляпою съ бѣлыми перьями и съ бортфортами заколѣно; что, мимоходомъ сказать, не мало мнѣ стоило; но съ другой стороны, это повышеніе произвело въ моемъ матеріальномъ положеніи улучшеніе: увеличилось жалованье, квартирныя деньги, отопленіе, освѣщеніе и провіантскія деньги на большее число деньщиковъ. До генеральства я занималъ квартиры по отводу отъ города; съ генеральствомъ,—мнѣ далеко выгоднѣе было получать деньги и я сталъ уже отъ себя нанимать квартиры.

Съ начала этого года, въ г. Вильнѣ производилось слѣдствіе о пойманномъ прусскомъ подданномъ эмисарѣ Рерѣ и его соучастникахъ, намѣревавшихся произвесть возмущеніе въ Литвѣ. Предполагалось, по окончаніи слѣдствія, всѣхъ виновныхъ предать военному суду и Военный Министръ, по Высочайшему повелѣнію, отнесся къ фельдмаршалу о назначеніи въ тотъ судъ своего Презуса. На это Паскевичъ отъ 23 Іюля за № 26 отвѣчалъ слѣдующее.

„Во исполненіе Монаршей воли, объявленной вашимъ сіятельствомъ „въ отношеніи № 87, я полагая назначить Презусомъ военно-судной „коммиссіи надъ эмисаромъ Реромъ и прикосновенными къ его дѣлу „лицами, члена полеваго аудиторіата арміи генералъ-маіора Доку„довскаго, *извѣстнаго мнѣ по своей опытности и совершенной „благонадежности*“.

Между тѣмъ въ полевомъ аудиторіатѣ накопилось огромное количество нерѣшенныхъ судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ, по милости коноткости генералъ-аудитора Бѣляева. Князь Горчаковъ предположилъ было учредить особую экспедицію для скорѣйшаго движенія и ихъ окончанія; но я иной далъ совѣтъ, именно тотъ, чтобы слѣдственныя дѣла были поручены мнѣ съ тѣмъ, чтобы генералъ-аудиторъ только подписывалъ доклады и я лично представлялъ бы ихъ фельдмаршалу, а генералъ-аудиторъ занимался бы одними только судными дѣлами. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій этого главнаго законника и дежурнаго генерала, князь остался на моей сторонѣ, фельдмаршалъ согласился на мое предложеніе и приказалъ меня *благодарить за принятіе на себя работы* по дѣламъ слѣдственнымъ. Вслѣдъ за симъ фельдмаршалъ отправился въ Петербургъ, а я усердно занялся разсмотрѣніемъ слѣдственныхъ дѣлъ и составленіемъ докладовъ.

По возвращеніи его свѣтлости, я началъ съ нимъ работу съ 8-го Сентября и кончилъ предъ Рождествомъ, спустивъ 180 дѣлъ. Я яв-

лялся къ нему два раза въ недѣлю и каждый разъ, уходя отъ него, удостоивался его благодарности. Ни какихъ непріятныхъ и оскорбительныхъ суспицій рѣшительно не было; онъ снисходительно выслушивалъ мои почтительныя возраженія; я не мучилъ его *чтеніемъ* докладовъ, а докладывалъ большею частію на словахъ и онъ вѣрилъ мнѣ; ему чрезвычайно было по душѣ, что я не задерживаю его и скоро оканчиваю свой докладъ. Правда, иногда онъ вспыхивалъ, но не на меня, а на виновныхъ офицеровъ; разъ матюкнулъ корпуснаго командира Ридигера; ругнулъ бывшаго корпуснаго командира барона Гейсмара, назвавъ его выходцемъ, но прибавилъ, что онъ храбрый генералъ; Новогеоргіевскаго коменданта генерала Федоренко назвалъ отрубкомъ съ присовокупленіемъ, что онъ ничего не дѣлаетъ, какъ только ѣстъ галушки, и, обратившись къ стоявшему въ комнатѣ полковнику Тетеревникову, милостиво спросилъ: *ты ѣдалъ галушки?* Полковаго командира генерала Мансурова назвалъ трижды дуракомъ, а жену его величайшею интриганкою.—Разъ фельдмаршалъ при одномъ докладѣ, желалъ предо мною блеснуть своимъ знаніемъ иностраннаго законовѣденія и толковалъ о судоустройствѣ, но ни онъ не понималъ предмета, ни я не могъ добраться толку въ его сужденіяхъ.—Разсказъ о моей работѣ съ свѣтлѣйшимъ подробно изложенъ въ особомъ моемъ описаніи.

Замѣчательнаго въ этомъ году произошло въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ,—это смерть бывшаго оберъ-шталмейстера Императорскаго двора графа Александра Потоцкаго, великолѣпныя его похороны и сужденія объ немъ. Этотъ вельможный панъ, обладатель извѣстнаго Виланова подъ Варшавою и другихъ многочисленныхъ мѣстностей и денежныхъ капиталовъ, скончавшійся въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, оставилъ по себѣ худую славу, какъ человѣкъ чрезвычайно скупой, разорявшій своихъ крестьянъ, полагавшій всю свою душонку въ накопленіи денегъ и въ отдачѣ ихъ въ ростъ за жидовскіе проценты. На гробѣ его въ костелѣ найдены были польскіе стихи, обрисовавшіе его характеръ и низкія свойства. Этотъ Потоцкій еще въ 1832 году *постыдно надулъ* правительство и Императоръ снисходительно поступилъ съ этимъ полякомъ, повелѣвъ только уволить его изъ службы. Поступокъ его изложенъ въ докладной запискѣ фельдмаршала Паскевича къ Государю 15 Августа того же 1832 года.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА.

„Министръ Двора Вашего Императорскаго Величества, Князь Волконскій, увѣдомляя меня о поданномъ прошеніи Оберъ-Шталмейстеромъ Графомъ Потоцкимъ объувольненіи его въ отпускъ заграницу „на 3 мѣсяца, объявилъ мнѣ, что поелику онъ состоитъ Членомъ

Во время пребыванія здѣсь Цесаревича, 24 Ноября въ 12 часовъ назначено было представленіе къ нему; всѣ уже собрались, а Горчаковъ, который долженъ былъ имѣть списокъ представляющимся, еще не пріѣзжалъ и его свѣтлость просто на просто бѣсновался и крѣчалъ: *„гдѣ же Горчаковъ? что мнѣ дѣлать съ Горчаковымъ! Какъ „я буду представлять на память; я многихъ совсѣмъ не знаю“.* Наконецъ явился и Горчаковъ и вмѣстѣ съ нимъ виновный въ опозданіи составленія списка Викинскій,—оба, особенно послѣдній, смущенные, и представленіе кончилось благополучно, и, какъ на зло Паскевичу, его высочество одному только Горчакову подалъ руку.

1847 годъ.

Началъ этотъ годъ я тѣмъ, что злую, дерзкую до нестерпимости, сварливую и никакими средствами неисправившуюся жену повара съ ея малолѣтнею дочерью—калѣкою на руку,—вынужденъ былъ разлучить отъ мужа и дѣтей и въ Январѣ мѣсяцѣ сослать—Рязанской губ. и уѣзда въ деревню къ моему брату. Потомъ я сталъ готовиться къ отъѣзду въ Вильно и устроивать въ Варшавѣ свое хозяйство; занимавшаяся нами квартира оказалась неудобною и я нанялъ другую на улицѣ Дзикой въ огромномъ каменномъ домѣ достаточнаго еврея Блюмберга. Въ этомъ домѣ мы и до днесь помѣщаемся, платя по 650 р. с. въ годъ. Наконецъ я получилъ предписаніе немедленно отправиться въ Вильно; прогоны отпущены; выдано такъ же пособіе фельдмаршаломъ 600 р., хотя кн. Горчаковъ просилъ только о 300 р. и я, взявъ съ собою полеваго аудиторіата оберъ-аудитора Матросова, въ качествѣ дѣлопроизводителя, въ своей коляскѣ на вольнонаемныхъ выѣхалъ изъ Варшавы 29 Іюня и прибылъ въ Вильно 6 Іюля, слѣдуя на Ковно и отъ сюда по самой той пустынной, малоѣздной дорогѣ, по которой въ Декабрѣ 1812 года бѣжали несчастные французы изъ Россіи.—Явившись въ Вильно къ тогдашнему военному губернатору Мирковичу (къ которому я и былъ командированъ) и квартировавшему тамъ корпусному командиру Купреянову, принявшимъ меня очень любезно, и сдѣлавъ визиты архіепископу (будущему митрополиту) Симашкѣ, гражданскому губернатору Бѣтичеву и супругѣ генерала Серпутовскаго,—я безъ потери времени занялся составленіемъ военнаго суда и разсмотрѣніемъ слѣдственнаго дѣла.—Слѣдствіе произведено было удовлетворительно и суду не представлялось обстоятельствъ, препятствовавшихъ къ скорому окончанію дѣла. Всѣхъ преданныхъ военному суду, кромѣ эмисара Рера, прусскаго сына мельника, было

14 лицъ разнаго званія и возраста.—Помню, при открытіи суда и введеніи подсудимыхъ въ засѣданіе, этотъ Реръ, научнаго образованія, агентъ извѣстнаго Мерославскаго, 26 лѣтъ, вздумалъ было переговариваться съ нѣкоторыми на пантоминахъ,—замѣтивъ это, я тотчасъ обратилъ его лицомъ въ уголъ.—Мнѣ отдыху не давали, меня преслѣдовали просьбами объ этихъ несчастныхъ. Въ концѣ Августа дѣло судомъ кончено, представлено Мирковичу, а отъ него къ фельдмаршалу, и я 2 Сентября обратно, но уже на почтовыхъ, выѣхалъ изъ Вильны и прибылъ въ Варшаву 4 Сентября, привезя съ собою контрабанды: 300 сигаръ и курительнаго табаку: Жукова 7 и турецкаго 11 фунтовъ и всунувъ въ польской таможнѣ за пропускъ 4 р. с.

Какъ преступленія подсудимыхъ не были особенной важности и не имѣли никакихъ послѣдствій, то для смягченія виновнымъ наказаній, опредѣленныхъ судомъ на основаніи суровыхъ законовъ, я представилъ фельдмаршалу слѣдующаго содержанія записку:

„Дѣло объ эмисарѣ Рерѣ, по свойству своему и дѣйствіямъ за„мѣшанныхъ въ ономъ лицъ, отлично отъ всѣхъ политическихъ дѣлъ, „возникшихъ съ 1833 года въ Царствѣ Польскомъ.—Сюда сперва „были выброшены изъ Галиціи шайки съ мечемъ и ядомъ; онѣ нашли „участіе во многихъ жителяхъ, которые помогали имъ и скрывали „отъ преслѣдованія начальства.—Потомъ явились тайныя общества и „заговоры въ разнообраныхъ видахъ, но съ одинаковою цѣлію ниспро„вергнуть правительство. И тѣ и другіе сильною волею и быстрыми, „рѣшительными мѣрами царскаго намѣстника, свѣтлѣйшаго князя, были „открыты, уничтожены.—Наконецъ въ началѣ 1846 года выступилъ „на сцену Домбровскій, высланный Познанскими заговорщиками для „произведенія открытаго мятежа.—Онъ набралъ шайку головорѣзовъ; „часть ихъ напала на Седлецъ, другая съ ножемъ въ рукахъ, ожи„дала лишь сигнала, но Домбровскій бѣжалъ и шайка разсѣялась.— „Иное случилось въ Литвѣ.—Явился человѣкъ безъ имени, низкаго „происхожденія, сынъ мельника, родомъ нѣмецъ, съ замысломъ возжечь „мятежъ; привлекъ къ себѣ весьма малое число, столь же безвѣстныхъ „лицъ, которые однако же замысла его не раздѣляютъ, съ нимъ не „соглашаются, и какъ началось, такъ и кончилось одними только „разговорами, безъ всякихъ послѣдствій и безъ малѣйшихъ движеній „въ пользу мятежа“.

Такъ совершилась первая моя командировка.

Ни одно событіе 1847 года не произвело въ Варшавѣ такихъ разныхъ толковъ и предположеній, замѣчательныхъ своею нелѣпостію, какъ открытіе званія предсѣдателя государственнаго совѣта смертію князя Васильчикова.—Вся сила состояла въ вопросѣ: кто будетъ удостоенъ сего званія? Одни всезнающіе политики обрекали на предсѣдательское

кресло Паскевича, котораго будто бы Императоръ желалъ давно имѣть около себя,—а намѣстничество упразднится и будетъ замѣнено генералъ-губернаторомъ для всего царства, посвящая въ эту должность князя Гарчакова; другіе, допуская смѣну Паскевича, назначали намѣстникомъ великаго князя Михаила Павловича, супруга котораго яко бы сильно сего домогалась, желая царить въ царствѣ. Всѣ эти сумазбродные толки и предположенія изчезли, когда предсѣдателемъ государственнаго совѣта назначенъ былъ Новосельцевъ.

1848 года.

Назадъ тому года 2 или 3 Военное Министерство, подъ предлогомъ имѣть болѣе людей въ строю, въ своей мудрости воспретило генераламъ имѣть казенныхъ деньщиковъ, но предписало однакоже отпускать провіантъ или деньги за оный на то число деньщиковъ, какое опредѣлено штатами каждому генералу починамъ, напр. генералъ-маіору на 6 чел. По встрѣтившимся затрудненіямъ имѣть въ Царствѣ Польскомъ русскую прислугу и по неблагонадежности польской, по представленію фельдмаршала Паскевича, разрѣшено генераламъ, по прежнему имѣть прислугу казенную не болѣе 3 чел., какого бы чина ни былъ генералъ.

Этотъ высокосный годъ былъ годомъ народныхъ мятежей заграницею. Находившійся въ Варшавѣ русскій элементъ на службѣ и внѣ службы ожидалъ отъ легкомысленныхъ поляковъ и здѣсь, если не возстанія, такъ покушенія къ оному; многія русскія семейства отправились въ Россію; семейство князя Горчакова тоже предполагало ѣхать въ Москву и княгиня склоняла и мою жену отправиться вмѣстѣ съ нею; но жена не согласилась и осталась со мною; на всякій однако же не предвидимый случай, напр. внезапно удаленія жены съ дѣтьми изъ Варшавы, при опасности въ ней оставаться, я изъ польскаго банка взялъ 2 т. руб. с. Въ этомъ банкѣ было у насъ до 18 т. р. с., по причинѣ той же тревоги, я старался перевесть этотъ капиталъ въ Московскія учрежденія, но банкъ отказалъ по не имѣнію съ ними ни какихъ сношеній. Подвернулся генер. князь Тенишевъ съ кучею дробно капитальныхъ билетовъ московскаго опекунскаго совѣта, и мы помѣнялись своими билетами; сіятельный, по дружбѣ и близкому знакомству, при этой сдѣлкѣ слупилъ съ меня 1%.

Вскорѣ появились въ Варшавѣ печатныя приглашенія къ полякамъ о возстаніи ко дню русскаго Христова Воскресенія и по христосованіи съ русскими *ножами*, вмѣсто красныхъ яицъ; это приглашеніе, какъ

несено и выслушано черезъ переводчика фельдмаршаломъ, который нашелъ эту поэму весьма дѣльною, дозволилъ посвятить себѣ, напечатать, наградилъ рифмоплета 75 р. с. и приказалъ Викинскому дать ему списокъ военнымъ лицамъ въ Варшавѣ; съ этимъ то спискомъ авторъ и таскался по квартирамъ для подписки на свое твореніе.

Эта новая телемахида или александріада, въ объемѣ 31 страницы, начинаетъ съ самаго исхожденія Паскевича изъ утробы его матери, говоря, что онъ *узрѣлъ солнца свѣтъ* посреди Полтавы, переходитъ къ отроческимъ его лѣтамъ, увѣряя, что и тогда еще Jvan mltody, имѣлъ великую душу и сердце въ прекрасномъ тѣлѣ, обратилъ на себя взоры царя и при лицѣ его началъ службу; потомъ описываетъ подвиги и побѣды его надъ французами, турками и персіанами, покореніе крѣпостей, взятіе пушекъ, плѣнныхъ и пр. и пр. Словомъ весь его формуляръ и все въ стихахъ; умолчалъ однако же, вѣроятно изъ патріотизма, войну съ поляками и покореніе Варшавы.—Въ заключеніе піита проситъ принять отъ него хвалу, которую повторяютъ тѣни умершихъ Россіянъ, и молитъ, чтобы Отецъ Небесный продолжилъ его, Паскевича, жизнь, столь для поляковъ драгоцѣнную.—По трудности составить формуляръ въ стихахъ и по изобилію разсыпанной лести, сбившейся на польскую подлость, жалкій писака скупо награжденъ его свѣтлостію.

Въ Августѣ присланный изъ Петербурга къ фельдмаршалу съ бумагами фельдъегерь привезъ печальное извѣстіе о кончинѣ юной великой княгини Александры Николаевны, супруги вѣтренаго и разгульнаго принца Гессенъ-Кассельскаго. Безкрылый Меркурій, между прочимъ разсказывалъ, что усопшая, еще до замужества, была уже расположена къ чахоткѣ; что когда августѣйшій ея родитель потребовалъ категорическаго мнѣнія отъ ея доктора Рауха, можетъ ли она въ такомъ состояніи быть замужемъ, не опасаясь за ея жизнь?—Эскулапъ отвѣчалъ успокоительно, и тогда только она вступила въ бракъ. Потомъ ея высочество забеременила и получила внутренній—катаръ. Докторъ въ пользованіи ея ошибся и чахотка быстро и неудержимо развилась. Императоръ, вызванный изъ Лондона, найдя милую свою дочь въ безнадежномъ положеніи, въ отчаяніи воззвалъ къ доктору: *„отдай мнѣ дочь мою“*! Этотъ укоръ поразилъ доктора до того, что онъ упалъ въ обморокъ, получилъ горячку и постоянно бредилъ *Сибирью*. Справедливость разсказа фельдъегеря остается на его отвѣтственности.

10 Августа во всѣхъ православныхъ церквахъ въ Варшавѣ совершена была панихида по усопшей великой княгинѣ.—Подъ этимъ числомъ въ моемъ дневникѣ написаны мною слѣдующія строки:

„Разсказываютъ, какъ трогательна была великая княгиня предъ „своею кончиною и съ какою скорбію разставался съ нею великій

въ 1849 году, они были посланы въ Австрію, наслѣдовавшуюся послѣ надъ нашимъ великодушіемъ.

Обращаюсь къ обыденнымъ нашимъ въ продолженіи сего года почему либо замѣчательнымъ явленіямъ.

28 Января совершилось велик. кн. Михаилу Павловичу 50 лѣтъ; фельдмаршалъ еще 22 числа отправился въ Петербургъ для принесенія поздравленія его высочеству, а здѣсь, въ церкви Александровской цитадели, по Высочайшей волѣ, отнѣто было благодарственное молебствіе. Военный же генералъ-губернаторъ князь Горчаковъ, въ честь великаго князя, какъ генералъ-фельдцейхмейстера, угостилъ обѣдомъ артиллерійскихъ генераловъ и полковниковъ.

Однажды, разбирая дѣло о подсудимомъ штабс-капитанѣ Скляренкѣ, я нашелъ письмо къ нему его отца и румынскую молитву; заботливый родитель совѣтуетъ своему блудному дѣтищу непремѣнно читать ее всенародно и носить на шеѣ, для избавленія себя отъ враговъ, приговаривая, что эта молитва списана съ той, которую носилъ на шеѣ въ ладонкѣ вмѣстѣ съ крестомъ знаменитый кагачій атаманъ графъ Платовъ. Эта курьезная молитва помѣщается здѣсь слово въ слово:

„Есть море Окіанъ; за тѣмъ моремъ Окіаномъ стоятъ горы каменныя; среди тѣхъ горъ каменныхъ стоитъ Архангелъ Михаилъ и „сохраняетъ ихъ и защищаетъ; сохрани меня раба Божія N аминь. „Господи благослови; Кресту Твоему поклоняемся, аминь.— Буди съ „рабомъ Божіимъ N Божія милость. Стой стрѣла, не лети ко мнѣ „рабу Божію N отъ начала вѣка и до сего дня, аминь. И запечатай „Господи седьмью печатьми и положи образъ на образъ, и выстрѣлы „летящіе мимо меня летятъ.— Избави меня Господи отъ всякаго же„лѣза, булата и уклада, отъ каленя, отъ мѣди разной и отъ турецкой „пули, отъ молніеносной стрѣлы и отъ всякаго удара: русскаго, нѣ„мецкаго и татарскихъ луковъ и стрѣлъ; чтобы буйная моя голова „съ плечъ не скатилась, огради ее Господи святымъ твоимъ крестомъ „и свѣтлымъ мѣсяцемъ и сіяющимъ солнцемъ покрой меня своею чер„ною ризою, облачи бѣлою зарею, чтобы враги бѣлаго тѣла моего не „окровавили и души моей не сгубили, а у супротивниковъ уста бы „не растворялись, кровью бы запекались именемъ Господнимъ, аминь. „Пойду я рабъ Божій N въ зеленое руномойло къ морю Окіану, на „морѣ на Окіанѣ стоитъ престолъ, на престолѣ сидитъ желѣзный

„царь съ золотымъ костылемъ.—Я приду къ царю, помолюся ему и „и покланюся, аминь“.

Въ Сентябрѣ ожидали Императора въ Варшаву. Поляки тѣшились надеждою, что его величество за то, что они оставались спокойными тогда, какъ заграницею почти всюду были мятежи,—осыплетъ ихъ всѣми благами и даже возвратитъ имъ конституцію 1815 года.—Но Императоръ не пріѣзжалъ, и неисправимые ляхи остались при своихъ мечтаніяхъ.

Самоубійство корпуснаго командира Герштейнцвейга вызвало въ кругу военныхъ истинное сожалѣніе; армія потеряла въ немъ способнаго и достойнаго генерала. Разсказывали, что онъ былъ посланъ съ отрядомъ на границу Молдавіи, по случаю происшедшихъ тамъ волненій, преступилъ данную ему инструкцію, самовольно занялъ Яссы и чрезъ то возбудилъ протесты Порты и другихъ державъ; будучи потребованъ къ отвѣту въ Петербургъ, онъ на одной почтовой станціи застрѣлился.—Замѣчательно, что и сынъ его Варшавскій военный-губернаторъ, въ 1861 году, тоже застрѣлился, но по другимъ уже побужденіямъ, чѣмъ его отецъ.

Въ этомъ году Варшавская православная паства лишилась своего ученаго и доступнаго архіепископа *Никанора*, отпустивъ его на Петербургскій митрополичій престолъ. Онъ столь былъ уважаемъ, что даже католическое духовенство, этому, высокому схизматику, при отъѣздѣ, задало прощальный обѣдъ.

1849 годъ.

Первый день новаго года, по заведенному порядку, начался идолопоклонствомъ начальству и разъѣздами и пѣшехожденіемъ по домамъ съ поздравленіемъ и пожеланіями, а кончился баломъ у фельдмаршала. Въ этотъ же первый день прибылъ въ Варшаву изъ Каменца православный архіепископъ Арсеній, переведенный на здѣшнюю каѳедру, и на другой день совершилъ богослуженіе. Съ сего же новаго года назначено производить денежную къ получавшемуся содержанію прибавку, которой на мою долю выпало 148 р. с. въ годъ (все лучше чѣмъ ничего!) и наконецъ, начались вечера съ танцами и ужиномъ у Паскевича по воскресеньямъ, а у князя Горчакова, какъ губернатора, по четвергамъ. На эти послѣдніе по высокоумію княгини были приглашаемы болѣе штатскіе, чѣмъ военные, болѣе поляки, чѣмъ русскіе, что однако же вскорѣ княземъ прекращено и направлено на истинный путь.

Во имя бѣдственнаго для Россіи „Священнаго союза“ мы явились защитниками вѣроломной Австріи противъ народнаго движенія и начали съ того, что въ Трансильванію былъ посланъ съ полковникомъ Скарятинымъ малочисленный отрядъ, который потерпѣлъ неудачу, будучи оставленъ Австрійскими войсками. Варшавскіе поляки радовались пораженію „москалей“, говоря, что 500 поляковъ Бема разбили въ трое болѣе по численности русскихъ. Прочіе корпуса начали уже двигаться на усмиреніе возставшихъ Мадьяръ. Большая часть военныхъ, даже высшихъ чиновъ, сильно осуждали наше вмѣшательство и отправлялись въ походъ крайне неохотно. Между тѣмъ изволилъ прибыть въ Варшаву и Государь Императоръ съ многочисленною свитою нужныхъ и ненужныхъ личностей, а 9 Мая явился буквально у стопъ Его Величества и Австрійскій кайзеръ-іезуитъ Францъ-Іосифъ, которому Императоръ Николай на другой же день представилъ войска, оставшіеся въ резервѣ. При салютѣ шпагою Австріаку Императоръ, замѣтивъ, что зрители стояли съ накрытыми головами, громко закричалъ: „шапки долой“! и всѣ до одного мигомъ обнажили свои головы.

28 Мая выѣхалъ въ Венгерское мѣстечко Дукло къ войскамъ кн. Горчаковъ; мое прощанье съ нимъ было наидружественное; онъ нѣсколько разъ принимался обнимать меня и убѣдительно просилъ въ случаѣ его смерти не оставлять его семейства и помогать ему въ нуждахъ, говоря, *что онъ былъ отцомъ для моей жены.*

Прежде отъѣзда князя, по просьбѣ его, я построилъ ему парусинную теплую палатку, подбитую сукномъ, для будущей бивачной стоянки. Послѣ него и все его семейство отправилось въ Москву, оставивъ на моихъ рукахъ свое хозяйство и часть прислуги.

1-го Іюня въ 8 часовъ пополудни выѣхали въ тоже мѣстечко Дукло по чугункѣ Государь Императоръ, Вел. Князь Константинъ, состоявшій при фельдмаршалѣ, и самъ отецъ—командиръ, Паскевичъ. За два дня до отъѣзда выступили—жандармскій полкъ, составлявшій конвой Главной Квартиры, и гвардія Паскевича—линейный казачій полкъ. Императоръ при этомъ случаѣ зычнымъ голосомъ повелѣлъ *„беречь фельдмаршала, какъ зеницу ока“.*

Въ Варшавѣ въ продолженіи Венгерской войны присутствовалъ Государь Императоръ. Всѣми войсками, здѣсь оставшимися, командовалъ генералъ Сиверсъ и Главный Штабъ раздѣленъ былъ на двѣ части: половина отправилась въ походъ, другая прозябала здѣсь съ дежурнымъ генераломъ Викинскимъ.

Я забылъ сказать, что предъ войною намъ отпустили не въ зачетъ годовое жалованье для покупки лошадей; въ томъ числѣ и я получилъ 838 руб. сер., не истративъ ни копѣйки и оставаясь дома, какъ и многіе другіе.

Полевой нашъ аудиторіатъ спокойно оставался въ Варшавѣ; одинъ

голько генералъ-аудиторъ потелъ воевать съ мадьярами; доклады наши мы пересылали за границу и они возвращались въ аудиторіатъ уже конфирмованными. Между тѣмъ, мнѣ неожиданно навязали командировку по слѣдующему дѣлу: одна команда изъ разныхъ полковъ, составленная изъ выздоровѣвшихъ изъ госпиталей, лазаретовъ, изъ безсрочно—отпускныхъ, возвратившихся изъ командировокъ, въ числѣ 500 человѣкъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ была отослана изъ г. Кельцъ на общій сборный пунктъ въ кр. Замосць, для обмундированія и вооруженія и дальнѣйшаго ея отправленія въ Австрію въ 3-й пѣхотный корпусъ. Вдругъ получено было донесеніе о произшедшихъ въ этой командѣ во время ея слѣдованія безпорядкахъ, обвиняя нѣкоторыя *полковыя команды въ бунтѣ*, и при томъ представленъ списокъ *13 главныхъ бунтовщиковъ* Бунтъ—страшное преступленіе! Сиверсъ и Викинскій смутились и распорядились назначить двухъ генераловъ: одного—для слѣдствія, а другого—для суда надъ тѣми 13-ю. Тогда я пилъ минеральныя воды и изъ Красинскаго сада зашелъ къ Викинскому за новостями изъ заграницы. Онъ былъ уже закусивши и всунулъ мнѣ то донесеніе, вопія гласомъ отчаянія: *„бѣда, бѣда“!* какъ будто онъ былъ причиною случившагося и вся отвѣтственность падаетъ на него, а въ заключеніе разсказалъ и о командировкѣ двухъ генераловъ. Нелегкое дернуло меня замѣтить, что достаточно послать и одного генерала, который будетъ производить и судъ надъ 13-ю и слѣдствіе надъ прочими, съ тѣмъ, что если изъ послѣднихъ кто окажется виновнымъ, то и ихъ судить, не испрашивая особаго разрѣшенія. *„Прекрасно“*! вскричалъ Викинскій, *„ну такъ ты поѣдешь“!* —И на другой же день я получилъ согласно сему отъ Сиверса предписаніе.

На сборы мало было употреблено времени; коляску оставилъ семейству, а купилъ мнѣ ѣхавшій со мною оберъ-аудиторъ Ноневичъ старую разшатавшуюся плетеную чертопхайку съ клеенчатымъ верхомъ, и на вечеръ 6 Іюня я отправился изъ Варшавы, а утромъ 8 прибылъ въ Замосць, гдѣ мнѣ приготовлена была уже и квартира. Ко мнѣ не замедлили явиться плацъ-маіоръ, члены военнаго суда и командиръ Замосцкаго гарнизоннаго баталіона полковникъ Кулешъ, хлѣбосолъ и говорунъ: онъ взятъ былъ великимъ Суворовомъ при штурмѣ Праги мальчикомъ и опредѣленъ въ военную службу, потерявъ при страшной рѣзнѣ всѣхъ своихъ родныхъ. Кончивъ всѣ формальности явки и визитовъ, я занялся предварительнымъ собраніемъ свѣдѣній о случившемся произшествіи.

Оказалось,—бунта не было и дѣло состояло въ слѣдующемъ. Команда изъ Кельцъ отправлена была на кормовыхъ деньгахъ; въ первые два дня офицеръ, ведшій команду, кормовыя раздавалъ на руки, а на третій безъ уважительной причины денегъ не выдалъ, намѣреваясь отдать ихъ хозяевамъ, между тѣмъ эти хозяева или солдатъ не кор-

хорошій домъ и губернаторъ получаетъ содержанія 12 тыс. руб. ас. По окончаніи чтенія письма, князь спросилъ: на что я рѣшаюсь? Я отвѣчалъ, что, разъ отказавшись, и теперь отказываюсь, тѣмъ болѣе, что надобно ѣхать въ Петербургъ на какое то *испытаніе*, хотя бы и *короткое* и перемѣнить мундиръ военный на статскій.—Онъ опять спросилъ: даже и *безъ испытанія*, я не хочу быть губернаторомъ? я отвѣчалъ даже и безъ испытанія не хочу. „Ну, въ такомъ случаѣ, я напишу о томъ брату", сказалъ князь Горчаковъ,—и ушелъ. Тѣмъ и кончилась моя исторія съ губернаторствомъ и я нисколько о томъ не сожалѣлъ.

1845 годъ.

Въ день новаго года, на выходѣ офиціальномъ у фельдмаршала Паскевича, князь Горчаковъ, проходя мимо меня и взявъ за руку сказалъ: „*придите ко мнѣ въ 6 час. вечера*".—Я не зналъ повода къ такому приглашенію, но мнѣ тутъ же объяснилъ *по секрету* Безакъ (мой добрый товарищъ и будущій генералъ-губернаторъ), что готовится предложеніе о занятіи открывшагося смертію полковника Канатова мѣста генералъ-провіантмейстера арміи.—Потомъ того-же дня въ церкви у обѣдни сенаторъ Стороженко объявилъ мнѣ, что онъ два раза просилъ князя Горчакова о назначеніи меня помощникомъ къ нему въ слѣдственную политическую коммиссію, и въ оба раза князь отвѣчалъ: „*подумаю*".

Итакъ, въ назначенный часъ я явился къ Горчакову, который дѣйствительно предложилъ мнѣ должность генералъ-провіантмейстера. Послѣ нѣкоторыхъ общихъ нашихъ разсужденій по сему предмету и моего объявленія, что генералъ-инденданть арміи Погодинъ, мой будущій начальникъ, непріязненно ко мнѣ расположенъ, что я едва ли уживусь съ нимъ по хищническимъ его свойствамъ и онъ, по своей силѣ у фельдмаршала, конечно загрязнитъ меня,—я заключилъ свое объясненіе тѣмъ, что предоставилъ волѣ начальства назначить или не назначить меня, показавъ при этомъ случаѣ желаніе мое не быть генералъ-провіантмейстеромъ.—Потомъ Горчаковъ спросилъ меня, хочу ли я быть назначеннымъ въ помощники къ Стороженкѣ? Я отозвался утвердительно и просилъ, потому что получалъ-бы болѣе содержанія и имѣлъ бы надежду на другія награды.—Затѣмъ свиданіе наше кончилось и я не получилъ назначенія ни туда, ни сюда, т. е. ни въ генералъ-провіантмейстеры, ни въ помощники.—Въ послѣдствіи я узналъ отъ Стороженки, что хотя Горчаковъ и согласился на назначеніе меня помощникомъ, но не хотѣлъ самъ лично докладывать о

цѣликомъ. Такъ, при представленіи моемъ къ Роту, онъ, облобызавши меня, въ ту же минуту развернулъ карту и сталъ толковать и доказывать, какъ легко было фельдмаршалу разбить, уничтожить Гёргея и проч. Особою запальчивостію въ порицаніи Паскевича отличался генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ.—Выдавали за истину, что Императоръ, получивъ свѣдѣніе о проходѣ мадьяровъ подъ носомъ фельдмаршала, будто бы сказалъ: *„Паскевичъ уже старъ“*.—Всѣ эти толки-сплетки лицемѣрныя кумушки и вѣстовщицы передавали супругѣ его свѣтлости, которая, какъ говорили, приносила жалобу самой Царицѣ. Мы вопили, голосили о нашей неудачѣ, а поляки радовались, торжествовали, но не долго; 5 Августа сынъ фельдмаршала привезъ извѣстное всеподданнѣйшее донесеніе, начинавшіеся словами: *„Венгрія у стопъ Вашего Величества“*! Т. е. въ сущности не Венгрія, а положившій безъ боя оружіе корпусъ Гёргея и сдавшійся Русскимъ, а не Австрійцамъ. Разсказывали за достовѣрное, что Государь до того былъ обрадованъ этимъ донесеніемъ, что сталъ на колѣни предъ образомъ и возблагодарилъ Бога за окончаніе войны. Въ тотъ же день Его Величество отправилъ съ собственно-ручнымъ письмомъ Наслѣдника Престола къ Австрійскому Императору въ Вѣну, а 7 Августа на Повонзковскомъ полѣ, при сборѣ войскъ, совершено было благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и провозглашеніемъ многолѣтія *высокоповелительному*, генер.-фельдмаршалу князю Варшавскому, гр. Паскевичу Эриванскому.

Такъ кончилась война наша съ Мадьярами, поглотившая милліоны денегъ, десятки тысячъ людей погибшихъ отъ болѣзней и холеры, и увеличившая повсюду народную къ намъ ненависть. Да за-то въ послѣдствіи во время Крымской войны и отблагодарило же насъ Австрійское Правительство! Государь Императоръ почтилъ Гёргея названіемъ благороднѣйшаго человѣка, а Ляхи и Венгры—наименовали его подлецомъ и измѣнникомъ.—Сдавшіеся войска мы, противу ихъ желанія, выдали головою Австрійцамъ на пропятіе свирѣпаго Гайнау, вопреки обѣщанію Габсбурга о помилованіи.

Воевода русскихъ силъ и въ мирное спокойное время, при случаяхъ для него непріятныхъ, особенно при личныхъ противорѣчіяхъ, оказывалъ *самодурство*, а въ продолженіи Венгерской войны онъ просто напросто былъ ужасенъ въ своей раздражительности и почтенъ титломъ б..... с..... Разсказывали объ немъ невѣроятныя вещи: такъ, напримѣръ, генералъ-адъютанта Андрепа схватилъ за грудь, но былъ оттолкнутъ; на генералъ-провіантмейстера Затлера, послѣ площадныхъ ругательствъ, закричалъ: *„вонъ! я прикажу тебя повѣсить“*! На генерала Ридигера и князя Горчакова, замѣтившихъ, что противу Гёргея надобно дѣйствовать рѣшительно, Паскевичъ обрушился всею тяжестію своей ярости, говоря, что они хотятъ получить Андреевскія

ленты, быть фельдмаршалами и тому подобныя любезности; особенно напалъ на ближайшаго своего сотрудника Горчакова, и князь, выведенный изъ терпѣнія, вскричалъ: „17 лѣтъ я переношу оскорбленія, а теперь больше чѣмъ когда нибудь; не забудьте, ваша свѣтлость, „что я русскій дворянинъ и еще князь"!—повернулся и вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Генералъ—квартирмейстеръ Фрейтагъ, мой прежній товарищъ, разсказывалъ мнѣ, что при одномъ случаѣ Паскевичъ назвалъ его *дуракомъ*; на вопросъ же мой, за что онъ получилъ Георгія 3 ст., Фрейтагъ мнѣ отвѣчалъ, что въ Венгерскую войну онъ ни чего такого не сдѣлалъ, за что бы имѣлъ право на почетный этотъ знакъ, и отказывался отъ него, но, по словамъ фельдмаршала, ему сказаннымъ, онъ получилъ за бывшіе *подвиги на Кавказѣ*, достойные сего ордена, къ коему гр. Воронцевъ долженъ былъ его тогда же представить, но не представилъ.—Нѣкоторые однако же полагаютъ, что бѣшеное раздраженіе Паскевича въ продолженіи съ Мадьярами войны происходило отъ лихорадки, которою онъ страдалъ.

12 Августа утромъ, на ученьѣ на Мокотовскомъ полѣ, Великому Князя Михаилу Павловичу сдѣлался апоплексическій ударъ; снявши Его съ лошади, отвезли въ Бельведеръ, гдѣ онъ въ тотъ же день пріобщился св. таинъ, а 28 числа скончался въ присутствіи Государя Императора, наслѣдника Престола, супруги усопшаго Вел. Кн. Елены Павловны и дочери ихъ Вел. Княжны Екатерины Михайловны. Вечеромъ того же числа Императоръ съ Наслѣдникомъ выѣхали въ Петербургъ, а чрезъ три дня и супруга вдова съ дочерью. Трогательно было прощаніе послѣднихъ съ покойнымъ: подойдя къ тѣлу (гробъ еще не былъ готовъ) онѣ опустились на колѣна и первая воздѣла руки и возвела глаза къ небу; потомъ приказала священнику лежавшимъ на груди усопшаго образомъ благословить Великую Княжну; послѣдняя бросилась на тѣло и покрыла его поцѣлуями: она два раза впадала въ обморокъ. Покойнику было 51 г. и 7 мѣсяцевъ. Послѣ оставленія Варшавы Августѣйшими Особами, прискорбно было русскому видѣть отсутствіе приличія съ останками Великаго Князя. Гробъ съ тѣломъ поставленъ былъ въ небольшой комнатѣ, въ которую надобно было пробираться чрезъ узкій корридоръ; она не была обита чернымъ сукномъ: въ передней, столь же малой комнатѣ, по стульямъ разбросаны были церковныя вещи, а на столикѣ, около часовъ, красовались двѣ нагія фарфоровыя статуйки. Между тѣмъ въ томъ же Бельведерскомъ дворцѣ находились большія просторныя комнаты, въ которыхъ удобно и прилично бы было выставить тѣло, и куда мы, русскіе, могли бы приходить помолиться за усопшаго и поклониться праху его. Мнѣ чрезвычайно было грустно видѣть это невниманіе къ опочившему: онъ скончался и всѣ оставили его! Соборъ, куда

гробъ съ подобающею церемоніею былъ отвезенъ, то же не былъ обитъ сукномъ. Послѣ богослуженія, на нарочито построенной колесницѣ, тѣло было отправлено на почтовыхъ въ Петербургъ. Похоронами распоряжался состоявшій при Великомъ Князѣ генералъ Илья Бибиковъ. Въ процессіи я былъ ассистентомъ при орденахъ.

Ко времени пребыванія Австрійскаго Императора въ Варшавѣ относится слѣдующій анекдотъ. Разъ оба Императора были въ театрѣ; при антрактѣ Николай, вставая, уронилъ стулъ, Францъ-Іосифъ не допустилъ стулъ до пола и поднялъ его. При разсказѣ объ этомъ случаѣ кто то сказалъ, что если Николай поднимаетъ тронъ Австрійскій, то Францъ очень можетъ поднять стулъ Николаю. Бывшая при этомъ разговорѣ 25 лѣтняя дочь фельдмаршала, дѣвица Анастасія, простушка, созданіе безразличное, на замѣчаніе о тронѣ съ наивностію сказала: „*папа поднимаетъ тронъ Австрійскій*“.

Съ возвращеніемъ корпуснаго командира графа Ридигера изъ Венгріи, 26 Сентября я и товарищъ мой Левицкій—Леонтьевъ, какъ служившіе когда-то при его лицѣ, приносили поздравленіе; его сіятельство, подойдя, съ благосклонною улыбкою и гнусливымъ голосомъ промычалъ: „*А! аудиторіатъ; вы отдохнули*“? и тѣмъ кончилось наше представленіе.

Непродолжительно однако же было мое отдохновеніе. 2 Ноября отъ начальника Главнаго Штаба кн. Горчакова я получилъ слѣдующаго содержанія предписаніе за № 3111:

„Виленскій военный, Гродненскій, Минскій и Ковенскій Генералъ-„Губернаторъ рапортомъ № 1873 донесъ Главнокомандующему Ар-„міею, что по производимому въ Вильнѣ дѣлу объ открытомъ тамъ „въ семъ году мятежническомъ заговорѣ между дѣйствіями главныхъ „заговорщиковъ и вовлеченныхъ ими въ заговоръ ремесленниковъ нѣтъ „такой неразрывной связи, которая не позволяла бы обсудить окон-„чательно вину однихъ, безъ обсужденія въ то же время преступленія „другихъ, что посему онъ, Генералъ Мирковичъ, предложилъ слѣд-„ственной комиссіи отдѣлить отъ общаго слѣдственнаго дѣла произ-„водство о лицахъ простаго званія, для преданія виновныхъ военному „суду, и что, имѣя въ виду значительное число преступниковъ, под-„лежащихъ суду, а такъ же особенную важностью изслѣдованій, про-„изводимыхъ слѣдственною Комиссіею, онъ признаетъ совершенно не „удобнымъ передать изслѣдованія эти на разсмотрѣніе и постановленіе „надъ виновными приговора въ Комиссію военнаго суда при Виден-„скомъ Ордонансъ-Гаузѣ, а полагалъ бы учредить въ Вильнѣ для „сего особую военно-судную Комиссію, по примѣру того, какъ дѣла-„лось прежде въ подобныхъ случаяхъ“.

„Господинъ Генералъ-Фельдмаршалъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Гене-

„ралъ-Лейтенанта Мирковича, объ учрежденіи въ Вильнѣ военно-судной „Комиссіи, для сужденія помянутыхъ преступниковъ съ тѣмъ, что бы „предсѣдателемъ оной Комиссіи, подобно бывшей по дѣлу Эмисара „Рера, назначены были Ваше Превосходительство, – относился къ Г. „Шефу жандармовъ, для представленія о томъ на Высочайшее Го„сударя Императора благоусмотрѣніе".

„Г. Генералъ-Адъютантъ графъ Орловъ, отъ 17 минувшаго Ок„тября за № 2602, увѣдомилъ Г. Главно-командующаго, что Его „Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: таковую Комиссію учре„дить согласно предположенію Его Свѣтлости".

„По порученію Генералъ-Фельдмаршала предписываю Вашему Пре„восходительству отправиться въ Вильно немедленно, явиться тамъ „Военному Губернатору и, открывъ по его распоряженію судъ, про„извести дѣло порядкомъ военными законами установленнымъ и по „окончаніи представить оное Генер.-Лейт. Мирковичу, испрашивая у „него же и разрѣшенія по всѣмъ вопросамъ, могущимъ возникнуть въ „въ продолженіи суда. Объ этомъ Генер.-Лейт. Мирковичъ поставленъ „уже въ извѣстность".

„Для производства дѣла командируется находящійся въ полевомъ „Аудиторіатѣ Аудиторъ Титулярный Совѣтникъ Куприяновъ, который и „долженъ отправиться въ Вильно въ одно время съ Вами".

На другой же день по полученіи этого предписанія (3 Ноября), я имѣлъ честь откланяться Фельдмаршалу, который, будучи въ веселомъ расположеніи, принялъ меня милостиво, сказавъ: *„здравствуйте, генералъ! Генералъ Губернаторъ требуетъ васъ; это значитъ, что онъ доволенъ вашемъ превосходительствомъ по прежнему дѣлу: поѣзжайте съ Богомъ"*. Потомъ, взявъ за локоть и отведя въ сторону, добавилъ: *„на счетъ же вашей просьбы,—все будетъ сдѣлано"*. – Эта просьба состояла въ назначеніи мнѣ діэтныхъ денегъ на время командировки; сперва о томъ я просилъ генерала Викинскаго, но временщикъ съ гвалтомъ меня отослалъ, какъ онъ выразился *къ благодѣтелю моему кн. Горчакову*, котораго однако же я миновалъ, а обратился съ просьбою къ директору канцеляріи намѣстника Эліашевичу и этотъ взялся доложить и вслѣдствіе сего назначены діэтные по 4 р. с. въ сутки. Кн. Горчаковъ тоже вызвался было ходатайствовать *о пособіи* мнѣ у его свѣтлости, но я отклонилъ, изъ боязни отказа и сдѣланнаго уже мною обращенія къ Эліашевичу.

За тѣмъ, устроивъ мои домашнія дѣла, я въ собственной колясѣ выѣхалъ изъ Варшавы 5, прибылъ въ Вильно 9, а 10 Ноября въ силу дисциплины явился къ генералъ-губернатору Мирковичу, корпусному командиру (будущему покорителю Карса) Муравьеву и Ви-

женскому коменданту Кусовникову.—Долго я возился съ произведеннымъ слѣдствіемъ, контролируя его и составляя для преступниковъ допросы; аудиторъ, мнѣ данный, оказался сущимъ невѣжею и только 28 Ноября я открылъ военный судъ. Подсудимые, въ числѣ 30, составляли ремесленную сволочь и хвостъ заговора, затѣяннаго болѣе образованными заговорщиками, надъ коими еще производилось слѣдствіе; цѣль общаго заговора была произвесть возмущеніе и вырѣзать русскихъ.

Порученное мнѣ дѣло было само по себѣ неголоводомное, но меня утомляли эти знакомства, оффиціальныя поздравленія, званые обѣды, вечера, театры, визиты, словомъ—жизнь свѣтскаго человѣка, къ которой я питалъ душевное омерзѣніе и съ которой я никогда не могъ свыкнуться.

При одномъ моемъ посѣщеніи ученаго и умнаго архіепископа Синашко, я услышалъ отъ него, что онъ полагалъ, что я польскаго происхожденія, присовокупивъ, что въ Волынской губ., въ Овручскомъ уѣздѣ существуетъ деревня, называемая *Дожудово*, населенная мелкою шляхтою, которая по деревнѣ и называется *Дожудовцы*. Я отвѣчалъ, что въ Галиціи также есть мѣстечко *Дожудово*, но откуда возникла моя фамилія и гдѣ ея корень,—это покрыто мракомъ. Отъ того же владыки я узналъ, что г-жа генералъ-губернаторша Мирковичъ въ недавнемъ времени перешла изъ лютеранства въ православіе и названа вмѣсто Амаліи—Маріею и что окружной жандармскій генералъ графъ Бутгевденъ въ жестокой распрѣ какъ съ Мирковичемъ, такъ въ особенности съ его женою, употребляя всѣ средства въ Петербургѣ ссадить Мирковича съ губернаторства и самому занять его мѣсто.

Наканунѣ Рождества я ѣлъ кутью и ужинъ у начальника учебнаго округа Галлера; онъ, между прочимъ, разсказалъ мнѣ, что въ г. Поневежѣ законоучитель тамошняго училища, ксензъ Вольскій, служа въ костелѣ 6 Декабря, т. е. въ день тезоименитства Императора, произнесъ проповѣдь, въ которой доказывалъ, что юношеству въ училищахъ преподается превратное и вовсе ненужное для нихъ обученіе и сверхъ того отказался служить благодарственный молебенъ, подъ предлогомъ, что это не сказано въ его молитвенной книжкѣ. Объ этой продѣлкѣ ксенза Галлеръ донесъ генералъ-губернатору.—Тутъ же и тотъ же Галлеръ мнѣ разсказалъ, что будто бы наше правительство хотѣло учредить въ Кіевѣ католическую каѳедру, но митрополитъ Филаретъ писалъ въ Синодъ, что неприлично въ вертоградѣ нашей религіи, гдѣ почиваютъ мощи Равноапостольнаго Кн. Владиміра и другихъ православныхъ святыхъ, вселять латинскаго епископа и сооружать костелы, и что если предположеніе правительства будетъ приведено въ исполненіе, то онъ Филаретъ оставить Кіевъ и удалиться на покой.

Въ день Рождества я обѣдалъ за *семейнымъ* столомъ у генералъ-

въ 1849 году, они были посланы въ Австрію, насмѣявшуюся послѣ надъ нашимъ великодушіемъ.

Обращаюсь къ обыденнымъ нашимъ въ продолженіи сего года почему либо замѣчательнымъ явленіямъ.

28 Января совершилось велик. кн. Михаилу Павловичу 50 лѣтъ; фельдмаршалъ еще 22 числа отправился въ Петербургъ для принесенія поздравленія его высочеству, а здѣсь, въ церкви Александровской цитадели, по Высочайшей волѣ, отпѣто было благодарственное молебствіе. Военный же генералъ-губернаторъ князь Горчаковъ, въ честь великаго князя, какъ генералъ-фельдцейхместера, угостилъ обѣдомъ артиллерійскихъ генераловъ и полковниковъ.

Однажды, разбирая дѣло о подсудимомъ штабсъ-капитанѣ Скляренкѣ, я нашелъ письмо къ нему его отца и рукописную молитву; заботливый родитель совѣтуетъ своему блудному дѣтищу непремѣнно читать ее вседневно и носить на шеѣ, для избавленія себя отъ враговъ, присовокупляя, что эта молитва списана съ той, которую носилъ на шеѣ въ ладонкѣ вмѣстѣ съ крестомъ знаменитый казачій атаманъ графъ Платовъ. Эта курьезная молитва помѣщается здѣсь слово въ слово:

„Есть море Океанъ; за тѣмъ моремъ Океаномъ стоятъ горы каменныя; среди тѣхъ горъ каменныхъ стоитъ Архангелъ Михаилъ и „сохраняетъ ихъ и защищаетъ; сохрани меня раба Божія N аминь. „Господи благослови; Кресту Твоему покланяемся, аминь.— Буди съ „рабомъ Божіимъ N Божія милость. Стой стрѣла, не лети ко мнѣ „рабу Божію N отъ начала вѣка и до сего дня, аминь. И запечатай „Господи седьмью печатьми и положи образъ на образъ, и выстрѣлы „летящіе мимо меня летите.—Избави меня Господи отъ всякаго же„лѣза, булата и уклада, отъ камени, отъ мѣди разной и отъ турецкой „пули, отъ молніеносной стрѣлы и отъ всякаго удара: русскаго, нѣ„мецкаго и татарскихъ луковъ и стрѣлъ; чтобы буйная моя голова „съ плечъ не скатилась, огради ее Господи святымъ твоимъ крестомъ „и свѣтлымъ мѣсяцемъ и сіяющимъ солнцемъ покрой меня своею чер„ною ризою, облачи бѣлою зарею, чтобы враги бѣлаго тѣла моего не „окровавили и души моей не сгубили, а у супротивниковъ уста бы „не растворялись, кровью бы запекались именемъ Господнимъ, аминь. „Пойду я рабъ Божій N въ зеленое рукомойло къ морю Океану, на „морѣ на Океанѣ стоитъ престолъ, на престолѣ сидитъ желѣзный

„царь съ золотымъ костылемъ.—Я приду къ царю, помолюся ему и „и покланюся, аминь“.

Въ Сентябрѣ ожидали Императора въ Варшаву. Поляки тѣшились надеждою, что его величество за то, что они оставались спокойными когда, какъ заграницею почти всюду были мятежи,—осыплетъ ихъ всѣми благами и даже возвратитъ имъ конституцію 1815 года.—Но Императоръ не пріѣзжалъ, и неисправимые ляхи остались при своихъ мечтаніяхъ.

Самоубійство корпуснаго командира Герштейнцвейга вызвало въ кругу военныхъ истинное сожалѣніе; армія потеряла въ немъ способнаго и достойнаго генерала. Разсказывали, что онъ былъ посланъ съ отрядомъ на границу Молдавіи, по случаю происшедшихъ тамъ волненій, преступилъ данную ему инструкцію, самовольно занялъ Яссы и чрезъ то возбудилъ протесты Порты и другихъ державъ; будучи потребованъ къ отвѣту въ Петербургъ, онъ на одной почтовой станціи застрѣлился.—Замѣчательно, что и сынъ его Варшавскій военный-губернаторъ, въ 1861 году, тоже застрѣлился, но по другимъ уже побужденіямъ, чѣмъ его отецъ.

Въ этомъ году Варшавская православная паства лишилась своего ученаго и доступнаго архіепископа *Никанора*, отпустивъ его на Петербургскій митрополичій престолъ. Онъ столь былъ уважаемъ, что даже католическое духовенство, этому, высокому схизматику, при отъѣздѣ, задало прощальный обѣдъ.

1849 годъ.

Первый день новаго года, по заведенному порядку, начался идолопоклонствомъ начальству и разъѣздами и пѣшехожденіемъ по домамъ съ поздравленіемъ и пожеланіями, а кончился баломъ у фельдмаршала. Въ этотъ же первый день прибылъ въ Варшаву изъ Каменца православный архіепископъ Арсеній, переведенный на здѣшнюю каѳедру, и на другой день совершилъ богослуженіе. Съ сего же новаго года назначено производить денежную къ получавшемуся содержанію прибавку, которой на мою долю выпало 148 р. с. въ годъ (все лучше чѣмъ ничего!) и наконецъ, начались вечера съ танцами и ужиномъ у Паскевича по воскресеньямъ, а у князя Горчакова, какъ губернатора, по четвергамъ. На эти послѣдніе по высокоумію княгини были приглашаемы болѣе штатскіе, чѣмъ военные, болѣе поляки, чѣмъ русскіе, что однако же вскорѣ княземъ прекращено и направлено на истинный путь.

Во имя бѣдственнаго для Россіи „Священнаго союза“ мы явились защитниками вѣроломной Австріи противъ народнаго движенія и начали съ того, что въ Трансильванію былъ посланъ съ полковникомъ Скарятинымъ малочисленный отрядъ, который потерпѣлъ неудачу, будучи оставленъ Австрійскими войсками. Варшавскіе поляки радовались пораженію „москалей“, говоря, что 500 поляковъ Бема разбили въ трое болѣе по численности русскихъ. Прочіе корпуса начали уже двигаться на усмиреніе возставшихъ Мадьяръ. Большая часть военныхъ, даже высшихъ чиновъ, сильно осуждали наше вмѣшательство и отправлялись въ походъ крайне неохотно. Между тѣмъ изволилъ прибыть въ Варшаву и Государь Императоръ съ многочисленною свитою нужныхъ и ненужныхъ личностей, а 9 Мая явился буквально у стопъ Его Величества и Австрійскій кайзеръ-іезуитъ Францъ-Іосифъ, которому Императоръ Николай на другой же день представилъ войска, оставшіеся въ резервѣ. При салютѣ шпагою Австріаку Императоръ, замѣтивъ, что зрители стояли съ накрытыми головами, громко закричалъ: „шапки долой“! и всѣ до одного мигомъ обнажили свои головы.

28 Мая выѣхалъ въ Венгерское мѣстечко Дукло къ войскамъ кн. Горчаковъ; мое прощанье съ нимъ было наидружественное; онъ нѣсколько разъ принимался обнимать меня и убѣдительно просилъ въ случаѣ его смерти не оставлять его семейства и помогать ему въ нуждахъ, говоря, *что онъ былъ отцомъ для моей жены.*

Прежде отъѣзда князя, по просьбѣ его, я построилъ ему парусинную теплую палатку, подбитую сукномъ, для будущей бивачной стоянки. Послѣ него и все его семейство отправилось въ Москву, оставивъ на моихъ рукахъ свое хозяйство и часть прислуги.

1-го Іюня въ 8 часовъ пополудни выѣхали въ тоже мѣстечко Дукло по чугункѣ Государь Императоръ, Вел. Князь Константинъ, состоявшій при фельдмаршалѣ, и самъ отецъ—командиръ, Паскевичъ. За два дня до отъѣзда выступили—жандармскій полкъ, составлявшій конвой Главной Квартиры, и гвардія Паскевича—линейный казачій полкъ. Императоръ при этомъ случаѣ зычнымъ голосомъ повелѣлъ *„беречь фельдмаршала, какъ зеницу ока“.*

Въ Варшавѣ въ продолженіи Венгерской войны присутствовалъ Государь Императоръ. Всѣми войсками, здѣсь оставшимися, командовалъ генералъ Сиверсъ и Главный Штабъ раздѣленъ былъ на двѣ части: половина отправилась въ походъ, другая прозябала здѣсь съ дежурнымъ генераломъ Викинскимъ.

Я забылъ сказать, что предъ войною намъ отпустили не въ зачетъ годовое жалованье для покупки лошадей; въ томъ числѣ и я получилъ 838 руб. сер., не истративъ ни копѣйки и оставаясь дома, какъ и многіе другіе.

Полевой нашъ аудиторіатъ спокойно оставался въ Варшавѣ; одинъ

голько генералъ-аудиторъ потелъ воевать съ мадьярами; доклады наши мы пересылали за границу и они возвращались въ аудиторіатъ уже конфирмованными. Между тѣмъ, мнѣ неожиданно навязали командировку по слѣдующему дѣлу: одна команда изъ разныхъ полковъ, составленная изъ выздоровѣвшихъ изъ госпиталей, лазаретовъ, изъ безсрочно—отпускныхъ, возвратившихся изъ командировокъ, въ числѣ 500 человѣкъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ была отослана изъ г. Кельцъ на общій сборный пунктъ въ кр. Замосць, для обмундированія и вооруженія и дальнѣйшаго ея отправленія въ Австрію въ 3-й пѣхотный корпусъ. Вдругъ получено было донесеніе о произшедшихъ въ этой командѣ во время ея слѣдованія безпорядкахъ, обвиняя нѣкоторыя *полковыя команды въ бунтѣ*, и при томъ представленъ списокъ *13 главныхъ бунтовщиковъ* Бунтъ—страшное преступленіе! Сиверсъ и Викинскій смутились и распорядились назначить двухъ генераловъ: одного—для слѣдствія, а другого—для суда надъ тѣми 13-ю. Тогда я пилъ минеральныя воды и изъ Красинскаго сада зашелъ къ Викинскому за новостями изъ заграницы. Онъ былъ уже закусивши и всунулъ мнѣ то донесеніе, вопія гласомъ отчаянія: *„бѣда, бѣда“!* какъ будто онъ былъ причиною случившагося и вся отвѣтственность падаетъ на него, а въ заключеніе разсказалъ и о командировкѣ двухъ генераловъ. Нелегкое дернуло меня замѣтить, что достаточно послать и одного генерала, который будетъ производить и судъ надъ 13-ю и слѣдствіе надъ прочими, съ тѣмъ, что если изъ послѣднихъ кто окажется виновнымъ, то и ихъ судить, не испрашивая особаго разрѣшенія. *„Прекрасно“*! вскричалъ Викинскій, *„ну такъ ты поѣдетъ“!* —И на другой же день я получилъ согласно сему отъ Сиверса предписаніе.

На сборы мало было употреблено времени; коляску оставилъ семейству, а купилъ мнѣ ѣхавшій со мною оберъ-аудиторъ Коневичъ старую разшатавшуюся плетеную чертопхайку съ клеенчатымъ верхомъ, и на вечеръ 6 Іюня я отправился изъ Варшавы, а утромъ 8 прибылъ въ Замосць, гдѣ мнѣ приготовлена была уже и квартира. Ко мнѣ не замедлили явиться плацъ-маіоръ, члены военнаго суда и командиръ Замосцкаго гарнизоннаго баталіона полковникъ Кулешъ, хлѣбосолъ и говорунъ: онъ взятъ былъ великимъ Суворовомъ при штурмѣ Праги мальчикомъ и опредѣленъ въ военную службу, потерявъ при страшной рѣзнѣ всѣхъ своихъ родныхъ. Кончивъ всѣ формальности явки и визитовъ, я занялся предварительнымъ собраніемъ свѣдѣній о случившемся произшествіи.

Оказалось,—бунта не было и дѣло состояло въ слѣдующемъ. Команда изъ Кельцъ отправлена была на кормовыхъ деньгахъ; въ первые два дня офицеръ, ведшій команду, кормовыя раздавалъ на руки, а на третій безъ уважительной причины денегъ не выдалъ, намѣреваясь отдать ихъ хозяевамъ, между тѣмъ эти хозяева или солдатъ не кор-

мили, или кормили, но худо, и сами даже не имѣли хлѣба. При выступленіи съ ночлега многіе голодные солдаты просили у офицера хлѣба или денегъ для его покупки; другіе же, болѣе безпокойные, изъ безсрочно-отпускныхъ, отвыкшіе отъ дисциплины, и покричали, отказываясь идти. Офицеръ, малоспособный и совершенно не опытный, роздалъ солдатамъ по нѣсколько копѣекъ; они купили хлѣба, отправились въ путь и прибыли въ Замосць благополучно безъ всякаго скандала.

При окончаніи военнаго суда я неожиданно получилъ предписаніе, что Высочайше повелѣно дѣло кончить немедленно и представить на конфирмацію Его Величеству, за отсутствіемъ фельдмаршала. Я крѣпко призадумался, зная строгость Царя и боясь за излишнее снисхожденіе попасть въ бѣду и отвѣтственность. Не смотря однако же на то, призвавъ на помощь Господа Бога, я выгородилъ команды отъ обвиненія въ бунтѣ, а изъ числа 13 подсудимыхъ судъ 4 обвинилъ въ явномъ неповиновеніи, 6 въ разныхъ маловажныхъ проступкахъ и 3 остальныхъ оправдалъ,—и въ такомъ видѣ представилъ дѣло, которое, по счастливому задержанію въ аудиторіатѣ, дождалось возвращенія фельдмаршала, который и рѣшилъ наказать только первыхъ четырехъ и то не строго, а остальныхъ оставилъ безъ взысканія.

Кончивши дѣло, я съ своимъ безтолковымъ оберъ-аудиторомъ и на той же гремѣвшей бричкѣ возвратился благополучно въ Варшаву 17 Іюля.

Въ продолженіи моего 5 недѣльнаго пребыванія въ Замосцѣ, къ моей радости, нежданно—негаданно посѣтила жена моя и съ дѣтьми и пробыла у меня четыре дня. У полковника Кулеша домашнее хозяйство было въ отличномъ порядкѣ, отъ ежедневнаго его обѣда я отказался, только по воскресеньямъ лакомился его обильнымъ столомъ, а старушка, жена его (гречанка), бывало каждый день присылала мнѣ чудесное сливочное масло и мягкія сдобныя бѣлыя булки въ такомъ изобиліи, что я этими припасами дѣлился съ генер.-лейтен. Бенковскимъ и флигель-адъютантомъ полковникомъ (нынѣ генер. адъют.) княземъ Урусовымъ. Въ то время комендантомъ крѣпости былъ генералъ-маіоръ графъ Оперманъ I, кроткая, болѣзненная и жившая уединенно личность; тамъ же я былъ свидѣтелемъ пышныхъ похоронъ 20-лѣтней дѣвушки, дочери суроваго, жестокаго къ солдатамъ и алчнаго къ беззаконнымъ наживамъ дивизіоннаго генерала К.

Въ Варшавѣ я засталъ Императора, только что возвратившагося изъ Петербурга. Въ числѣ новыхъ лицъ былъ и мой бывшій корпусной командиръ Ротъ, прибывшій изъ своего пожалованнаго ему имѣнія. Праздная орда, окружающая Царя, суесловила и цыганила дѣйствія Паскевича, обвиняя его въ пропускѣ 45 т. корпуса Гёргея, котораго, по словамъ порицателей, онъ долженъ былъ бы проглотить

щёликомъ. Такъ, при представленіи моемъ къ Роту, онъ, облобызавши меня, въ ту же минуту развернулъ карту и сталъ толковать и доказывать, какъ легко было фельдмаршалу разбить, уничтожить Гёргея и проч. Особою запальчивостію въ порицаніи Паскевича отличался генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ.—Выдавали за истину, что Императоръ, получивъ свѣдѣніе о проходѣ мадьяровъ подъ носомъ фельдмаршала, будто бы сказалъ: „*Паскевичъ уже старъ*“.—Всѣ эти толки-сплетки лицемѣрныя кумушки и вѣстовщицы передавали супругѣ его свѣтлости, которая, какъ говорили, приносила жалобу самой Царицѣ. Мы волили, голосили о нашей неудачѣ, а поляки радовались, торжествовали, но не долго; 5 Августа сынъ фельдмаршала привезъ извѣстное всеподданнѣйшее донесеніе, начинавшіеся словами: „*Венгрія у стопъ Вашего Величества*“! Т. е. въ сущности не Венгрія, а положившій безъ боя оружіе корпусъ Гёргея и сдавшійся Русскимъ, а не Австрійцамъ. Разсказывали за достовѣрное, что Государь до того былъ обрадованъ этимъ донесеніемъ, что сталъ на колѣни предъ образомъ и возблагодарилъ Бога за окончаніе войны. Въ тотъ же день Его Величество отправилъ съ собственно-ручнымъ письмомъ Наслѣдника Престола къ Австрійскому Императору въ Вѣну, а 7 Августа на Повонзковскомъ полѣ, при сборѣ войскъ, совершено было благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и провозглашеніемъ многолѣтія *высокоповелительному*, генер.-фельдмаршалу князю Варшавскому, гр. Паскевичу Эриванскому.

Такъ кончилась война наша съ Мадьярами, поглотившая милліоны денегъ, десятки тысячъ людей погибшихъ отъ болѣзней и холеры, и увеличившая повсюду народную къ намъ ненависть. Да за-то въ послѣдствіи во время Крымской войны и отблагодарило же насъ Австрійское Правительство! Государь Императоръ почтилъ Гёргея названіемъ благороднѣйшаго человѣка, а Ляхи и Венгры—наименовали его подлецомъ и измѣнникомъ.—Сдавшіеся войска мы, противу ихъ желанія, выдали головою Австрійцамъ на пропятіе свирѣпаго Гайнау, вопреки обѣщанію Габсбурга о помилованіи.

Воевода русскихъ силъ и въ мирное спокойное время, при случаяхъ для него непріятныхъ, особенно при личныхъ противорѣчіяхъ, оказывалъ *самодурство*, а въ продолженіи Венгерской войны онъ просто напросто былъ ужасенъ въ своей раздражительности и почтенъ титломъ б..... с..... Разсказывали объ немъ невѣроятныя вещи: такъ, наприм. генералъ-адъютанта Андрепа схватилъ за грудь, но былъ оттолкнутъ; на генералъ-провіантмейстера Затлера, послѣ площадныхъ ругательствъ, закричалъ: „*вонъ! я прикажу тебя повѣсить*“! На генерала Ридигера и князя Горчакова, замѣтившихъ, что противу Гёргея надобно дѣйствовать рѣшительно, Паскевичъ обрушился всею тяжестію своей ярости, говоря, что они хотятъ получить Андреевскія

кресло Паскевича, котораго будто бы Императоръ желалъ давно имѣть около себя,—а намѣстничество упразднится и будетъ замѣнено генералъ-губернаторомъ для всего царства, посвящая въ эту должность князя Гарчакова; другіе, допуская смѣну Паскевича, назначали намѣстникомъ великаго князя Михаила Павловича, супруга котораго яко бы сильно сего домогалась, желая царить въ царствѣ. Всѣ эти сумазбродные толки и предположенія изчезли, когда предсѣдателемъ государственнаго совѣта назначенъ былъ Новосельцевъ.

1848 года.

Назадъ тому года 2 или 3 Военное Министерство, подъ предлогомъ имѣть болѣе людей въ строю, въ своей мудрости воспретило генераламъ имѣть казенныхъ деньщиковъ, но предписало однакоже отпускать провіантъ или деньги за оный на то число деньщиковъ, какое опредѣлено штатами каждому генералу починамъ, напр. генералъ-маіору на 6 чел. По встрѣтившимся затрудненіямъ имѣть въ Царствѣ Польскомъ русскую прислугу и по неблагонадежности польской, по представленію фельдмаршала Паскевича, разрѣшено генераламъ, по прежнему имѣть прислугу казенную не болѣе 3 чел., какого бы чина ни былъ генералъ.

Этотъ высокосный годъ былъ годомъ народныхъ мятежей заграницею. Находившійся въ Варшавѣ русскій элементъ на службѣ и внѣ службы ожидалъ отъ легкомысленныхъ поляковъ и здѣсь, если не возстанія, такъ покушенія къ оному; многія русскія семейства отправились въ Россію; семейство князя Горчакова тоже предполагало ѣхать въ Москву и княгиня склоняла и мою жену отправиться вмѣстѣ съ нею; но жена не согласилась и осталась со мною; на всякій однако же не предвидимый случай, напр. внезапно удаленія жены съ дѣтьми изъ Варшавы, при опасности въ ней оставаться, я изъ польскаго банка взялъ 2 т. руб. с. Въ этомъ банкѣ было у насъ до 18 т. р. с., по причинѣ той же тревоги, я старался перевесть этотъ капиталъ въ Московскія учрежденія, но банкъ отказалъ по не имѣнію съ ними ни какихъ сношеній. Подвернулся генер. князь Тенишевъ съ кучею дробно капитальныхъ билетовъ московскаго опекунскаго совѣта, и мы помѣнялись своими билетами; сіятельный, по дружбѣ и близкому знакомству, при этой сдѣлкѣ слупилъ съ меня 1%.

Вскорѣ появились въ Варшавѣ печатныя приглашенія къ полякамъ о возстаніи ко дню русскаго Христова Воскресенія и по христосованіи съ русскими *ножами*, вмѣсто красныхъ яицъ; это приглашеніе, какъ

гробъ съ подобающею церемоніею былъ отвезенъ, то же не былъ обитъ сукномъ. Послѣ богослуженія, на нарочито построенной колесницѣ, тѣло было отправлено на почтовыхъ въ Петербургъ. Похоронами распоряжался состоявшій при Великомъ Князѣ генералъ Илья Бибиковъ. Въ процессіи я былъ ассистентомъ при орденахъ.

Ко времени пребыванія Австрійскаго Императора въ Варшавѣ относится слѣдующій анекдотъ. Разъ оба Императора были въ театрѣ; при антрактѣ Николай, вставая, уронилъ стулъ, Францъ-Іосифъ не допустилъ стулъ до пола и поднялъ его. При разсказѣ объ этомъ случаѣ кто то сказалъ, что если Николай поднимаетъ тронъ Австрійскій, то Францъ очень можетъ поднять стулъ Николаю. Бывшая при этомъ разговорѣ 25 лѣтняя дочь фельдмаршала, дѣвица Анастасія, простушка, созданіе безразличное, на замѣчаніе о тронѣ съ наивностію сказала: *„папа поднимаетъ тронъ Австрійскій“*.

Съ возвращеніемъ корпуснаго командира графа Ридигера изъ Венгріи, 26 Сентября я и товарищъ мой Левицкій—Леонтьевъ, какъ служившіе когда-то при его лицѣ, приносили поздравленіе; его сіятельство, подойдя, съ благосклонною улыбкою и гнусливымъ голосомъ промычалъ: *„А! аудиторіатъ; вы отдохнули“*? и тѣмъ кончилось наше представленіе.

Непродолжительно однако же было мое отдохновеніе. 2 Ноября отъ начальника Главнаго Штаба кн. Горчакова я получилъ слѣдующаго содержанія предписаніе за № 3111:

„Виленскій военный, Гродненскій, Минскій и Ковенскій Генералъ-„Губернаторъ рапортомъ № 1873 донесъ Главнокомандующему Ар-„міею, что по производимому въ Вильнѣ дѣлу объ открытомъ тамъ „въ семъ году мятежническомъ заговорѣ между дѣйствіями главныхъ „заговорщиковъ и вовлеченныхъ ими въ заговоръ ремесленниковъ нѣтъ „такой неразрывной связи, которая не позволяла бы обсудить окон-„чательно вину однихъ, безъ обсужденія въ то же время преступленія „другихъ, что посему онъ, Генералъ Мирковичъ, предложилъ слѣд-„ственной комиссіи отдѣлить отъ общаго слѣдственнаго дѣла произ-„водство о лицахъ простаго званія, для преданія виновныхъ военному „суду, и что, имѣя въ виду значительное число преступниковъ, под-„лежащихъ суду, а такъ же особенную важностью изслѣдованій, про-„изводимыхъ слѣдственною Комиссіею, онъ признаетъ совершенно не „удобнымъ передать изслѣдованія эти на разсмотрѣніе и постановленіе „надъ виновными приговора въ Комиссію военнаго суда при Вилен-„скомъ Ордонансъ-Гаузѣ, а полагалъ бы учредить въ Вильнѣ для „сего особую военно-судную Комиссію, по примѣру того, какъ дѣла-„лось прежде въ подобныхъ случаяхъ“.

„Господинъ Генералъ-Фельдмаршалъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Гене-

въ 1849 году, они были посланы въ Австрію, насмѣявшуюся послѣ надъ нашимъ великодушіемъ.

Обращаюсь къ обыденнымъ нашимъ въ продолженіи сего года почему либо замѣчательнымъ явленіямъ.

28 Января совершилось велик. кн. Михаилу Павловичу 50 лѣтъ; фельдмаршалъ еще 22 числа отправился въ Петербургъ для принесенія поздравленія его высочеству, а здѣсь, въ церкви Александровской цитадели, по Высочайшей волѣ, отпѣто было благодарственное молебствіе. Военный же генералъ-губернаторъ князь Горчаковъ, въ честь великаго князя, какъ генералъ-фельдцейхместера, угостилъ обѣдомъ артиллерійскихъ генераловъ и полковниковъ.

Однажды, разбирая дѣло о подсудимомъ штабсъ-капитанѣ Скляренкѣ, я нашелъ письмо къ нему его отца и рукописную молитву; заботливый родитель совѣтуетъ своему блудному дѣтищу непремѣнно читать ее вседневно и носить на шеѣ, для избавленія себя отъ враговъ, присовокупляя, что эта молитва списана съ той, которую носилъ на шеѣ въ ладонкѣ вмѣстѣ съ крестомъ знаменитый казачій атаманъ графъ Платовъ. Эта курьезная молитва помѣщается здѣсь слово въ слово:

„Есть море Океанъ; за тѣмъ моремъ Океаномъ стоятъ горы каменныя; среди тѣхъ горъ каменныхъ стоитъ Архангелъ Михаилъ и „сохраняетъ ихъ и защищаетъ; сохрани меня раба Божія N аминь. „Господи благослови; Кресту Твоему покланяемся, аминь.— Буди съ „рабомъ Божіимъ N Божія милость. Стой стрѣла, не лети ко мнѣ „рабу Божію N отъ начала вѣка и до сего дня, аминь. И запечатай „Господи седьмью печатьми и положи образъ на образъ, и выстрѣлы „летящіе мимо меня летите.—Избави меня Господи отъ всякаго же„лѣза, булата и уклада, отъ камени, отъ мѣди разной и отъ турецкой „пули, отъ молніеносной стрѣлы и отъ всякаго удара: русскаго, нѣ„мецкаго и татарскихъ луковъ и стрѣлъ; чтобы буйная моя голова „съ плечъ не скатилась, огради ее Господи святымъ твоимъ крестомъ „и свѣтлымъ мѣсяцемъ и сіяющимъ солнцемъ покрой меня своею чер„ною ризою, облачи бѣлою зарею, чтобы враги бѣлаго тѣла моего не „окровавили и души моей не сгубили, а у супротивниковъ уста бы „не растворялись, кровью бы запекались именемъ Господнимъ, аминь. „Пойду я рабъ Божій N въ зеленое рукомойло къ морю Океану, на „морѣ на Океанѣ стоитъ престолъ, на престолѣ сидитъ желѣзный

денскому коменданту Кусовникову.—Долго я возился съ произведеннымъ слѣдствіемъ, контролируя его и составляя для преступниковъ допросы; аудиторъ, мнѣ данный, оказался сущимъ невѣжею и только 28 Ноября я открылъ военный судъ. Подсудимые, въ числѣ 30, составляли ремесленную сволочь и хвостъ заговора, затѣяннаго болѣе образованными заговорщиками, надъ коими еще производилось слѣдствіе; цѣль общаго заговора была произвесть возмущеніе и вырѣзать русскихъ.

Порученное мнѣ дѣло было само по себѣ неголоволомное, но меня утомляли эти знакомства, оффиціальныя поздравленія, званые обѣды, вечера, театры, визиты, словомъ—жизнь свѣтскаго человѣка, къ которой я питалъ душевное омерзѣніе и съ которой я никогда не могъ свыкнуться.

При одномъ моемъ посѣщеніи ученаго и умнаго архіепископа Синашко, я услышалъ отъ него, что онъ полагалъ, что я польскаго происхожденія, присовокупивъ, что въ Волынской губ., въ Овручскомъ уѣздѣ существуетъ деревня, называемая *Дожудово*, населенная мелкою шляхтою, которая по деревнѣ и называется *Дожудовцы*. Я отвѣчалъ, что въ Галиціи также есть мѣстечко *Дожудово*, но откуда возникла моя фамилія и гдѣ ея корень,—это покрыто мракомъ. Отъ того же владыки я узналъ, что г-жа генералъ-губернаторша Мирковичъ въ недавнемъ времени перешла изъ лютеранства въ православіе и названа вмѣсто Амаліи—Маріею и что окружной жандармскій генералъ графъ Бутсгевденъ въ жестокой распрѣ какъ съ Мирковичемъ, такъ въ особенности съ его женою, употребляя всѣ средства въ Петербургѣ ссадить Мирковича съ губернаторства и самому занять его мѣсто.

Наканунѣ Рождества я ѣлъ кутью и ужиналъ у начальника учебнаго округа Галлера; онъ, между прочимъ, разсказалъ мнѣ, что въ г. Поневежѣ законоучитель тамошняго училища, ксензъ Вольскій, служа въ костелѣ 6 Декабря, т. е. въ день тезоименитства Императора, произнесъ проповѣдь, въ которой доказывалъ, что юношеству въ училищахъ преподается превратное и вовсе ненужное для нихъ обученіе и сверхъ того отказался служить благодарственный молебенъ, подъ предлогомъ, что это не сказано въ его молитвенной книжкѣ. Объ этой продѣлкѣ ксенза Галлеръ донесъ генералъ-губернатору.—Тутъ же и тотъ же Галлеръ мнѣ разсказалъ, что будто бы наше правительство хотѣло учредить въ Кіевѣ католическую каѳедру, но митрополитъ Филаретъ писалъ въ Синодъ, что неприлично въ вертоградѣ нашей религіи, гдѣ почиваютъ мощи Равноапостольнаго Кн. Владиміра и другихъ православныхъ святыхъ, вселять латинскаго бискуна и сооружать костелы, и что если предположеніе правительства будетъ приведено въ исполненіе, то онъ Филаретъ оставить Кіевъ и удалиться на покой.

Въ день Рождества я обѣдалъ за *семейнымъ* столомъ у генералъ-

Во имя бѣдственнаго для Россіи „Священнаго союза“ мы явились защитниками вѣроломной Австріи противъ народнаго движенія и начали съ того, что въ Трансильванію былъ посланъ съ полковникомъ Скарятинымъ малочисленный отрядъ, который потерпѣлъ неудачу, будучи оставленъ Австрійскими войсками. Варшавскіе поляки радовались пораженію „москалей“, говоря, что 500 поляковъ Бема разбили въ трое болѣе по численности русскихъ. Прочіе корпуса начали уже двигаться на усмиреніе возставшихъ Мадьяръ. Большая часть военныхъ, даже высшихъ чиновъ, сильно осуждали наше вмѣшательство и отправлялись въ походъ крайне неохотно. Между тѣмъ изволилъ прибыть въ Варшаву и Государь Императоръ съ многочисленною свитою нужныхъ и ненужныхъ личностей, а 9 Мая явился буквально у стопъ Его Величества и Австрійскій кайзеръ-іезуитъ Францъ-Іосифъ, которому Императоръ Николай на другой же день представилъ войска, оставшіеся въ резервѣ. При салютѣ шпагою Австріаку Императоръ, замѣтивъ, что зрители стояли съ накрытыми головами, громко закричалъ: „шапки долой“! и всѣ до одного мигомъ обнажили свои головы.

28 Мая выѣхалъ въ Венгерское мѣстечко Дукло къ войскамъ кн. Горчаковъ; мое прощанье съ нимъ было наидружественное; онъ нѣсколько разъ принимался обнимать меня и убѣдительно просилъ въ случаѣ его смерти не оставлять его семейства и помогать ему въ нуждахъ, говоря, *что онъ былъ отцомъ для моей жены.*

Прежде отъѣзда князя, по просьбѣ его, я построилъ ему парусинную теплую палатку, подбитую сукномъ, для будущей бивачной стоянки. Послѣ него и все его семейство отправилось въ Москву, оставивъ на моихъ рукахъ свое хозяйство и часть прислуги.

1-го Іюня въ 8 часовъ пополудни выѣхали въ тоже мѣстечко Дукло по чугункѣ Государь Императоръ, Вел. Князь Константинъ, состоявшій при фельдмаршалѣ, и самъ отецъ—командиръ, Паскевичъ. За два дня до отъѣзда выступили—жандармскій полкъ, составлявшій конвой Главной Квартиры, и гвардія Паскевича—линейный казачій полкъ. Императоръ при этомъ случаѣ зычнымъ голосомъ повелѣлъ *„беречь фельдмаршала, какъ зеницу ока“.*

Въ Варшавѣ въ продолженіи Венгерской войны присутствовалъ Государь Императоръ. Всѣми войсками, здѣсь оставшимися, командовалъ генералъ Сиверсъ и Главный Штабъ раздѣленъ былъ на двѣ части: половина отправилась въ походъ, другая прозябала здѣсь съ дежурнымъ генераломъ Викинскимъ.

Я забылъ сказать, что предъ войною намъ отпустили не въ зачетъ годовое жалованье для покупки лошадей; въ томъ числѣ и я получилъ 838 руб. сер., не истративъ ни копѣйки и оставаясь дома, какъ и многіе другіе.

Полевой нашъ аудиторіатъ спокойно оставался въ Варшавѣ; одинъ

послѣдній, какъ отставной унт. офиц., суду гражданскому уголовному, и изъ нихъ Григоловичъ приговоренъ на каторгу, а Кирюхинъ оставленъ въ сильномъ подозрѣніи.—По доведеніи жандармеріею объ этихъ противорѣчащихъ приговорахъ объ обвиняемыхъ въ одномъ и томъ же преступленіи, Высочайше повелѣно учредить для ревизіи постановленія *общаго приговора высшую военно-судную Комиссію*, подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора, изъ 3 гражданскихъ штабъ-офицерскихъ чиновъ, и не стѣсняться прежними о подсудимыхъ приговорами. На этомъ то основаніи Мирковичъ и просилъ дозволенія о назначеніи меня предсѣдателемъ упомянутой высшей судной Комиссіи, и фельдмаршалъ далъ на то согласіе.

Эти оба дѣла я кончилъ: а) о заговорѣ ремесленнаго сброда, для котораго собственно я и былъ посланъ 11 Февраля и б) о вымѣнѣ завѣдомо фальшивыхъ депозитныхъ билетовъ 1 Марта. Дѣла представилъ Мирковичу.

Въ промежутокъ времени моей возни съ подсудимыми и дѣлами объ нихъ въ Вильнѣ произошли слѣдующія событія. 22 Января пріѣзжаю я съ визитомъ къ г-жѣ Мирковичъ и неожиданно встрѣчаю ее въ корридорѣ, возвращавшеюся изъ кабинета своего мужа; она была раздражена, взволнована и въ слезахъ; такъ какъ я пользовался особеннымъ ея расположеніемъ, то она схватила мою руку, ввела въ свой кабинетъ, усадила на канапе и разсказала, что на нее поданъ къ Императору доносъ, будто бы она Виленскому Губернскому Правленію посылаетъ какія то предписанія; что Государь, по бытности начальника жандармскаго округа графа Бутсгевдена въ Петербургѣ, лично повелѣлъ ему, по возвращеніи въ Вильно, удостовѣриться въ справедливости содержанія доноса; между тѣмъ какъ по его розысканію открылось, что она Мирковичъ, въ качествѣ попечительницы какого-то Сиротскаго Пріюта, относилась въ Правленіе не предписаніемъ, а предложеніемъ объ оцѣнкѣ клочка земли и освидѣтельствованіи исправленія пріютскаго строенія, за которое не было выдано денегъ и подрядчикъ за то настрочилъ упомянутый доносъ и жалобу на г-жу Мирковичъ. По ея и мужа ея убѣжденію доносъ подрядчика сдѣланъ былъ по внушенію Бутсгевдена, давно уже интриговавшаго противу Мирковича съ цѣлію столкнуть и занять его мѣсто, но какъ онъ не имѣлъ въ томъ успѣха, то началъ подъискиваться подъ его жену, къ которой онъ питалъ антипатію. По словамъ г-жи Миковичъ, мужъ ея былъ чрезвычайно встревоженъ этою исторіею, горько упрекалъ за нее свою жену и объявилъ ей, что послѣ этого скандала онъ долженъ ожидать по ея милости смѣны съ губернаторства. Съ своей стороны, г-жа Мирковичъ, оскорбясь несправедливыми упреками, потребовала согласія его вовсе оставить Вильну, и его получила.

Вслѣдъ за симъ, Мирковичъ, въ ознаменованіе совершившагося ему

пребыванія (?) на генералъ-губернаторствѣ, 1 Февраля задалъ парадный обѣдъ, на которомъ было 7 военныхъ генераловъ, 9 гражданскихъ лицъ и 10 первосортныхъ дамъ. Здѣсь педантъ корпусный командиръ Муравьевъ за новость мнѣ объявилъ, что генераламъ по прежнему повелѣно украшаться бѣлыми штанами и ботфортами, отмѣненными на время войны съ мадьярами; начальникъ корпусной артиллеріи Стаховичъ роптalъ на неблаговоленіе къ нему, по милости его благопріятелей, командующаго гвардіею и гренадерами Государя Цесаревича и просилъ кланяться отъ него старому его сотоварищу князю Михаилу Горчакову; начальникъ дивизіи, форменный де Витте, много толковалъ о своей 40-лѣтней службѣ и порочилъ бывшихъ своихъ начальниковъ Есакова и Арбузова и, наконецъ, Виленскій губернскій предводитель дворянства, богатый полякъ Пусловскій, сидѣвшій за столомъ рядомъ со мною, разсыпался о своей нелицемѣрной преданности правительству и сердечной симпатіи къ русскимъ. И точно въ доказательство своихъ чувствъ и особеннаго уваженія къ начальству задумалъ въ честь Мирковича дать торжественный обѣдъ и на другой же день разослалъ пригласительные билеты на 4 число; но, увы! вечеромъ того же 2-го Февраля получено было въ Вильнѣ извѣстіе, что Мирковичъ назначенъ въ военный совѣтъ, а на его мѣсто генералъ-губернаторомъ опредѣленъ генералъ-адъютантъ Илья Бибиковъ; затѣмъ Мирковичъ не принялъ обѣда и Пусловскій разослалъ отказные билеты ко всѣмъ приглашеннымъ.

За назначеніемъ Бибикова добивавшійся этого мѣста всѣми не правдами Бутегевденъ остался въ любезныхъ.

Сіятельный, толкуя мнѣ съ злорадствомъ о Мирковичѣ и его женѣ, между прочимъ обвинялъ послѣдняго въ налогахъ на всѣ уѣзды Виленской губерніи деньгами и вещами въ пользу находившагося подъ ея попечительствомъ сиротскаго пріюта на его устройство и содержаніе и тутъ же разсказалъ, что въ недавнюю бытность его въ Петербургѣ, при разговорѣ съ Императоромъ о дѣяніяхъ г-жи Мирковичъ, Его Величество мужа ея изволилъ называть *колпакомъ*.

9 Февраля М-me Мирковичъ выѣхала изъ Вильны; при прощаніи со мною была необыкновенно любезна и весела, но не преминула ругнуть Бутегевденя, назвавъ его безчестною тварью, и обнаруживъ полное удовольствіе, что не онъ назначенъ на мѣсто ея мужа.

Спустя нѣсколько дней я былъ и у самого Мирковича; въ занимавшемся имъ дворцѣ было темно, пусто, безлюдно и я нашелъ его уже перебравшимся въ одну удаленную комнатку одинокимъ, всѣми оставленнымъ. Его считали подъ опалою. Онъ съ откровенностію мнѣ объявилъ, что съ нимъ поступлено несправедливо, но надѣялся оправдаться предъ Царемъ; негодовалъ на подлость и вѣроломство

Бутсевдена, разсказавъ о его не достойныхъ противу него и его жены поступкахъ и козняхъ. По полученіи свѣдѣнія, что новый генералъ-губернаторъ намѣренъ скоро выѣхать изъ Питера, 27 Февраля въ 11 часовъ утра собрались къ Мирковичу по его желанію для прощанія многіе военные, гражданскіе и католическіе духовные лица, въ томъ числѣ явился и я; а вечеромъ онъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ и простился со мною самыми дружелюбными объятіями и лобзаніями; на другой же день, послѣ даннаго ему приближенными завтрака, пустился на Царевъ судъ въ Петербургъ.

Между тѣмъ, какъ все это совершалось, и озадаченная бюрократія и жители Вильны толковали вкривь и вкось о старомъ и новомъ генералъ-губернаторахъ, я оставался въ тревожномъ, прискорбномъ положеніи отъ получаемыхъ мною отъ жены писемъ, въ которыхъ она писала о постигшей ее болѣзни, о малоуспѣшности лѣченія піявками, лѣкарствами и минеральными водами и о тоскливости отъ разлуки ея съ сыномъ, отданнымъ въ пенсіонъ къ Штендеру. Выѣзжая изъ Варшавы, я оставилъ жену мою вполнѣ здоровою и теперь внезапная ея болѣзнь меня мучила, лишала сна, не смотря на успокоительную осторожность ея писемъ. Я хотя и кончилъ порученныя мнѣ дѣла, но не могъ оставить Вильны, по милости Мирковича, который еще до своего отъѣзда представилъ новое слѣдствіе и испрашивалъ у фельдмаршала разрѣшенія о преданіи суду новыхъ преступниковъ по политическимъ дѣламъ.

Наступилъ послѣдній день масляницы, день прощальный, 5 Марта; отъ обѣдни я зашелъ къ знаменитому архіепископу Симашко. Въ его пріемной собралось православное духовенство съ Гродненскимъ епископомъ во главѣ, ожидая выхода верховнаго пастыря литовской церкви. Владыко тотчасъ по докладѣ служителя попросилъ меня въ кабинетъ. Главнымъ предметомъ нашего разговора была неожиданно случившаяся перемѣна высшихъ властей въ Вильно; преосвященный отозвался о Мирковичѣ, какъ о холодной, много-писавшей и безэнергичной личности; о Бибиковѣ сказалъ, что мало его знаетъ, но пожелалъ, чтобы онъ управлялъ этимъ безпокойнымъ краемъ по системѣ своего брата Дмитрія и былъ во всемъ похожъ на него; при чемъ изъявилъ сожалѣніе, что Петербургская высшая администрація весьма недостаточно обращаетъ вниманія на Литву и на властвованіе и козни въ ней польщизны. По возвращеніи на квартиру меня посѣтилъ графъ Бутсевденъ; этотъ голубой мундиръ наигрывалъ свою задушевную пѣсню о Мирковичѣ и женѣ его, увѣряя, что первый состоялъ подъ каблукомъ башмака послѣдней; при чемъ разсказалъ, что при прощаніи съ нею, она при свидѣтеляхъ съ язвительностію благодарила его за то, что по его распоряженію она будетъ жить съ дѣтьми въ Петербургѣ, и когда графъ съ съ улыбкой отвѣчалъ, что радуется этому счастію, она съ злостью

назвала его клеветникомъ и удалилась въ другую комнату. На счетъ Бибикова Бутсгевденъ хвалилъ его свѣтскость, придворность, но утверждалъ, что онъ величайшій лѣнивецъ, который никогда и ни чѣмъ не занимался, спалъ до полудни, игралъ въ карты и гарцовалъ на конѣ; что онъ не былъ на хорошемъ счету у Императора и безъ сомнѣнія назначенъ генералъ-губернаторомъ по ходатайству Великой Княгини Елены Павловны, при покойномъ супругѣ которой Бибиковъ съ давнихъ поръ состоялъ и былъ его любимцемъ.

Наступилъ великій постъ и я располагалъ говѣть; но на другой день первой недѣли (7 Марта) я получилъ изъ Варшавы отъ князя Горчакова слѣдующаго содержанія бумагу за № 570:

„Господинъ Главнокомандующій Арміею изволилъ разрѣшить Ва„шему Превосходительству прибыть въ Варшаву на двѣ недѣли. „Очемъ Васъ увѣдомляю“.

Этотъ лаконизмъ безъ объясненія причины даннаго разрѣшенія, котораго я не просилъ,—меня поразилъ, и какъ по моимъ служебнымъ дѣламъ меня вовсе не было нужды вызывать, то естественно смятенное мое воображеніе обратилось на болѣзнь моей жены и я былъ увѣренъ уже въ ея кончинѣ. Нѣтъ словъ для описанія моего отчаянія. Но спустя нѣсколько часовъ,—мнѣ принесли съ почты отъ того же князя письмо слѣдующаго содержанія:

„Почтеннѣйшій Василій Абрамовичъ. Вотъ дѣло въ чемъ.—Алек„сандра Васильевна страдаетъ печенью. Она была довольно сильно „больна, но, благодареніе Богу, ей лучше и никакой опасности нѣтъ. „Но Бунцевичъ находитъ, что нужна непремѣнно консультація; ибо „опасается, что бы не сдѣлалось затверденія въ печени.—Ваша жена „упряма; противу воли ея сдѣлать намъ консультацію значило бы ее „сильно перепугать и это могло бы имѣть вредныя послѣдствія. По „этому мы рѣшились на слѣдующее:—тому три недѣли назадъ, когда „Александра Васильевна сильно заболѣла и имѣла родъ воспаленія, я „просилъ Его Свѣтлость дозволить Вамъ пріѣхать сюда на двѣ не„дѣли. Главнокомандующій согласился и я приготовилъ было уже „отправленіе, но здоровье ея поправилось и что бы не пугать ни Васъ „ни ее, я оставилъ дѣло“.

„Теперь оказывается необходимымъ сдѣлать серьезную консультацію „и рѣшить, что сдѣлать весною? Ибо, хотя, повторяю, опасности нѣтъ „еще, но если запустить болѣзнь, то она можетъ имѣть вредныя по„слѣдствія. Посему я посылаю Вамъ разрѣшеніе пріѣхать сюда на „двѣ недѣли и соотвѣтственный отзывъ Бибикову, а Вамъ совѣтую, „во первыхъ, написать Александрѣ Васильевнѣ, что по случаю пере„мѣны начальства въ Вильно, то есть замѣны Мирковича Бибиковымъ, и „вы имѣете двѣ недѣли свободныхъ, вы рѣшились повидаться съ (и

„такъ какъ она была больна и Вамъ о томъ писала; а спустя нѣ„сколько дней пріѣзжайте и сами, или же напишите ей, что Вамъ „велѣно пріѣхать сюда по дѣламъ службы. Мнѣ кажется первое луч„ше: ибо послѣднему она не повѣрить и пойметъ, что я Васъ вытре„бовалъ, а это ее испугаетъ.—По пріѣздѣ сюда хорошо бы Вамъ, „прежде чѣмъ пріѣхать въ домъ, заѣхать къ намъ. Мы условились „бы окончательно, что ей сказать и что Вамъ ей предложить, что бы „не испугать ее. Во всякомъ случаѣ предувѣдомленіе и отъ Васъ „письмомъ за сутки, напримѣръ, до Вашего пріѣзда будетъ полезно".

„Оканчивая это письмо, я прошу Васъ, любезный Василій Абра„мовичъ, самому не пугаться. Дѣло именно въ томъ положеніи, какъ „я описываю, то есть: нѣтъ теперь опасности, но время подумать „серіозно, что предпринять на дальнѣйшее леченіе; Бунцевичъ хочетъ „консультаціи, но не смѣетъ настаивать; мы тоже.—Прощайте, отъ „души Вамъ преданный"

Князь Горчаковъ.

Это письмо, покрайней мѣрѣ, успокоило меня въ томъ отношеніи, что жена моя еще существуетъ, не менѣе того я мучился мрачными опасеніями за ея жизнь. Того же дня я купилъ сани, взялъ курьерскую подорожную, за не прибытіемъ еще Бибикова сказался коменданту и отправился въ путь; въ Бѣлостокѣ, за исчезновеніемъ санной дороги, пересѣлъ на перекладную тележку, отправилъ къ женѣ съ эстафетою предварявшее письмо и прибылъ въ Варшаву 10 Марта. Царь небесный, какъ жена моя измѣнилась! Я оставилъ ее здоровою и цвѣтущею, а нашелъ исхудалою, желтою, едва дышащею и державшуюся на ногахъ; я бы не узналъ ее, если бы встрѣтилъ гдѣ индѣ; тогда только я почувствовалъ всю опасность моего прошедшаго положенія въ Вильнѣ. Она до такой степени больна была, что еще предъ новымъ годомъ дано было разрѣшеніе фельдмаршаломъ князю Горчакову вытребовать меня, но жена моя не хотѣла и не желала тревожить меня и отвлекать отъ занятій, убѣдила князя не вызывать меня тѣмъ болѣе, что она ни какъ не считала болѣзнь свою опасною. Лучшій Варшавскій городовой нашъ докторъ Бунцевичъ не понялъ болѣзни жены моей, навалилъ на кровопусканія и піявки и столько выпустилъ изъ своей паціентки крови, что она слегла въ постель, желудокъ не варилъ никакой пищи, сна не было, болѣзнь усилилась, предложенный консиліумъ женою отвергнутъ, какъ, по убѣжденію ея, безполезный, и при этой то видимой опасности я вызванъ былъ изъ Вильны. На третій день моего пріѣзда созванъ былъ консиліумъ, на который я едва могъ склонить жену мою, по вѣрѣ ея къ своему доктору; отъ употребленія Кардбалскихъ водъ сдѣлалось ей хуже и потому онѣ прекращены и вновь посадили на латинскую кухню; но и лекарства не помогали. Я былъ въ отчаяніи; между тѣмъ двухнедѣльный срокъ

моего отпуска истекалъ; фельдмаршалъ, отъѣзжая въ Петербургъ, позволилъ остаться мнѣ въ Варшавѣ до полученія ожидавшагося оттуда разрѣшенія о преданіи военному суду 21 политическаго преступника, о чемъ представлялъ Мирковичъ, и при томъ сказалъ Горчакову, что „если по болѣзни жены моей нельзя будетъ ѣхать въ Вильну, то „Горчаковъ послалъ бы вмѣсто меня другого, для предсѣдательства „въ военномъ судѣ". Это лично объявила мнѣ княгиня Горчакова, съ такою при томъ закорючкою, безъсомнѣнія внушенную ея эгоистомъ— мужемъ „что конечно я не употреблю во зло снисхожденія фельдмаршала",— что въ переводѣ означало, что я долженъ ѣхать, хотя бы моя жена томилась предсмертною агоніею.

Между тѣмъ впредь до полученія изъ Петербурга разрѣшенія и отправленія меня въ Вильну я занялъ свое мѣсто; къ началѣ Апрѣля получено разрѣшеніе изъ Петербурга; Горчаковъ самъ о томъ мнѣ объявилъ, сказавъ, что онъ *посмотритъ*, можно ли меня оставить въ въ Варшавѣ при умиравшей женѣ, и велѣлъ за отвѣтомъ придти къ нему на другой день; я пришелъ и его сіятельство, по совѣщаніи съ формалистомъ Викинскимъ, объявилъ, что мнѣ нельзя остаться въ Варшавѣ, а надобно ѣхать въ Вильну. Ѣхать—такъ ѣхать; ни однимъ словомъ я не возразилъ. Между тѣмъ жена моя находилась въ одинаковомъ положеніи; я только сдѣлалъ вопросъ доктору и вопросъ неблагоразумный: „можетъ ли онъ поручиться за жизнь жены моей „въ продолженіи одного мѣсяца, т. е. до моего возвращенія изъ „Вильны"?... Эскулапъ, озадаченный вопросомъ, смутился, но, помолчавъ немного, отвѣчалъ, *что можно надѣяться*.— Отвѣтъ неутѣшительный!

Вслѣдъ затѣмъ предсѣдатель полевого аудиторіата препроводилъ мнѣ для *немедленнаго* исполненія копію съ предписанія, даннаго аудиторіату Горчаковымъ 5 Апрѣля за № 949 слѣдующаго содержанія:

„Отъ 17 истекшаго Марта за № 721, я сообщилъ Аудиторіату, „что Главнокомандующій Арміею изволилъ приказать члену Ауди„торіата Г. М. Докудовскому, который былъ командированъ въ „г. Вильно для предсѣдательствованія въ военно-судной комиссіи, надъ „политическими преступниками учрежденной, по случаю окончанія „этого дѣла, вступить по прежнему въ исправленіе своей должности, „впредь до новаго отправленія его въ Вильно, для сужденія другихъ „преступниковъ".

„Нынѣ, по окончаніи Виленскою Слѣдственною Комиссіею дѣла, „объ открытомъ въ Вильнѣ заговорѣ противъ правительства, послѣ„довало Высочайшее повелѣніе, что бы, согласно заключенію Его „Свѣтлости, наиболѣе виновные по сему дѣлу 21 человѣкъ преданы

„были военному суду по Полевому Уголовному Уложенію, съ поруче-„ніемъ постановить объ нихъ приговоръ той же военно-судной Комиссіи, „которая учреждена была подъ предсѣдательствомъ Г. М. Докудов-„скаго надъ лицами простого званія, къ этому же дѣлу прикоснo-„венными.

„Давая знать о семъ Аудиторіату, предписываю объявить Г. М. „Докудовскому, чтобы онъ немедленно отправился въ Вильно для „исполненія обязанности".

Князь Горчаковъ.

Снабженный отъ Горчакова къ Бибикову письмомъ, въ коемъ князь убѣдительно просилъ, по случаю болѣзни моей жены, не задерживать меня въ Вильнѣ и не давать никакихъ другихъ порученій, я съ истинно растерзанною душою, препоручивъ сохраненіе моего семейства, особенно тяжко больной моей жены, Господу Богу, 10 Апрѣля выѣхалъ изъ Варшавы и прибылъ въ Вильно 13 Апрѣля. На другой день представился къ Муравьеву (Карскому) и Бибикову и сдѣлалъ визиты высокопреосвященному Іосифу и другимъ немногимъ лицамъ. Я съ горячностію принялся за дѣло; слѣдствіе произведено было удовлетворительно; судъ открылъ 15 Апрѣля и кончилъ 9 Мая. Сущность дѣла заключалась въ безумномъ заговорѣ въ Вильнѣ и Минскѣ произвести рѣзню квартировавшихъ тамъ русскихъ солдатъ и ниспровергнуть правительство. Дѣйствія заговорщиковъ были безсмысленны, жалки, разъединенны и вполнѣ неисполнимы; да и можно ли было ожидать чего либо серьезнаго, разумнаго отъ безбородыхъ преподавателей частныхъ уроковъ, гимназистовъ и канцеляристовъ. Замѣчательно открытіе заговора: къ одному изъ заговорщиковъ, сапожному подмастерью Маевскому, о коемъ и его соучастникахъ я кончилъ судъ, какъ выше сказано, еще 11 Февраля, собиралась челядь и толковала о способахъ нападенія на русскихъ и о произведеніи возмущенія подъ предводительствомъ личностей теперь судимыхъ; къ этой челяди присоединился нашъ русской крови бѣглый солдатъ, два года проживавшій въ Вильнѣ безъ всякаго вида и имѣвшій въ парочной ротѣ родственника солдата; бродяга тоже явился на сборище къ Маевскому и о всемъ, что тамъ болтали и толковали, разсказалъ своему родственнику; этотъ доложилъ ротному командиру, а послѣдній коменданту — и пошло арестованіе и открытіе заговора. Солдатъ же, доложившій о слышанномъ имъ отъ бѣглеца, Всемилостивѣйше награжденъ 60 рублями.

Тяжкому наказанію подверглись виновные по этому суду: изъ 21 преступника 15 по конфирмаціи фельдмаршала сосланы въ Сибирь на каторжныя работы.

Въ продолженіи мѣсячнаго моего пребыванія въ Вильнѣ я разъ былъ у Владыки на званомъ обѣдѣ и видѣлъ весьма подкуликавшаго

губернатора, а послѣдвій вечеръ 1849 года, я волею неволею былъ въ собраніи; мнѣ крайне было грустно отъ полученнаго предъ тѣмъ отъ жены письма, въ коемъ она меня извѣщала о своемъ нездоровьи и совѣтѣ доктора пить Маріенбадскую воду.

Въ собраніи генералъ-губернаторъ удостоилъ меня дружескимъ рукопожатіемъ и объявленіемъ, между разговорами, о производимомъ между жидами строгомъ розысканіи на счетъ распространенія ими фальшивыхъ ассигнацій по дешевой цѣнѣ; разсказалъ о замѣчательной разсѣянности и вѣтренности своего коменданта генералъ-лейтенанта Кусовникова, который разъ съ испуганнымъ видомъ, пріѣхавъ къ Мирковичу, доложилъ, что присланъ изъ Петербурга чиновникъ и опечаталъ Ордонанс-Гаузъ, а на повѣрку вышло, что присланъ къ коменданту не чиновникъ, а донос его чиновника за печатью Ордонанс-Гауза. Въ другой разъ, онъ же Кусовниковъ заставилъ *мертвеку*, судившемуся за политическое преступленіе, прочитать надъ его тѣломъ окончательную конфирмацію, опредѣлявшую ссылку въ Сибирь. А гражданскій губернаторъ Бѣгичевъ, указавъ мнѣ въ собраніи на фортопіанистку дѣвицу Вореръ, сказалъ, что эта знаменитая артистка въ началѣ Сентября прибыла изъ Петербурга съ отпускомъ инкогнито и поселилась въ пустынномъ предмѣстіи Вильны Антоколѣ, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ ни гдѣ не показывалась и не выходила изъ квартиры и вдругъ въ Декабрѣ оповѣстила публикѣ о своемъ концертѣ. Разсказывали, что она пріѣхала въ Вильно въ благословенномъ состояніи и здѣсь разрѣшилась отъ бремени.

Тоска о семействѣ выгнала меня изъ шумнаго, пляшущаго собранія и я ускользнулъ оттуда, не дождавшись 12 часовъ, то есть наступленія (Новаго года).

1850 годъ.

Въ 20% мороза съ жгучимъ вѣтромъ невесело было разъѣзжать въ дрожкахъ на новый годъ съ официальными поздравленіями, продежурить въ холодномъ соборѣ на продолжительномъ съ колѣнопреклоненіемъ Богослуженіи. Въ 4 часа былъ на *семейномъ* обѣдѣ у генералъ-губернатора и въ 7 часовъ изнученный приличіями дня возвратился на квартиру.

Кромѣ дѣла, для котораго я былъ командированъ въ Вильну, Мирковичъ навязалъ мнѣ другое въ иномъ родѣ: о пріемѣ отъ жидовъ завѣдомо фальшивыхъ депозитныхъ билетовъ и выдачѣ вмѣсто ихъ кредитныхъ билетовъ счетчиками Виленскаго Уѣзднаго Казначейства Григоловичемъ и Кирюхинымъ, изъ коихъ первый, какъ безсрочно-отпускной унт. офиц., былъ преданъ суду военному, а

послѣдній, какъ отставной унт. офиц., суду гражданскому уголовному, и изъ нихъ Григоловичъ приговоренъ на каторгу, а Кирюхинъ оставленъ въ сильномъ подозрѣніи.—По доведеніи жандармеріею объ этихъ противорѣчащихъ приговорахъ объ обвиняемыхъ въ одномъ и томъ же преступленіи, Высочайше повелѣно учредить для ревизіи постановленія *общаго приговора высшую военно-судную Комиссію*, подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора, изъ 3 гражданскихъ штабъ-офицерскихъ чиновъ, и не стѣсняться прежними о подсудимыхъ приговорами. На этомъ то основаніи Мирковичъ и просилъ дозволенія о назначеніи меня предсѣдателемъ упомянутой высшей судной Комиссіи, и фельдмаршалъ далъ на то согласіе.

Эти оба дѣла я кончилъ: а) о заговорѣ ремесленнаго сброда, для котораго собственно я и былъ посланъ 11 Февраля и б) о вымѣнѣ завѣдомо фальшивыхъ депозитныхъ билетовъ 1 Марта. Дѣла представилъ Мирковичу.

Въ промежутокъ времени моей возни съ подсудимыми и дѣлами объ нихъ въ Вильнѣ произошли слѣдующія событія. 22 Января пріѣзжаю я съ визитомъ къ г-жѣ Мирковичъ и неожиданно встрѣчаю ее въ корридорѣ, возвращавшеюся изъ кабинета своего мужа; она была раздражена, взволнована и въ слезахъ; такъ какъ я пользовался особеннымъ ея расположеніемъ, то она схватила мою руку, ввела въ свой кабинетъ, усадила на канапе и разсказала, что на нее поданъ къ Императору доносъ, будто бы она Виленскому Губернскому Правленію посылаетъ какія то предписанія; что Государь, по бытности начальника жандармскаго округа графа Бутсгевдена въ Петербургѣ, лично повелѣлъ ему, по возвращеніи въ Вильно, удостовѣриться въ справедливости содержанія доноса; между тѣмъ какъ по его розысканію открылось, что она Мирковичъ, въ качествѣ попечительницы какого-то Сиротскаго Пріюта, относилась въ Правленіе не предписаніемъ, а предложеніемъ объ оцѣнкѣ клочка земли и освидѣтельствованіи исправленія пріютскаго строенія, за которое не было выдано денегъ и подрядчикъ за то настрочилъ упомянутый доносъ и жалобу на г-жу Мирковичъ. По ея и мужа ея убѣжденію доносъ подрядчика сдѣланъ былъ по внушенію Бутсгевдена, давно уже интриговавшаго противу Мирковича съ цѣлію столкнуть и занять его мѣсто, но какъ онъ не имѣлъ въ томъ успѣха, то началъ подъискиваться подъ его жену, къ которой онъ питалъ антипатію. По словамъ г-жи Миковичъ, мужъ ея былъ чрезвычайно встревоженъ этою исторіею, горько упрекалъ за нее свою жену и объявилъ ей, что послѣ этого скандала онъ долженъ ожидать по ея милости смѣны съ губернаторства. Съ своей стороны, г-жа Мирковичъ, оскорбясь несправедливыми упреками, потребовала согласія его вовсе оставить Вильну, и его получила.

Вслѣдъ за симъ, Мирковичъ, въ ознаменованіе совершившагося ему

„но заслужилъ лично милостивое вниманіе Его Императорскаго Вели-
„чества.

„Хотя здоровье Г. Л. Викинскаго отъ необыкновенныхъ трудовъ
„въ теченіи 24 лѣтъ разстроилось, и я разстаюсь съ нимъ на по-
„прищѣ военномъ; но вновь сближаюсь на поприщѣ гражданскомъ, по
„ходатайству моему у Его Величества онъ назначенъ Главнымъ Ди-
„ректоромъ Комиссіи Внутреннихъ Дѣлъ Царства Польскаго.

„Съ душевною признательностію благодарю Г. Л. Викинскаго за
„прошлое 24 лѣтнее служеніе со мною по управленію войсками и по-
„лагаю новую надежду на неутомимое, свойственное ему, служеніе по
„управленію Комиссіею Внутреннихъ Дѣлъ“.

Генералъ Фельдмаршалъ Князь Варшавскій,
Графъ Паскевичъ Эриванскій.

Между тѣмъ, какъ этотъ велерѣчивый приказъ обдумывался, сочи-
нялся, пересматривался и безчисленное число разъ исправлялся, заду-
шевные прихвостники Викинскаго: генералъ полицеймейстеръ арміи
Шепелевъ, Варшавскій оберъ-полицеймейстеръ и смотритель дворцовъ
Абрамовичъ, генералъ интендантъ *Тихоновскій* и генералъ штабъ
докторъ *Четыркинъ*, затѣяли своего патрона угостить прощальнымъ
обѣдомъ *по подпискѣ* и подписалось крупныхъ и мелкихъ чиновъ
volens—nolens 160 человѣкъ. Этотъ обѣдъ состоялся 17 августа
въ загородной виллѣ Ома, и, надобно отдать справедливость, былъ
отличный; все убранство стола и сервировка—изъ царскаго дворца;
на обѣдѣ присутствовалъ фельдмаршалъ и провозгласилъ первый тостъ
въ честь Викинскаго, который *при сей вѣрной оказіи* отъ избытка
чувствъ едва не опустился на колѣни, но былъ удержанъ отъ такого
скандала и только облобызалъ благодѣющую десницу своего идола.
Послѣ обѣда были розданы литографированные портреты героя торжества.
По отбытіи свѣтлѣйшаго начался кутежъ и продолжался далеко за
полночь. Каждый подписчикъ приплатился за обѣдъ 20 р. с.

Давно Государь Императоръ желалъ уничтожить границу между
Россіею и Царствомъ, но властолюбивый фельдмаршалъ изворачивался
и измышлялъ затрудненія по весьма понятной причинѣ: видѣлъ въ
томъ умаленіе своей власти намѣстника и нѣкоторое подчиненіе рус-
скому министерству. Наконецъ, въ послѣднюю бытность здѣсь Импе-
тора, Его Величество рѣшительно изъявилъ свою волю о непремѣнномъ
открытіи той границы съ 1 Января 1851 года, и вслѣдствіе того
былъ присланъ сюда для соглашенія отъ нашего министерства фи-
нансовъ дѣйств. стат. совѣт. Ремизовъ; онъ явился къ фельдмаршалу,

былъ принятъ весьма холодно и между прочимъ въ видѣ упрека онъ сказалъ ему: „*видно, теперь Иванъ Федоровичъ ненуженъ*“.

29 Августа пріѣхалъ въ Варшаву Литовскій Генералъ-губернаторъ Бибиковъ и пробылъ здѣсь нѣсколько дней; я посѣщалъ его и всегда былъ принимаемъ дружелюбно; разъ онъ далъ мнѣ прочитать проэктъ своего мнѣнія о подсудимомъ виленскомъ помѣщикѣ графѣ Ярославѣ Тышкевичѣ, который судился за принадлежность въ 1830—1831 г. къ мятежу, за дѣйствія съ оружіемъ противу русскихъ и за предводительствованіе имъ въ 1848 г. въ Галиціи демократами и коего военный судъ законно приговорилъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ; но Бибиковъ полагалъ вмѣсто отправленія въ Сибирь выслать Тышкевича за границу потому: де, *что эта безпокойная личность можетъ передать свои демократическія воззрѣнія каторжникамъ* и содѣлается вреднымъ правительству.—Забавная и глубокомысленная причина! Я на требованіе его съ осторожностію для его самолюбія вошелъ въ нѣкоторыя сужденія и высказалъ мое мнѣніе, съ которымъ онъ благоволилъ согласиться и исправилъ свой проэктъ. По словамъ Бибикова, и ему Паскевичъ съ крайнимъ негодованіемъ говорилъ объ открытіи границы, ругнувъ при этомъ случаѣ Министра Финансовъ.

15 Сентября прибыла въ Варшаву Государыня Императрица и остановилась въ Лазенковскомъ дворцѣ.

17 Сентября Императрица слушала обѣдню въ придворной церкви, куда приглашены были одни только военные генералы. Она была одѣта въ бѣлое платье, на головѣ чепчикъ съ лиловыми лентами и такого же цвѣта на плечахъ шарфъ, который она безпрерывно поправляла и передергивала; по слабости здоровья часто опускалась въ кресло.— Послѣ обѣдни все генеральство было приглашено вечеромъ въ придворный театръ.

20 Сентября Императрица въ часъ пополудни изволила быть въ соборѣ; одѣта была въ шелковомъ капотѣ на ватѣ, на плечахъ черная шаль и на головѣ бѣлая шляпка съ голубыми лентами и страусовымъ такого же цвѣта перомъ. Вечеромъ представленіе въ придворномъ театрѣ.—Фельдмаршалъ, чтобы ближе быть къ Государынѣ, изъ королевскаго замка переѣхалъ въ дворцовый домикъ *Раздрожье*.

21 Сентября въ 8 час. пополудни всѣ генералы и генеральскіе чины первыхъ 4 классовъ, равно и ихъ супруги, имѣли счастіе представляться Императрицѣ и лобызать Ея руку. Она сидѣла въ креслахъ въ голубомъ платьѣ съ бриллiантовою діадемою на головѣ. Каждую и каждаго удостоила нѣсколькими словами, такъ, наприм. меня спросила: „*вы давно здѣсь*“? Я понялъ не въ дворцѣ, а въ Варшавѣ и дерзновенно отвѣчалъ: „*20 лѣтъ, Ваше Величество*“. При Императрицѣ

стояла родная Ея сестра, Принцесса, кажется, Нидерландская. Замѣтно у Государыни трясеніе головы, произшедшее отъ 14 Декабря.

24 Сентября. Обѣдня въ той же придворной церкви, на коей присутствовали Императрица, Ея сестра и военные генералы. Вечеромъ представленіе въ придворномъ театрѣ.

Ея Величество о фельдмаршалѣ изволила отозваться, что *онъ Ея второй докторъ*, не подозрѣвая, сколько этотъ эскулапъ тяготится вынужденнымъ ухаживаніемъ за своею Августѣйшею паціенткой, часто являясь къ столу, на вечера и придумывая для нея развлеченія.

Императрица, будучи очарована любезностію и занимательностію Паскевича, сказала о томъ г-жѣ Андро. Эта бойкая, извѣстная Государынѣ, дама (урожденная Оленина), съ пренизкимъ книксеномъ отвѣчала: „это оттого Ваше Величество, что фельдмаршальши нѣтъ въ Варшавѣ“. Императрица разсмѣялась.

27 Сентября. Поѣздка Государыни въ Бѣляны, въ монастырь Камедуловъ.

28 Сентября. Поѣздка Ея же въ Вилановъ для осмотра дворца графа Потоцкаго.

Въ этомъ же Сентябрѣ мѣсяцѣ случилась кровавая исторія: 10 человѣкъ кавказскихъ горцевъ, принадлежавшихъ конвойной фельдмаршала сотнѣ, будучи за что то недовольны своимъ командиромъ княземъ Бебутовымъ, разругавъ его въ лицо, а Паскевича заочно, въ полномъ вооруженіи и на коняхъ бѣжали въ Пруссію; тамъ хотѣли ихъ обезоружить, но они воспротивились; тогда между ними и прусскими солдатами произошла свалка и рѣзня; дикихъ горцевъ всѣхъ передушили, но и у пруссаковъ еще болѣе перебито: такъ отчаянно дрались эти дѣти Кавказскихъ горъ.

Октябрь мѣсяцъ ознаменовался торжественнымъ празднованіемъ 50 лѣтняго юбилея въ службѣ и офицерскихъ чинахъ фельдмаршала Паскевича.

Еще съ начала года присные его стали трубить о долженствовавшемъ ему совершиться чрезъ 9 мѣсяцевъ юбилеѣ 50-лѣтней службы.

Угодникъ его свѣтлости, графъ Ридигеръ, пользовавшійся всякимъ случаемъ подслужиться, въ августѣ написалъ графу Орлову *о небываломъ желаніи арміи*, въ память юбилейнаго дня 5 Октября фельдмаршала, собрать по подпискѣ сумму для воздвигнутія памятника знаменитому полководцу или для учрежденія больницы увѣчнымъ и престарѣлымъ воинамъ въ родѣ Чесменской. Орловъ отвѣчалъ, что Его

Величество похваляетъ чувства арміи къ своему вождю, но предоставляетъ самому себѣ явить ему 5 Октября новый опытъ своего *благоволенія*. Между военными много явилось толковъ и предположеній о свойствѣ этого благоволенія; большая же часть была убѣждена, что онъ будетъ возведенъ въ санъ генералиссимуса, подобно Меньшикову и Суворову; чего самъ желалъ грядущій юбиляръ, того мы не знали; но нескромно простодушная его супруга въ своемъ интимномъ кружкѣ откровенно объявила, что хорошо было бы, если бы Государь наградилъ ея Ивана Федоровича Ловичскимъ имѣніемъ, подареннымъ когда то, еще при Наполеонѣ I-мъ, герцогомъ Варшавскимъ (Саксонскимъ королемъ) маршалу Даву въ видѣ маіората, или поменьшей мѣрѣ частію его съ Императорскимъ дворцомъ и паркомъ въ Скерневицахъ (между тѣмъ эта вздыхавшая старуха имѣла своихъ 2 тыс. душъ крестьянъ, да ея Иванъ Федоровичъ былъ владѣльцемъ богатаго Гомельскаго имѣнія съ 22 тыс. душъ и пожалованнаго ему въ царствѣ Ивангородскаго имѣнія). Но какъ бы то ни было, а ни у кого и въ помышленіи не было о родѣ готовившагося Царскаго дара.

Наконецъ 3 Октября, рано утромъ, Государь Императоръ прибылъ въ Варшаву; на другой день лично представилъ на Макатовскомъ полѣ Великой Княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ гусарскій имени Ея полкъ; потомъ съ нею и Августѣйшею своею супругою и зятемъ своимъ наслѣднымъ Виртембергскимъ Принцемъ посѣтилъ православный соборъ, гдѣ были собраны военные и гражданскіе чины въ парадной формѣ, а вечеромъ разослано слѣдующее Высочайшее приказаніе:

„Завтрашняго числа совершится 50-лѣтняя служба Его Свѣтлости, „Главнокомандующаго Арміею, и потому Его Императорское Величество „повелѣлъ въ $10^1/_2$ часовъ утра выстроиться на площади при Уяз„довскомъ госпиталѣ егерскому Генералъ-Фельдмаршала Князя Вар„шавскаго полку и собраться туда же всѣмъ Генераламъ, Штабъ и „Оберъ-Офицерамъ въ парадной формѣ".

Гражданскимъ же и духовнымъ лицамъ всѣхъ управленій въ Варшавѣ повелѣно собраться къ домику, временно занимавшемуся фельдмаршаломъ.

5 Октября—день былъ холодный, съ рѣзкимъ вѣтромъ; съ утра все тянулось черезъ городъ, старъ и младъ, мужскій и женскій полъ, пѣшкомъ, верхомъ и въ экипажахъ, на Уяздовскую площадь и къ домику юбиляра; прибылъ и полкъ, выстроившись на площади въ линію въ баталіонныя колонны, съ батареею на лѣвомъ флангѣ. Помѣщеніе фельдмаршала отъ площади отстояло шагахъ въ 200 и раздѣляла ихъ только одна дорога; на площади же вытянулись въ двѣ линіи: въ 1-й генералы, а во 2-й штабъ и оберъ-офицеры. Ожидали Царя. Еще до прибытія Его принесли юбиляру поздравленія:

1) Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи; 2) Виртембергскій Наслѣдный Принцъ; 3) Принцъ Шлезвигъ-Голстейнъ-Глюгебергъ, поднесшій отъ имени Датскаго Короля Орденъ Слона; 4) Принцъ Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій, бывшій супругъ почившей Великой Княгини Александры Николаевны; 5) Принцъ Евгеній Виртембергскій, русскій генералъ, двоюродный братъ Императора; 6) Принцъ Карлъ Прусскій съ предсѣдателемъ Министерскаго Совѣта графомъ Бранденбургомъ и депутатами 1 пѣхотнаго полка, коего юбиляръ назначенъ шефомъ; при этомъ былъ поднесенъ ему дипломъ на Прусское фельдмаршальство и мундиръ упомянутаго полка; 7) Англійскій консулъ съ поздравительнымъ письмомъ отъ Герцога Веллингтона и 8) но прежде всѣхъ забрался къ его свѣтлости фаворитъ его Викинскій, который, возвратившись отъ него къ генераламъ, стоявшимъ въ линіи на площади, отъ избытка чувствъ крестился, возводилъ очи къ небу и убѣждалъ *молиться и просить Бога* о продолженіи лѣтъ и жизни и управленію арміей и Царствомъ Польскимъ для счастія и благоденствія его подчиненныхъ и края, перечисляя при томъ его всякія добродѣтели, умъ, сердце, душу и проч. и проч. Эта сцена была комична, но никто не посмѣлъ даже и улыбнуться. Хорошо было Викинскому приходить въ пафосъ отъ своего кумира, будучи имъ ущедренъ благами сего міра!

Пріѣхалъ и Царь въ парадной формѣ, прошелъ вдоль всего фронта, поставилъ предъ 1 баталіономъ полковника Паскевича, сына фельдмаршала, *съ ящикомъ въ рукахъ*, а по сторонамъ въ ассистенты обоихъ юныхъ Великихъ Князей и потомъ, пригласивъ слѣдовать за собою корпусныхъ начальниковъ: Сиверса, Панютина, Офенберга и Остенъ-Сакена, отправился въ домикъ къ юбиляру и поздравилъ его отъ себя и отъ имени арміи съ совершеніемъ 50-лѣтней его службы. Возвратившись оттуда, Императоръ принялъ команду надъ полкомъ и, дождавшись прибытія фельдмаршала, обнажилъ шпагу, скомандовалъ на караулъ и вмѣсто строевой записки вручилъ ему рескриптъ о пожалованіи жезла, украшеннаго драгоцѣнными каменьями, и притомъ передалъ ему самый жезлъ. Престарѣлый воевода палъ наземь, обнялъ и цѣловалъ царскія колѣни; Императоръ поднялъ его, облобызалъ и съ опущенною долу шпагою повелъ его по линіямъ сперва генеральской, а потомъ — выстроеннаго полка: при этомъ обходѣ барабаны били полный походъ, музыканты играли „Боже храни Царя“, а орудія, какъ стоявшія на площади, такъ и въ Александровской цитадели, стрѣляли каждое по 51 выстрѣлу. Затѣмъ полкъ прошелъ два раза мимо юбиляра церемоніальнымъ маршемъ, имѣя въ оба раза впереди Императора, салютовавшаго шпагою и оба раза не допустившаго Паскевича до цѣлованія своей державной руки.

Нѣсколько прежде, когда Царь занимался свертываніемъ колоннъ для

„были военному суду по Полевому Уголовному Уложенію, съ поруче-„ніемъ постановить объ нихъ приговоръ той же военно-судной Комиссіи, „которая учреждена была подъ предсѣдательствомъ Г. М. Докудов-„скаго надъ лицами простого званія, къ этому же дѣлу прикоснo-„венными.

„Давая знать о семъ Аудиторіату, предписываю объявить Г. М. „Докудовскому, чтобы онъ немедленно отправился въ Вильно для „исполненія обязанности".

Князь Горчаковъ.

Снабженный отъ Горчакова къ Бибикову письмомъ, въ коемъ князь убѣдительно просилъ, по случаю болѣзни моей жены, не задерживать меня въ Вильнѣ и не давать никакихъ другихъ порученій, я съ истинно растерзанною душою, препоручивъ сохраненіе моего семейства, особенно тяжко больной моей жены, Господу Богу, 10 Апрѣля выѣхалъ изъ Варшавы и прибылъ въ Вильно 13 Апрѣля. На другой день представился къ Муравьеву (Карскому) и Бибикову и сдѣлалъ визиты высокопреосвященному Іосифу и другимъ немногимъ лицамъ. Я съ горячностію принялся за дѣло; слѣдствіе произведено было удовлетворительно; судъ открылъ 15 Апрѣля и кончилъ 9 Мая. Сущность дѣла заключалась въ безумномъ заговорѣ въ Вильнѣ и Минскѣ произвести рѣзню квартировавшихъ тамъ русскихъ солдатъ и ниспровергнуть правительство. Дѣйствія заговорщиковъ были безсмысленны, жалки, разъединенны и вполнѣ неисполнимы; да и можно ли было ожидать чего либо серьезнаго, разумнаго отъ безбородыхъ преподавателей частныхъ уроковъ, гимназистовъ и канцеляристовъ. Замѣчательно открытіе заговора: къ одному изъ заговорщиковъ, сапожному подмастерью Маевскому, о коемъ и его соучастникахъ я кончилъ судъ, какъ выше сказано, еще 11 Февраля, собиралась челядь и толковала о способахъ нападенія на русскихъ и о произведеніи возмущенія подъ предводительствомъ личностей теперь судимыхъ; къ этой челяди присоединился нашъ русской крови бѣглый солдатъ, два года проживавшій въ Вильнѣ безъ всякаго вида и имѣвшій въ парочной ротѣ родственника солдата; бродяга тоже явился на сборище къ Маевскому и о всемъ, что тамъ болтали и толковали, разсказалъ своему родственнику; этотъ доложилъ ротному командиру, а послѣдній коменданту — и пошло арестованіе и открытіе заговора. Солдатъ же, доложившій о слышанномъ имъ отъ бѣглеца, Всемилостивѣйше награжденъ 60 рублями.

Тяжкому наказанію подверглись виновные по этому суду: изъ 21 преступника 15 по конфирмаціи фельдмаршала сосланы въ Сибирь на каторжныя работы.

Въ продолженіи мѣсячнаго моего пребыванія въ Вильнѣ я разъ былъ у Владыки на званомъ обѣдѣ и видѣлъ весьма подкуликавшаго

отъ тонкихъ винъ Муравьева, и нѣсколько разъ трапезовалъ у Генералъ-губернатора. Нельзя не похвалиться вниманіемъ ко мнѣ Бибикова и его откровенностію; не рѣдко спрашивалъ моего мнѣнія о своихъ распоряженіяхъ и вызывалъ мои объ нихъ сужденія, не гнѣваясь за противорѣчія.—Однажды, когда обѣдалъ я у него глазъ на глазъ, онъ разсказалъ о своемъ назначеніи: сначала Императоръ приказалъ дежурному генералу лично спросить Бибикова,—не хочетъ ли онъ получить мѣсто, не объявивъ, какое именно. Потомъ, спустя довольно продолжительное время, Царь потребовалъ къ себѣ Бибикова и объявилъ, что онъ назначается Литовскимъ—Генералъ-губернаторомъ; Бибиковъ сталъ отнѣкиваться, ссылаясь на свою неопытность въ дѣлахъ и могущія произойдти отъ того ошибки; на это Императоръ возразилъ: „я вотъ уже 25 лѣтъ царствую и едва ли не каждый день дѣлаю ошибки, однако же я не изъ худыхъ правителей“. И затѣмъ послѣдовало назначеніе.—Если разсказъ Бибикова справедливъ,—въ чемъ можно нѣсколько и сумнѣваться, зная привычку его маленько прихвостнуть,—то отвѣтственность—то за ошибки не равна, что и испыталъ на себѣ почтенный Генералъ-губернаторъ.—Еще онъ мнѣ говорилъ, что при отъѣздѣ изъ Питера, раскланиваясь съ Государыней Императрицею и Великою Княгинею Еленою Павловною, эти Августѣйшія Особы поручили его покровительству *поляковъ*.

. . . . . .

. . . . . .

Представивши военно-судное дѣло, я, раскланявшись, съ кѣмъ подобало, 11 Мая оставилъ противную мнѣ Вильну, прибылъ 14 числа въ Варшаву, заставъ жену мою внѣ опасности и нѣсколько поправившеюся и по прежнему вступилъ въ аудиторіатъ въ исправленіе настоящей моей должности члена; въ Іюнѣ же мѣсяцѣ 29 числа о исполненіи возложенныхъ на меня порученій состоялся по дѣйствующей арміи слѣдующій приказъ № 161:

„Членъ Полеваго Аудиторіата, Арміи Генералъ-Маіоръ Докудовскій, „бывъ назначенъ по Высочайшему повелѣнію предсѣдателемъ трехъ „военно-судныхъ Комиссій въ г. Вильно, по весьма важнымъ дѣламъ, „окончилъ эти дѣла съ успѣхомъ и совершенно удовлетворительно“.

„Вслѣдствіе донесенія объ этомъ Виленскаго военнаго, Гродненскаго, „Минскаго и Ковенскаго Генералъ-губернатора, объявляю Генералъ-„маіору Докудовскому за таковое усердіе его къ службѣ мою благо-„дарность“. Подлинное подписалъ Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Варшавскій.

И только! Правда, я получилъ орденъ Св. Станислава I ст., но эта награда мнѣ была дана еще въ февралѣ за прежнюю отлично-

безпорядочностію и безтолковостію и наплывомъ неприглашенныхъ разнаго званія личностей, такъ что фельдмаршалъ депутаціи, на другой день къ нему явившейся для принесенія благодарности, назвалъ этотъ балъ *свинскимъ*.

13 Октября прибылъ въ Варшаву Францъ Іосифъ, бывъ встрѣченъ съ подобающею честію на банкофѣ Императоромъ и отвезенъ имъ въ Бельведерскій дворецъ.—Потомъ Его Апостолическое Величество посѣтилъ юбиляра, поздравилъ его австрійскимъ фельдмаршаломъ и шефомъ того венгерскаго полка, который носилъ имя покойнаго Великаго Князя Михаила Павловича.

Въ тотъ же день и *другой* по счету данъ былъ балъ съ ужиномъ въ ратушѣ отъ города; и на этомъ балѣ не присутствовали Царь съ Царицею, равно и австрійскій Кайзеръ; не была также и В. К. Ольга Николаевна попричинѣ простуды. Этотъ балъ разнствовалъ отъ дворянскаго и *порядкомъ* и *числомъ* приглашенныхъ по билетамъ и *разнообразіемъ* сословнымъ: здѣсь находились и евреи съ пейсами и русскіе купцы съ бородами въ длинно полыхъ кафтанахъ, названные одною полькою *русскими мужиками*. На этомъ балѣ фельдмаршалъ расшѣтушился и сдѣлалъ замѣчаніе президентшѣ города г-жѣ Андро, обвиняя ея мужа за безпорядокъ, происходившій между экипажами; но бойкая дама отважно отвѣчала, что установленіе порядка въ экипажахъ зависитъ собственно отъ полиціи и жандармовъ, а не отъ ея мужа.

На другой день этого бала Царица для католическаго Величества устроила у себя избранный вечеръ, на который были приглашены всѣ знаменитости. Начались танцы варшавскою балетною труппою, а по удаленіи ея продолжали высокопоставленныя особы, подъ звуки оркестра знаменитаго Штрауса, нарочито выписаннаго изъ Вѣны. Самъ юный Габсбургъ изволилъ плясать и даже мазурку съ фрейлиною Понютинъ. Царь, зная антипатію фельдмаршальши къ театральнымъ жрицамъ, и разхваливъ стройность, граціозность и одѣяніе танцовавшихъ терпсихоръ, спросилъ: *кто ими занимается?* Ревнивая супруга безъ обиняковъ отвѣчала: *мой мужъ, Ваше Величество и Абрамовичъ* (директоръ театровъ). Когда же оберъ-гофмаршалъ гр. Шуваловъ объявилъ ей, что Императоръ приказалъ раздать подарки этимъ *дѣвицамъ*, „*скажите дѣвкамъ*“, отвѣчала старуха. На вечерѣ не были: предсѣдатель австрійскаго министерства князь *Шварценбергъ*,—прусскій графъ *Бранденбургъ* и нашъ канцлеръ графъ *Нессельроде*. Говорили, что эти нѣмцы имѣли какія то совѣщанія,—ужъ конечно не къ благу Россіи.

Наступила очередь и для юбиляра отплатить публикѣ баломъ; давно дѣлались къ нему приготовленія; между тѣмъ Кайзеръ съ своими австріаками отправился восвояси и Царь спѣшилъ зачѣмъ-то въ Питеръ. И вдругъ распространился слухъ, что бала не будетъ, потому-де,

что для свѣтлѣйшаго намѣстника крайне конфузна небытность Царя на балѣ, означавшая къ нему неблаговоленіе, но вслѣдъ за симъ стали говорить, что Императоръ, не взирая на свой отъѣздъ, приказалъ Паскевичу дать балъ и таковой волею неволею состоялся на другой день оставленія Его Величествомъ Варшавы, т. е. 18 октября. На немъ присутствовали Великіе Князья, Великая Княгиня, Принцы и другія особы обоего пола, до 500 д. Этотъ балъ не соотвѣтствовалъ ни званію юбиляра, ни удостоившихъ посѣщенія Высокорожденныхъ лицъ; вовсемъ была замѣчательная скупость: конфекты и мороженое разносились на малыхъ подносахъ съ продолжительными промежутками, замороженный пуншъ былъ почти безъ сахару и рому и большею частію возвращался едва початымъ; ужинъ долженъ бы быть болѣе изящнымъ и безупречнымъ въ припасахъ, между тѣмъ на нижнихъ столахъ рыба подавалась въ полторы четверти, съ душкомъ и пересоленая, а вино было простенькое, столовое, шампанское же приторно сладкое и теплое и всего по одному бокалу. Многимъ недостало мѣстъ, даже генераламъ, тогда какъ адъютанты его свѣтлости и челядь его намѣстнической канцеляріи преспокойно возсѣла за трапезою.

Великая Княгиня послѣ первыхъ трехъ танцевъ оставила балъ; замѣчательно, что при путешествіи въ польскомъ всѣ дамы, мимо коихъ она проходила, вставали съ своихъ мѣстъ.— Я присматривался къ Ея Высочеству и нашелъ ее блѣдною, съ ввалившимися щеками и вообще съ страдающимъ лицомъ. Носились слухи, что она не совсѣмъ счастлива въ своемъ супружествѣ.

Сверхъ всѣхъ этихъ празднествъ, въ юбилейный день поднесены были и потомъ напечатаны стихи подъ фирмою „Чувства русскаго воина“. Авторъ ихъ Брестскій комендантъ генералъ-лейт. Бартоломей, изобразилъ всѣ подвиги и побѣды воспѣтаго имъ героя съ 1812 г.; вирши прозаичны, кочковаты, но весьма пригодны для самолюбія Паскевича. Далеко полезнѣе явилъ къ нему вниманіе варшавскій кагалъ, какъ представитель здѣшней еврейской общины, пожелавшій внести въ банкъ 3756 руб. сер., съ тѣмъ, чтобы годовой процентъ отъ капитала былъ выдаваемъ ежегодно 5 октября въ приданое одной изъ бѣдныхъ дѣвицъ, преимущественно дочерей воинскихъ чиновъ. Фельдмаршалъ согласился на это предложеніе и объявилъ благодарность.

Послѣ фельдмаршальскаго бала пріѣзжіе заморскіе гости стали разъѣзжаться; въ Варшавѣ оставалась одна только немощная Царица съ своею сестрою, и мы вовсе не знали о времени ея отъѣзда; наконецъ, разослано было объявленіе генераламъ, чтобы они, по случаю присутствія Государыни у обѣдни 29 октября, прибыли въ придворную церковь *въ 8 часовъ утра въ парадной формѣ*. Ранній часъ и

былъ принятъ весьма холодно и между прочимъ въ видѣ упрека онъ сказалъ ему: „*видно, теперь Иванъ Федоровичъ ненуженъ*“.

29 Августа пріѣхалъ въ Варшаву Литовскій Генералъ-губернаторъ Бибиковъ и пробылъ здѣсь нѣсколько дней; я посѣщалъ его и всегда былъ принимаемъ дружелюбно; разъ онъ далъ мнѣ прочитать проэктъ своего мнѣнія о подсудимомъ виленскомъ помѣщикѣ графѣ Ярославѣ Тышкевичѣ, который судился за принадлежность въ 1830—1831 г. къ мятежу, за дѣйствія съ оружіемъ противу русскихъ и за предводительствованіе имъ въ 1848 г. въ Галиціи демократами и коего военный судъ законно приговорилъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ; но Бибиковъ полагалъ вмѣсто отправленія въ Сибирь выслать Тышкевича за границу потому де, *что эта безпокойная личность можетъ передать свои демократическія воззрѣнія каторжникамъ* и содѣлается вреднымъ правительству.—Забавная и глубокомысленная причина! Я на требованіе его съ осторожностію для его самолюбія вошелъ въ нѣкоторыя сужденія и высказалъ мое мнѣніе, съ которымъ онъ благоволилъ согласиться и исправилъ свой проэктъ. По словамъ Бибикова, и ему Паскевичъ съ крайнимъ негодованіемъ говорилъ объ открытіи границы, ругнувъ при этомъ случаѣ Министра Финансовъ.

15 Сентября прибыла въ Варшаву Государыня Императрица и остановилась въ Лазенковскомъ дворцѣ.

17 Сентября Императрица слушала обѣдню въ придворной церкви, куда приглашены были одни только военные генералы. Она была одѣта въ бѣлое платье, на головѣ чепчикъ съ лиловыми лентами и такого же цвѣта на плечахъ шарфъ, который она безпрерывно поправляла и передергивала; по слабости здоровья часто опускалась въ кресло.—Послѣ обѣдни все генеральство было приглашено вечеромъ въ придворный театръ.

20 Сентября Императрица въ часъ пополудни изволила быть въ соборѣ; одѣта была въ шелковомъ капотѣ на ватѣ, на плечахъ черная шаль и на головѣ бѣлая шляпка съ голубыми лентами и страусовымъ такого же цвѣта перомъ. Вечеромъ представленіе въ придворномъ театрѣ.—Фельдмаршалъ, чтобы ближе быть къ Государынѣ, изъ королевскаго замка переѣхалъ въ дворцовый домикъ *Раздрожье*.

21 Сентября въ 8 час. пополудни всѣ генералы и генеральскіе чины первыхъ 4 классовъ, равно и ихъ супруги, имѣли счастіе представляться Императрицѣ и лобызать Ея руку. Она сидѣла въ креслахъ въ голубомъ платьѣ съ бриллiантовою діадемою на головѣ. Каждую и каждаго удостоила нѣсколькими словами, такъ, наприм. меня спросила: „*вы давно здѣсь*“? Я понялъ не въ дворцѣ, а въ Варшавѣ и деликатно отвѣчалъ: „*20 лѣтъ, Ваше Величество*“. При Императрицѣ

стояла родная Ея сестра, Принцесса, кажется, Нидерландская. Замѣтно у Государыни трясеніе головы, произшедшее отъ 14 Декабря.

24 Сентября. Обѣдня въ той же придворной церкви, на коей присутствовали Императрица, Ея сестра и военные генералы. Вечеромъ представленіе въ придворномъ театрѣ.

Ея Величество о фельдмаршалѣ изволила отозваться, что *онъ Ея второй докторъ*, не подозрѣвая, сколько этотъ эскулапъ тяготится вынужденнымъ ухаживаніемъ за своею Августѣйшею паціенткой, часто являясь къ столу, на вечера и придумывая для нея развлеченія.

Императрица, будучи очарована любезностію и занимательностію Паскевича, сказала о томъ г-жѣ Андро. Эта бойкая, извѣстная Государынѣ, дама (урожденная Оленина), съ пренизкимъ книксеномъ отвѣчала: „это оттого Ваше Величество, что фельдмаршальши нѣтъ въ Варшавѣ“. Императрица разсмѣялась.

27 Сентября. Поѣздка Государыни въ Бѣляны, въ монастырь Камедуловъ.

28 Сентября. Поѣздка Ея же въ Вилановъ для осмотра дворца графа Потоцкаго.

Въ этомъ же Сентябрѣ мѣсяцѣ случилась кровавая исторія: 10 человѣкъ кавказскихъ горцевъ, принадлежавшихъ конвойной фельдмаршала сотнѣ, будучи за что то недовольны своимъ командиромъ княземъ Бебутовымъ, разругавъ его въ лицо, а Паскевича заочно, въ полномъ вооруженіи и на коняхъ бѣжали въ Пруссію; тамъ хотѣли ихъ обезоружить, но они воспротивились; тогда между ними и прусскими солдатами произошла свалка и рѣзня; дикихъ горцевъ всѣхъ передушили, но и у пруссаковъ еще болѣе перебито: такъ отчаянно дрались эти дѣти Кавказскихъ горъ.

Октябрь мѣсяцъ ознаменовался торжественнымъ празднованіемъ 50 лѣтняго юбилея въ службѣ и офицерскихъ чинахъ фельдмаршала Паскевича.

Еще съ начала года присные его стали трубить о долженствовавшемъ ему совершиться чрезъ 9 мѣсяцевъ юбилеѣ 50-лѣтней службы.

Угодникъ его свѣтлости, графъ Ридигеръ, пользовавшійся всякимъ случаемъ подслужиться, въ августѣ написалъ графу Орлову *о небываломъ желаніи арміи*, въ память юбилейнаго дня 5 Октября фельдмаршала, собрать по подпискѣ сумму для воздвигнутія памятника знаменитому полководцу или для учрежденія больницы увѣчнымъ и престарѣлымъ воинамъ въ родѣ Чесменской. Орловъ отвѣчалъ, что Его

Величество похваляетъ чувства арміи къ своему вождю, но предоставляетъ самому себѣ явить ему 5 Октября новый опытъ своего *благоволенія*. Между военными много явилось толковъ и предположеній о свойствѣ этого благоволенія; большая же часть была убѣждена, что онъ будетъ возведенъ въ санъ генералиссимуса, подобно Меньшикову и Суворову; чего самъ желалъ грядущій юбиляръ, того мы не знали; но нескромно простодушная его супруга въ своемъ интимномъ кружкѣ откровенно объявила, что хорошо было бы, если бы Государь наградилъ ея Ивана Федоровича Ловичскимъ имѣніемъ, подареннымъ когда то, еще при Наполеонѣ I-мъ, герцогомъ Варшавскимъ (Саксонскимъ королемъ) маршалу Даву въ видѣ маіората, или поменьшей мѣрѣ частію его съ Императорскимъ дворцомъ и паркомъ въ Скерневицахъ (между тѣмъ эта вздыхавшая старуха имѣла своихъ 2 тыс. душъ крестьянъ, да ея Иванъ Федоровичъ былъ владѣльцемъ богатаго Гомельскаго имѣнія съ 22 тыс. душъ и пожалованнаго ему въ царствѣ Ивангородскаго имѣнія). Но какъ бы то ни было, а ни у кого и въ помышленіи не было о родѣ готовившагося Царскаго дара.

Наконецъ 3 Октября, рано утромъ, Государь Императоръ прибылъ въ Варшаву; на другой день лично представилъ на Макатовскомъ полѣ Великой Княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ гусарскій имени Ея полкъ; потомъ съ нею и Августѣйшею своею супругою и зятемъ своимъ наслѣднымъ Виртембергскимъ Принцемъ посѣтилъ православный соборъ, гдѣ были собраны военные и гражданскіе чины въ парадной формѣ, а вечеромъ разослано слѣдующее Высочайшее приказаніе:

„Завтрашняго числа совершится 50-лѣтняя служба Его Свѣтлости, „Главнокомандующаго Арміею, и потому Его Императорское Величество „повелѣлъ въ $10^1/_2$ часовъ утра выстроиться на площади при Уяз„довскомъ госпиталѣ егерскому Генералъ-Фельдмаршала Князя Вар„шавскаго полку и собраться туда же всѣмъ Генераламъ, Штабъ и „Оберъ-Офицерамъ въ парадной формѣ".

Гражданскимъ же и духовнымъ лицамъ всѣхъ управленій въ Варшавѣ повелѣно собраться къ домику, временно занимавшемуся фельдмаршаломъ.

5 Октября—день былъ холодный, съ рѣзкимъ вѣтромъ; съ утра все тянулось черезъ городъ, старъ и младъ, мужскій и женскій полъ, пѣшкомъ, верхомъ и въ экипажахъ, на Уяздовскую площадь и къ домику юбиляра; прибылъ и полкъ, выстроившись на площади въ линію въ баталіонныя колонны, съ батареею на лѣвомъ флангѣ. Помѣщеніе фельдмаршала отъ площади отстояло шагахъ въ 200 и раздѣляла ихъ только одна дорога; на площади же вытянулись въ двѣ линіи: въ 1-й генералы, а во 2-й штабъ и оберъ-офицеры. Ожидали Царя. Еще до прибытія Его принесли юбиляру поздравленія:

1) Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи; 2) Виртембергскій Наслѣдный Принцъ; 3) Принцъ Шлезвигъ-Голстейнъ-Глюксбергъ, поднесшій отъ имени Датскаго Короля Орденъ Слона; 4) Принцъ Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій, бывшій супругъ почившей Великой Княгини Александры Николаевны; 5) Принцъ Евгеній Виртембергскій, русскій генералъ, двоюродный братъ Императора; 6) Принцъ Карлъ Прусскій съ предсѣдателемъ Министерскаго Совѣта графомъ Бранденбургомъ и депутатами 1 пѣхотнаго полка, коего юбиляръ назначенъ шефомъ; при этомъ былъ поднесенъ ему дипломъ на Прусское фельдмаршальство и мундиръ упомянутаго полка; 7) Англійскій консулъ съ поздравительнымъ письмомъ отъ Герцога Веллингтона и 8) но прежде всѣхъ забрался къ его свѣтлости фаворитъ его Викинскій, который, возвратившись отъ него къ генераламъ, стоявшимъ въ линіи на площади, отъ избытка чувствъ крестился, возводилъ очи къ небу и убѣждалъ *молиться и просить Бога* о продолженіи лѣтъ и жизни и управленію арміей и Царствомъ Польскимъ для счастія и благоденствія его подчиненныхъ и края, перечисляя при томъ его всякія добродѣтели, умъ, сердце, душу и проч. и проч. Эта сцена была комична, но никто не посмѣлъ даже и улыбнуться. Хорошо было Викинскому приходить въ пафосъ отъ своего кумира, будучи имъ ущедренъ благами сего міра!

Пріѣхалъ и Царь въ парадной формѣ, прошелъ вдоль всего фронта, поставилъ предъ 1 баталіономъ полковника Паскевича, сына фельдмаршала, *съ ящикомъ въ рукахъ*, а по сторонамъ въ ассистенты обоихъ юныхъ Великихъ Князей и потомъ, пригласивъ слѣдовать за собою корпусныхъ начальниковъ: Сиверса, Панютина, Офенберга и Остенъ-Сакена, отправился въ домикъ къ юбиляру и поздравилъ его отъ себя и отъ имени арміи съ совершеніемъ 50-лѣтней его службы. Возвратившись оттуда, Императоръ принялъ команду надъ полкомъ и, дождавшись прибытія фельдмаршала, обнажилъ шпагу, скомандовалъ на караулъ и вмѣсто строевой записки вручилъ ему рескриптъ о пожалованіи жезла, украшеннаго драгоцѣнными каменьями, и притомъ передалъ ему самый жезлъ. Престарѣлый воевода палъ наземь, обнялъ и цѣловалъ царскія колѣни; Императоръ поднялъ его, облобызалъ и съ опущенною долу шпагою повелъ его по линіямъ сперва генеральской, а потомъ — выстроеннаго полка: при этомъ обходѣ барабаны били полный походъ, музыканты играли „Боже храни Царя“, а орудія, какъ стоявшія на площади, такъ и въ Александровской цитадели, стрѣляли каждое по 51 выстрѣлу. Затѣмъ полкъ прошелъ два раза мимо юбиляра церемоніальнымъ маршемъ, имѣя въ оба раза впереди Императора, салютовавшаго шпагою и оба раза не допустившаго Паскевича до цѣлованія своей державной руки.

Нѣсколько прежде, когда Царь занимался свертываніемъ колоннъ для

церемоніальнаго марша, а фельдмаршалъ оставался одинъ, ожидая окончанія этого построенія; къ нему подошелъ его сынъ, котораго онъ обнялъ и оба довольно долго разсматривали и переворачивали пожалованный жезлъ.

Оставалось совершить послѣдній немудреный артикулъ, чтобы сказать: слава Богу! церемонія кончилась благополучно, безъ шуму и брани! Однако же сего не случилось. По окончаніи церемоніальнаго марша Императоръ приказалъ вызвать знамена для относа ихъ въ домикъ къ фельдмаршалу, какъ шефу полка. Полковое начальство не съумѣло сего сдѣлать, хотя для такого случая и существовало правило. Царь разгнѣвался и принялся муштровать; наконецъ вызваны знамена по уставу, понесены въ домикъ, а за ними послѣдовалъ и самъ суровый Владыка съ съёжившимся юбиляромъ и, пробывъ у него нѣсколько минутъ, изволилъ отбыть въ Лазенковскій дворецъ. А за незнаніе въ полку правилъ о вызовѣ и относѣ знаменъ приказалъ полкового и одного баталіоннаго командировъ выдержать сутки на гауптвахтѣ, дивизіоннаго же начальника генер.-лейт. Клуге-фонъ-Клугенау и бригаднаго генер.-м. Корякина не приглашать къ царскому обѣденному столу, который въ тотъ день Его Величество давалъ въ честь юбиляра.

За отбытіемъ Царя, приносили поздравленія фельдмаршалу высшее духовенство всѣхъ исповѣданій и высшіе чины всѣхъ управленій гражданскаго вѣдомства, равно и многія дамы въ предшествіи супруги свѣтлѣйшаго, и въ заключеніе посѣтила его и сама Императрица съ Великою Княгинею Ольгою Николаевной.

Къ $3^1/_2$ часамъ пополудни къ царскому столу собрались всѣ генералы, полковые и артиллерійскихъ бригадъ командиры въ парадной формѣ. Этотъ обѣдъ былъ чисто военный; кромѣ канц. гр. Нессельроде и нѣкоторыхъ придворныхъ, изъ гражданскихъ никого не было; столы были накрыты въ 3-хъ комнатахъ. Фельдмаршальша опоздала и явилась за вторымъ блюдомъ. Одинъ только былъ тостъ, провозглашенный Императоромъ въ честь юбиляра. Послѣ обѣда всѣ вышли въ въ комнату, называемую Соломоновою по висѣвшей огромной картинѣ „Судъ Соломона“.—Августѣйшая чета удостоила нѣкоторыхъ извѣстныхъ генераловъ разговорами, такъ, наприм., Государь сказалъ Сиверсу, корпусъ коего былъ расположенъ по границѣ съ Пруссіею: „Я поставилъ тебя въ авангардѣ; хотя за границею довольно спокойно, однако-же“.....—и не докончилъ. Мы не переставали стремиться проливать русскую кровь за чуждые намъ интересы, а чрезъ $2^1/_2$ года у насъ не было ни одного союзника! Спустя полчаса, Царь, поклонившись и пожавъ руку Паскевича, съ Царицею и дѣтьми удалились во внутренніе покои, а за ними и всѣ прочіе ринулись по домамъ.

Мартъ. Разъ при докладѣ одного военно-суднаго дѣла и опредѣленнаго виновному наказанія, фельдмаршалъ, будучи въ веселомъ расположеніи, пустился сравнивать законодательство наше съ французскимъ и при этомъ случаѣ съ особенною похвалою отозвался объ учрежденіи института присяжныхъ.

Апрѣль. Давно ли крѣпостные слуги Викинскаго покушались убить его, теперь же то же крѣпостные, на другой день Пасхи, украли у него деньги и вещи и бѣжали, оставивъ ему письмо, въ коемъ негодяи благодарятъ за всѣ его милости и отеческое объ нихъ попеченіе. Фельдмаршалъ много смѣялся надъ этимъ письмомъ и самою покражею, но у Викинскаго едва не сдѣлался ударъ и должны были пустить ему кровь.

Получено офиціальное свѣдѣніе о прибытіи Императора съ супругою 1 Мая въ Варшаву. Военщина и самый городъ, въ виду грядущей грозы, встрепенулись и быстрѣе стали двигаться и суетиться; особенно впалъ въ лихорадочное состояніе князь Горчаковъ, какъ по званію начальника главнаго штаба арміи, такъ и по должности Варшавскаго генералъ-губернатора. Къ почетнымъ дамамъ (въ томъ числѣ и моей женѣ) разосланы повѣстки, что при представленіи Императрицѣ онѣ должны быть *въ русскомъ платьѣ.*

Май. 1 числа въ 6 часовъ пополудни изволилъ прибыть въ Варшаву Императоръ въ открытой коляскѣ, а вслѣдъ за нимъ и Императрица въ каретѣ и остановились въ Лазенковскомъ дворцѣ.

2 числа. Ихъ Императорскія Величества предполагали быть въ соборѣ, куда къ $11^1/_2$ час. утра собрались въ парадной формѣ военные и гражданскіе чины,—также много было и дамъ, въ пухъ—и прахъ наряженныхъ; но получено извѣщеніе, что посѣщеніе собора отложено до завтра, потому что Императрица не совсѣмъ здорова, а день былъ холодный, вѣтряный и дождливый; и такъ всѣ разъѣхались и разошлись изъ собора по домамъ.

Въ этотъ же день разразилась справедливая, животворная гроза не съ неба, а съ устъ Царя. Императоръ нежданно негаданно,—что впрочемъ всегда слѣдуетъ дѣлать,—посѣтилъ уяздовскій военный гошпиталь и нашелъ многіе безпорядки, особенно разгнѣвался за худовыпеченный и горькій хлѣбъ, который и отвезъ фельдмаршалу, приказавъ: Варшавскому комендату Тутчеку, дежурному генералу Заболоцкому и главному доктору гошпиталя объявить выговоръ въ приказѣ по арміи; директора госпиталей генер.-маіора Канабиха, которому Его Величество, при осмотрѣ госпиталя, сказалъ, что онъ, будучи еще полковымъ командиромъ, *обиралъ полкъ*, арестовать на 8 сутокъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ, а смотрителя госпиталя маіора де-Ро-

предать военному суду, о чемъ фельдмаршаломъ и объявлено
иказѣ по арміи отъ 8 Мая. Князю же Горчакову Императоръ
ъ замѣчаніе лично. Вся эта исторія произвела панику, а глав-
о виновный, генералъ штабъ докторъ Четыркинъ, фаворитъ и
вный шептунъ и разказчикъ амурныхъ скандаловъ фельдмаршалу,
витель медиковъ и защитникъ злоупотребленій смотрителя и осо-
комиссара госпиталя, остался въ сторонѣ.

числа. Въ 2 часа пополудни Императоръ съ супругою посѣтили
, бывъ встрѣчены на паперти архіепископомъ Арсеніемъ съ
ьствомъ. Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ фаворитку, извѣстную
ину Нелидову, въ числѣ сопровождавшихъ Императрицу; говорили
ина; . . . . . .
ружности она „такъ себѣ“ и не первой молодости.

числа. Около 9 часовъ вечера прибылъ въ Варшаву родной
Императрицы, Король Прусскій, вмѣстѣ съ Императоромъ, вы-
шимъ къ нему на встрѣчу въ Скерневицы, гдѣ и изволили
гь. Король остановился въ Бельведерѣ.

числа. У обѣдни въ придворной Лазенковской церкви при-
ювали Императоръ, Императрица, Король Прусскій и одни только
лы въ парадной формѣ. Замѣчательно, что въ продолженіи бо-
женія діаконъ кадилъ и кланялся Королю Прусскому (лютеранину)
ково, какъ и православной Августѣйшей четѣ. Въ церковь изъ
нихъ покоевъ вошелъ король прусскій, ведя подъ руку Ца-
а за ними шествовалъ Царь. Послѣ обѣдни и ухода Августѣй-
особъ въ комнаты, мы ожидали призыва для представленія
о, какъ это предполагалось, но были приглашены для сего одни
полные генералы и генералъ-лейтенанты, а генералъ-маіоры не
ились этой чести. Король, мужчина немного ниже средняго
широкоплечій, плотный, похожій на покойнаго графа Толя;—
симпатичное, доброе.

числа. Войска, находившіяся въ Варшавѣ, были представлены
ъ Императоромъ Королю Прусскому, мимо котораго они проходили
ніальнымъ маршемъ, а конно-мусульманскій полкъ пронесся во
арьеръ съ гикомъ и крикомъ.

этомъ смотру присутствовала и Императрица съ какими-то двумя
анными принцессами. Поляки сдѣлали замѣчаніе, что *русской*
цѣ слѣдовало бы въ своемъ экипажѣ имѣть и русскую упряжъ
адей съ длинными хвостами, а не англійскую съ жокеями и
ыми конями.

а гайдука, подсаживая Царицу въ экипажъ, по неловкости ра-
ли кружевную мантилью; Ея Величество сильно разгнѣвалась.

9 числа. Привезенъ изъ за границы, скованный по ногамъ, извѣстный красный изъ красныхъ мятежникъ, проповѣдникъ цареубійства, взятый въ плѣнъ во время бунта въ Дрезденѣ, другъ Герцена, Бакунинъ. Императоръ удостоилъ его разговоромъ и потомъ онъ былъ отправленъ въ Петербургъ, судимъ, сосланъ на каторжную работу въ Сибирь и оттуда бѣжалъ, явившись вновь за границею для произведенія новыхъ мерзостей.

10 числа. Что бы блеснуть предъ королемъ завтра, нашимъ фронтовымъ образованіемъ и стройностію движеній 9 пѣхотной дивизіи въ полномъ ея составѣ, Императоръ предварительно произвелъ ей въ родѣ рекомендаціи 12 рядное ученіе не безъ шума и крика, а 11 числа показалъ эту дивизію въ цѣломъ комплектѣ и Королю, безъ сучка и задоринки.

12 числа. Императоръ изволилъ угостить августѣйшаго шурина своего ученіемъ одной кавалерійской дивизіи. Но здѣсь произошелъ такого рода казусъ. Наканунѣ Государь, отдавая лично приказаніе фельдмаршалу о выводѣ этой дивизіи съ ея артиллеріею на учебное мѣсто, приказалъ присоединить къ ней и не принадлежащую ей донскую конную батарею. Это приказаніе Паскевичемъ было передано для исполненія по обыкновенію князю Горчакову, но забыто о донской батареѣ. Пріѣхавъ Царь съ Королемъ къ дивизіи, видитъ, что этой батареи въ строю нѣтъ и всею силою гнѣва обратился на Горчакова; [illegible] бѣдный князь молча выдержалъ бурю, не произнесъ ни одного слова для своего оправданія; но фельдмаршалъ, [illegible] Царя и сдѣланнаго уже невинному Горчакову нагоняя, [illegible] что онъ виноватъ и позабылъ [illegible] приказаніе о выводѣ батареи. Государь смолчалъ, но и [illegible] Горчакову; и все это происходило при [illegible] то [illegible] Императора. Его Величество обнялъ [illegible]

[illegible] генераловъ [illegible] воскресенья [illegible] былъ списокъ [illegible] претендуя [illegible] заслуги [illegible]

[illegible] пунктами, [illegible] Августѣйшими [illegible] Императора въ [illegible]

ордена, для принесенія его королевскому величеству благодарности. Король былъ одинъ одинехонекъ въ комнатѣ и, какъ извѣстный словоохотливостію витія, въ сказанной имъ по французски рѣчи распространился въ похвалахъ о потушеніи въ 1849 году бунта въ Венгріи, карѣ постигшей мятежниковъ и пр. пр., но въ это время явился изъ свиты его какой то полковникъ и добрый Король смѣшался, не продолжалъ своего разглагольствованія и откланялся, вѣроятно изъ опасенія, чтобы полковникъ не выдалъ его.

На другой же день Государь Императоръ вмѣстѣ съ Королемъ изволилъ выѣхать чрезъ Ловичь въ Ольмуцъ для свиданія съ Австрійскимъ Цезаремъ, взявъ съ собою и Паскевича, равно офицера, унтеръ-офицера и рядового съ лошадьми уланскаго фельдмаршала Радецкаго полка, для представленія ихъ сему старцу въ Ольмуцѣ. Въ Ловичѣ показывалъ королю войска 2 пѣхотнаго корпуса; зять фельдмаршала, флигель-адъютанта князя Лобанова-Ростовскаго, за перевранное отданное ему приказаніе войскамъ, разъ изволилъ назвать *дуракомъ*, а въ другой разъ *розинею;* полкового командира Развадовскаго посадилъ на гауптвахту и за тѣмъ съ Королемъ выѣхалъ изъ Ловича, не совсѣмъ въ хорошемъ расположеніи духа.

Разсказывали послѣ, что Радецкій весьма былъ тронутъ вниманіемъ къ нему русскаго Царя; офицеру выпросилъ у своего кесаря орденокъ, а унтеръ-офицера и рядового обдарилъ золотыми часами.

17 числа. Приказано было всѣмъ генераламъ въ 8 часовъ утра быть у обѣдни въ придворной церкви. Возрадовались мы, полагая, что Императрица отправляется въ Питеръ,—не тутъ то было: послѣ обѣдни Ея Величество совершила церемоніальный намъ поклонъ, сѣла въ карету и поѣхала въ Пулавы повидаться съ Александринскимъ Институтомъ благородныхъ дѣвицъ. Истинное мученіе составляло для генераловъ приглашеніе въ придворную церковь. И для чего только военныхъ?

Царь возвратился изъ Ольмуца, а царица изъ Пулавъ и 21 числа, въ день тезоименинства Велик. Князя Константина Николаевича и Вел. Кн. Елены Павловны, Ихъ Величества и генералы находились при богослуженіи въ придворной церкви; послѣ обѣдни генералы, перейдя во дворецъ, имѣли счастіе представляться Императрицѣ и лобызать ея руку.

Послѣ 21 числа въ Варшаву прибыли новые высокіе гости: Велик. Князья Николай и Михаилъ Николаевичи и родной братъ Императрицы Принцъ Вильгельмъ, нынѣшній Императоръ Германскій и король Пруссіи.

27 числа. Въ праздникъ Св. Троицы по обыкновенію при собраніи

военныхъ генераловъ Ихъ Величество и Высочество присутствовали при богослуженіи въ придворной церкви; Императрица пожаловала послѣ уже херувимской.—Предъ началомъ молебна придворные служители на подносахъ присутствовавшимъ разнесли крохотные букетики цвѣтовъ. Я замѣтилъ, что при цѣлованіи креста великими князьями и руки священника,—и этотъ послѣдній лобызалъ ихъ руку.—Подобаетъ ли? Послѣ богослуженія и удаленія Императорской фамиліи во внутренніе покои, Принцъ Прусскій остался въ церкви, подходилъ къ каждому изъ знакомыхъ ему генераловъ, подавалъ руку и удостоивалъ разговорами. Онъ далеко выше ростомъ своего царственнаго брата и на лицахъ обоихъ выказывалось добродушіе, а въ обращеніи патріархальность. Въ этотъ день у Царя былъ парадный обѣдъ, а вечеромъ придворный театръ.

28 числа,—день сошествія Св. Духа. Всѣ войска варшавскаго гарнизона утромъ находились въ строю на Уяздовскомъ плацѣ, гдѣ сперва совершено было богослуженіе, а потомъ прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ. Императоръ попростился съ войсками, оставляя Варшаву. На этомъ парадѣ Его Величество изволилъ гнѣваться на то, что народъ или зрители лезли впередъ и во время богослуженія разъѣзжали по аллеѣ экипажи, и сказалъ варшавскому военному генералъ-губернатору князю Горчакову, что *у него худая въ городѣ полиція и что „въ Варшавѣ Я, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, долженъ быть уважаемъ“.*

Такъ какъ Государь, по московскому суевѣрію, понедѣльникъ считалъ днемъ худымъ, то выѣхалъ изъ Варшавы послѣ полуночи, т. е. 29 числа, а послѣ него оставили Варшаву Императрица и прочія высокія особы.

Іюнь. Здоровье моей жены по наружности пришло въ нормальное положеніе, она стала выходить, выѣзжать и бывать въ обществѣ; благодареніе Богу и ея крѣпкой натурѣ! опасность миновала; но корень болѣзни, *затверденіе печени*, не уничтоженъ и по совѣту доктора слѣдовало искать этого уничтоженія у Карлсбадскихъ источниковъ. Я самъ хотѣлъ сопровождать ее въ Карлсбадъ и получилъ уже отпускъ на 2 мѣсяца, но жена настаивала на томъ, что бы я остался дома при дѣтяхъ и я покорился; затѣмъ снабдилъ ее деньгами (25 червон. 100 полуимперіалами и 600 руб. сер. бумажками и письменнымъ наставленіемъ) и отслужилъ напутственный молебенъ; 6 Іюня она по желѣзной дорогѣ отправилась въ путь; я сопровождалъ ее до границы, гдѣ и простился, умоляя при усиленіи болѣзни тотчасъ писать ко мнѣ. Въ Карлсбадѣ жена пила минеральныя воды изъ источниковъ: Мильбрунъ и Шпрудель, брала горячія ванны и ни что не помогло,—какъ поѣхала, такъ и возвратилась въ Варшаву 26 Августа съ затвердѣ-

лостію печени. Въ ея отсутствіе часто посѣщала меня княгиня Горчакова за справками о женѣ и здоровьѣ моихъ дѣтей. За такое вниманіе и участіе вѣчная ей моя признательность.

Іюль. Пріѣхалъ въ Варшаву литовскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ; я часто у него бывалъ, по старому знакомству; разъ я просидѣлъ у него битыхъ два часа, слушая его болтовню, особенно о фельдмаршалѣ, котораго онъ назвалъ „хитрымъ штукаремъ". Между прочаго разсказалъ, что братъ Бибикова безрукій Дмитрій, знаменитый кіевскій генералъ-губернаторъ, при сужденіи о зависимости отъ министерства, когда замѣтилъ, что *теперь такое время, что можно легко слетѣть съ мѣста, неизвѣстно за что, по одному капризу министра*, то Паскевичъ съ нимъ согласился; но на возраженіе Бибикова, что съ фельдмаршаломъ сего не можетъ случиться, такъ какъ онъ находится *въ особомъ положеніи*,—его свѣтлость сослался на Павла и несправедливомъ его гнѣвѣ на Суворова и ссылкѣ этого полководца въ деревню и присовокупилъ, что *„и меня могутъ сослать въ Сибирь"*.—Этотъ многознаменательный разговоръ происходилъ, когда Бибиковъ (Кіевскій) былъ здѣсь въ 1850 году, проѣздомъ за границу, и откуда онъ уже не возвращался къ своему мѣсту.

Августъ. Ничего не случилось замѣчательнаго, кромѣ возвращенія моей жены отъ Карлсбадскихъ водъ, что для меня было радостнымъ событіемъ, и еще того, что въ одинъ изъ высокоторжественныхъ дней, когда въ соборѣ совершался молебенъ и при чтеніи архіепископомъ молитвы всѣ стали на колѣни, а французскій консулъ сего не сдѣлалъ, то присутствующій въ церкви Варшавскій военный генералъ-губернаторъ князь Горчаковъ вѣжливо попросилъ его исполнить этотъ обрядъ, и консулъ повиновался.

Сентябрь. Генералъ-лейтенантъ Липранди разсказывалъ мнѣ, что Государь Императоръ, осматривая его дивизію въ Луцкѣ и Брестъ-Литовскѣ, видѣлъ многихъ поляковъ съ бородами и гнѣвался за то; а за обѣдомъ у себя, обвиняя вообще всѣхъ ихъ въ неблагодарности, сказалъ, что *ихъ надобно строго держать*.

Княгиня Варшавская, увидя жену мою въ первый разъ по возвращеніи изъ Карлсбада, поздоровалась съ нею, долго всматривалась въ лицо и заплакала, вспомня о умершей своей старшей дочери Балашевой, которая была ровесница моей женѣ, подругою въ дѣтствѣ и которая называлась также, какъ и жена моя, Александрою. Балашовъ, сынъ бывшаго министра полиціи, состоялъ адъютантомъ у Паскевича, былъ чахоточный, привилъ эту болѣзнь женѣ своей, которая вышла за него противу своей воли и скончалась въ цвѣтущихъ лѣтахъ, упрекая свою мать.

Октябрь. Этотъ мѣсяцъ я считаю для насъ злосчастнымъ. 1 Ок-

тября я съ 14 лѣтнимъ старшимъ сыномъ Александромъ выѣхалъ въ Петербургъ, для опредѣленія его въ Михайловское артиллерійское училище, въ которое однако же не могъ попасть по несвоевременности и неимѣнію вакансіи и потому я отдалъ его предварительно въ пансіонъ къ состоящему при томъ училищѣ полковнику Дыхову, для приготовленія и помѣщенія его туда, а самъ въ послѣднихъ числахъ возвратился въ Варшаву. Жена моя, отпуская сына въ Петербургъ, дала ему шерстяной шарфъ на шею и когда я привезъ этотъ шарфъ назадъ, бѣдная мать, закрывъ имъ свое лицо, горько зарыдала отъ впечатлѣнія, когда бы этотъ шарфъ она получаетъ послѣ смерти своего дѣтища. Это было предчувствіе! Спустя $2^1/_2$ года нашъ дорогой сынъ уже не существовалъ! Такъ, видно, угодно было Богу наказать собственно меня за мои грѣхи и непредусмотрительность!

Я также привезъ княгинѣ Горчаковой неутѣшительныя вѣсти о ея сынѣ Николаѣ, служившемъ тогда въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ у Гильфердинга. Юноша ни чего не дѣлалъ, билъ баклуши и не ходилъ въ департаментъ подъ тѣмъ предлогомъ, что княжескому сыну не довлѣетъ сидѣть въ одной комнатѣ съ нетитулованными чиновниками. Бѣдная княгиня плакала.

Ноябрь. Воронцовъ, утомленный управленіемъ Закавказскаго края и находившимися тамъ войсками, равно страдавшій болѣзнію глазъ, просилъ Государя Императора назначить ему помощника съ тѣмъ, что послѣдній будетъ имѣть свое мѣстопребываніе въ Тифлисѣ и завѣдывать дѣлами края и войскъ, а онъ, Воронцовъ, переѣдетъ въ Крымъ и оттуда будетъ давать дѣламъ надлежащее направленіе. Императоръ посему спрашивалъ фельдмаршала Паскевича: — не имѣетъ ли онъ въ своихъ войскахъ способнаго генерала для назначенія къ Воронцову въ помощники? Его свѣтлость предложилъ этотъ постъ сперва генералу Панютину, который имѣлъ благоразуміе отказаться, а потомъ генералу Реаду, который и принялъ его и былъ назначенъ помощникомъ, а при отъѣздѣ изъ Варшавы получилъ на подъемъ 10 т. руб. сер. не смотря на то, что онъ былъ холостъ и съ значительнымъ достаткомъ. Реадъ не былъ ни стратегъ, ни администраторъ; онъ въ Крымскую войну убитъ.

Вышли награды, по представленію фельдмаршала Паскевича, но князь Горчаковъ ничего не получилъ, между тѣмъ какъ фельдмаршалъ о наградѣ его повергалъ „Высочайшему воззрѣнію“. Это крайне смутило князя, особенно огорчило самою княгиню Горчакову, которая увѣряла мою жену, что князь былъ бы доволенъ какимъ нибудь похвальнымъ рескриптомъ и что послѣ такого афронта она уговаривала мужа подать въ отставку, но князь не согласился, — и конечно поступилъ благоразумно. Горчаковъ полагалъ, что Царь гнѣвается на него за то, что онъ не пріѣхалъ изъ Остенды, гдѣ купался, когда Импе-

раторъ былъ въ Варшавѣ. Спустя слишкомъ мѣсяцъ послѣ вышедшихъ наградъ, безъсомнѣнія по ходатайству Паскевича, и князю Горчакову 6 Декабря пожалованы браліанты къ ордену Андрея Первозваннаго; и скорбь у сіятельной четы изчезла и души наполнились радостію.

Декабрь. Въ увеселительномъ загородномъ заведеніи Ома въ числѣ прислужницъ находилась дальняя его родственница нѣмка – колонистка, дѣвица статная, съ красивымъ лицомъ, лѣтъ 20-ти. Генералъ-штабъ докторъ арміи тайный совѣтникъ и фаворитъ Паскевича г. Четыркинъ влюбился въ красотку, взялъ ее изъ заведенія назадъ тому года полтора, помѣстилъ ее въ семейство одного своего подчиненнаго медика, приставивъ къ ней гувернантку, далъ учителей и послѣ нѣкоторой шлифовки и полученнаго ею свѣтскаго лоска женился на ней, хотя ему было около 50 лѣтъ. Теперь эта чета произвела на свѣтъ Божій ребенка; крестнымъ отцемъ былъ свѣтлѣйшій его патронъ фельдмаршалъ Паскевичъ, а кумою жена генерала Викинскаго, и заданъ былъ обѣдъ, на которомъ, разумѣется, присутствовалъ и самъ Юпитеръ варшавскій съ присными ему; по возвращеніи же домой послѣ трапезы онъ получилъ изъ Гомеля депешу, что дворецъ его со всѣми рѣдкостями сгорѣлъ *).

Въ день тезоименитства Государя Императора 6 Декабря у фельдмаршала былъ офиціальный обѣдъ, на которомъ находились и кавалерственныя дамы. Я попалъ за особый столъ, гдѣ были вина и яства очень посредственныя, а лоховину подъ соусомъ, по испорченности ея, никто не ѣлъ. Разумѣется о такомъ мизерномъ угощеніи и протухлой рыбѣ его свѣтлости не было извѣство.

Закончу этотъ годъ разсказомъ мнѣ генералъ-лейтенанта Липранди. Разъ, лично съ глазу на глазъ, доводя до свѣдѣнія фельдмаршала о предосудительно-явномъ поведеніи военнаго начальника Плоцкой губерніи генералъ-маіора Гостомилова (побочный сынъ князя Сакена) и о злоупотребленіяхъ, совершенныхъ люблинскимъ губернаторомъ генералъ-маіоромъ Альбертовымъ (грекомъ, племянникомъ графа Куруты), о чемъ было извѣстно и Императору,—Липранди находилъ необходимымъ назначить на мѣсто ихъ другихъ лицъ.—„Да кого же“? спросилъ фельдмаршалъ. Липранди указалъ на меня.—Его свѣтлость отвѣчалъ: *„онъ здѣсь нуженъ, а Альбертова я буду защищать и долженъ защищать потому, что онъ губернаторомъ у меня 15 уже лѣтъ“!*—Фельдмаршалъ давно уже сказалъ и повторяетъ: *„у меня нѣтъ безпорядковъ и злоупотребленій“!*

---

*) На исправленіе сгорѣвшаго дворца Императоръ пожаловалъ фельдмаршалу 100 тыс. руб. сер.—Какъ не помочь бѣдняку! *Прим. автора.*

1852 годъ.

И въ этомъ году Варшава сподобилась счастья лицезрѣть въ стѣнахъ своихъ Августѣйшую чету, прибывшею 20 апрѣля въ 6 часовъ по полудни, тогда какъ ожидали её гораздо позже, и потому ни фельдмаршаломъ, ни варшавскимъ генералъ губернаторомъ, сидѣвшими за обѣденною трапезою, къ крайнему ихъ ужасу, не была встрѣчена.

23, въ день тезоименитства Императрицы, богослуженіе совершено было въ придворной Лазенковской церкви въ присутствіи Ихъ Величествъ, генераловъ и сенаторовъ, которые послѣ обѣдни удостоились во внутреннихъ комнатахъ дворца быть представленными и лобзать десницу дорогой именинницы, а 24 числа въ 7 часовъ по полудни державные гости выѣхали по чугункѣ сперва въ Берлинъ, а оттуда, кажется, въ Палермо.

Между тѣмъ къ Варшавѣ стягивались войска, усердно производилась имъ муштра и приготовленіе ихъ къ представленію Императору. И вотъ, 15 мая вечеромъ возвращается изъ заграницы Царь съ пле, мянникомъ Царицы гусарскимъ офицеромъ принцемъ Фридрихомъ — Карломъ прусскимъ (нынѣ фельдмаршаломъ) и едва оставилъ вагонъ. обрушился гнѣвомъ на фельдмаршала и князя Горчакова, какъ на предсѣдателя комитета желѣзной дороги въ царствѣ, за неисправность дороги. Несчастный случай, грозившій жизни Государя и его спутникамъ. заключался въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ были гнилыя перекладины подъ рельсами, не выдержали мчавшагося на всѣхъ парахъ царскаго вагона, — вагонъ вышелъ изъ колеи, потащился и упалъ на бокъ, но, къ счастію, расторопный кондукторъ отцѣпилъ тендеръ, а Императоръ, перекрестившись, выскочилъ благополучно изъ вагона и никто не потерпѣлъ отъ этого приключенія, кромѣ придворнаго служителя, у котораго была переломлена рука. Было за что вспылить! Директора чугунки генер.-маіора Авреджіо Его Величество арестовалъ на одинъ мѣсяцъ со внесеніемъ штрафа въ послужной его списокъ, а самолюбивый старикъ Паскевичъ такъ былъ пораженъ суровыми словами Царя, что, возвратившись домой, при свидѣтелѣ одномъ генералѣ, вопилъ о сдѣланномъ ему предъ всѣми афронтѣ, колотилъ себя въ грудь, вспоминалъ о своей 50 лѣтней службѣ, объ услугахъ оказанныхъ имъ Россіи и пр. и пр.

Кстати, я здѣсь изложу мнѣніе фельдмаршала объ Императорѣ. Разъ, разсуждая о характерѣ Его Величества съ княгинею Горчаковою, онъ серьезно, но шопотомъ, сказалъ ей: *„что вы думаете? Онъ и меня и мужа вашего въ состояніи въ минуту вспышки запрятать на гауптвахту; Онъ часъ отъ часу дѣлается раздражительнѣе и..... напоминаетъ Павла“.*

Въ другой разъ, толкуя о томъ же съ княгинею, разсказалъ ей: „однажды я обѣдалъ во дворцѣ; въ виду Государя я всегда какъ на иголкахъ, а во дворцѣ и пуще того; подаютъ говядину; я взялъ кусокъ, положилъ на тарелку и по торопливости опрокинулъ ее къ себѣ на колѣни; тарелка упала на полъ и разбилась; я совершенно растерялся; наслѣдница, видя меня смущеннымъ, сказала, что это предвѣщаетъ счастіе; ободренный этими словами, я оживился и отвѣчалъ, что оно означаетъ постоянную доброту Вашего Высочества и мою неловкость.—Императоръ улыбнулся".

Добродушная фельдмаршальша не разъ говорила княгинѣ Горчаковой: *„мой Иванъ Федоровичъ предъ Государемъ какъ мокрая курица"*.—Еще бы!

18 мая, въ день Св. Троицы, Государь присутствовалъ у обѣдни въ придворной церкви, куда приглашены были только одни военные генералы. Послѣ обѣдни фельдмаршалъ представилъ 30 чел. шляхтичей—недорослей Люблинской губерніи, пожелавшихъ поступить въ военную службу. Императоръ сказалъ имъ по французски назидательно-похвальное слово, а губернскому предводителю дворянства, графу Зерскому, за ретивое усердіе, явленное имъ при вербовкѣ этой шляхты, пожаловалъ орденъ Св. Анны 1-й ст.

Съ возвращеніемъ Государя въ Варшаву на первомъ планѣ его пребыванія являлись смотры войскъ, маневры, ученья—массами и отдѣльными частями, съ пальбою, и безъ пальбы, совсѣми при такой поштрѣ обычными послѣдствіями, какъ то: арестами, выговорами, замѣчаніями и тому подобными суспиціями. Такъ, бригаднаго генерала Веселитскаго и полковыхъ командировъ Тулубьева и Масловскаго повадилъ на гауптвахту, послѣднаго за то, что на одномъ солдатѣ его полка мундиръ былъ худо сшитъ и не пригнатъ; Варшавскому коменданту далъ крѣпкій нагоняй за неисправное отправленіе войсками гарнизонной службы; одного ученика, не скинувшаго предъ Его Величествомъ шапки, Государь повелѣлъ въ назиданіе другимъ наказать розгами; нагрянувъ неожиданно въ заведеніе младенца Іисуса и узнавъ отъ доктора, что мамки кормятъ по 2 и по 3 ребенка и это происходитъ отъ злоупотребленія администраціи, Императоръ потребовалъ къ себѣ Паскевича, и что онъ говорилъ ему, того мы не вѣдаемъ, но знаемъ, что его Свѣтлость разругалъ доктора за неумѣстную его откровенность предъ Царемъ, а затѣмъ приняты и мѣры къ уничтоженію безпорядковъ въ заведеніи.

Наконецъ, Его Величество 31 мая, къ радости всѣхъ служащихъ, особенно *„отца командира"*, какъ часто называлъ Государь фельдмаршала, изволилъ выѣхать въ Петербургъ въ вожделѣнномъ здравіи.

Памятникомъ двухнедѣльнаго пребыванія Императора въ Варшавѣ

осталось Высочайшее повелѣніе, объявленное 4 іюня за № 51 въ словесномъ приказаніи фельдмаршала слѣдующаго содержанія:

„Государь Императоръ, въ бытность — Его Величества въ Варшавѣ, „Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы ученики здѣшнихъ казенныхъ „заведеній снимали фуражки при встрѣчѣ съ военными офицерами.— „при этомъ офицеры должны отвѣчать приличнымъ поклономъ, при„лагая руку къ каскѣ".

„Господинъ главнокомандующій арміею изволилъ приказать: наблю„дать, дабы это всѣми безъ изъятія г.г. офицерами непремѣнно „исполнялось".

Вскорѣ фельдмаршалъ былъ утѣшенъ: онъ получилъ отъ нѣкоего Василія Кошкодамова напечатанные въ 1851 году въ Вѣнѣ: 1) патріотическія стихотворенія и 2) *стихи къ портрету его свѣтлости*, посвященные *Россійскому христолюбивому побѣдоносному воинству*, съ такимъ предисловіемъ: *„съ трепетомъ любви и бла„говенія посвящаетъ смиренный сочинитель обожатель его. „Дань удивленія и хвалы приносимая Вождю блистательныхъ „побѣдъ, есть прямая дань побѣдоносному воинству, водимому „Геніемъ нашего времени"*.— Эти стихи къ портрету содержатъ въ себѣ 448 строкъ и начинаются такъ:

„Блажимъ и славимъ мы Героя,
„Великаго Вождя побѣдъ!
„Великъ онъ духомъ среди боя;
„Великъ онъ славой среди бѣдъ;
„Великъ любовію у Бога,
„Великъ любовію Царя,
„Великъ любовію народа —
„У бѣдняка и богача, —
„У всѣхъ гражданъ во всякомъ родѣ
„Великъ онъ славою меча!

„Сія любовь завоевала
„Ему всѣ доблія серлца —
„Его Суворовымъ назвала,
„Плѣнясь красой его вѣнца!

„Въ палатахъ барскихъ позлащенныхъ
„И въ комнатахъ простыхъ людей —
„Вездѣ найдете ликъ священный
„Сего Героя нашихъ дней"

и проч. и проч. и проч.

Старикъ фельдмаршалъ, разумѣется, былъ очень доволенъ виршами къ портрету и наградилъ своего обожателя 300 гульденовъ.

Англичанецъ Веллингтонъ отошелъ къ предкамъ своимъ норманамъ и въ силу Русскаго фельдмаршальскаго его званія и въ память его заслугъ Высочайше повелѣно всѣмъ русскимъ войскамъ облечься на

ордена, для принесенія его королевскому величеству благодарности. Король былъ одинъ одинехонекъ въ комнатѣ и, какъ извѣстный словоохотливостію витія, въ сказанной имъ по французски рѣчи распространился въ похвалахъ о потушеніи въ 1849 году бунта въ Венгріи, карѣ постигшей мятежниковъ и пр. пр., но въ это время явился изъ свиты его какой то полковникъ и добрый Король смѣшался, не продолжалъ своего разглагольствованія и откланялся, вѣроятно изъ опасенія, чтобы полковникъ не выдалъ его.

На другой же день Государь Императоръ вмѣстѣ съ Королемъ изволилъ выѣхать чрезъ Ловичь въ Ольмуцъ для свиданія съ Австрійскимъ Цезаремъ, взявъ съ собою и Паскевича, равно офицера, унтеръ-офицера и рядового съ лошадьми уланскаго фельдмаршала Радецкаго полка, для представленія ихъ сему старцу въ Ольмуцѣ. Въ Ловичѣ показывалъ королю войска 2 пѣхотнаго корпуса; зятя фельдмаршала, флигель-адъютанта князя Лобанова-Ростовскаго, за перевранное отданное ему приказаніе войскамъ, разъ изволилъ назвать *дуракомъ*, а въ другой разъ *розиней;* полкового командира Развадовскаго посадилъ на гауптвахту и за тѣмъ съ Королемъ выѣхалъ изъ Ловича, не совсѣмъ въ хорошемъ расположеніи духа.

Разсказывали послѣ, что Радецкій весьма былъ тронутъ вниманіемъ къ нему русскаго Царя: офицеру выпросилъ у своего кесаря орденокъ, а унтеръ-офицера и рядового обдарилъ золотыми часами.

17 числа. Приказано было всѣмъ генераламъ въ 8 часовъ утра быть у обѣдни въ придворной церкви. Возрадовались мы, полагая, что Императрица отправляется въ Питеръ,—не тутъ то было: послѣ обѣдни Ея Величество совершила церемоніальный намъ поклонъ, сѣла въ карету и поѣхала въ Пулавы повидаться съ Александрійскимъ Институтомъ благородныхъ дѣвицъ. Истинное мученіе составляло для генераловъ приглашеніе въ придворную церковь. И для чего только военныхъ?

Царь возвратился изъ Ольмуца, а царица изъ Пулавъ 21 числа, въ день тезоименитства Велик. Князя Константина Николаевича и Вел. Кн. Елены Павловны. Ихъ Величества и генералы находились при богослуженіи въ придворной церкви; послѣ обѣдни генералы, перейдя во дворецъ, имѣли счастіе представляться Императрицѣ и лобызать ея руку.

Послѣ 21 числа въ Варшаву прибыли [illegible] гости: Велик. Князья Николай и Михаилъ Николаевичи и родной братъ Императрицы Принцъ Вильгельмъ, нынѣшній Императоръ Германскій и король Пруссіи.

27 числа. Въ праздникъ Св. Троицы [illegible] при собраніи

„ствуетъ Королева Англіи и царственный ея домъ! да здравствуетъ „Англійская армія! да здравствуетъ англійская морская сила и до„стойный представитель ея Герцогъ Нортумберландъ! наконецъ, да „здравствуетъ навсегда старая и знаменитая Англія“!

Этою поѣздкою въ Лондонъ и оказаннымъ тамъ вниманіемъ Горчаковъ остался чрезвычайно доволенъ. Не то было съ Паскевичемъ: самолюбивый старецъ гнѣвался на оратора застольной рѣчи за то, что онъ навязалъ ему систему Веллингтона, тогда какъ онъ имѣлъ собственную свою систему, и за то, что его, Паскевича, поставилъ въ уровень никакими подвигами не ознаменованнаго виконта Гординга.

Въ мартѣ мѣсяцѣ въ Варшавѣ, на пути въ Петербургъ, останавливался Черногорскій Владыка,—еще юный, безъ усовъ, въ красной епанчѣ на плечахъ и въ мѣховой шапкѣ на головѣ. Паскевичъ его угощалъ и возилъ въ театръ.—Онъ ѣхалъ для ставленія въ митрополиты.

8 іюля жена моя вновь отправилась за границу къ Карлсбадскимъ водамъ и возвратилась 10 октября съ едва замѣтнымъ облегченіемъ отъ болѣзни. Вскорѣ послѣ ея выѣзда въ городѣ появилась холера и въ продолженіи времени разсрослась до ужасавшихъ размѣровъ. Правительство оставалось вполнѣ равнодушнымъ къ посѣтившему жителей бѣдствію и не принимало никакихъ мѣръ; особенно евреи подвергались большой смертности. Замѣчательно, что при началѣ холеры, какъ въ Варшавѣ, такъ и въ провинціяхъ Царства, главный директоръ внутреннихъ дѣлъ, пресловутый Викинскій, отъ страха поспѣшилъ оставить свой постъ и отправился въ отпускъ въ Россію.

Закончу этотъ 1852 годъ скандаломъ, случившимся на балѣ у фельдмаршала. Одна дама уронила носовой платокъ; австрійскій консулъ, дряхлый старикашка и затянутый въ рямочку, поспѣшилъ поднять платокъ, нагнулся и во всеуслышаніе..... Окружавшіе засмѣялись, а его Свѣтлость сострилъ, сказавъ: *„эта первая австрійская пушка, выстрѣлившая въ русскихъ“*. Смѣхъ умножился, къ великому смущенію консула.

Прибавлю еще, что въ память совершившагося 26 ноября совершеннолѣтія Великаго Князя Михаила Николаевича и данныхъ имъ двухъ присягъ: одной Государю Императору, а другой на службу,—14 декабря въ варшавскомъ православномъ соборѣ было молебствіе и предъ тѣмъ читанъ манифестъ, а потомъ архіепископъ угостилъ пирогомъ. Отъ радости сердца, 26 ноября Царь произвелъ въ полные генералы 11, въ генералъ-лейтенанты 14, и въ генералъ-маіоры 49 счастливцевъ. Количество изумительное!

Конецъ сего года замѣчателенъ былъ тѣмъ, что стали говорить о войнѣ съ турками и начали дѣлать *кой—какія* приготовленія.

1853 годъ.

Въ первый день на торжественномъ богослуженіи въ соборѣ военщина мѣсто молитвъ неустанно толковала о войнѣ, которая, впрочемъ, ни радовала, ни смущала насъ,—одни только поляки сильно ею занимались и строили химерныя надежды на воскресеніе своей отчизны. Еще до новаго года Паскевичъ вызванъ былъ въ Петербургъ, вѣроятно на совѣтъ. Между тѣмъ 6 января, въ день Крещенія, совершенъ былъ крестный ходъ на Іордань на р. Вислу, при многочисленномъ стеченіи зрителей—поляковъ; а послѣ того эта же вдвое или втрое умножившаяся, толпа участвовала при пышныхъ похоронахъ Президента Гольдіи, сенатора графа Франца Потоцкаго, замѣчательнаго тѣмъ, что онъ былъ во время оно адъютантомъ Наполеона I-го и, живя на распашку въ Парижѣ, имѣлъ удовольствіе промотать принадлежавшее ему богатое мѣстечко Броды, и послѣ паденія своего патрона возвратился сюда съ искуственно приставленнымъ носомъ и гугнявымъ голосомъ, —подарками Венеры.

Преданіе генеральному военному суду подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала Паскевича 6-ти генераловъ Комитета, учрежденнаго 8 августа 1814 года, за не оказавшіяся суммы,—крѣпко всѣхъ задачило и принесло намъ ту пользу, что Паскевичъ поручилъ князю Горчакову лично повѣрить всѣ суммы въ армейскомъ интендантствѣ; а въ послѣдствіи всѣ казенныя деньги изъ всѣхъ военныхъ въ Варшавѣ правленій переведены и хранились въ казначействѣ польскаго банка то очень не нравилось тѣмъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ до того находились эти суммы.—Послѣ окончанія суда Паскевичъ возвратился въ Варшаву 24 марта и при общемъ пріемѣ сказалъ генералъ-аудитору: „ну, я изучилъ законы; на одинъ предметъ пріискано 13 законовъ“.

31 мая изволила проѣздомъ изъ заграницы остановиться здѣсь Королева Нидерландская Анна Павловна; для встрѣчи Ея приказано было всему наличному генералитету собраться на банкофѣ; но Ея Величество не захотѣла никакой встрѣчи и мы, благодаря Ей, остались дома; на другой день удостоились приглашенія къ Ея столу одни только полные генералы, которыхъ было всего три единицы, а на третій день Она отправилась въ Питеръ.

Въ концѣ Іюня былъ изданъ манифестъ о занятіи нашими войсками придунайскихъ княжествъ подъ предводительствомъ князя Горчакова и этотъ манифестъ былъ провозглашенъ въ соборѣ 1 іюля въ день рожденія Государыни Императрицы, въ честь коей архіепископъ угостилъ насъ завтракомъ, а фельдмаршалъ офиціальнымъ обѣдомъ.

8 Сентября вечеромъ изволили прибыть въ Варшаву Государь Им-

ператоръ, Наслѣдникъ и Великіе Князья—Николай и Михаилъ; пріѣхалъ также и канцлеръ Нессельроде. На другой день Августѣйшіе посѣтители слушали обѣдню въ придвойной Лазенковской церкви и потомъ были въ соборѣ, 10 числа мы лицезрѣли Его Величество въ придворномъ театрѣ; а 11 числа Государь въ сопровожденіи фельдмаршала и канцлера отправились въ Ольмуцъ, гдѣ были собраны австрійскія войска для маневровъ и находился самъ Цесарь.

Предъ отъѣздомъ канцлеръ, между разговорами, объявилъ княгинѣ Горчаковой, что чрезъ 8 дней долженъ быть подписанъ мирный трактатъ Оттоманскою Портою, но что ожидаютъ въ Константинополѣ революціи.— Его нѣмецкое сіятельство было въ пріятномъ заблужденіи: ни того, ни другого не случилось; при Портѣ усердно ратовали противу Николая I-го наши враги: французскій и англійскій посланники.

По возвращеніи Государя изъ Ольмуца пріѣхали къ нему Австрійскій Императоръ и Прусскій Король, коимъ 22 сентября Его Величество представилъ дрянной 2 пѣхотный корпусъ Панютина, которому не менѣе того пожаловалъ аренду на 12 лѣтъ по 5 тыс. рублей въ годъ. По отбытіи нѣмецкихъ вѣнценосцевъ изъ Варшавы Императоръ и самъ отправился въ Берлинъ, вѣроятно для отданія визита Королю; при отъѣздѣ Его Величество сказалъ провожавшимъ Его генераламъ, *что бы они каждую минуту готовы были къ войнѣ.*

Наконецъ, объявленъ и манифестъ о войнѣ съ турками, который и былъ читанъ здѣсь въ соборѣ 1 ноября. Паскевичъ, разсуждая разъ объ этой войнѣ, полагалъ, что ее надобно бы продолжить года на три, набрать или составить войско изъ молдаванъ, валаховъ и булгаръ, возбудить сербовъ и тогда успѣхъ былъ бы несомнѣнный и Царьградъ былъ бы взятъ, не опасаясь ни французовъ ни англичанъ. Можетъ быть оно и справедливо! По его словамъ, это предположеніе онъ выразилъ и Императору, но Его Величество изволилъ отвергнуть какъ средство, не соотвѣтственное *рыцарскому* Его характеру. Много бы можно было сказать объ этомъ рыцарствѣ,—но покойника судитъ Богъ.

20 ноября, при торжественномъ богослуженіи въ день возшествія на престолъ, къ молебну не соблаговолили явиться консулы французскій и англійскій, но зато присутствовали на офиціальной трапезѣ у фельдмаршала и должны были осушать кубки за здравіе Его Величества.

28 ноября по телеграфу изъ Вѣны дано знать Паскевичу о славной побѣдѣ Нахимова надъ турецкимъ флотомъ подъ Синопомъ и его Свѣтлость ни слова о томъ не сказалъ гостямъ, бывшимъ у него тогда на вечерѣ; а 13 декабря совершено было благодарственное за эту побѣду молебствіе съ колѣно-преклоненіемъ. 20 же числа новое молебствіе за побѣду одержанную въ Азіи княземъ Бебутовымъ, за ко-

рую этотъ храбрый армянинъ, будучи генералъ-лейтенантомъ, не въ имѣръ другимъ получилъ богатую награду, именно—орденъ Св. Анея. Такъ блистательно для русскаго оружія кончился 1853 годъ.

1854 годъ.

13 января неожиданно прибылъ въ Варшаву шефъ жандармовъ афъ Орловъ, остановился у фельдмаршала въ королевскомъ замкѣ и 5 числа отправился въ Вѣну и Берлинъ, а 28 числа возвратился на другой день выѣхалъ обратно въ Петербургъ. Какъ изъ Варавы до границы, такъ и обратно, сопровождалъ графа директоръ елѣзной дороги генералъ-маіоръ Шеншинъ, который и передалъ мнѣ ышанный имъ отъ Сіятельнаго отрывчатый слѣдующій разсказъ, ъяснявшій цѣль его посольства. Орловъ говорилъ, что аудіенція у встрійскаго Кесаря продолжалась полтора часа; что кабинетъ его отно готовъ бы помогать намъ противу французовъ и англичанъ и ристократическая публика на нашей сторонѣ, но никакъ не въ соянiи сего сдѣлать потому, что въ Австріи нѣтъ денегъ и финансы ъ страшномъ разстройствѣ, и потому еще, что Венгрія безпокойна и новь можетъ взбунтоваться, если вывесть оттуда войска; въ такомъ е подозрительномъ положеніи находится и Ломбардія, словомъ,— асность для Австріи явная и неизбѣжная, если бы она согласилась амъ помогать,—и отъ Фринціи и отъ своихъ провинцій;—что на запросъ французскаго кабинета—прусскій кабинетъ отвѣчалъ, что Пруссія ѣшительно ни въ авангардѣ, ни въ аріергардѣ, ни въ корде-баталь ь русскими не будетъ; что Прусскій Король человѣкъ добрый и къ амъ доброжелательный, но руководствуемъ другими и не имѣетъ своей оли, какъ, напротивъ того, наслѣдникъ его, Принцъ Прусскій, по ліянію на него жены его Августы, родной племянницы нашего Имератора, насъ не долюбливаетъ. А давно ли, этотъ, какъ выразился рловъ, *рыжій Принцъ*, цѣловалъ руку у нашего Государя и неонятно, за что эта Принцесса съ давнихъ поръ сильно ненавидитъ усскихъ? Наконецъ, что послѣ не успѣха въ Вѣнѣ и полученныхъ вѣдѣній о категорическомъ отвѣтѣ прусскаго кабинета французскому, му, Орлову, незачѣмъ было ѣхать въ Берлинъ.—Графъ сказалъ еще, что напрасно мы 20 лѣтъ дружились и угождали нѣмцамъ, лучше бы было обратиться къ славянамъ; охуждалъ за скряжничество нашего бывшаго посланника при Портѣ Титова, называя его титулярнымъ совѣтникомъ; спрашивалъ Шеншина о нѣкоторыхъ нашихъ генералахъ, хвалилъ Лидерса, а о Горчаковѣ сказалъ, что онъ часто бываетъ боленъ и всякая бездѣлица можетъ его разстроить; вспомянулъ о своемъ

въ началѣ 1831 года посланничествѣ къ графу Дибичу съ собственно-ручными 37 замѣтками Императора, въ заголовкѣ коихъ стояло, что бы онъ удостовѣрился о физическомъ и нравственномъ состояніи фельдмаршала, и въ заключеніе гр. Орловъ о своихъ отношеніяхъ ко двору сказалъ: *„я скорѣе переломлюсь, чѣмъ покорюсь“*.

Между тѣмъ, какъ безуспѣшно взывали о помощи, которую русское правительство искони безъ расчету и толку, во вредъ Россіи,—расточало нѣмцамъ,—мы безъ объявленія войны туркамъ ратовали уже съ ними въ Азіи и Придунайскихъ княжествахъ; въ послѣднихъ не весьма удачно; такъ, подъ Калафатомъ свирѣпый ренегатъ Омеръ-Паша поколотилъ отрядъ генер.-адъютанта Анрепа; а Паскевичъ съ своими прихвостниками вэвалилъ въ томъ вину на Горчакова, что онъ-де разбросалъ войска свои по всей Валахіи;—Горчаковъ же осмѣлился возражать, что важною причиною этой разбросанности войскъ было удержаніе жителей отъ возстанія.

При войскахъ Горчакова не было главнаго инженера и ему назначили таковаго изъ арміи Паскевича, генерала Шильдера. При отѣздѣ изъ Варшавы этотъ храбрый, но не много взбалмошный, 60 лѣтній старецъ, къ изумленію, перешелъ изъ протестанства въ православіе; увѣряли, что такое обращеніе онъ совершилъ не по убѣжденію въ чистотѣ православія, а вслѣдствіе совѣта *юмовскихъ* шутовскихъ фокусовъ, въ которые Шильдеръ слѣпо вѣровалъ.—При осадѣ Силистріи этому генералу оторвало ногу и онъ тамъ скончался.

2 февраля фельдмаршалъ по вызову отправился въ Петербургъ.—Княгиня Горчакова была въ отчаяніи отъ предчувствія, что онъ вызванъ затѣмъ, что бы принять командованіе надъ войсками ея мужа, и предчувствіе ее не обмануло.

28 февраля въ соборѣ читанъ былъ манифестъ о прерваніи сношеній съ Франціею и Англіей и послѣ молебна архіепископъ угостилъ завтракомъ и шампанскимъ. Было чему радоваться и голосить ура!

Вслѣдъ за тѣмъ Высочайшими указами объявлены состоящими въ военномъ положеніи: Екатеринославская губ. и Таганрогское градоначальство, Эстляндская, Лифляндская, С.-Петербургская и Архангельская губерніи; равно Царство Польское и губерніи: Курляндская, Ковенская, Виленская, Гродненская, Волынская и Подольская, Бессарабская область и часть Херсонской губ. на правомъ берегу Буга, съ подчиненіемъ послѣднихъ Князю Варшавскому съ тѣмъ, чтобы Царство Польское и губерніи Курляндская, Ковенская, Виленская и Гродненская, *въ отсутствіи Князя Варшавскаго изъ Царства*, состояли въ подчиненіи командующаго гренадерскимъ, 1 и 2 пѣхотными корпусами графа Ридигера.

Ночью съ 13 на 14 марта возвратился изъ Петербурга и фельдмаршалъ и на другой же день, какъ страстный обожатель лицедѣйства, появился въ театрѣ; пріѣхалъ въ Варшаву также и графъ Ридигеръ, къ которому, какъ къ старому моему начальнику, я явился и былъ принятъ очень любезно; отъ него зашелъ къ виленскому военному губернатору генер'-адъют. Ильѣ Бибикову. Этотъ меня облобызалъ, посадилъ и, между прочимъ, разсказалъ, что Паскевичъ въ унынiи, и неохотно ѣдетъ на Дунай, не потому, что бы страшился неудачи въ войнѣ, а *боится умереть отъ тамошняго климата*; это-то опасеніе и мучитъ его; что, по словамъ фельдмаршала, нашихъ войскъ въ княжествахъ очень достаточно; что къ барону Сакену послано Высочайшее повелѣніе, если явятся предъ Одессою и другими городами англійскій и французскій флоты и будутъ высаживать дессантъ, то жечь все начистоту, что бы ни чѣмъ не могли поживиться; еще Бибиковъ говорилъ, что фельдмаршалъ не жалуетъ корпуснаго командира Лидерса,—а за что,—мнѣ не объяснилъ.

23 марта его свѣтлость далъ прощальный обѣдъ генераламъ; 25 числа посѣтилъ княгиню Горчакову и утѣшилъ ее извѣстіемъ: мужу ея, за блистательный переходъ чрезъ Дунай, Императоръ пожаловалъ свой портретъ, украшенный брилліантами, и что войны можетъ быть и не будетъ, потому что султанъ согласился на требованія Англіи и Франціи о дарованіи правъ христіанамъ его подданнымъ. Въ ночь на 28 число нашъ „Малборугъ въ походъ поѣхалъ“ на Дунай съ многочисленною свитою нужныхъ и ненужныхъ лицъ.

Паскевичъ, прибывъ къ войскамъ, засталъ ихъ осаждающими Силистрію и вступилъ въ командованіе ими; оставшійся здѣсь вмѣсто его графъ Ридигеръ строжайше воспретилъ всякія разсужденія объ осадѣ и мы никакихъ свѣдѣній не имѣли, что творится на Дунаѣ. Прошло два мѣсяца, какъ отправился изъ Варшавы фельдмаршалъ и толкался около крѣпости, какъ вдругъ мы узнаемъ, что въ концѣ мая или въ началѣ іюня, его свѣтлость *контуженъ* и отправился въ Яссы. Вообще,—недоумѣніе! За чѣмъ въ Яссы за 300 верстъ отъ войскъ и Силлистріи, а не въ Букарестъ въ 100 верстахъ лежащій? Много было разнообразныхъ толковъ. Между тѣмъ 22 іюня Ридигеръ *по секрету* объявилъ княгинѣ Горчаковой, что Императоръ два раза предлагалъ фельдмаршалу для пользованія отъ контузіи и отдыха два пункта: Кіевъ или Умань съ его великолѣпнымъ садомъ и живительнымъ климатомъ, но онъ избралъ свое имѣніе Гомель и съ Высочайшаго разрѣшенія переѣхалъ туда.

При первомъ извѣстіи о контузіи, супруга немедленно отправилась къ своему мужу, который однако же, какъ говорили, пріѣздомъ ея былъ не очень доволенъ.

Пока возились съ контуженнымъ вождемъ, проѣзжалъ чрезъ Варшаву на конференцію въ Вѣну министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ; отъ него то здѣсь узнали, что 15 іюня назначено было штурмовать Силистрію, но фельдмаршалъ изъ Яссъ прислалъ повелѣніе командовавшему войсками кн. Горчакову объ отмѣнѣ штурма: министръ эту отмѣну назвалъ большою ошибкою, говоря, что если бы взята была крѣпость,—въ успѣхѣ чего онъ и не сумнѣвался,—то и переговоры въ Вѣнѣ приняли бы другое значеніе и были бы болѣе благопріятны для насъ.

Въ концѣ іюля графъ Ридигеръ официально возвѣстилъ и войскамъ, и городскимъ обывателямъ о возвращеніи въ Варшаву главнокомандовавшаго арміею и намѣстника Князя Варшавскаго и пригласилъ радоваться сему счастливому событію, хотя въ кругу своихъ сатилетовъ изъявлялъ крайнюю досаду и недовольство этому возвращенію, лишавшему его здѣсь верховенства, и грозившему отъѣздомъ его къ своему мѣсту въ государственный совѣтъ. И точно, 31 іюля фельдмаршалъ прибылъ въ свою резиденцію и на другой день принялъ поздравленіе отъ военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ властей и вечеромъ посѣтилъ театръ.

Вопросъ, почему его свѣтлость по своемъ выздоровленіи не возвратился на поле битвъ съ турками къ оставленнымъ имъ на Дунаѣ войскамъ, а явился по Высочайшей волѣ здѣсь, разрѣшался злокозненными дѣйствіями Австріи и опасеніемъ нашествіемъ ея войскъ въ Царство Польское,—нашествіемъ вѣроятнымъ, въ ожиданіи коего и Александровская цитадель поспѣшно приводилась въ оборонительное положеніе и куча домовъ близь нея была уже снесена. Но если эта вѣроломная держава и не вторгнулась въ Царство, за то вошла въ союзъ съ Англіею и Франціею и заставила русскія войска снять осаду Силистріи, перейти обратно Дунай, очистить княжества, которыя она сама заняла подъ видомъ ихъ охраненія, и вступить или удалиться на свою территорію, въ Бессарабію. Разсказывали очевидцы, что при снятіи нами осады офицеры и нижніе чины до такой степени подняли ропотъ, требуя вести ихъ въ бой противу врага, что командовавшій войсками князь Горчаковъ вынужденъ былъ явиться предъ ними, обходить ряды и успокоивать ихъ. Слѣдуетъ-ли сумнѣваться, что бы при такомъ духѣ штурмъ крѣпости не удался?

10 сентября въ первый разъ я услышалъ о высадкѣ французо-англичанъ въ Крымъ; узналъ такъ же отъ самовидца, какъ *доволенъ* былъ фельдмаршалъ *успѣшностію* этой *высадки*. Не хочется вѣрить такому неестественному чувству. Позднѣе, родной племянникъ Паскевича на вопросъ: почему онъ извѣстенъ, что въ Крыму дѣла наши идутъ *худо?*—экспромтомъ отвѣчалъ: *„да по веселому и довольному лицу моего дяди“*.

Наконецъ князь Горчаковъ Высочайшимъ приказомъ 26 сентября назначенъ *главнокомандующимъ южною арміею*, т. е. тѣхъ войскъ, которыя съ нимъ были въ княжествахъ и на Дунаѣ. Это назначеніе сдѣлало его самостоятельнымъ и вызволило его изъ подъ команды Паскевича.

Въ половинѣ октября мѣсяца начальникъ дивизіи Панютинъ изъ Люблина донесъ, что австрійцы собираются и сближаются къ границѣ Царства; фельдмаршалъ встрепенулся, тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ нашихъ войскъ, расположенныхъ на широкихъ квартирахъ, и донесъ о всемъ томъ Императору. Его Величество отвѣчалъ, что Онъ не думаетъ, что бы австрійцы вторгнулись въ царство, но что Онъ за всѣмъ тѣмъ сдѣланное распоряженіе утверждаетъ. - На повѣрку вышло, что тревога была фальшивая.

Князь Горчаковъ въ двухъ письмахъ къ своей женѣ писалъ, что кн. Меньщиковъ, ратоборствовавшій противу враговъ въ Крыму, такія совершилъ ошибки, какія не сдѣлалъ бы и зять Горчакова, камеръ-юнкеръ Панкратьевъ. Гораздо позже, именно въ ноябрѣ, фельдмаршалъ между разговорами сказалъ княгинѣ Горчаковой, что онъ отдалъ бы подъ судъ Меньшикова за его дѣйствія въ Крыму и что онъ, Паскевичъ, писалъ къ Императору и давалъ совѣты, какъ должно поступить въ Крыму, но Его Величество отвѣчалъ, что Меньшиковъ нашелъ переданные ему совѣты неудобными для исполненія.

Потребованъ изъ Варшавы въ Петербургъ командиръ гренадерскаго корпуса Николай Муравьевъ. Одни полагали, что онъ будетъ назначенъ въ Крымъ вмѣсто Меньшикова, которымъ Императоръ будто бы не доволенъ; другіе,—что онъ будетъ назначенъ главнокомандующимъ и намѣстникомъ въ Грузію вмѣсто уѣхавшаго за границу по болѣзни графа Воронцова. Послѣднее предположеніе оправдалось и неизвѣстно почему *удивило* фельдмаршала. При этихъ гаданіяхъ графъ Ридигеръ говорилъ, что онъ отказался бы отъ мѣста Воронцова, но охотно бы принялъ постъ Меньшикова.

Прежде или послѣ этого, навѣрно не могу опредѣлить времени, Паскевичъ получилъ собственноручное отъ Государя письмо, бывшее въ рукахъ даровитаго секретаря фельдмаршала г. Очкина и читанное имъ моему пріятелю генер.-маіору Шеншину. По словамъ послѣдняго, мнѣ переданнымъ, Его Величество писалъ, что Наполеонъ и англичане противу него ожесточились, а австрійцы, хуже чѣмъ іезуиты; ему измѣнили, что дѣла идутъ плохо и не знаетъ, какой будетъ результатъ дѣйствіямъ Меньшикова въ Крыму; что Государь очень доволенъ поступкомъ князя Горчакова, пославшаго самъ собою изъ Бессарабіи къ Меньщикову въ Крымъ одну пѣхотную дивизію, и въ заключеніе изволилъ начертать: *„да не упадемъ мы духомъ“!* Прежде или послѣ

этого письма, графъ Ридигеръ *по секрету* объявилъ княгинѣ Горчаковой, что фельдмаршалъ предлагалъ Царю самаго себя на мѣсто Меньшикова, но Его Величество не принялъ этого предположенія, сказавъ, что бы онъ поберегъ себя *до весны*.

Закончился этотъ 1854 годъ провозглашеніемъ въ соборѣ на другой день Рождества Христова Высочайшаго манифеста, изданнаго 14 декабря, предваряющаго или приготовляющаго *къ сильнѣйшему ополченію* противу враговъ слѣдующими краснорѣчивыми словами: „Мы „всѣ, Царь и подданные, повторяя слова Императора Александра I, „произнесенныя Имъ въ подобную нынѣшней годину искушенія, съ „желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ,—станемъ передъ ра„дами враговъ на защиту драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ блага: безопас„ности и чести отечества“!

И многочисленное ополченіе явилось въ 1855 году съ пиками и топорами въ рукахъ и съ крестами на шапкахъ; но оно не защитило *ни безопасности, ни чести отечества*; оно почти все, не видѣвъ врага, *легло костьми* отъ голода, холода и болѣзней,— отъ неразумія и злоупотребленій,— этихъ вѣчныхъ спутниковъ нашей администраціи; одна только Курская рать, заключенная въ Севастополѣ, храбро дралась съ врагомъ и безропотно умирала. Доселѣ мы не имѣемъ описанія этой Восточной войны; есть только официальныя реляціи и мелкія газетныя статейки, недостаточныя для написанія полной и *правдивой* исторіи . . . . . .

Въ этомъ 1854 году справедливое провидѣніе покарало меня за мои грѣхи тяжкимъ ударомъ, отъ котораго и доднесь точится кровь изъ сердца: оно лишило насъ старшаго сына, умершаго 4 мая въ цвѣтущихъ лѣтахъ (16 л. 8 м. и вѣсколько дней) и содѣлало жизнь нашу безотрадною, страдальническою до гроба. Нахожу нѣкоторое облегченіе въ скорби, повторяя слова праведнаго Іова: „Господь даде, „Господь отъя, яко Господеви изволися, тако и бысть; буди имя „Господне благословенно“!

1855 годъ.

Смерть сына—была смертію и моею, нравственною, душевною; я не жилъ, а только двигался, прозябалъ безсознательно, безсмысленно; добрая, невинная моя жена много терпѣла отъ моихъ нелѣпыхъ, безразсудныхъ выходокъ и нареканій относительно потери сына, ея любимца; между тѣмъ, какъ моя недальновидность, небрежность и не

сообразительность и были причиною нашего несчастія; совѣсть терзала меня: зачѣмъ я отправилъ его въ этотъ пагубный, треклятый Петербургъ? Я такъ былъ несчастенъ, такъ упалъ духомъ, что не притворно желалъ смерти!

Этотъ годъ богатъ событіями и прискорбными и радостными; *къ первымъ* относятся: кончина Императора Николая I, потеря Севастополя и Черноморскаго флота, болѣзнь и предсмертная агонія знаменитаго и постояннаго побѣдоносца, нашего Стратига, и другія; *къ послѣднимъ*, оставляющимъ въ тѣни первыя — вступленіе на престолъ благодушнаго Александра II и начало возрожденія Россіи, подъ державнымъ скипетромъ Его, къ новой жизни.

Фельдмаршалъ Паскевичъ около 10 февраля возвратился изъ Петербурга, куда вызванъ былъ для военныхъ совѣщаній; онъ не не привезъ ничего утѣшительнаго.

Вслѣдъ за его пріѣздомъ полученъ и читанъ былъ въ православномъ обоз.ѣ манифестъ о составленіи въ Россіи ополченія и ужасавшемъ наборѣ въ оное, по 23 чел. съ 1000 д. не моложе 20 и не старѣе 45 лѣтъ. По провозглашеніи манифеста совершено было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ о дарованіи побѣды надъ врагами, которой однако же, увы! Создателемъ даровано не было.

Вынужденное оставленіе нашими войсками придунайскихъ княжествъ, занятіе ихъ австрійцами и вообще непріязненное поведеніе этого вѣроломнаго правительства или кабинета — поселило въ фельдмаршалѣ убѣжденіе о вторженіи австрійцевъ, безъ объявленія намъ войны, въ Царство Польское и потому онъ вызвалъ въ Варшаву корпусныхъ командировъ: Панютина и Лабинцева, и предложилъ имъ для сужденія вопросъ: не нужно-ли тѣ войска ихъ, кои расположены на правомъ берегу Вислы, благовременно перевести на лѣвый, дабы, въ случаѣ наступленія австрійцевъ, они не были отрѣзаны и затруднены переправою? Паскевичъ во всеуслышаніе объявилъ, что при вторженіи австрійцевъ въ Царство, онъ, по недостаточности у него войскъ, долженъ будетъ очистить край и отступить за Бугъ. — Къ счастію, опасенія не сбылись, австрійцы и не предполагали вторгаться въ Царство, но не менѣе того, мы находились въ тревожномъ состояніи, по примѣру нашего верховнаго вождя.

Между тѣмъ, какъ все это совершалось, Императоръ Николай заболѣлъ 10-го и скончался 18-го февраля.

О ходѣ Его болѣзни было объявлено въ русскихъ газетахъ слѣдующіе 4 бюллетеня, подписанные пользовавшими Императора придворными медиками: Мандтомъ, Енохинымъ и Кареллемъ:

№ 1... 17 февраля.

Болѣзнь Его Импер. Велич. началась легкимъ гриппомъ; съ 10-го февраля, при слабыхъ подагрическихъ припадкахъ, обнаружилась лихорадка.

Вчера, съ появленіемъ страданія въ правомъ легкомъ, лихорадка была довольно сильна.— Ночь Его Велич провелъ безъ сна.

Сегодня лихорадка нѣсколько слабѣе и изверженіе легочной мокроты свободнѣе.

№ 2... въ 11 часовъ вечера.

Лихорадка Его Велич. къ вечеру усилилась. Отдѣленіе мокроты изъ нижней доли пораженнаго праваго легкаго сдѣлалось труднѣе.

№ 3... 18 февраля въ 4 часа по полуночи.

Затруднительное отдѣленіе мокротъ, коимъ страдалъ вчера Госуд. Импер., усилилось, что доказываетъ ослабѣвающую дѣятельность легкихъ и дѣлаетъ состояніе Его Величества весьма опаснымъ.

№ 4... въ 9 часовъ по полуночи.

Угрожающее Его Велич. паралличное состояніе легкихъ продолжается, и вмѣстѣ съ тѣмъ происходящая отъ того опасность.

Съ своей стороны прусскій повѣренный при русскомъ дворѣ графъ Мюнстеръ сообщалъ своему двору въ Берлинъ слѣдующія телеграммы, здѣсь излагаемыя въ переводѣ съ нѣмецкаго:

17 февраля 1 часъ 25 мин.

Вчера открылся сильный лихорадочный припадокъ и правое легкое оказалось пораженнымъ. Лихорадка не переставала всю ночь и препятствовала сну.—Отхаркиваніе было легко. Замѣченъ припадокъ подагры. Ослабленіе Импер. видимо увеличивается и, по мнѣнію медиковъ, положеніе Его очень серьезное.

4 часа и 4 мин.

Состояніе Его Велич. ни въ чемъ не улучшилось; Императрица чувствуетъ трепетаніе сердца, но впрочемъ довольно здорова.

9½ часовъ вечера.

Состояніе Императора хуже; отхаркиваніе сдѣлалось затруднительнѣе и означаетъ сильное пораженіе легкихъ: должно опасаться, что онѣ парализованы; докторъ Каррель весьма встревоженъ.—Наслѣдникъ, по желанію медика, просилъ Царя о принятіи Св. Таинъ.

11½ часовъ вечера.

Императоръ отказался сегодня отъ принятія Св. Таинъ и хочетъ исполнить это завтра.—Онъ видитъ только Императрицу и Наслѣдника. Императрица знаетъ опасность и довольна отдать мнѣ приказаніе извѣстить Его Величество Короля.

18 февраля 6 часовъ утра.

Императоръ выслушалъ хладнокровно и спокойно слова доктора Мандта, объявившаго Ему, что должно опасаться паралича легкихъ. Императоръ спросилъ: **„когда я буду парализованъ“?**—*а потомъ у доктора Карелля:* **„когда я задохнусь“?**—*Доктора не могли отвѣчать положительно.—Императоръ принялъ Св. Причастіе; простился съ своей супругою и дѣтьми, благословилъ каждаго изъ нихъ, а также внучатъ своихъ, голосомъ твердымъ, съ полнымъ присутствіемъ духа и съ величайшимъ спокойствіемъ.*

Пульсъ бился еще очень сильно, но однако же дали пріемъ нускуса. Императрица Его поддерживаетъ и ко всему приготовлена.

Послѣдняя депеша Прусскаго повѣреннаго извѣщаетъ о кончинѣ Императора.

Дополнимъ эти свѣдѣнія извлеченіемъ изъ пространной статьи, напечатанной въ № 41 „Сѣверной пчелы“ подъ заглавіемъ: *„послѣднія минуты Императора Николая“.*

„Императоръ еще 27 января заболѣлъ гриппомъ, но занимался дѣлами, а 9-го февраля, чувствуя себя лучше, вопреки пользовавшихъ Его врачей, послѣ отслушанія обѣдни, при 23 градусахъ мороза, въ часъ по полудни, осматривалъ въ Эрцгаузѣ Инженернаго замка нѣкоторыя войска, не взявъ даже предосторожности (не смотря на убѣжденіе Цесаревича и просьбы близкой своей прислуги) одѣться потеплѣе обыкновеннаго.—Послѣ смотра, заѣзжалъ къ Вел. Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и къ больному Военному Министру; возвратясь же домой, почувствовалъ себя хуже чѣмъ наканунѣ. Кашель и одышка увеличились; ночью не имѣлъ сна; не смотря однако же на то, на

другой день, т. е. 10 февраля, вновь былъ въ Эрцгаузѣ и о
ривалъ войска и съ сего дня всѣ болѣзненные припадки на
усиливаться и Государь уже не выходилъ изъ комнаты; 11 фев
слегъ въ постель и вечеромъ болѣзнь оказалась очевидно тяжк
признаки опасности начали развиваться съ неимовѣрною быстр
но Императоръ не покидалъ занятій дѣлами и только 12 фев
по настоянію врачей, рѣшился предоставить сей трудъ Цесаре
17 февраля Императрица сказала Своему Супругу: „хотя сост
„здоровья Твоего вовсе не опасно, но сколько примѣровъ, чт
„принятіемъ Св. Таинъ, Богъ посылаетъ страждущимъ облегче
Императоръ отвѣчалъ: „нѣтъ, я не могу приступить къ такому
„ликому таинству въ постелѣ, не одѣтый; лучше тогда, когда
„въ силахъ совершить это приличнымъ образомъ". Императрица
молчала.—Вскорѣ Онъ замѣтилъ на глазахъ Ея слезы: „Ты
„чешь? - „Нѣтъ, это отъ насморка". Чрезъ нѣсколько минутъ,
ператрица тихо начала читать: „Отче нашъ".—„Ты читаешь мо
„ву, зачѣмъ? „спросилъ Императоръ; „Я молюсь о Твоемъ вы
„ровленіи" отвѣчала Государыня. „Развѣ я въ опасности"?—„Н
отозвалась Императрица; у Нея не достало духа отвѣчать утверди
но.—Тогда больной сказалъ Ей: „но ты очень разстроена; Ты ус
„поди, успокойся"—и Императрица удалилась.

18 февраля около 3 часовъ ночи Государь спросилъ док
Мандта: „скажите мнѣ откровенно, какая у меня болѣзнь? Вы зн
„что и прежде Я всегда вамъ приказывалъ предупредить Мен
„время, если заболѣю тяжело, чтобы не упустить исполненія хрис
„скаго долга". „Не могу скрыть предъ Вашимъ Величествомъ"
вѣчалъ Мандтъ—„что болѣзнь Ваша становится серьезною: у
„поражено правое легкое". - „Вы хотите сказать, что ему угроз
„параличь. Если болѣзнь не уступитъ нашимъ усиліямъ"—отвѣ
докторъ—„то конечно это можетъ послѣдовать; но мы того еще
„видимъ и не теряемъ надежды на Ваше выздоровленіе". - А, т
„Я понимаю Мое положеніе; теперь я знаю, что Мнѣ дѣлать
Отпустивъ Мандта, Государь позвалъ Наслѣдника и спокойно
вилъ Ему о безнадежности Своего положенія, промолвивъ: „над
Ты ничего еще „не сказалъ и не скажешь Матери; прикажи по
„духовника".—Духовникъ Бажановъ тотчасъ явился; вошла Имп
рица.—Когда духовникъ началъ читать предшествующія испо
молитвы, Государь благословлялъ стоявшихъ у постели Его на
няхъ Императрицу и Наслѣдника.—За симъ Они вышли.

По окончаніи исповѣди, Государь, перекрестившись, произ
„Молю Господа, чтобы Онъ принялъ Меня въ Свои объятія".
чащеніе принялъ въ присутствіи Императрицы и Цесаревича; по
ву: „вѣрую Господи и исповѣдую"—прочиталъ довольно твер

Ночью съ 13 на 14 марта возвратился изъ Петербурга и фельдмаршалъ и на другой же день, какъ страстный обожатель лицедѣйства, появился въ театрѣ; пріѣхалъ въ Варшаву также и графъ Ридигеръ, къ которому, какъ къ старому моему начальнику, я явился и былъ принятъ очень любезно; отъ него зашелъ къ виленскому военному губернатору генер'-адъют. Ильѣ Бибикову. Этотъ меня облобызалъ, посадилъ и, между прочимъ, разсказалъ, что Паскевичъ въ унынiи, и неохотно ѣдетъ на Дунай, не потому, что бы страшился неудачи въ войнѣ, а *боится умереть отъ тамошняго климата*; это-то опасеніе и мучитъ его; что, по словамъ фельдмаршала, нашихъ войскъ въ княжествахъ очень достаточно; что къ барону Сакену послано Высочайшее повелѣніе, если явятся предъ Одессою и другими городами англійскій и французскій флоты и будутъ высаживать дессантъ, то жечь все начистоту, что бы ни чѣмъ не могли поживиться; еще Бибиковъ говорилъ, что фельдмаршалъ не жалуетъ корпуснаго командира Лидерса,—а за что,—мнѣ не объяснилъ.

23 марта его свѣтлость далъ прощальный обѣдъ генераламъ; 25 числа посѣтилъ княгиню Горчакову и утѣшилъ ее извѣстіемъ: мужу ея, за блистательный переходъ чрезъ Дунай, Императоръ пожаловалъ свой портретъ, украшенный брилліантами, и что войны можетъ быть и не будетъ, потому что султанъ согласился на требованія Англіи и Франціи о дарованіи правъ христіанамъ его подданнымъ. Въ ночь на 28 число нашъ „Малборугъ въ походъ поѣхалъ“ на Дунай съ многочисленною свитою нужныхъ и ненужныхъ лицъ.

Паскевичъ, прибывъ къ войскамъ, засталъ ихъ осаждающими Силистрію и вступилъ въ командованіе ими; оставшійся здѣсь вмѣсто его графъ Ридигеръ строжайше воспретилъ всякія разсужденія объ осадѣ и мы никакихъ свѣдѣній не имѣли, что творится на Дунаѣ. Прошло два мѣсяца, какъ отправился изъ Варшавы фельдмаршалъ и толкался около крѣпости, какъ вдругъ мы узнаемъ, что въ концѣ мая или въ началѣ іюня, его свѣтлость *контуженъ* и отправился въ Яссы. Вообще,—недоумѣніе! За чѣмъ въ Яссы за 300 верстъ отъ войскъ и Силлистріи, а не въ Букарестъ въ 100 верстахъ лежащій? Много было разнообразныхъ толковъ. Между тѣмъ 22 іюня Ридигеръ *по секрету* объявилъ княгинѣ Горчаковой, что Императоръ два раза предлагалъ фельдмаршалу для пользованія отъ контузіи и отдыха два пункта: Кіевъ или Умань съ его великолѣпнымъ садомъ и живительнымъ климатомъ, но онъ избралъ свое имѣніе Гомель и съ Высочайшаго разрѣшенія переѣхалъ туда.

При первомъ извѣстіи о контузіи, супруга немедленно отправилась къ своему мужу, который однако же, какъ говорили, пріѣздомъ ея былъ не очень доволенъ.

Неожиданная смерть Императора поразила насъ недоумѣніемъ и страхомъ; здѣсь, въ Варшавѣ, едва вѣрили разпестемуся, Богъ вѣсть отъ кого, слуху о кончинѣ сѣвернаго колосса; но полученная фельдмаршаломъ телеграмма возвѣстила какъ о смерти Отца, такъ и о начавшемся новомъ царствованія Его Сына. Какъ разсказывали, кончина Николая поразила Паскевича въ двухъ отношеніяхъ: онъ терялъ земное божество, вознесшее, возвеличившее и обогатившее его; онъ не зналъ, что будетъ съ нимъ. Въ минуту полученія телеграммы изъ Петербурга, нѣсколько лицъ находилось въ пріемной: одни ради поклоненія, другіе—по службѣ. Вышедшій изъ кабинета генералъ-квартермистръ Фроловъ объявилъ содержаніе телеграммы и воскликнулъ: „Sic gloria transit“. Вслѣдъ за нимъ явился и фельдмаршалъ, сильно разстроенный, и дрожащимъ отъ волненія голосомъ едва переводя дыханіе, подтвердилъ высказанное уже Фроловымъ, разумѣется безъ латинской цитаты.

Не знаю, какъ отозвались враждебныя намъ иностранныя газеты о смерти Императора Николая, но извѣстно, что англійскія, особенно „Таймсъ“ наполнены были ругательными статьями о усопшемъ; послѣдняя не устыдилась напечатать, что Онъ жилъ преступленіями, злодѣяніями и уподобила Его Вальтазару.—Въ одномъ изъ Лондонскихъ театровъ, при объявленіи со сцены о смерти Николая, публика изъявила неистовую радость и заставила лицедѣевъ пропѣть свой народный гимнъ

Хотя нѣкоторыя нѣмецкія газеты воздали хвалу *рыцарскому характеру* покойнаго, однако же, мы россіяне, положа руку на сердце, должны быть справедливы и сказать, что рыцарскій характеръ Николая не только не принесъ существенной пользы Россіи, но служилъ ей во вредъ и что въ его, около 30 лѣтъ, царствованіе,—Россія, покрыта была мглою и дышать было тяжело.

Наконецъ, фельдмаршалъ, мучившійся неизвѣстностію о самомъ себѣ, получилъ отъ посланнаго изъ Петербурга генер.-адъютанта Ефимовича Манифестъ и Высочайшій приказъ ко всѣмъ войскамъ Имперіи о кончинѣ Импер. Николая и вступленіи на престолъ Александра и собственноручное Его Величества письмо, при чтеніи котораго, по словамъ Ефимовича, старикъ просіялъ и выказалъ не притворную, неудержанную радость.

Помѣстимъ здѣсь въ копіяхъ сперва письмо, а потомъ приказъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

19 Февраля 1855 года.

„Зная, любезный Князь ваши неизмѣнныя чувства къ Нашему незабвенному Государю и благодѣтелю, хочу передать вамъ еще Его послѣднія слова къ своему отцу Командиру.—Вотъ онѣ:

„Душевно благодарю Князя Варшавскаго за его искреннюю пре„данность и дружбу, и за тѣ геройскіе подвиги, коими возвеличилъ „славу Нашего оружія и попралъ измѣну“.

Слова эти вѣрно глубоко отзовутся въ вашемъ благородномъ сердцѣ. Да будутъ онѣ залогомъ и Моихъ собственныхъ чувствъ къ вамъ, искренней привязанности и уваженія къ вашимъ заслугамъ Царю и отечеству. — Да подкрѣпитъ Насъ Богъ въ теперешнюю годину испытанія.

Обнимаю васъ отъ глубины сердца. Васъ искренно любящій

АЛЕКСАНДРЪ.

ПРИКАЗЪ

РОССІЙСКИМЪ ВОЙСКАМЪ

19 февраля.

Храбрые воины, вѣрные защитники Церкви, Престола и Отечества!

Всемогущему Богу угодно было испытать Насъ самою горестною, тяжкою потерею. Мы лишились общаго нашего Отца и Благодѣтеля.

Среди неусыпныхъ заботъ о благоденствіи Россіи и славѣ Русскаго оружія, Любезнѣйшій Родитель Мой, Государь Императоръ Николай Павловичъ, перешелъ въ жизнь вѣчную.

Послѣднія Его слова были: „благодарю славную, вѣрную Гвардію, „спасшую Россію въ 1825 году, равно храбрые и вѣрные Армію и „Флотъ; молю Бога, что бы сохранилъ въ нихъ навсегда тѣ же до„блести, тотъ же духъ, коими при Мнѣ отличались. Покуда духъ сей „сохранится, спокойствіе Государства и внѣ и внутри обезпечено, и „горе врагамъ его! Я ихъ любилъ какъ дѣтей своихъ, старался, какъ „могъ, улучшить ихъ состояніе; ежели не во всемъ успѣлъ, то не отъ „недостатка желанія, но отъ того, что или лучшаго не умѣлъ при„думать, или не могъ болѣе дѣлать“.

Да хранятся въ сердцахъ вашихъ эти незабвенныя слова, какъ доказательство искренней Его къ вамъ любви, которую я раздѣляю въ полной мѣрѣ, и какъ залогъ вашей преданности Мнѣ и Россіи.

АЛЕКСАНДРЪ.

*)

Не будемъ разсуждать о предсмертныхъ словахъ Николая, о любви Его къ Россіи, о моленіи объ ней, о желаніи сдѣлать ее счастливою,

*) Въ оригиналѣ приложенъ печатный экземпляръ манифеста о восшествіи на престолъ Императора Александра II. Въ воспроизведеніи его нѣтъ надобности. *Ред.*

о томъ, что Онъ воиновъ любилъ, какъ своихъ дѣтей, et cetera; это дѣло исторіи,—но мы повторимъ: тяжело было дышать въ его царствованіе и у всѣхъ уста были замкнуты.

На другой же день полученія манифеста, именно 24 февраля, въ православномъ соборѣ, въ присутствіи фельдмаршала, генералитета и главныхъ начальниковъ частей войскъ и управленіи арміи провозглашенъ былъ манифестъ, потомъ прочитана присяга, послѣ коей совершилось цѣлованіе евангелія и креста и рукоприкладство на присяжномъ листѣ. По исполненіи сего, архіепископъ и прочее духовенство сняли свѣтлыя ризы, облеклись въ печальныя и отслужили панихиду по скончавшемся Императорѣ. — Такъ совершились въ Варшавѣ: актъ вступленія на престолъ Императора Александра II, благодушнаго и милостиваго Монарха и Самодержца Россіи, и первая панихида о упокоеніи души усопшаго Владыки Николая I. — Какъ-то на душѣ сдѣлалось легче и всѣ разъѣхались и разошлись съ довольными лицами.

Ефимовичъ подъ рукою разсказывалъ, что. . . . . .

. . . . . .

Императоръ въ послѣднія минуты жизни приказалъ Наслѣднику тотъчасъ объявить Себя Императоромъ и привести къ присягѣ высшихъ чиновъ . . . . . .

. . . . . .

Кажется за день до полученія Паскевичемъ манифеста и письма, проѣхалъ чрезъ Варшаву посланный изъ Вѣны съ письмомъ отъ австрійскаго Императора эрцъ-герцогъ Вильгельмъ - Францъ Карлъ; онъ пробылъ здѣсь около двухъ часовъ и въ 3 часа утра отправился въ Питеръ. — Встрѣчавшій на границѣ эрцъ-герцога и сопровождавшій его до Варшавы директоръ желѣзной дороги генер. Шеншинъ, не могъ нахвалиться любезнымъ съ нимъ обращеніемъ и его разговорами: принцъ распрашивалъ о причинѣ болѣзни и смерти Николая, но ни однимъ словомъ не коснулся до военныхъ дѣлъ и вѣроломномъ вынужденіи насъ очистить Молдавію. Между тѣмъ его Апостолическое Величество соизволилъ отдать слѣдующій приказъ по своимъ войскамъ, въ плохомъ переводѣ здѣсь излагаемый.

ПРИКАЗЪ.— $\frac{\text{22 февраля}}{\text{3 марта.}}$

„Дабы сохранить навсегда въ Моей арміи достославную память Его Величества Императора Николая I и выразить благодарное вниманіе за помощь, данную Имъ Мнѣ и Моей Имперіи съ благородною и дружественною готовностію въ эпоху тяжкихъ испытаній и важныхъ затрудненій, — повелѣваю Кирасирскому № 5 полку, носящему Августѣйшее Имя почившаго Монарха, сохранить оное навсегда и по-

крыть крепомъ знамена его въ продолженіи четырехъ—недѣльнаго предписаннаго траура".

Францъ Іосифъ.

Въ тоже время, въ одной австрійской газетѣ было напечатано, что (будто бы) австрійскій Императоръ кому то сказалъ, что „Онъ не „можетъ свыкнуться съ мыслію, что лишился испытаннаго во всѣхъ „случаяхъ друга и въ особенности, что этотъ ударъ постигъ Его „въ такую минуту, когда Его Величество надѣялся доказать на дѣ„лѣ свою вѣрность почившему Императору; что онъ (Францъ-Іосифъ) „надѣется, что Императоръ Александръ приметъ, какъ часть наслѣ„дія своего, ту дружбу, о коей Его Величество сохранитъ вѣчную „память; что онъ горько сожалѣетъ о томъ, что лишился случая „доказать Императору Николаю, что онъ (Францъ-Іосифъ) возвратил„ся на прежній путь; что онъ убѣжденъ, что Императоръ Алек„сандръ явитъ въ дѣлахъ возстановленія мира такую же возвышенность „и твердость видовъ, какъ Его Августѣйшій Предшественникъ".

При какихъ обстоятельствахъ и кому произнесены были эти велерѣчивыя слова, газета не объяснила. Францъ Іосифъ воспитанникъ Іезуитовъ!

Между тѣмъ какъ упомянутое выше совершилось въ Варшавѣ, Меньщиковъ—по словамъ его: адмиралъ, никогда не служившій во „флотѣ и Главнокомандующій въ Крыму морскихъ и сухопутныхъ силъ, „не имѣющій ихъ"—ратовалъ подъ Севастополемъ противъ врага.—Фельдмаршалъ еще до кончины Императора Николая, вскорѣ по возвращеніи изъ Петербурга, сильно и весьма сильно осуждалъ дѣйствія Меньщикова, говоря, что союзная армія, особенно англійская, въ разстройствѣ отъ холода, голода и болѣзней, а мы все имѣемъ и числительностію сильнѣе, и за всѣмъ тѣмъ дали врагу укрѣпиться и пробавляемся ни къ чему неведущими вылазками. Это осужденіе едвали справедливо, но безъ сомнѣнія послѣдствіемъ сего было то, что натретій день воцаренія Императора, т. е. 20 февраля, вѣроятно еще по предначертанію Николая,—Главнокомандущій южною арміею князь Горчаковъ назначенъ Главнокомандующимъ и въ Крыму, вмѣсто Меньщикова. Надобно сознаться, назначеніе было неудачное, по отношенію его характера и частымъ болѣзненнымъ припадкамъ.

Любопытны разглашенныя причины, по коимъ Наполеонъ яко бы питалъ злобу на Императора Николая и воздвигнулъ на Россію войну, именно:

1) Со дня вступленія Наполеона на престолъ Императоръ Николай въ своей перепискѣ съ нимъ не называлъ его братомъ, какъ это принято между государями.

2) Разъ, при путешествіи Вел. Княг. Маріи Николаевны супруги

Герцога Лейхтенбургскаго, когда она должна была остановиться въ Страсбургѣ и Наполеонъ сдѣлалъ приготовленія для Ея пріема и свиданія, какъ съ женою своего двоюроднаго брата, то Императоръ Николай, узнавъ о томъ, чрезъ фельдъегеря воспретилъ своей дочери быть въ Страсбургѣ.

3) По духовному завѣщанію Герцогъ Лейхтенбергскій поручалъ дѣтей своихъ покровительству Короля Баварскаго и Наполеона; о чемъ увѣдомилъ ихъ предсмертными своими письмами; но Императоръ Николай всѣмъ этимъ дѣтямъ далъ фамилію *Романов кихъ* и тѣмъ устранилъ всякое вмѣшательство и вліяніе Наполеона.

4) Императоръ Николай разстроилъ женитьбу Наполеона на принцессѣ Ваза.

20 марта, въ день Вербнаго Воскресенія, въ православномъ соборѣ, послѣ литургіи, читано было воззваніе Синода, приглашавшее всѣхъ русскихъ возстать противу враговъ и послѣ совершено было молебствіе о ниспосланіи свыше побѣды надъ ними. Это воззваніе имѣло одинъ недостатокъ, оно было длинно и велерѣчиво.

Предъ тѣмъ черезъ Варшаву проѣзжалъ въ Петербургъ вызванный изъ за границы принцъ Дармштатскій Александръ, родной братъ нашей царствующей Императрицы.

Этотъ принцъ состоялъ въ нашей службѣ, но вслѣдствіе . . . . . исторіи съ фрейлиною графинею Гаукъ и женитьбы на ней, по данному имъ честному слову,—былъ Императоромъ Николаемъ уволенъ изъ службы, долженъ былъ оставить Россію и вступилъ въ австрійскія войска.—Высокаго посѣтителя встрѣчалъ на нашей границѣ и сопровождалъ до Варшавы, сидя съ нимъ въ одномъ вагонѣ, генералъ Шеншинъ; отъ него-то я слышалъ, что принцъ, между прочимъ, говорилъ ему, что австрійскій Кайзеръ весьма расположенъ къ Императору Александру, но президентъ Совѣта графъ Боуль, питаетъ ненависть къ Россіи, усиливающуюся еще его злобою на Николая I, который въ 1849 году обошелся съ нимъ въ Варшавѣ холодно и оскорбилъ его какими-то рѣзкими замѣчаніями.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ возвращался изъ Петербурга чрезъ Варшаву за границу наслѣдный Датскій принцъ, посыланный отъ своего Короля съ поздравленіемъ къ Императору Александру. Тотъ же Шеншинъ сопровождавшій принца, былъ въ восхищеніи отъ его обхожденія и разговоровъ. Онъ посѣщалъ и Москву; осматривалъ въ ней древности и заведенія: московскій воспитательный домъ, университетъ, духовную академію и другія; отзывался съ уважительною похвалою о митрополитѣ Филаретѣ, съ которымъ объяснялся по латыни, о престарѣломъ героѣ Ермоловѣ, который представилъ ему два вооруженные баталіона московскаго ополченія и у коего, независимо отъ обычнаго визита,

вечеромъ просидѣлъ болѣе 3-хъ часовъ и пилъ чай; но о генералъ-губернаторѣ Закревскомъ ни слова не упомянулъ. Принцу чрезвычайно по своей оригинальности понравилась Москва, въ которой онъ прогостилъ пять дней.—Принцъ такъ же разсказалъ, какъ послѣ взятія Бомарзунда, англичане на корабляхъ тащили плѣнныхъ нашихъ офицеровъ, ограбя ихъ и даже снявъ съ нихъ сапоги, и когда Датское правительство хотѣло снабдить ихъ одеждою и иными вещами въ натурѣ, то англичане въ томъ отказали, а потребовали деньги съ тѣмъ, что эти торгаши сами пожелали одѣть и обуть своихъ военно-плѣнныхъ.—Вообще принцъ, по словамъ Шеашина, оскорбительно отзывался объ англійскомъ народѣ и правительствѣ, ругалъ Наполеона III, но болѣе Австрію, честя правительство ея и самого Императора подлымъ и неблагодарнымъ.

Съ новымъ воцареніемъ настало время преобразованія и устройства Россіи.—Началось съ войскъ—это любимый конекъ Императора и донынѣ. Въ концѣ марта объявлено о новой формѣ обмундированія для всѣхъ оружій. Вмѣсто мундировъ съ голубиными хвостиками, даны покойные кафтаны; вмѣсто бѣлыхъ штановъ и ботфортовъ, генераламъ даны шаровары и т. п.

Конгресъ въ Вѣнѣ кончился ничѣмъ; Турція отвергла предложенія и война по прежнему продолжалась въ Крыму. Повелѣно гренадерскій и 2-й пѣхотный корпуса вывесть изъ Царства въ Волынскую и Подольскую губерніи.—Это распоряженіе сдѣлано безъ предварительнаго согласія фельдмаршала Паскевича и старикъ крайне былъ имъ недоволенъ, ожидая со дня на день нашествія австрійцевъ и крѣпко разгнѣвался на своего приближеннаго секретаря Очкина, успокоивавшаго владыку отъ напраснаго страха.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше повелѣно: составить двѣ арміи съ присоединеніемъ къ нимъ ополченцевъ: одну—*западную* въ Царствѣ Польскомъ, подъ командою генер.-юдъютанта Сумарокова,—другую—*среднюю*, на Волыни и Подоліи, подъ начальствомъ генерала Панютина, съ тѣмъ, чтобы Паскевичъ изъ своего главнаго штаба составилъ необходимые штабы для тѣхъ двухъ генераловъ.—Назначеніе лицъ въ эти штабы происходило въ величайшей тайнѣ. Въ число ихъ попались и два члена полеваго аудиторіата: я и генералъ Левицкій—Леонтьевъ, предназначенные Паскевичемъ къ исправленію должности дежурныхъ генераловъ. - Я узналъ однако же о томъ; мнѣ приходилось отправиться къ Панютину на Волынь, оставить Варшаву, разстаться, можетъ быть на всегда, съ больною женою и могилою моего сына, къ которой я былъ прикованъ душею и тѣломъ, а сверхъ того, я и нравственно и физически былъ потрясенъ потерею моего первенца и мнилъ себя неспособнымъ принять новыя обязанности, требовавшія

энергіи и дѣятельности, и съ честію исполнять ихъ,—я по всѣмъ этимъ причинамъ, чрезъ дежурнаго генерала Заблоцкаго испросилъ дозволеніе у фельдмаршала оставить службу, которое и было имъ дано съ неудовольствіемъ и гнѣвомъ, а затѣмъ Высочайшимъ приказомъ 21 мая я былъ уволенъ за болѣзнію съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ 840 р. сер. въ годъ.—Надобно сознаться, что послѣ я сожалѣлъ о сдѣланной мною опрометчивости и много потерялъ, оставаясь въ отставкѣ 4 года и 2 мѣсяца.

Состоя на службѣ, я volensnolens бывалъ въ обществѣ, зналъ и слышалъ, что дѣлалось въ свѣтѣ, зналъ злобу дня:—вышедъ въ отставку, я уже ни гдѣ не являлся, не желалъ поддерживать знакомства и связей, и потому воспоминанія мои не могутъ быть ни любопытны, ни многочисленны.

Проѣзжавшій чрезъ Варшаву за границу состоявшій при князѣ Горчаковѣ дипломатическій чиновникъ Коцебу разсказывалъ, что князь, ратующій подъ Севастополемъ, постоянно боленъ поносомъ и упадкомъ силъ и что наканунѣ приступа врага 6 іюня онъ былъ въ постели, но при штурмѣ явился однако же предъ войсками.—Самъ же князь писалъ сюда, что Меньщиковъ поставилъ его между *безчестіемъ* и *смертію*.

Распространились слухи: 1) что знаменитый защитникъ Севастополя, генералъ Тотлебенъ, тяжело раненъ и прекратилъ свою столь полезную дѣятельность,—этотъ слухъ подтвердился; 2) что будто бы на югѣ формируется новая сильная армію изъ дружинъ 6-ти губерній, строевыхъ поселенныхъ тамъ войскъ и малороссійскихъ казачьихъ полковъ подъ командою генерала графа Никитина, и что передовыя ея колонны должны прибыть въ Перекопь къ 1 августа; этотъ слухъ оказался выдумкою и 3) но что не было выдумкою, это то, что дѣйствительно архіепископъ Херсонскій, славный витія Иннокентій, былъ въ Севастополѣ и укрѣплялъ духъ сражавшихся русскихъ воиновъ.

Въ концѣ іюля пріѣхала изъ Петербурга въ Варшаву княгиня Горчакова, супруга главнокомандующаго въ Крыму. Превозносилась лестнымъ пріемомъ ея при Дворѣ и назначеніемъ двухъ дочерей ея фрейлинами. Она прибыла на время погостить въ городѣ близко ей знакомомъ и нѣжно ею любимомъ, не предчувствуя, что чрезъ пять мѣсяцевъ сіятельная пара, т. е. мужъ и жена, не только въ Варшавѣ, но и во всемъ Царствѣ Польскомъ будутъ лицами, по выраженію гостинодворцевъ, *перваго сорта* и разыгривать первыя роли.

Фельдмаршалъ не замедлилъ явиться съ визитомъ къ гостьѣ и въ дружеской бесѣдѣ, между откровенными изліяніями, коснулся Императора Николая, о которомъ,—по словамъ княгини, говорилъ много.

рѣзко и не совсѣмъ уважительно.—А вѣдь Августѣйшій былъ его благодѣтелемъ и покровителемъ!

Чрезъ нѣсколько времени, княгиня Горчакова изъ подъ Севастополя получила отъ своего мужа письмо, въ которомъ онъ писалъ, между прочимъ, что положеніе обѣихъ враждующихъ арміи столь *натянуто*, что ожидается между ими *кровавое столкновеніе*.—И точно, вскорѣ послѣ этого письма, распространился слухъ, подтвердившійся въ послѣдствіи, о кровавомъ столкновеніи 4 августа на Черной рѣчкѣ, близъ Севастополя, вызванномъ самими нами, гдѣ наши войска хотя и сражались храбро, но сильно были побиты и потеряли убитыми своего корпуснаго командира Реада и еще двухъ генераловъ.—На первыхъ порахъ русскіе въ Варшавѣ утверждали, что французы о нашемъ наступленіи заранѣе знали отъ перебѣжчиковъ—поляковъ, приготовились встрѣтить и побили насъ, но это мнѣніе несправедливо. Неуспѣхъ нашъ былъ просто напросто слѣдствіемъ непростительнаго недоразумѣнія и безтолковости князя Горчакова и Реада.—Можно бы спросить сіятельнаго, зачѣмъ онъ держалъ при себѣ начальника главнаго штаба Коцебу и генералъ-квартермистра Бутурлина и не послалъ одного изъ нихъ къ Реаду? Но Горчаковъ давно уже въ могилѣ; его обвинялъ и Паскевичъ,—и былъ правъ.

Еще живо и горячо разсуждали о пораженіи нашемъ на злосчастной Черной рѣчкѣ, какъ 29 или 30 августа Паскевичъ получилъ телеграмму изъ Петербурга объ оставленіи нами Севастополя 27 августа и объ отступленіи гарнизона за бухту на Сѣверную сторону, послѣ ужаснаго врагами бомбандированія наканунѣ и приступа на 6 пунктовъ укрѣпленій, которые впрочемъ были мужественно отбиты, и взятія французами 7 укрѣпленія, называемаго Малаховымъ курганомъ,—что и рѣшило насъ, послѣ кровавой рѣзни, очистить Севастополь. По разсказу очевидца, Паскевичъ, прочитавъ депешу, съ злорадствомъ произнесъ: „*пусть поплачутся Горчаковы*“. Потомъ добавилъ: „*теперь мнѣ приходится защищать Крымъ*“. Между тѣмъ княгиня Горчакова отъ этого извѣстія переходила изъ отчаянія къ отчаянію; но фельдмаршалъ сжалился и объявилъ ей, что самъ Императоръ писалъ къ нему, что послѣ адскихъ бомбандированій Севастополь неминуемо долженъ пасть.

Всѣ носившіе русскій мундиръ въ Варшавѣ были смущены весьма этимъ неожиданнымъ событіемъ; одни только поляки радовались постигшему насъ несчастію, шушукали, что кн. Горчаковъ застрѣлился и имѣли веселыя и довольныя лица,—Надобно сознаться,—Богъ каралъ Россію за гордыню покойнаго Вѣнценосца; Онъ убѣжденъ былъ въ своей силѣ и могуществѣ и не предпринималъ никакихъ мѣръ къ лучшему устройству и снабженію военной части, и потому-то бѣдственная война нашла насъ безъ усовершенствованнаго оружія и безъ до-

статочнаго количества пораха, артиллерійскихъ снарядовъ и другихъ предметовъ, успѣхъ обезпечивающихъ.—Мы мнили себя быть непобѣдимыми и горько въ томъ разочаровались.—Врага *мы не закидали шапками*, какъ пророчилъ это сдѣлать тупоголовый генералъ Кирьяковъ, въ сраженіи на Альмѣ.

И теперь не рѣшенъ еще вопросъ: оставленъ ли Севастополь нами, какъ мы утверждаемъ, или взятъ штурмомъ, какъ говорятъ и пишутъ хвастливые французы? Но дѣло въ томъ, что мы его не отстояли и должны были выдти изъ него.

Въ память своей побѣды, въ Парижѣ выбита была бронзовая медаль, на одной сторонѣ которой изображенъ Наполеонъ III-й съ мечемъ въ рукѣ, идущій на приступъ Севастополя, а на другой слѣдующая подпись: „взятіе Севастополя союзными арміями Франціи, Англіи, Пьемонта и Турціи 9 сентября 1855 года"—Къ чему тутъ изображеніе проходимца, авантюриста?

Въ Бельведерскомъ дворцѣ покойный Великій Князь Цесаревичъ Константинъ занималъ своею особою верхніе покои; тамъ стояла и его походная кровать съ одѣяломъ изъ толстаго сѣраго солдатскаго сукна, на которой онъ и спалъ; тамъ застигло его возмущеніе въ ноябрѣ 1830 года; туда вломились ночью безбородные ученики академіи и юнкерской школы для умерщвленія Цесаревича; оттуда, пробужденный отъ сна камердинеромъ, онъ скрытъ былъ, кажется, на чердакѣ; тамъ, наконецъ, всѣ жилыя комнаты Его Высочества увѣшаны были портретами многихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ всѣхъ родовъ оружія бывшей польской арміи во всемъ полномъ ихъ вооруженіи. Послѣ покоренія въ 1831 году Варшавы, всѣ эти рисованные воины были отправлены въ Петербургъ, но возвращены по приказанію царствующаго Императора въ Варшаву, кажется, въ августѣ мѣсяцѣ и заняли прежнія свои стѣнныя позиціи въ Бельведерѣ; присылка же этихъ портретовъ произошла отъ предполагавшагося пріѣзда сюда Царя, который однако же не пріѣхалъ, по причинѣ потери Севастополя. Между тѣмъ поляки ликовали возвращенію намалеванныхъ своихъ родаковъ, подлинники которыхъ въ 1830—31 годахъ сражались противу насъ.

По оставленіи нами Севастополя, князь Горчаковъ издалъ 31 августа приказъ, сочиненный генер. квартирм. его Бутурлинымъ. Этотъ приказъ былъ многорѣчивъ, длиненъ, какъ коломенская верста и написанъ стилемъ канцелярскимъ, дѣловымъ; онъ воздаетъ хва'лу отъ генерала до послѣдняго фурмана; въ тоже время, Горчаковъ, въ письмѣ къ женѣ своей, *очень радуется, что*

благополучно выбрался изъ мышеловки; а спустя мѣсяцъ пишетъ къ ней же, что онъ *надѣется* кончить настоящую компанію съ *честію*; да и Паскевичъ увѣрялъ его, что *онъ теперь находится въ счастливомъ положеніи*. Паскевичъ имѣлъ свою причину такъ увѣрять; онъ полагалъ, что союзники нападутъ и возьмутъ и сѣверныя укрѣпленія Севастополя и тогда австрійцы объявятъ намъ войну и вторгнутся въ Царство, гдѣ число войскъ яко бы было недостаточно для борьбы съ ними и потому его свѣтлость желалъ часть войскъ Горчакова возвратить къ себѣ и писалъ о томъ Государю; но Царь посовѣтывалъ успокоиться и не думать объ австрійцахъ. Съ другой стороны фельдмаршалъ былъ убѣжденъ, что его отправятъ въ Крымъ и ожидалъ съ часу на часъ повелѣнія, котораго однако-же не послѣдовало.

Между тѣмъ, объявленъ рекруткій наборъ по 10 челов. съ 1000 душъ съ тѣмъ, что бы этотъ наборъ былъ конченъ къ 15 декабря.

По оставленіи нами Севастополя Императоръ изволилъ посѣтить Москву. Кажется въ одно время въ журналѣ „Москвитянинъ“ напечатана была слѣдующая многознаменательная статья издателя журнала Погодина: „Севастополь показалъ въ полномъ блескѣ все, что есть прекраснаго въ русской природѣ, но тамъ же увидѣли мы и многіе существенные наши недостатки, особенно въ отношеніи къ Европейской искуственности, или вообще къ образованію, которое по всѣмъ частямъ необходимо должно быть у насъ уравнено съ нашими врагами. Не станемъ стыдиться гласнаго сознанія въ этихъ недостаткахъ, напротивъ, будемъ благодарны за всякое благонамѣренное указаніе, не будемъ обвинять никого, а всѣ, соединенными силами, приложимъ стараніе объ ихъ отстраненіи и предадимся спокойно въ волю Божію“.

Въ первыхъ числахъ октября Паскевичъ заболѣлъ, но ему не вѣрили, однако же болѣзнь усилилась до того, что приглашенъ былъ изъ Берлина королевскій лейбъ-медикъ, которому король приказалъ оставаться въ Варшавѣ, пока фельдмаршалъ не поправится и не минуетъ опасность. У больного въ желудкѣ оказался скирръ и лейбъ-медикъ, пробывшій несколько дней и давши наставленія, отправился во свояси, получивши за свой визитъ 300 полуимперіаловъ. Варшавскіе же доктора въ мнѣніяхъ своихъ расходились: одни утверждали, что фельдмаршалъ еще долго проживетъ, другіе—что не долго продлится его существованіе; но достовѣрно то, что старецъ, отъ переносимыхъ имъ страданій и боли, предавался ужасной ярости и запальчивости; его пользовалъ и гомеопатъ, отставной польской службы подпоручикъ, но безуспѣшно; онъ даже намѣревался прибѣгнуть къ помощи овчара—крестьянина, лѣчившаго своихъ больныхъ травами и соками.

Между тѣмъ какъ маститый фельдмаршалъ боролся съ своею болѣзнію, получены были изъ Крыма весьма прискорбныя извѣстія о томъ, что Императоръ въ бытность свою въ войскахъ Горчакова, остался крайне недоволенъ злоупотребленіями чиновниковъ, посланныхъ изъ Петербурга для раздачи раненнымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ пожертвованныхъ вещей и денегъ, равно открылись безпорядки и хищничества въ интендантствѣ по продовольствію войскъ и госпиталей, подтвердившіеся формальнымъ слѣдствіемъ, произведеннымъ по оконченіи войны, и генералъ интендантъ Затлеръ съ комп. былъ преданъ военному суду и подвергнутъ заслуженному наказанію со всѣми своими клевретами.

Въ послѣднихъ числахъ октября и въ первыхъ ноября прибыли въ Варшаву дружины Ярославскаго и Костромскаго ополченій. Грустно было смотрѣть на эту толпу брадатыхъ защитниковъ, оторванныхъ отъ своихъ семействъ. Педантъ Сумароковъ былъ крайне недоволенъ фронтовымъ образованіемъ Костромской дружины и грубо выговаривалъ за то начальнику ея дѣйствительному статскому совѣтнику Васькову. Этотъ помѣщикъ справедливо ему замѣтилъ, что онъ привелъ не солдатъ, а мужиковъ и не для воинскихъ парадовъ и церемоній, а что бы драться съ врагами и что тогда только Сумароковъ можетъ дѣлать выговоры, когда увидитъ, что ополченцы будутъ худо драться съ врагами и въ заключеніе Васьковъ присовокупилъ, что онъ начальникомъ ополченцевъ избранъ всѣмъ дворянствомъ и взялъ съ собою, на службу отечеству 4-хъ сыновей и 2-хъ зятьевъ, чего не можетъ сказать другой о самомъ себѣ. Но Сумароковъ таки доѣхалъ Васькова, и, какъ говорили, чрезъ 2 мѣсяца умеръ отъ нападковъ и огорченій.

17-го ноября проявило не бывалое явленіе въ Варшавѣ. По Высочайшему повелѣнію, при собраніи войскъ и прочихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, на Саксонской площади, гдѣ воздвигнутъ еще при Николаѣ I-мъ памятникъ въ честь павшихъ при возмущеніи 17 ноября 1830 года поляковъ, имена которыхъ вырѣзаны на доскахъ памятника, совершены были сперва благодарственное молебствіе о усмиреніи польскаго мятежа, а потомъ и панихида по Александрѣ I, Цесаревичѣ Константинѣ и павшихъ вѣрныхъ долгу своему упомянутыхъ поляковъ. Какой смыслъ имѣла эта церемонія по прошествіи столькихъ лѣтъ,— осталось не разгаднымъ.

Едвали не въ этотъ же день или наканунѣ, Паскевичъ исповѣдался и пріобщился, повторилъ тоже и 19 числа, такъ былъ близокъ къ смерти, находясь въ безпрерывномъ усыпленіи. При одномъ изъ своихъ пробужденій, онъ позвалъ находившагося на дежурствѣ своего адъютанта Протасова и поручилъ ему благодарить всѣхъ прочихъ своихъ товарищей за ихъ службу при немъ; въ это время вошелъ къ

крыть крепомъ знамена его въ продолженіи четырехъ—недѣльнаго предписаннаго траура".

Францъ Іосифъ.

Въ тоже время, въ одной австрійской газетѣ было напечатано, что (будто бы) австрійскій Императоръ кому то сказалъ, что „Онъ не „можетъ свыкнуться съ мыслію, что лишился испытаннаго во всѣхъ „случаяхъ друга и въ особенности, что этотъ ударъ постигъ Его „въ такую минуту, когда Его Величество надѣялся доказать на дѣ„лѣ свою вѣрность почившему Императору; что онъ (Францъ-Іосифъ) „надѣется, что Императоръ Александръ приметъ, какъ часть наслѣ„дія своего, ту дружбу, о коей Его Величество сохранитъ вѣчную „память; что онъ горько сожалѣетъ о томъ, что лишился случая „доказать Императору Николаю, что онъ (Францъ-Іосифъ) возвратил„ся на прежній путь; что онъ убѣжденъ, что Императоръ Алек„сандръ явитъ въ дѣлахъ возстановленія мира такую же возвышенность „и твердость видовъ, какъ Его Августѣйшій Предшественникъ".

При какихъ обстоятельствахъ и кому произнесены были эти велерѣчивыя слова, газета не объяснила. Францъ Іосифъ воспитанникъ Іезуитовъ!

Между тѣмъ какъ упомянутое выше совершилось въ Варшавѣ, Меньщиковъ—по словамъ его: адмиралъ, никогда не служившій во „флотѣ и Главнокомандующій въ Крыму морскихъ и сухопутныхъ силъ, „не имѣющій ихъ"—ратовалъ подъ Севастополемъ противъ врага.—Фельдмаршалъ еще до кончины Императора Николая, вскорѣ по возвращеніи изъ Петербурга, сильно и весьма сильно осуждалъ дѣйствія Меньщикова, говоря, что союзная армія, особенно англійская, въ разстройствѣ отъ холода, голода и болѣзней, а мы все имѣемъ и числительностію сильнѣе, и за всѣмъ тѣмъ дали врагу укрѣпиться и пробавляемся ни къ чему неведущими вылазками. Это осужденіе едвали справедливо, но безъ сомнѣнія послѣдствіемъ сего было то, что натретій день воцаренія Императора, т. е. 20 февраля, вѣроятно еще по предначертанію Николая,—Главнокомандущій южною арміею князь Горчаковъ назначенъ Главнокомандующимъ и въ Крыму, вмѣсто Меньщикова. Надобно сознаться, назначеніе было неудачное, по отношенію его характера и частымъ болѣзненнымъ припадкамъ.

Любопытны разглашенныя причины, по коимъ Наполеонъ яко бы питалъ злобу на Императора Николая и воздвигнулъ на Россію войну, именно:

1) Со дня вступленія Наполеона на престолъ Императоръ Николай въ своей перепискѣ съ нимъ не называлъ его братомъ, какъ это принято между государями.

2) Разъ, при путешествіи Вел. Княг. Маріи Николаевны супруги

Въ первыхъ числахъ декабря получено было насъ обрадовавшее извѣстіе о сдачѣ Карса и 6-го числа совершено благодарственное молебствіе, равно пѣтъ былъ молебенъ по случаю тезоименитства Цесаревича Николая и длиннѣйшее богослуженіе завершено панихидою по Императорѣ Николаѣ I-мъ.

Между тѣмъ по маленьку преобразованіе по военному вѣдомству совершилось; такъ гражданскимъ чинамъ того вѣдомства, для придачи имъ воинственности, дозволено носить *усы!*

Въ концѣ декабря я видѣлся здѣсь съ генералъ-адъютантомъ Бибиковымъ, принявшимъ меня весьма любезно и къ моему изумленію отъ пріѣхавшаго съ нимъ довѣреннаго чиновника, мнѣ хорошо знакомаго коллежскаго совѣтника Розетти, узналъ, что Бибиковъ не Литовскій уже генералъ-губернаторъ и получилъ увольненіе отъ сей должности вовсе неожиданно, на канунѣ его отъѣзда сюда изъ Вильны за слѣдующее прегрѣшеніе: новый министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, вступивъ въ исправленіе своей должности, издалъ циркуляръ, напечатанный во всѣхъ газетахъ, къ губернаторамъ, коимъ онъ, какъ благовоспитанный вельможа, приглашалъ ихъ познакомить съ собою все дворянство губерній, доводить до его свѣдѣнія всѣ ихъ нужды, желанія и проч. и проч. Литовское дворянство при первомъ съѣздѣ въ Вильно, потолковало, пошумѣло, по обычаю польщины, и на основаніи упомянутаго циркуляра изъявило свои нужды и желанія, особенно о возстановленіи по прежнему въ Вильно университета, составило адресъ къ Императору и представило его Бибикову, а этотъ близорукій агентъ препроводилъ адресъ къ Ланскому и вскорѣ затѣмъ получилъ строгій выговоръ и удаленіе отъ должности. А вѣдь сколько лѣтъ толкался при Дворѣ и не научился мудрости!

Заканчиваю этотъ годъ тѣмъ, что фельдмаршалъ близился къ концу своихъ дней; онъ терпѣлъ неимовѣрныя страданія, не въ состояніи былъ ни поднять руки, ни шевельнуть ногою и до изумительности съежился. По словамъ находившагося при немъ доктора Загорскаго страдалецъ однажды просилъ *убить* его.

Въ тоже время, когда фельдмаршалъ взывалъ и молилъ о смерти, проживавшая въ Варшавѣ жена генерала Сухозанета получила отъ своего мужа изъ Крыма письмо, приказывающее ей передать княгинѣ Горчаковой, что *она вымолила у Бога.* Разгадка этихъ словъ выяснилась чрезъ нѣсколько дней въ письмѣ князя Горчакова къ своей супругѣ, которымъ онъ извѣщалъ, что Государь Императоръ по смерти фельдмаршала назначаетъ его и намѣстникомъ въ царствѣ и главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, — и притомъ приказываетъ ей это держать въ секретѣ. Разумѣется это не осталось въ тайнѣ, княгиня безмѣрно возликовала и разболтала и съ тою же безмѣрною

вечеромъ просидѣлъ болѣе 3-хъ часовъ и пилъ чай; но о генералъ-губернаторѣ Закревскомъ ни слова не упомянулъ. Принцу чрезвычайно по своей оригинальности понравилась Москва, въ которой онъ прогостилъ пять дней.—Принцъ такъ же разсказалъ, какъ послѣ взятія Бомарзунда, англичане на корабляхъ тащили плѣнныхъ нашихъ офицеровъ, ограбя ихъ и даже снявъ съ нихъ сапоги, и когда Датское правительство хотѣло снабдить ихъ одеждою и иными вещами въ натурѣ, то англичане въ томъ отказали, а потребовали деньги съ тѣмъ, что эти торгаши сами пожелали одѣть и обуть своихъ военно-плѣнныхъ.—Вообще принцъ, по словамъ Шелгина, оскорбительно отзывался объ англійскомъ народѣ и правительствѣ, ругалъ Наполеона III, но болѣе Австрію, честя правительство ея и самого Императора подлымъ и неблагодарнымъ.

Съ новымъ воцареніемъ настало время преобразованія и устройства Россіи.—Началось съ войскъ—это любимый конекъ Императора и донынѣ. Въ концѣ марта объявлено о новой формѣ обмундированія для всѣхъ оружій. Вмѣсто мундировъ съ голубиными хвостиками, даны покойные кафтаны; вмѣсто бѣлыхъ штановъ и ботфортовъ, генераламъ даны шаровары и т. п.

Конгресъ въ Вѣнѣ кончился ничѣмъ; Турція отвергла предложенія и война по прежнему продолжалась въ Крыму. Повелѣно гренадерскій и 2-й пѣхотный корпуса вывесть изъ Царства въ Волынскую и Подольскую губерніи.—Это распоряженіе сдѣлано безъ предварительнаго согласія фельдмаршала Паскевича и старикъ крайне былъ имъ недоволенъ, ожидая со дня на день нашествія австрійцевъ и крѣпко разгнѣвался на своего приближеннаго секретаря Очкина, успокоивавшаго владыку отъ напраснаго страха.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше повелѣно: составить двѣ арміи съ присоединеніемъ къ нимъ ополченцевъ: одну—*западную* въ Царствѣ Польскомъ, подъ командою генер.-юдъютанта Сумарокова,—другую—*среднюю*, на Волыни и Подоліи, подъ начальствомъ генерала Панютина, съ тѣмъ, чтобы Паскевичъ изъ своего главнаго штаба составилъ необходимые штабы для тѣхъ двухъ генераловъ.—Назначеніе лицъ въ эти штабы происходило въ величайшей тайнѣ. Въ число ихъ попались и два члена полеваго аудиторіата: я и генералъ Левицкій—Леонтьевъ, предназначенные Паскевичемъ къ исправленію должности дежурныхъ генераловъ.—Я узналъ однако же о томъ; мнѣ приходилось отправиться къ Панютину на Волынь, оставить Варшаву, разстаться, можетъ быть на всегда, съ больною женою и могилою моего сына, къ которой я былъ прикованъ душею и тѣломъ, а сверхъ того, я и нравственно и физически былъ потрясенъ потерею моего первенца и мнилъ себя неспособнымъ принять новыя обязанности, требовавшія

Наконецъ фельдмаршалъ трехъ великихъ державъ: Россійс Австрійской и Прусской, князь Варшавскій, графъ Иванъ Фед вичъ—Эриванскій, 20 января, въ день преподобнаго Евфимія ве каго, въ пятницу, послѣ 3 часовой страшной агоніи, въ 10 час утра, предалъ безсмертную душу свою на судъ Всемогущаго и Всеб таго Бога!

Объ этой кончинѣ тотчасъ дано было знать по телеграфу въ П тербургъ и тѣмъ же путемъ чрезъ нѣсколько часовъ полученъ отвѣ что-бы онъ былъ похороненъ, согласно его желанію, въ пожаловани ему Императоромъ Николаемъ Ивановскомъ селѣ, близъ Ивангородск крѣпости и что бы всѣ издержки на погребеніе обратить на сче казны Царства; въ тоже время, Высочайше повелѣно гвардіи и ар въ память усопшаго носить трауръ 9 дней, а полкамъ имени 6 недѣль; наконецъ, сынъ умершаго генералъ-маіоръ Паскевичъ заслуги его отца, назначенъ генералъ-адъютантомъ.

Другою депешею изъ Петербурга князь Горчаковъ назначенъ Н мѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ и главнокомандующимъ армія Западною – Сумарокова и среднею— Панютина, вскорѣ затѣмъ прин шими одно названіе: дѣйствующей. Княгиня Горчакова возликов до пошлости и радостно принимала поздравленія, а самолюби парикъ— Сумароковъ, мнившій быть главнокомандующимъ, былъ вз шенъ до неистовства.

Съ послѣднимъ вздохомъ Намѣстника были воспрещены всѣ щественныя увеселенія: театры, балы и маскарады; что было не душѣ полякамъ, такъ какъ у нихъ наступили послѣдніе дни бѣшен ихъ карнавала.

21 числа тѣло фельдмаршала было анатомировано, и, какъ го рили, въ желудкѣ его оказались сильнѣйшіе три рака и по обѣи сторонамъ желудка два отверстія, величиною въ серебряный руб потомъ тѣло набальзамировали.

23 числа перенесено тѣло во гробѣ изъ его покоевъ въ воен походную церковь, въ томъ же замкѣ устроенную и соединяющу съ комнатами; была отслужена панихида и заупокойная литургія; сего же числа при гробѣ днемъ и ночью назначалось на дежурство, съ военной стороны: 2 генералъ-лейтенанта и 1 генералъ-маіоръ, а гражданской: тайный совѣтникъ, дѣйствительный статскій совѣтн и статскій совѣтникъ, кромѣ нѣсколькихъ оберъ-офицеровъ.

Въ этотъ же день получена была изъ Петербурга депеша, что бумаги Паскевича были опечатаны и вскрыты по прибытіи въ В шаву Горчакова въ его присутствіи.

27 числа гробъ усопшаго съ подобающею пышно-торжественною церемоніею, при многочисленнѣйшемъ кортежѣ, перевезенъ въ православный соборъ, а 28 числа съ такою же церемоніею вывезенъ изъ собора до р. Вислы и потомъ отправленъ въ Ивановское село *).

Православный архіепископъ Варшавскій Арсеній предписалъ церквамъ своей епархіи въ продолженіи года, творить поминовеніе при богослуженіи о скончавшемся боляринѣ—фельдмаршалѣ.

Еще гробъ усопшаго вождя стоялъ въ церкви замка и семейство съ больною вдовою занимало все намѣстническое помѣщеніе, въ ожиданіи окончательнаго погребенія, какъ новый намѣстникъ, князь Горчаковъ, чрезъ фелдъегеря далъ знать Варшавскому коменданту Тутчеку, что онъ Горчаковъ пріѣдетъ *прямо въ замокъ* и что бы очистили собственно для него и его семейства нѣсколько комнатъ. Объ этомъ 24-го января и писалъ женѣ своей, приказывая ей, по назначеніи помѣщенія комендантомъ тотчасъ переѣхать въ замокъ и добавивъ, что все это *необходимо* и это слово для большаго вниманія подчеркнулъ. Княгиня изумилась и тому, что мужъ ея пріѣдетъ *прямо въ замокъ*, когда прежде онъ сего не предполагалъ вовсе, и его

---

*) ПРИКАЗАНІЕ.

Выносъ тѣла покойнаго Господина Генералъ-Фельдмаршала изъ Замка въ Соборъ, назначается въ Пятницу 27 Января въ 1 часъ по полудни.

Всѣми войсками, имѣющими быть при выносѣ въ парадѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія, назначенъ командовать Генералъ-Адъютантъ, Генералъ отъ Кавалеріи Дьяковъ.

Въ парадѣ семъ будутъ находиться всѣ войска Варшавскаго гарнизона, кромѣ частей вступающихъ въ караулъ въ тотъ день и смѣняющихся съ онаго, а именно: а.) Карабинерная рота Егерскаго Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго полка, съ хоромъ Саперной музыки. б.) Резервный Пѣхотный полкъ 7-й Пѣхотной дивизіи, за исключеніемъ двухъ ротъ, находящихся въ фортѣ Сливицкій. в.) Резервный Егерскій полкъ той же дивизіи. г.) Дружина No. 136 Ярославскаго Ополченія. д.) Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА конвой. е.) Эскадронъ Жандармскаго полка. ж.) Сводный Л.-Гв. Казачій полкъ. з.) Полъ сотни Донскаго Казачьяго No. 33 полка. и.) Двѣ сотни Закавказскаго Конно-Мусульманскаго полка. к.) Дивизіонъ Резервной No. 2 батареи 3-й Артиллерійской дивизіи. л.) Донская Резервная No. 2 батарея.

Войскамъ быть построеннымъ къ 1-му часу пополудни на мѣстахъ, указанныхъ Офицерами Генеральнаго Штаба и имѣть во взводахъ сколь можно болѣе рядовъ.

Эскадронъ Варшавскаго Жандармскаго дивизіона будетъ слѣдовать впереди процессіи, до Собора; (1) пройдя же Соборъ, эскадронъ сей по Длугой улицѣ возвратиться на свои квартиры.

---

(1) Для сего эскадронъ сей долженъ собраться къ часу по полудни на Саксонской площади.

статочнаго количества пороха, артиллерійскихъ снарядовъ и другихъ предметовъ, успѣхъ обезпечивающихъ.—Мы мнили себя быть непобѣдимыми и горько въ томъ разочаровались.—Врага *мы не закидали шапками*, какъ пророчилъ это сдѣлать тупоголовый генералъ Кирьяковъ, въ сраженіи на Альмѣ.

И теперь не рѣшенъ еще вопросъ: оставленъ ли Севастополь нами, какъ мы утверждаемъ, или взятъ штурмомъ, какъ говорятъ и пишутъ хвастливые французы? Но дѣло въ томъ, что мы его не отстояли и должны были выдти изъ него.

Въ память своей побѣды, въ Парижѣ выбита была бронзовая медаль, на одной сторонѣ которой изображенъ Наполеонъ III-й съ мечемъ въ рукѣ, идущій на приступъ Севастополя, а на другой слѣдующая подпись: „взятіе Севастополя союзными арміями Франціи, Англіи, Пьемонта и Турціи 9 сентября 1855 года"—Къ чему тутъ изображеніе проходимца, авантюриста?

Въ Бельведерскомъ дворцѣ покойный Великій Князь Цесаревичъ Константинъ занималъ своею особою верхніе покои; тамъ стояла и его походная кровать съ одѣяломъ изъ толстаго сѣраго солдатскаго сукна, на которой онъ и спалъ; тамъ застигло его возмущеніе въ ноябрѣ 1830 года; туда вломились ночью безбородные ученики академіи и юнкерской школы для умерщвленія Цесаревича; оттуда, пробужденный отъ сна камердинеромъ, онъ скрытъ былъ, кажется, на чердакѣ; тамъ, наконецъ, всѣ жилыя комнаты Его Высочества увѣшаны были портретами многихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ всѣхъ родовъ оружія бывшей польской арміи во всемъ полномъ ихъ вооруженіи. Послѣ покоренія въ 1831 году Варшавы, всѣ эти рисованные воины были отправлены въ Петербургъ, но возвращены по приказанію царствующаго Императора въ Варшаву, кажется, въ августѣ мѣсяцѣ и заняли прежнія свои стѣнныя позиціи въ Бельведерѣ; присылка же этихъ портретовъ произошла отъ предполагавшагося пріѣзда сюда Царя, который однако же не пріѣхалъ, по причинѣ потери Севастополя. Между тѣмъ поляки ликовали возвращенію намалеванныхъ своихъ родаковъ, подлинники которыхъ въ 1830—31 годахъ сражались противу насъ.

По оставленіи нами Севастополя, князь Горчаковъ издалъ 31 августа приказъ, сочиненный генер. квартирм. его Бутурлинымъ. Этотъ приказъ былъ многорѣчивъ, длиненъ, какъ коломенская верста и написанъ стилемъ канцелярскимъ, дѣловымъ; онъ воздаетъ хва́лу отъ генерала до послѣдняго фурмана; въ тоже время, Горчаковъ, въ письмѣ къ женѣ своей, *очень радуется, что*

шавскою и должна потому здѣсь имѣть пристанище, а между тѣмъ мужу ея не поларенъ отъ Императора въ Варшавѣ домъ, какъ это сдѣлано съ Чернышевымъ и Меньщиковымъ, коимъ въ Петербургѣ были пожалованы дома и пр. и пр. Ей, этой *казанской сиротѣ*, имѣвшей слишкомъ 2 т. крестьянъ, была назначена пенсія изъ казны Царства 25 т. р. и другая изъ Государственнаго Казначейства, но сколько, — мнѣ неизвѣстно.

Изъ Ивановскаго свѣтлѣйшая отправилась въ Берлинъ для продолженія лѣченія и тамъ 30 апрѣля мирно отошла на рукахъ сына и дочери Лобановой — Ростовской, перевезена и положена о бокъ своего знаменитаго супруга въ Ивановскомъ. При отпѣваніи тѣла, въ Берлинѣ, протоіерей при нашей миссіи, обратившись къ дѣтямъ усопшей, произнесъ слѣдующія слова:

При прохожденіи печальной процессіи, войсками командовать для отданія чести: на Краковскомъ предмѣстье — Генералъ Маіору Радіонову, на Саксонской площади — Полковнику Гассанъ-Беку, на Вержбовой и Бѣлянской улицахъ — Полковнику Пепкину, а на улицѣ Длугой — Полковнику Листовскому.

Вѣрно: Исправляющій должность Генералъ-Квартирмейстера Западной Арміи, Полковникъ *Семека*.

ПРИКАЗАНІЕ.

Въ Субботу, 28 го Января, назначенъ выносъ тѣла покойнаго Господина Генералъ-Фельдмаршала изъ Собора, по улицамъ, Длугой Фрета и Закрочимской къ спуску при переправѣ чрезъ Вислу, для дальнѣйшаго провожденія къ Ивангороду

Всѣми войсками, имѣющими быть при выносѣ въ парадѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія будетъ командовать Генералъ-Адъютантъ, Генералъ отъ Кавалеріи Дьяковъ.

Въ парадѣ семъ будутъ находиться всѣ войска Варшавскаго гарнизона, за исключеніемъ частей вступающихъ въ тотъ день въ караулъ и смѣняющихся съ онаго, а именно: а.) 5-я Карабинерная рота имени Его Свѣтлости полка, съ хоромъ Саперной музыки. б.) Резервнаго Пѣхотнаго полка: 5-й баталіонъ Смоленскаго, и 5 и 6-й баталіоны Могилевскаго Пѣхотныхъ полковъ. в.) Резервный Егерскій полкъ 7-й Пѣхотной дивизіи. г.) Дружина N. 149 и 1 половина дружины N. 146 Костромскаго Ополченія. д.) Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА конвой. е.) Эскадронъ Жандармскаго полка. ж.) Сводный Л.-Гв. Казачій полкъ. з.) Полъ сотни Донскаго Казачьяго No. 33 полка. и.) Двѣ сотни Закавказскаго Конно-Мусульманскаго полка. к.) Дивизіонъ Резервной No. 2 батареи 3-й Артиллерійской дивизіи л.) Донская Резервная No. 2 батарея.

Изъ числа сихъ войскъ, назначенные въ конвой за гробомъ сзади 3-хъ траурныхъ каретъ: Карабинерная рота Его Свѣтлости полка съ хоромъ Саперной музыки, эскадронъ Жандармскаго полка и Донская Резервная N. 2 батарея, — должны прибыть къ 11 часамъ утра, для построенія на Красинской площади; а всѣмъ прочимъ войскамъ быть на указанныхъ имъ мѣстахъ, въ 12 часовъ по полудни, — для чего жалонерамъ и линейнымъ унтеръ-офицерамъ прибыть для занятія мѣстъ въ 11 часовъ утра.

„По гласу св. церкви, приступите ко гробу вашей родительницы „твердою и не боязненною христіанскою стопою. Дайте послѣднее цѣ„лованіе той, которая дала вамъ жизнь вѣчную. Скажите ей: нѣжная „родительница наша! Миръ праху твоему; блаженъ путь, въ онъ же „ты идеши, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія. Мы вѣруемъ ему, „какъ христіане; но скорбимъ о тебѣ, матерь наша, какъ дѣти твои. „Ты родила насъ въ мукахъ рожденія; теперь мы страдаемъ въ нашу „очередь, и сердцами, полными любви къ тебѣ, уязвляемся лютою „печалію, рождая тебя для жизни небесной. Скорбите, именитыя дѣти „свѣтлѣйшей матери, но не прогнѣвите благодати Христовой. Скор„бите, но не какъ языцы, не имущіе упованія. Скорбите, но и вѣ„руйте, что Господь, воскресшій изъ мертвыхъ и смертію своею „поправшій смерть, представилъ вашу родительницу, сокрывшую жи„вотъ свой со Христомъ въ Бозѣ, для лучшей жизни. Пусть плоть, „отъ земли взятая, возвратится въ землю и истлѣетъ въ нѣдрахъ „ея, что бы возстать въ силѣ, славѣ и духѣ“!

Наконецъ утромъ 1 февраля, прибылъ въ Варшаву и новый намѣстникъ, князь Горчаковъ, и остановился не въ замкѣ, куда былъ уже свободный доступъ, а на квартирѣ своей супруги. Во 2-мъ часу пополудни, пріѣхала за моею женою и *собственно* за мною дочь Горчаковыхъ, Ольга. Я не хотѣлъ было ѣхать, но она объявила, что ей приказано именно привезть меня и безъ меня она не поѣдетъ; и такъ я волею—не волею отправился и былъ принятъ Горчаковымъ наилюбезнѣйшимъ и радушнымъ образомъ. Изъ всего того, что онъ мнѣ говорилъ, я помню дружескій совѣтъ его не предаваться скорби

Части 6-го баталіона Смоленскаго Пѣхотнаго полка расположенныя въ Фортѣ Сливицкій, не занятыя караулами, должны находиться при переправѣ на правой сторонѣ Вислы, для встрѣчи и отданія чести гробу.

Эскадронъ Варшавскаго Жандармскаго дивизіона будетъ слѣдовать впереди процессіи, для чего эскадронъ сей долженъ прибыть къ 12 часамъ по полудни на улицу Длугую, между Соборомъ и улицею Фрета.

Войскамъ имѣть во взводахъ сколь возможно болѣе рядовъ.—Одѣтымъ быть въ походной парадной формѣ, пѣхотѣ безъ ранцевъ, въ установленномъ трауръ и въ шинеляхъ въ накидку, кои на время прохожденія процессіи снять, сложивъ за войсками, а по минованіи оной опять надѣть.

При слѣдованіи процессіи баталіонамъ отдавать честь установленнымъ порядкомъ, т. е. брать по баталіонно на караулъ, знаменамъ салютовать, музыкантамъ играть и барабанщикамъ бить полной походъ; а по минованіи процессіи войскамъ расходиться по казармамъ.

Отъ всѣхъ войскъ, имѣющихъ быть въ парадѣ, представить строевыя записки 26 Января въ Дежурство Западной Арміи, гдѣ по составленіи общей строевой записки, представить оную Г. Генералъ-Адъютанту Дьякову.

При прохожденіи печальной процессіи, командовать войсками для отданія чести на улицѣ Длугой и Фрета—Полковнику Пешкову, а при выходѣ изъ

нему приближенный его шептунъ и сплетникъ генералъ штабъ докторъ арміи Четыркинъ, коего фельдмаршалъ туже секунду выгналъ вонъ.

Возвратилась и супруга больнаго изъ Берлина, гдѣ она пользовалась уже нѣсколько мѣсяцевъ у тамошнихъ докторовъ отъ какой то болѣзни и которую мужъ ея сильно желалъ видѣть. Встрѣчавшій ея на границѣ и сопровождавшій до Варшавы директоръ желѣзной дороги генералъ-маіоръ Шеншинъ разсказывалъ мнѣ, что онъ нашелъ эту добрую женщину въ весьма болѣзненномъ состояніи, она была печальна, уныла и предавала жизнь свою и мужа своего въ волю Божію; говоря о послѣднемъ, прямо осуждала его за то, что онъ къ несчастію, имѣлъ около себя людей безнравственныхъ и безчестныхъ, довѣрялъ имъ и смотрѣлъ ихъ глазами, а въ заключеніе сказала: *каковъ онъ въ прочемъ ни есть, а вспомнятъ и объ немъ*: говорила еще о вниманіи, которымъ она пользовалась въ Берлинѣ отъ королевскаго семейства и что король при прощаніи съ нею поручилъ передать поклонъ ея мужу и при томъ сказалъ, что Его Величество считаетъ его другомъ и что онъ прекрасно правилъ Царствомъ Польскимъ и въ 1848 году не допустилъ его до возмущенія тогда, какъ онъ, король, не успѣлъ сего сдѣлать съ своими польскими провинціями.

Произнесенное мнѣніе фельдмаршальшею о томъ, что *вспомнятъ* и объ ея Иванѣ Федоровичѣ, высказала только другими словами и наслѣдница Виртембергскаго королевства Великая Княгиня Ольга Николаевна въ отвѣтномъ письмѣ къ пріятельницѣ своей, женѣ полковника Ильгестрома, состоящемъ при Паскевичѣ; она между прочимъ выразилась такъ, что „*еще будутъ сожалѣть о фельдмаршалѣ, когда его не станетъ и что напрасно не слушали его совѣтовъ*“.

Вызванный изъ Вѣны знаменитый лейбъ-медикъ Овербекъ объявилъ, что у фельдмаршала во внутренности не скирръ и не ракъ, а формируются злокачественные нарывы, лишающіе всякой надежды на успѣхъ леченія и выздоровленія, хотя онъ иногда оставлялъ постель свою и становился на ноги.

27-го ноября, страдавшій старецъ получилъ милостивую телеграмму отъ вдовствующей Императрицы Александры Ѳеодоровны и собственноручное письмо отъ Государя Императора, въ коемъ Его Величество между прочимъ изволилъ написать, что Онъ, Государь, и Его Супруга молятъ Бога о его выздоровленіи; о выздоровленіи его же при богослуженіи въ замкѣ, въ церкви читалась во всеуслышаніе и длинная молитва. Вниманіе и участіе Царя обрадовало и какъ будто оживило страдальца, но развитіе болѣзни шло своимъ чередомъ.

Но еще за нѣсколько дней до полученія этого письма членъ Административнаго Совѣта генералъ-адъютантъ графъ Красинскій вступилъ въ управленіе Царствомъ.

„По гласу св. церкви, приступите ко гробу вашей родительницы „твердою и не боязненною христіанскою стопою. Дайте послѣднее цѣ„лованіе той, которая дала вамъ жизнь вѣчную. Скажите ей: нѣжная „родительница наша! Миръ праху твоему; блаженъ путь, въ онъ же „ты идеши, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія. Мы вѣруемъ ему, „какъ христіане; но скорбимъ о тебѣ, матерь наша, какъ дѣти твои. „Ты родила насъ въ мукахъ рожденія; теперь мы страдаемъ въ нашу „очередь, и сердцами, полными любви къ тебѣ, уязвляемся лютою „печалію, рождая тебя для жизни небесной. Скорбите, именитыя дѣти „свѣтлѣйшей матери, но не прогнѣвите благодати Христовой. Скор„бите, но не какъ языцы, не имущіе упованія. Скорбите, но и вѣ„руйте, что Господь, воскресшій изъ мертвыхъ и смертію своею „поправшій смерть, представилъ вашу родительницу, сокрывшую жи„вотъ свой со Христомъ въ Бозѣ, для лучшей жизни. Пусть плоть, „отъ земли взятая, возвратится въ землю и истлѣетъ въ нѣдрахъ „ея, что бы возстать въ силѣ, славѣ и духѣ“!

Наконецъ утромъ 1 февраля, прибылъ въ Варшаву и новый намѣстникъ, князь Горчаковъ, и остановился не въ замкѣ, куда былъ уже свободный доступъ, а на квартирѣ своей супруги. Во 2-мъ часу пополудни, пріѣхала за моею женою и *собственно* за мною дочь Горчаковыхъ, Ольга. Я не хотѣлъ было ѣхать, но она объявила, что ей приказано именно привезть меня и безъ меня она не поѣдетъ; и такъ я волею—не волею отправился и былъ принятъ Горчаковымъ наилюбезнѣйшимъ и радушнымъ образомъ. Изъ всего того, что онъ мнѣ говорилъ, я помню дружескій совѣтъ его не предаваться скорби

Части 6-го баталіона Смоленскаго Пѣхотнаго полка расположенныя въ Фортѣ Сливицкій, не занятыя караулами, должны находиться при переправѣ на правой сторонѣ Вислы, для встрѣчи и отданія чести гробу.

Эскадронъ Варшавскаго Жандармскаго дивизіона будетъ слѣдовать впереди процессіи, для чего эскадронъ сей долженъ прибыть къ 12 часамъ по полудни на улицу Длугую, между Соборомъ и улицею Фрета.

Войскамъ имѣть во взводахъ сколь возможно болѣе рядовъ.—Одѣтымъ быть въ походной парадной формѣ, пѣхотѣ безъ ранцевъ, въ установленномъ трауре и въ шинеляхъ въ накидку, кои на время прохожденія процессіи снять, сложивъ за войсками, а по миновании оной опять надѣть.

При слѣдованіи процессіи баталіонамъ отдавать честь установленнымъ порядкомъ, т. е. брать по баталіонно на караулъ, знаменамъ салютовать, музыкантамъ играть и барабанщикамъ бить полной походъ; а по миновании процессіи войскамъ расходиться по казармамъ.

Отъ всѣхъ войскъ, имѣющихъ быть въ парадѣ, представить строевыя записки 26 Января въ Дежурство Западной Арміи, гдѣ по составленіи общей строевой записки, представить оную Г. Генералъ-Адъютанту Дьякову.

При прохожденіи печальной процессіи, командовать войсками для отданія чести на улицѣ Длугой и Фрета—Полковнику Пепкину, а при выходѣ изъ

27 числа гробъ усопшаго съ подобающею пышно-торжественною церемоніею, при многочисленнѣйшемъ кортежѣ, перевезенъ въ православный соборъ, а 28 числа съ такою же церемоніею вывезенъ изъ собора до р. Вислы и потомъ отправленъ въ Ивановское село *).

Православный архіепископъ Варшавскій Арсеній предписалъ церквамъ своей епархіи въ продолженіи года, творить поминовеніе при богослуженіи о скончавшемся боляринѣ—фельдмаршалѣ.

Еще гробъ усопшаго вождя стоялъ въ церкви замка и семейство съ больною вдовою занимало все намѣстническое помѣщеніе, въ ожиданіи окончательнаго погребенія, какъ новый намѣстникъ, князь Горчаковъ, чрезъ фелдъегеря далъ знать Варшавскому коменданту Тутчеку, что онъ Горчаковъ пріѣдетъ *прямо въ замокъ* и что бы очистили собственно для него и его семейства нѣсколько комнатъ. Объ этомъ 24-го января и писалъ женѣ своей, приказывая ей, по назначеніи помѣщенія комендантомъ тотчасъ переѣхать въ замокъ и добавивъ, что все это *необходимо* и это слово для большаго вниманія подчеркнулъ. Княгиня изумилась и тому, что мужъ ея пріѣдетъ *прямо въ замокъ*, когда прежде онъ сего не предполагалъ вовсе, и его

---

*) ПРИКАЗАНІЕ.

Выносъ тѣла покойнаго Господина Генералъ-Фельдмаршала изъ Замка въ Соборъ, назначается въ Пятницу 27 Января въ 1 часъ по полудни.

Всѣми войсками, имѣющими быть при выносѣ въ парадѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія, назначенъ командовать Генералъ-Адъютантъ, Генералъ отъ Кавалеріи Дьяковъ.

Въ парадѣ семъ будутъ находиться всѣ войска Варшавскаго гарнизона, кромѣ частей вступающихъ въ караулъ въ тотъ день и смѣняющихся съ онаго, а именно: а.) Карабинерная рота Егерскаго Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго полка, съ хоромъ Саперной музыки. б) Резервный Пѣхотный полкъ 7-й Пѣхотной дивизіи, за исключеніемъ двухъ ротъ, находящихся въ фортѣ Сливицкій. в.) Резервный Егерскій полкъ той же дивизіи. г.) Дружина No. 136 Ярославскаго Ополченія. д.) Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА конвой. е.) Эскадронъ Жандармскаго полка. ж.) Сводный Л.-Гв. Казачій полкъ. з.) Полъ сотни Донскаго Казачьяго No. 33 полка. и.) Двѣ сотни Закавказскаго Конно-Мусульманскаго полка. к.) Дивизіонъ Резервной No. 2 батареи 3-й Артиллерійской дивизіи. л.) Донская Резервная No. 2 батарея.

Войскамъ быть построеннымъ къ 1-му часу пополудни на мѣстахъ, указанныхъ Офицерами Генеральнаго Штаба и имѣть во взводахъ сколь можно болѣе рядовъ.

Эскадронъ Варшавскаго Жандармскаго дивизіона будетъ слѣдовать впереди процессіи, до Собора; (1) пройдя же Соборъ, эскадронъ сей по Длугой улицѣ возвратиться на свои квартиры.

---

(1) Для сего эскадронъ сей долженъ собраться къ часу по полудни на Саксонской площади.

его за шпіона, Горчаковымъ присланнаго, долго не принималъ и не видалъ его и только по настоянію адмирала Корнилова принялъ его и съ симъ послѣднимъ началъ работать и болѣе укрѣплять южную сторону Севастополя.

Что наступленіе на непріятеля $^{4}/_{16}$ августа 1855 года,—послѣдствіемъ коего было пораженіе насъ на Черной рѣчкѣ,—было произведено по настоянію Государя Императора и Его совѣтодателей.

Что Горчаковъ полагаетъ причиною непреслѣдованія непріятелемъ, когда мы, послѣ штурма Севастополя, оставляли южную сторону и перебирались по одному только мосту на сѣверную,—не мины, какъ писали о томъ въ иностранныхъ газетахъ,—каковыхъ минъ вовсе и не было, а опасеніе Пелисье, что отступающіе, будучи лишены средствъ переправы, разбитіемъ моста и оставаясь на южной сторонѣ припертыми, съ отчаянія станутъ драться до послѣдней крайности.

нія въ Желтой Залѣ. 7. Лица, назначенныя къ несенію орденовъ, въ большой залѣ. 8. Въ церкви будутъ находиться: Управляющій Гражданскою частію въ Царствѣ Польскомъ, Командующій дѣйствующею арміею, Члены Совѣта Управленія, Сенаторы, Генералы, Члены Сената, Управляющіе отдѣльными частями, иностранные Генералы и Консула.

Всѣ Чины Гражданскаго вѣдомства должны быть въ мундирахъ, а имѣющіе малые въ таковыхъ, въ черныхъ панталонахъ, бѣлыхъ галстукахъ, форменныхъ шляпахъ, надѣтыхъ на голову, въ полномъ траурѣ, и при шествіи могутъ быть въ шинеляхъ.

Для устройства Церемоніальнаго шествія, предупрежденія всякаго замѣшательства и для наблюденія, чтобы между отдѣленіями сохраняемо было должное разстояніе, Главныя Начальства имѣютъ избрать по каждому вѣдомству Чиновникомъ, коимъ приказать явиться къ Предсѣдателю Коммитета на канунѣ выноса тѣла для полученія нужныхъ наставленій.

По данному сигналу тремя пушечными выстрѣлами одинъ за другимъ съ ряду, собираться на назначенныя мѣста.

По второму сигналу двумя пушечными выстрѣлами одинъ за другимъ съ ряду, устроиваться на срединѣ улицы и смыкаться такъ, чтобы небыло значительныхъ промежутковъ.

По третьему сигналу, сдѣланному однимъ пушечнымъ выстрѣломъ, начать шествіе.

Съ приближеніемъ шествія къ Соборной Церкви, когда 1, 2, 3 и 4 отдѣленія будутъ равняться съ главнымъ входомъ, не входя въ Церковь, располагаются напротивъ оной на Краснинской площади, и по роспускѣ по домамъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, а равно всѣхъ ремесленныхъ цеховъ и благотворительныхъ заведеній, чиновники означенныхъ отдѣленій могутъ войти въ Церковь.

Отдѣленія V и VI проходятъ по улицѣ Долгой и минуя Церковь останавливаются на той же улицѣ, въ ожиданіи пока гробъ будетъ внесенъ въ Церковь, послѣ чего входятъ въ оную.

Отдѣленіе VII, не останавливаясь входитъ въ Церковь и лица несущія медали, ордена и регаліи, съ ассистентами слагаютъ ихъ на назначенныя мѣста.

Что по оставленіи нами южной стороны Севастополя, Государь Императоръ писалъ къ Горчакову, что Его Величеству совѣтуютъ оставить Крымъ и вывести оттуда всѣ войска и по сему требовалъ мнѣнія Горчакова, но послѣдній былъ не согласенъ; такъ и отвѣчалъ и Крымъ остался за нами.

Что по пріѣздѣ Горчакова въ Петербургъ, послѣ сдачи арміи Лидерсу, Государь Императоръ отмѣнно принялъ его милостиво и во все пребываніе его тамъ изволилъ быть къ нему внимателенъ; что возбуждало зависть въ окружающихъ Его Величество, особенно въ военномъ министрѣ князѣ Долгоруковѣ, и эта зависть, какъ полагалъ Горчаковъ, непремѣнно должна отразиться на немъ при дальнѣйшей его службѣ, тѣмъ болѣе въ настоящихъ его высокихъ званіяхъ.

Что Императоръ спрашивалъ его два раза, не нуждается ли онъ въ деньгахъ, но Горчаковъ отвѣчалъ, что ему достаточно содержанія его и благодарилъ за милость Его Величества.

послѣ сего въ Церкви остаются тѣ лица, которыя несли ордена, а ассистенты ихъ выходятъ.

Особы женскаго пола, желающія находиться въ Соборной Церкви, должны быть въ трауре и прибыть въ Церковь до начала шествія процессіи; ибо послѣ начатія, экипажи вовсе не будутъ пропускаемы.

ЦЕРЕМОНІАЛЪ

ВЫНОСА ТѢЛА УСОПШАГО

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ ВАРШАВСКАГО

ГРАФА ПАСКЕВИЧА

ЭРИВАНСКАГО,

НАМѢСТНИКА ЕГО ИМПЕРАТОРСКО-ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

Впереди печальнаго шествія слѣдуютъ: 1) Эскадронъ Варшавскаго Жандармскаго дивизіона 2) Конные жандармы того же дивизіона ѣдутъ верхомъ, для соблюденія порядка по бокамъ шествія. 3. Печальное шествіе будетъ слѣдовать изъ бывшаго Королевскаго Замка чрезъ Краковское Предмѣстье, Саксонскую площадь. Вержбовую Бѣлянскую и Долгую улицы, до Православнаго Собора Св. Троицы.

Вдоль помянутыхъ улицъ и площадей будутъ разставлены войска Варшавскаго Гарнизона по одной сторонѣ.

Порядокъ печальнаго шествія слѣдующій:

I. ОТДѢЛЕНІЕ.

Оберъ-Полиціймейстеръ съ чинами своего Управленія, по три въ рядъ, включительно до 8-го класса.

II. ОТДѢЛЕНІЕ.

а) Президентъ города Варшавы съ членами Варшавскаго Магистрата, по три въ рядъ. *б)* Депутаты отъ купцовъ города и почетные обыватели, по назначенію Президента, по три въ рядъ. *в)* Ремесленные цехи съ своими значками, обтянутыми крепою, по три въ рядъ.

Въ заключеніе, жена мнѣ сообщила, что вообще она замѣтила въ Горчаковѣ какую то унылость и задумчивость,— что подтвердила ей и сіятельная супруга, добавивъ, что князь сказалъ ей: *„годи бы два прослужить, лишь бы дочерей присмроить, а тамъ и отдохну.*

2 февраля было офиціальное представленіе военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Князь явился предъ публикою съ веселымъ и довольнымъ лицомъ, былъ развязенъ въ своихъ движеніяхъ, каждаго изъ знакомыхъ привѣтствовалъ ласковымъ словомъ, или какою либо любезностію, или подавалъ руку. На другой день въ офиціальной газетѣ объ этомъ представленіи было напечатано слѣдующее:

„Во время сего представленія, его сіятельство обратился къ „присутствующимъ, выразивъ сперва радость свою, что Его Императ. „Вел. благоволилъ удостоить его столь высокимъ довѣріемъ и что онъ „вновь находится между нами. Потомъ онъ помянулъ, что здѣшніе

III. ОТДѢЛЕНІЕ.

Члены Главнаго Попечительнаго Совѣта благотворительныхъ заведеній съ депутаціею отъ сихъ заведеній и съ содержимыми въ оныхъ питомцами и сиротами, избранными по нѣсколько изъ каждаго здѣшняго заведенія, по три въ рядъ.

IV. ОТДѢЛЕНІЕ.

Воспитанники и ученики здѣшнихъ казенныхъ училищъ, по избранію Г. Попечителя Варшавскаго Учебнаго Округа.

V. ОТДѢЛЕНІЕ.

а) Предводителя дворянства съ дворянскими депутатами и съ дворянствомъ, кто пожелаетъ. *б)* Варшавскій Гражданскій Губернаторъ съ чинами Губернскаго Правленія, включительно до 8-го класса, по три въ рядъ. *в)* Управленіе Варшавскаго Военнаго Генералъ-Губернатора съ подвѣдомственными чинами, включительно до 8-го класса, по три въ рядъ.

VI. ОТДѢЛЕНІЕ.

Чины нижеслѣдующихъ вѣдомствъ, включительно до 8-го класса, по три въ рядъ: Чины Варшавской Складочной Таможни. Чины Главнаго Управленія, по рекрутскому набору. Правительственная Коммисія Юстиціи съ подвѣдомственными оной Судами и Прокураторіею Царства. Высшая Счетная Палата. Правительственная Коммисія Финансовъ съ чинами своими. Польскій Банкъ. Кредитное Земское Общество. Лотерейная Администрація и прочія подвѣдомственныя помянутой Коммисіи мѣста. Варшавскій Учебный Округъ съ подвѣдомственными оному чиновниками Правительственная Коммисія Внутреннихъ и Духовныхъ дѣлъ съ чинами своими. XIII Округъ Путей Сообщенія съ чинами и Управленіе Варшавско-Вѣнской Желѣзной Дороги. Почтовый Округъ Царства Польскаго. Управленіе Императорскими дворцами: Лазенками и Бельведеромъ, а также Княжествомъ Ловичскимъ. Оберъ-Секретари, Докладчики Сената, Оберъ-Прокуроры, Члены Герольдіи. Чиновники для особыхъ порученій при Намѣстникѣ. Канцеляріи: Намѣстника, Совѣта Управленія, и Эмеритальная Коммисія. Помощникъ Статсъ-Секретаря и Статсъ-Секретарь. Дипломатическая Канцелярія, штабы всѣхъ военныхъ Управленій.

„уроженцы, находящіеся въ рядахъ южной и Крымской арміи, сра-
„жались храбро и что многіе изъ нихъ стали въ ряды отличнѣйшихъ
„и знаменитѣйшихъ нашихъ офицеровъ. При семъ его сіятельство
„изволилъ наименовать нѣкоторыхъ изъ нихъ. Далѣе упомянулъ, что
„онъ употребитъ всѣ усилія, дабы смягчить скорбь послѣ потери зна-
„менитаго мужа, котораго недавнюю кончину оплакиваемъ и что онъ
„питаетъ сильное убѣжденіе, что нашъ Августѣйшій Монархъ будетъ
„всегда имѣть поводъ быть довольнымъ нашимъ усердіемъ и совер-
„шенною преданностію къ службѣ Его Величества".

Эти слова, такъ или иначе сказанныя Горчаковымъ, были обращены къ гражданскимъ лицамъ царства польскаго, родовитымъ полякамъ, собравшимся въ особой залѣ, гдѣ не было военныхъ, и сказаны на французскомъ языкѣ. Вмѣстилъ же онъ въ ряды отличнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ нашихъ офицеровъ генералъ-адъютантовъ: князя Радзивила и графа Ржевусскаго, ровно ничемъ не отличившихся.

Возвышеніе Горчаковыхъ измѣнило или повліяло и на наше положеніе; мы сдѣлались предметомъ вниманія, заискиваній и угожденій многихъ лицъ, до того обходившихъ насъ. По ихъ мнѣнію мы были близки къ новымъ свѣтиламъ, были свои, имѣли свободный доступъ

VII. ОТДѢЛЕНІЕ.

ЗНАКИ ОТЛИЧІЯ И ОРДЕНА:

1) Турецкій Луны. 2) Орденъ Персидскій Льва и Солнца 1-й степени на золотой цѣпи. 3) Парижскій Св. Людовика 1-й степени. 4) Саксенъ-Веймарскій Сокола 1-й степени 5) Виртембергскій за военныя достоинства 1-й степени. 6) Датскій Слона. 7) Баварскій военный Максимиліана Іосифа, большой крестъ. 8) Нидерландскій Вильгельма за военныя заслуги 1-ой степени. 9) Неаполитанскій военный орденъ Св Фердинанда 1-ой степени. 10) Прусскій Краснаго Орла 1-ой степени. 11) Прусскій Чернаго Орла, алмазами украшенный. 12) Австрійскій Св. Стефана 1 ой степени, алмазами украшенный. 13) Австрійскій Маріи Терезіи 1-ой степени.

СЕРЕБРЯННЫЯ МЕДАЛИ:

14) За усмиреніе Венгріи и Трансильваніи 1849 года. 15) Въ память покоренія Варшавы 1831 года. 16) За Персидскую и Турецкую войны 1826, 1827, 1828 и 1829 годовъ. 17) За взятіе Парижа 1814 года. 18) Въ память 1812 года. 19) Принадлежащій Царству Польскому знакъ отличія за военныя достоинства 1-ой степени. 20) Знакъ отличія безпорочной службы за L лѣтъ.

ОРДЕНА:

21) Св. Станислава 1 ой степени. 22) Св. Анны 1-ой степени, алмазами украшенный. 23) Бѣлаго Орла. 24) Св. Александра Невскаго, украшенный алмазами. 25) Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1-ой степени, большой крестъ. 26) Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 1-го класса, большой крестъ. 27) Св. Апостола Андрея Первозваннаго, алмазами украшенный. 28) Фельдмаршальскіе жезлы.

и свободное слово, я, въ кабинетъ князя по долговременномъ прежнему моему служенію при немъ и женидьбѣ на ихъ воспитанницѣ; жена моя — въ салонъ и спальню княгини. Но эти искатели и искательницы заблуждались на мой счетъ; правда, я пользовался расположеніемъ князя и только, кабинета же его не зналъ и въ помышленіи не имѣлъ добиватся свободнаго въ него входа. Да и зачѣмъ? Жена моя точно была своею въ семействѣ Горчаковыхъ; особенно ея мнѣнія, ея голосъ уважались княгинею, которая имѣла въ ней нужду, какъ въ благоразумномъ проводникѣ въ отношеніи ея строптивыхъ дочерей, часто огорчавшихъ слабую свою мать. Жена моя была съ княгинею въ постоянныхъ сношеніяхъ, почти ежедневно видались другъ съ другомъ; она была постоянною спутницею съ неопытною княгинею по сиротскимъ заведеніямъ и пріютамъ и чрезъ нее то я узналъ о всемъ происходившемъ и совершавшемся въ замкѣ. Самъ князь, этотъ мизогинъ, уважалъ мою жену.

19-го февраля, въ день восшествія на престолъ, былъ первый официальный пріемъ всѣхъ сословій у намѣстника для поздравленія и первый его официальный обѣдъ, который однако же и по сервировкѣ и по искуству кухмейстера, стоялъ далеко ниже бывшихъ у фельдмаршала; и я фигурировалъ на этомъ выходѣ и обѣдѣ, и удостоился вниманія и привѣтствія его сіятельства, равно любезной предупре-

---

VIII. ОТДѢЛЕНІЕ.

Пѣвчіе Замковые и Соборные, за ними вся Духовная Процессія въ порядкѣ, какой установленъ будетъ Его Высокопреосвященствомъ. Печальная колесница, запряженная въ 8 лошадей, которыя поведутъ 8 рейткнехтовъ; при кистяхъ 4 с Полковника, а при штангахъ 4 Капитана изъ Адъютантовъ и состоявшихъ при покойномъ Генералъ-Фельдмаршалѣ. Около колесницы идутъ 36 человѣкъ съ факелами въ глубокомъ траурѣ и распущенныхъ шляпахъ. За колесницею слѣдуетъ Семейство покойнаго Генералъ-Фельдмаршала. Верховая лошадь покойнаго Генералъ-Фельдмаршала въ траурѣ, которую ведутъ два рейткнехта въ глубокомъ траурѣ.

IX ОТДѢЛЕНІЕ.

Управляющій Гражданскою частію въ Царствѣ Польскомъ Генералъ-Адъютантъ. Командующій Дѣйствующею Арміею Генералъ Сумарок. Гр. Красинск. Всѣ Члены Совѣта Управленія, Сенаторы и Члены Сената, Генералы, высшіе иностранные Чины, Консула и Главные Начальники отдѣльныхъ Управленій. Три траурные кареты

X. ОТДѢЛЕНІЕ.

Рота Егерскаго Имени Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго полка, со знаменемъ и хоромъ музыки Эскадронъ Жандармскаго полка. Батарея конной Артиллеріи.

Въ день отпѣванія въ Соборѣ Св. Троицы, Чинамъ и Чиновникамъ всѣхъ Управленій, находящихся въ городѣ Варшавѣ, собраться по повѣсткѣ въ Соборъ и присутствовать при отпѣваніи, по совершеніи коего, слѣдовать за дорожною колесницею до Вислы.

о смерти сына, превозмочь и возобладать собою; что онъ любитъ меня и знаетъ какъ честнаго и способнаго офицера; увѣренъ также, что и я его люблю, и наконецъ, обѣщалъ, поосмотрѣвшись, дать мнѣ мѣсто. Я былъ доволенъ этимъ свиданіемъ и возвратился домой.

Жена оставалась тамъ до полуночи и передала мнѣ слѣдующее ею слышанное:

Что когда князь Меньщиковъ прислалъ изъ подъ Севастополя къ князю Горчакову въ Кишиневъ морскаго офицера съ какимъ то требованіемъ и Горчаковъ въ одну безсонную ночь, думая о Севастополѣ, коего онъ вовсе не зналъ, вставъ съ постели, призвалъ къ себѣ упомянутаго офицера и приказалъ ему начертить укрѣпленія южной стороны и тогда то увидѣлъ всю ихъ недостаточность, тотчасъ послалъ за молодымъ инженеромъ, въ то время еще не знаменитымъ Тотлебеномъ, долго разсуждалъ съ нимъ и на другой же день, больной Тотлебенъ былъ уже на пути въ Севастополь; но Меньщиковъ, принявъ

Закрочимской улицы: пѣхотою — Полковнику Листовскому, а Кавалеріею — Генералъ-Маіору Радіонову.

Вѣрно: Исправляющій должность Генералъ-Квартирмейстера Западной Арміи, Полковникъ *Семека*.

КОМИТЕТА, УЧРЕЖДЕННАГО ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ

ЦЕРЕМОНІАЛА ПОХОРОНЪ

НАМѢСТНИКА ЕГО ИМПЕРАТОРСКО-ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ,

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА

СВѢТЛѢЙШАГО КНЯЗЯ ВАРШАВСКАГО

ГРАФА ПАСКЕВИЧА

ЭРИВАНСКАГО,

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Выносъ изъ Замковой въ Соборную Каѳедральную Церковь тѣла усопшаго Князя, въ порядкѣ, опредѣленномъ составленнымъ симъ Комитетомъ и утвержденнымъ Управляющимъ Гражданскою частію Царства Церемоніаломъ, имѣетъ послѣдовать 27 Января (8 Февраля) въ 1 часъ по полудни.

Посему назначенные въ печальную процессію Особы и Чиновники, въ помянутый день должны собраться на мѣста, опредѣленныя для каждаго отдѣленія Церемоніала слѣдующимъ росписаніемъ: 1. Особы и Чиновники I-го отдѣленія, у Ордонансъ-гауза. 2. Особы и Чиновники II-го отдѣленія занимаютъ мѣсто отъ Ордонансъ-гауза до Почтамта. 3. Чиновники III-го отдѣленія, отъ Почтамта до дома, принадлежащаго Обществу Благотворительности. 4. Чиновники IV-го отдѣленія, отъ дома Общества Благотворительности до Замка. 5. Лица, назначенныя въ V-омъ отдѣленіи Церемоніала, собираются: а) Предводитель Дворянства съ Депутатами и дворянами въ офицерской залѣ Замка. б) Губернаторъ и чины Губернскаго Правленія, и Управленія Генералъ-Губернатора въ залѣ Биліардною называемой. 6. Особы и Чиновники VI-го отдѣле-

присутствіемъ намѣстника съ семействомъ. При этомъ обратило на себя вниманіе одно *новшество*; это происходившее отъ князя угощеніе чаемъ и мороженнымъ извѣстныхъ особъ,—чего при Паскевичѣ никогда не было,—да безъ сомнѣнія эта вѣжливость вылумана и не самимъ Горчаковымъ.

10-го мая изволили прибыть въ Варшаву Государь Императоръ и великая княгиня Ольга Николаевна съ супругомъ—Наслѣднымъ Виртембергскимъ принцемъ и остановились въ Бельведерѣ. Утромъ другаго дня представлялись Его Величеству военные и гражданскіе чины. При представленіи губернскихъ дворянскихъ предводителей Императоръ между прочимъ сказалъ имъ, что онъ любитъ Польшу точно такъ, какъ Россію, но чтобы поляки не увлекались мечтами. Безъсомнѣнія этотъ совѣтъ былъ вызванъ полученнымъ предъ тѣмъ Горчаковымъ письмомъ отъ одного изъ представлявшихся, дворянскаго предводителя графа Езерскаго, того самаго, который въ 1830 году, при возмущеніи въ Варшавѣ, былъ съ княземъ Любецкимъ посланъ въ Петербургъ и который теперь въ своемъ письмѣ изложилъ свои ляшскія надежды и *мечты*, прося довести ихъ до свѣдѣнія Царя.

12-го числа Горчаковыми данъ былъ большой вечеръ съ танцами, который удостоили своимъ присутствіемъ Государь Императоръ и великая княгиня съ супругомъ; они прибыли въ $10^1/_2$ час., а въ 12 часовъ сѣли уже за ужинъ, потому столь рано, что по словамъ великой княгини Государь спѣшилъ домой для какихъ то важныхъ занятій. На этомъ вечерѣ въ одномъ разговорѣ съ княгинею Горчаковою о трудности выбора лицъ къ должностямъ (вѣроятно шло дѣло о Мухановѣ) великая княгиня между прочимъ сказала: *„истинное достоинство всегда скромно, не высказывается наружу; его надобно отыскивать“*. Это мнѣ напоминаетъ иной разговоръ и въ другое время княгини Горчаковой съ великою княгинею Еленою Павловною объ обязанности жены къ мужу. Когда первая по какому то поводу сказала, *что жена много можетъ помогать своему мужу*, послѣдняя отвѣчала: *„особенно много можетъ вредить“*—не въ бровь, а прямо въ глазъ!

На другой день къ женѣ моей явилась пройдоха генеральша Мансурова и горько плакалась на княгиню Горчакову пропустившею ее представить на своемъ вечерѣ вмѣстѣ съ другими Ея Высочеству и умоляла склонить княгиню представить ее великой княгинѣ на балѣ, который данъ будетъ городомъ 15 числа; эта неграмотная дама такъ же плакалась и на самого князя, который на своемъ вечерѣ, очищая кругъ столпившихся дамъ около Царя, безцеремонно *толкнулъ* ее, Мансурову, назадъ.

И я былъ на этомъ пресловутомъ вечерѣ, но уѣхалъ прежде ужина, а на городской балъ данный въ ратушѣ 15 числа не поѣхалъ.

Что по оставленіи нами южной стороны Севастополя, Государь Императоръ писалъ къ Горчакову, что Его Величеству совѣтуютъ оставить Крымъ и вывести оттуда всѣ войска и по сему требовалъ мнѣнія Горчакова, но послѣдній былъ не согласенъ; такъ и отвѣчалъ и Крымъ остался за нами.

Что по пріѣздѣ Горчакова въ Петербургъ, послѣ сдачи арміи Лидерсу, Государь Императоръ отмѣнно принялъ его милостиво и во все пребываніе его тамъ изволилъ быть къ нему внимателенъ: что возбуждало зависть въ окружающихъ Его Величество, особенно въ военномъ министрѣ князѣ Долгоруковѣ, и эта зависть, какъ полагалъ Горчаковъ, непремѣнно должна отразиться на немъ при дальнѣйшей его службѣ, тѣмъ болѣе въ настоящихъ его высокихъ званіяхъ.

Что Императоръ спрашивалъ его два раза, не нуждается ли онъ въ деньгахъ, но Горчаковъ отвѣчалъ, что ему достаточно содержанія его и благодарилъ за милость Его Величества.

послѣ сего въ Церкви остаются тѣ лица, которыя несли ордена, а ассистенты ихъ выходятъ.

Особы женскаго пола, желающія находиться въ Соборной Церкви, должны быть въ трауре и прибыть въ Церковь до начала шествія процессіи; ибо послѣ начатія, экипажи вовсе не будутъ пропускаемы.

ЦЕРЕМОНІАЛЪ

ВЫНОСА ТѢЛА УСОПШАГО

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ ВАРШАВСКАГО

ГРАФА ПАСКЕВИЧА

ЭРИВАНСКАГО,

НАМѢСТНИКА ЕГО ИМПЕРАТОРСКО-ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

Впереди печальнаго шествія слѣдуютъ: 1) Эскадронъ Варшавскаго Жандармскаго дивизіона 2) Конные жандармы того же дивизіона ѣдутъ верхомъ, для соблюденія порядка по бокамъ шествія. 3. Печальное шествіе будетъ слѣдовать изъ бывшаго Королевскаго Замка чрезъ Краковское Предмѣстье, Саксонскую площадь. Вержбовую Бѣлянскую и Долгую улицы, до Православнаго Собора Св. Троицы.

Вдоль помянутыхъ улицъ и площадей будутъ разставлены войска Варшавскаго Гарнизона по одной сторонѣ.

Порядокъ печальнаго шествія слѣдующій:

I. ОТДѢЛЕНІЕ.

Оберъ-Полиціймейстеръ съ чинами своего Управленія, по три въ рядъ, включительно до 8-го класса.

II. ОТДѢЛЕНІЕ.

а) Президентъ города Варшавы съ членами Варшавскаго Магистрата, по три въ рядъ. *б)* Депутаты отъ купцовъ города и почетные обыватели, по назначенію Президента, по три въ рядъ. *в)* Ремесленные цехи съ своими знаками, обтянутыми крепою, по три въ рядъ.

хитромъ и коварномъ Наполеонѣ и потому назначенъ туда графъ Киселевъ.

Послѣ отъѣзда изъ Варшавы Августѣйшихъ особъ прибыла изъ Петербурга вдовствующая Нидерландская Королева Анна Павловна и, пробывъ здѣсь два дня, отправилась за границу. Сопровождавшій ее директоръ желѣзной дороги Шеншинъ передалъ мнѣ, что обращеніе Королевы съ своею свитою было холодно, повелительно и флегматическіе голландцы съ нѣкіимъ подобострастіемъ держали себя и услуживали. На станціи „граница“, гдѣ она имѣла ночлегъ, отведено было не выгодное помѣщеніе, въ которое Ея Величество изволила шествовать мимо конюшни и ретораднаго мѣста и всѣмъ этимъ до того была недовольна, что, войдя въ комнату, она съ гнѣвомъ бросила зонтикъ, разбившій стекло у окна, при чемъ объявила, что будетъ писать о томъ своему царствующему племяннику. Горчаковъ смертельно былъ перепуганъ не довольствомъ Королевы, а виноватъ былъ генералъ Абрамовичъ, пославшій вмѣсто себя на „границу“ для приготовленія помѣщенія Королевѣ и ея свитѣ,—своего секретаря. Замѣчательно, что въ двухдневное пребываніе въ Варшавѣ за обѣдомъ вмѣсто супа подавали Ея Величеству *уху изъ ершей.*

Въ концѣ іюля генералъ Муравьевъ Карскій уволенъ отъ званій главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и Кавказскаго намѣстника и мѣсто его заступилъ князь Борятинскій, фаворитъ Царя. Это неожиданное увольненіе Муравьева поразило робкаго князя Горчакова, который по сему случаю сказалъ женѣ своей: *„не знаешь, „что съ тобою будетъ завтра; какой нибудь мальчишка и „воръ А....., что хочетъ то и дѣлаетъ“.* Вскорѣ затѣмъ нравственный трусъ, успокоенный и обрадованный Высочайшимъ приглашеніемъ, отправился въ Москву на коронацію съ полною надеждою возвратиться съ фельдмаршальскимъ жезломъ; но этимъ жезломъ былъ пожалованъ одинъ только посѣдѣлый на военномъ и гражданскомъ поприщахъ князь Воронцовъ, который однако же недолго носилъ фельдмаршальское званіе, съ небольшимъ два мѣсяца, и мирно опочилъ, оставивъ вакансію фельдмаршала въ сухопутномъ Россійскомъ воинствѣ; Горчакову же, имѣвшему уже портретъ на груди, кажется Императора Николая, при коронаціи пожалованъ или вѣрнѣе замѣненъ другимъ портретомъ, изображавшимъ лики Императоровъ и Николая, и царствующаго Александра вмѣстѣ, чѣмъ сіятельный крайне былъ недоволенъ, а супруга его еще больше.

Разсказывали, что на одномъ балѣ въ Московскомъ дворцѣ, Царь князю Меньщикову поручилъ составить французскому послу Морни партію въ карты изъ извѣстныхъ лицъ; но свѣтлѣйшій острословъ будто бы отвѣчалъ Императору: *развѣ князя Горчакова?* но, Го-

Что по оставленіи нами южной стороны Севастополя, Государь Императоръ писалъ къ Горчакову, что Его Величеству совѣтуютъ оставить Крымъ и вывести оттуда всѣ войска и по сему требовалъ мнѣнія Горчакова, но послѣдній былъ не согласенъ; такъ и отвѣчалъ и Крымъ остался за нами.

Что по пріѣздѣ Горчакова въ Петербургъ, послѣ сдачи арміи Лидерсу, Государь Императоръ отмѣнно принялъ его милостиво и во все пребываніе его тамъ изволилъ быть къ нему внимателенъ; что возбуждало зависть въ окружающихъ Его Величество, особенно въ военномъ министрѣ князѣ Долгоруковѣ, и эта зависть, какъ полагалъ Горчаковъ, непремѣнно должна отразиться на немъ при дальнѣйшей его службѣ, тѣмъ болѣе въ настоящихъ его высокихъ званіяхъ.

Что Императоръ спрашивалъ его два раза, не нуждается ли онъ въ деньгахъ, но Горчаковъ отвѣчалъ, что ему достаточно содержанія его и благодарилъ за милость Его Величества.

послѣ сего въ Церкви остаются тѣ лица, которыя несли ордена, а ассистенты ихъ выходятъ.

Особы женскаго пола, желающія находиться въ Соборной Церкви, должны быть въ траурѣ и прибыть въ Церковь до начала шествія процессіи; ибо послѣ начатія, экипажи вовсе не будутъ пропускаемы.

ЦЕРЕМОНІАЛЪ

ВЫНОСА ТѢЛА УСОПШАГО

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ ВАРШАВСКАГО

ГРАФА ПАСКЕВИЧА

ЭРИВАНСКАГО,

НАМѢСТНИКА ЕГО ИМПЕРАТОРСКО-ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

Впереди печальнаго шествія слѣдуютъ: 1) Эскадронъ Варшавскаго Жандармскаго дивизіона 2) Конные жандармы того же дивизіона ѣдутъ верхомъ, для соблюденія порядка по бокамъ шествія. 3. Печальное шествіе будетъ слѣдовать изъ бывшаго Королевскаго Замка чрезъ Краковское Предмѣстье, Саксонскую площадь, Вержбовую Бѣлянскую и Долгую улицы, до Православнаго Собора Св. Троицы.

Вдоль помянутыхъ улицъ и площадей будутъ разставлены войска Варшавскаго Гарнизона по одной сторонѣ.

Порядокъ печальнаго шествія слѣдующій:

I. ОТДѢЛЕНІЕ.

Оберъ-Полиціймейстеръ съ чинами своего Управленія, по три въ рядъ, включительно до 8-го класса.

II. ОТДѢЛЕНІЕ.

а) Президентъ города Варшавы съ членами Варшавскаго Магистрата, по три въ рядъ. *б)* Депутаты отъ купцовъ города и почетные обыватели, по назначенію Президента, по три въ рядъ. *в)* Ремесленные цехи съ своими значками, обтянутыми крепою, по три въ рядъ.

стополя и перейдти на Сѣверную и тамъ защищать, но Горчаковъ, поддержанный морскими вождями, на отступленіе это не согласился.

4) Что въ концѣ того же мѣсяца изъ Петербурга присланный генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій привезъ повелѣніе отъ двора о наступленіи на непріятеля. Собранъ былъ совѣтъ; разсуждали, спорили, доказывали и по большинству голосовъ рѣшено сдѣлать наступленіе, которое по диспозиціи могло быть и большою только рекогносцировкою и формальною аттакою, по усмотрѣнію главнокомандующаго; послѣдствіемъ сего наступленія и недоразумѣнія, произшедшаго отъ отданнаго чрезъ адъютанта приказанія, было сраженіе на 4 августа на Черной рѣчкѣ, на которомъ мы были сильно побиты.

Военный министръ кн. Долгоруковъ въ партикулярномъ письмѣ Горчакову между прочимъ замѣтилъ, что съ столь важнымъ приказаніемъ слѣдовало послать не адъютанта, а другое болѣе извѣстное и опытное лицо. Горчаковъ этимъ замѣчаніемъ обидѣлся и будто бы отвѣчалъ, что если оно сдѣлано отъ имени Императора, то онъ Горчаковъ принимаетъ его какъ вѣрноподанный, но если оно идетъ отъ лица его, военнаго министра, то вовсе не умѣстно, такъ какъ Горчаковъ носитъ званіе главнокомандующаго и сверхъ того въ чинѣ старше его.

По словамъ Ушакова,—а ему нельзя не вѣрить, какъ бывшему дежурному генералу, въ сраженіи на Черной рѣчкѣ существовалъ безпорядокъ: одна дивизія вовсе не была въ дѣлѣ, другая дивизія не попала въ назначенное ей мѣсто; да и въ самомъ главномъ штабѣ Горчакова не было единодушія и существовала какая то таинственность. — Онъ, Ушаковъ, на канунѣ сраженія говорилъ начальнику штаба, Коцебу, что мы будемъ разбиты,— и были разбиты — и

5) Что наканунѣ штурма 27 августа мы всѣ были убѣждены въ общемъ на другой день приступѣ, такъ и случилось.

Изъ 7 укрѣпленій отъ 6 враги были отбиты, остальные — именно „Малаховъ курганъ“,—взятъ и оставался въ рукахъ непріятеля; онъ взятъ былъ въ расплохъ и не возвращенъ по неимѣнію подкрѣпленій. Тогда Горчаковъ приказалъ всему гарнизону переходить на сѣверную сторону и мы 90 полевыхъ орудій, ввезенныхъ прежде въ Севастополь, должны были потопить. По словамъ Ушакова во время этого штурма у насъ не было головы, которая бы распоряжалась отбитіемъ врага.

Ушаковъ со всею убѣдительностію и непогрѣшимостію въ свое мнѣніе въ заключеніе мнѣ объявилъ, что при другомъ главнокомандующемъ, болѣе опытномъ и съ характеромъ и не столь суетливомъ, — успѣхъ войны былъ бы несомнѣнный.

Между тѣмъ и я сталъ выдвигаться на общественное служеніе бѣдствующему человѣчеству. Въ отсутствіи князя Горчакова въ Москву на коронацію, Мухановъ, стакнувшись съ княгинею, какъ главный директоръ Правительственной Комиссіи внутреннихъ дѣлъ, представилъ меня *въ члены главнаго Попечительнаго Совѣта благотворительныхъ заведеній* и Административный Совѣтъ утвердилъ меня членомъ. Объ этомъ узналъ я только по полученіи о томъ официальной бумаги и вовсе не порадовался такимъ назначеніемъ, которое, по правдѣ сказать, было и странно и безполезно для меня, однако же изъ приличія я благодарилъ генер. Муханова, возвѣстившаго мнѣ при семъ случаѣ, что онъ и не такую штуку еще выкинетъ, а большую, именно назначитъ меня предсѣдателемъ тѣхъ благотворительныхъ заведеній, прибавивъ, взявъ за руку *„мы должны помогать другъ другу“*. Въ послѣднихъ словахъ мнѣ обрисовался весь Мухановъ.

Въ концѣ сентября изволила чрезъ Варшаву прослѣдовать за границу вдовствующая Императрица; въ Скерневицкомъ дворцѣ имѣла, по распоряженію генер.-маіора Абрамовича обѣденный столъ, къ коему были приглашены какъ Абрамовичъ, такъ и сопровождавшій Ея Величество директоръ желѣзной дороги Шеншинъ; въ распросахъ своихъ о покойномъ фельдмаршалѣ, Императрица выказала живое о утратѣ его сожалѣніе и участіе къ нему; обоимъ генераламъ подарила по табакеркѣ, украшенной браліантами, съ своимъ шифромъ.

Въ началѣ ноября посѣтилъ меня свиты Его Величества генералъ-маіоръ графъ Толстой, сынъ извѣстнаго графа Петра Александровича, женатый на родной племянницѣ княгини Горчаковой, княжнѣ Варварѣ Трубецкой; онъ служилъ въ одномъ отрядѣ подъ Анапою съ моими братьями Николаемъ и Капитономъ и зналъ ихъ. Это предобрѣйшая душа; безъ той глупой надменности, которою отличался покойный его старшій братецъ; за то говоритъ, до пота лица; въ продолженіи двухчасоваго его нахожденія у меня, онъ наговорилъ съ три короба; изъ всѣхъ его разсказовъ осталось у меня въ памяти о смерти Павла. По его словамъ, слышаннымъ отъ отца, графъ Паленъ былъ подкупленъ англичанами, что бы извести Павла и тѣмъ расторгнуть союзъ его съ Наполеономъ I, что самъ отецъ Толстова видѣлъ кучу гиней у Палена и даже симъ послѣднимъ былъ приглашаемъ имѣть столько же золота, если только.....но отецъ Толстова убѣжалъ отъ искусителя.

Нашъ посланникъ въ Парижѣ графъ Киселевъ, по своему благодушію, представилъ мнѣніе о прощеніи всѣхъ эмигрантовъ поляковъ и возвращеніи ихъ въ ойчизну съ отданіемъ имъ конфискованныхъ имѣній. Потребовано было по сему предмету заключеніе Горчакова который не согласился съ мнѣніемъ Киселева и поступилъ весьма основательно.

и свободное слово, я, въ кабинетъ князя по долговременномъ, прежнему моему служенію при немъ и женидьбѣ на ихъ воспитанницѣ; жена моя—въ салонъ и спальню княгини. Но эти искатели и искательницы заблуждались на мой счетъ; правда, я пользовался расположеніемъ князя и только, кабинета же его не зналъ и въ помышленіи не имѣлъ добиватся свободнаго въ него входа. Да и зачѣмъ? Жена моя точно была своею въ семействѣ Горчаковыхъ; особенно ея мнѣнія, ея голосъ уважались княгинею, которая имѣла въ ней нужду, какъ въ благоразумномъ проводникѣ въ отношеніи ея строптивыхъ дочерей, часто огорчавшихъ слабую свою мать. Жена моя была съ княгинею въ постоянныхъ сношеніяхъ, почти ежедневно видались другъ съ другомъ; она была постоянною спутницею съ неопытною княгинею по сиротскимъ заведеніямъ и пріютамъ и чрезъ нее то я узналъ о всемъ происходившемъ и совершавшемся въ замкѣ. Самъ князь, этотъ мизогинъ, уважалъ мою жену.

19-го февраля, въ день восшествія на престолъ, былъ первый офиціальный пріемъ всѣхъ сословій у намѣстника для поздравленія и первый его офиціальный обѣдъ, который однако же и по сервировкѣ и по искуству кухмейстера, стоялъ далеко ниже бывшихъ у фельдмаршала; и я фигурировалъ на этомъ выходѣ и обѣдѣ, и удостоился вниманія и привѣтствія его сіятельства, равно любезной предупре-

---

VIII. ОТДѢЛЕНІЕ.

Пѣвчіе Замковые и Соборные, за ними вся Духовная Процессія въ порядкѣ, какой установленъ будетъ Его Высокопреосвященствомъ. Печальная колесница, запряженная въ 8 лошадей, которыя поведутъ 8 рейткнехтовъ; при кистяхъ 4 е Полковника, а при штангахъ 4 Капитана изъ Адъютантовъ и состоявшихъ при покойномъ Генералъ-Фельдмаршалѣ. Около колесницы идутъ 36 человѣкъ съ факелами въ глубокомъ траурѣ и распущенныхъ шляпахъ. За колесницею слѣдуетъ Семейство покойнаго Генералъ-Фельдмаршала. Верховая лошадь покойнаго Генералъ-Фельдмаршала въ траурѣ, которую ведутъ два рейткнехта въ глубокомъ траурѣ.

IX ОТДѢЛЕНІЕ.

Управляющій Гражданскою частію въ Царствѣ Польскомъ Генералъ-Адъютантъ. Командующій Дѣйствующею Арміею Генералъ Сумарок. Гр. Красинск. Всѣ Члены Совѣта Управленія, Сенаторы и Члены Сената, Генералы, высшіе иностранные Чины, Консула и Главные Начальники отдѣльныхъ Управленій. Три траурные кареты

X. ОТДѢЛЕНІЕ.

Рота Егерскаго Имени Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго полка, со знаменемъ и хоромъ музыки Эскадронъ Жандармскаго полка. Батарея конной Артилеріи.

Въ день отпѣванія въ Соборѣ Св. Троицы, Чинамъ и Чиновникамъ всѣхъ Управленій, находящихся въ городѣ Варшавѣ, собраться по повѣсткѣ въ Соборъ и присутствовать при отпѣваніи, по совершеніи коего, слѣдовать за дорожною колесницею до Вислы.

1857 годъ.

Обычный порядокъ перваго дня новаго года: поздравленія, пожеланія, богослуженіе въ соборѣ и завтракъ у владыки; балъ у Горчаковыхъ, на который я не поѣхалъ по нездоровью жены; къ ней пріѣзжала сама княгиня за утѣшеніями; мужъ ея получилъ изъ Петербурга какія то не пріятныя бумаги и отъ нихъ былъ внѣ себя; все его смущаетъ, все тревожитъ, отъ всего труситъ. Несчастная натура!

Вскорѣ послѣ новаго года изданъ по войскамъ Высочайшій приказъ, дабы генеералы, штабъ и оберъ офицеры, вышедшіе въ отставку въ продолженіи минувшей войны, не были опредѣляемы вновь въ военную службу. Нельзя отрицать справедливости такого распоряженія: хотя я и подходилъ къ категоріи упомянутыхъ лицъ, но предписанное воспрещеніе ни какого не сдѣлало не пріятнаго во мнѣ впечатлѣнія потому что я едвали и желалъ вновь надѣть служебную лямку и оставался вполнѣ равнодушнымъ къ отданному приказу, зная впрочемъ, что мое опредѣленіе зависитъ не отъ приказа, а отъ Горчакова, могущего его обойти, что въ послѣдствіи имъ и сдѣлано.

Князь исходатайствовалъ у Императора архіепископу Арсенію близъ Новогеоргіевской крѣпости усадьбу съ каменнымъ домомъ, хозяйственными строеніями, фруктовымъ садомъ и паркомъ; захотѣлось владыкѣ имѣть еще и луга, но Горчаковъ на отрѣзъ отказалъ, въ видахъ интереса казны, которой, правду сказать, онъ былъ строгій оберегатель.—Тогда преосвященный взялся за ханжу—княгиню; въ постный день пригласилъ ее откушать съ нимъ глазъ на глазъ ушицы изъ ершей и кулебяки съ сигомъ и угостилъ на славу и всунулъ въ ея руку записку о просимыхъ лугахъ, сказавъ ей съ любезностію, что она имѣетъ рѣшительное вліяніе на достойнаго своего супруга и все можетъ сдѣлать; но тутъ же вдался въ безтактную откровенность и передалъ ей много такихъ пріятныхъ слуховъ о управленіи *достойнаго* ея *супруга*, что, по выраженію княгини, въ тотъ же день мнѣ высказанному, *у ней за обѣдомъ куски засѣдали въ горлѣ*. Княгиня чрезвычайно была огорчена переданными ей святымъ отцомъ слухами о ея мужѣ; разсказывая мнѣ о томъ, она едва не плакала; въ утѣшеніе ея я далъ ей для прочтенія № сѣверной пчелы, одна статья въ которомъ заключала хвалебные гимны ея супругу; а чтобы еще болѣе ослабить прискорбное впечатленіе, произведенное словами архипастыря, я прочиталъ ей корреспонденцію изъ Варшавы въ одну изъ Краковскихъ польскихъ газетъ и перепечатанную въ одной изъ здѣшнихъ польскихъ газетъ, въ которой корреспондентъ самымъ наглымъ и клеветническимъ перомъ описалъ покойнаго Паскевича и его

управленіе Царствомъ. Княгиня окончательно успокоилась, находя статью справедливою, перестала тревожиться и куски свободно могли проходить въ желудокъ, не останавливаясь въ горлѣ.

Говорили что ругательная корреспонденція о Паскевичѣ изобрѣтена Мухановымъ, что бы подслужиться Горчакову; едвали это вѣрно; князь по благородству своего характера не принялъ бы такой подлости.

Между тѣмъ, князь Горчаковъ отправился на Пасху въ Петербургъ, откуда, между прочимъ, писалъ Коцебу, что его сіятельство дворомъ принятъ былъ такъ, какъ не ожидалъ и *не заслуживалъ*. Послѣднее наивное слово вызвало смѣхъ нѣмца Коцебу, а названіе дурака отъ княгини. Но этотъ дуракъ не оставлялъ мечтать о фельдмаршальскомъ жезлѣ и надѣялся украситься имъ въ первый день Пасхи,—но увы! получилъ двѣ малахитовыя огромныя вазы, вовсе ему не нужныя и для него безполезныя; правда, подобные подарки дѣлалъ Императоръ Николай Паскевичу, но послѣдній имѣлъ въ Гомелѣ свой дворецъ, а у Горчакова же не было ни кола—ни двора. Онъ поступилъ не расчетливо, уклонившись отъ возможности полученія предлагаемыхъ ему нѣсколькихъ тысячъ десятинъ земли въ Самарской губерніи. Горчаковъ во истинну былъ Демьяномъ безсребренникомъ!

28 марта было торжественное присоединеніе къ православію католички жены русскаго подполковника Колышкина; побужденіемъ къ этому переходу было то, что на исповѣди ксензъ—фанатикъ объявилъ ей, что умершія ея дѣти въ православіи непремѣнно будутъ въ аду, и что это исповѣданіе хуже жидовскаго. Безумный ксензъ отдѣлался однимъ выговоромъ и временнымъ воспрещеніемъ исповѣдывать.

10-го апрѣля у кн. Горчаковой обѣдали архіепископъ Арсеній, Мухановъ и я; первый наставительно разглагольствовалъ и все изъ Божественнаго писанія; второй буфонилъ и при одномъ случаѣ проврался; разсказывая, какъ на дняхъ одинъ поваръ въ бѣшенствѣ поднялъ руку съ ножемъ на своего поваренка, Мухановъ уподобилъ его Аврааму, намѣревающемуся поразить своего сына Исаака взнесенною рукою съ ножемъ; архіепископъ очень вѣжливо замѣтилъ ему неприличіе его уподобленія и отнесъ это къ кощунству,—и былъ правъ.

Спустя нѣсколько дней, неожиданно ввалился ко мнѣ едва знакомый отставной генералъ-маіоръ князь Любомірскій, женатый на какой то графинѣ Толстой, принявшей потомъ латинскую вѣру. Онъ узналъ отъ сенатора Старынкевича, что я имѣю въ рукописи отчетъ Барклая Императ. Алексан. I о своихъ дѣйствіяхъ въ 1812 году противу французовъ, въ которомъ авторъ, между прочими интриговавшими лицами, вывелъ на сцену и Любомірскаго, тогда бывшаго

флигель-адъютанта, и потому его сіятельство домогался дать ему для прочтенія упомянутую рукопись, но я рѣшительно отказалъ изъ опасенія накликать на себя бѣду отъ оглаєки не напечатаннаго того отчета.

15 мая возвратился изъ Петербурга князь Горчаковъ и сказалъ женѣ моей, что объ опредѣленіи меня на службу и назначеніи вмѣсто генерала Соболева онъ говорилъ съ военнымъ министромъ и надѣется въ будущее пребываніе здѣсь Императора кончить обо мнѣ дѣло, не ручаясь впрочемъ за успѣхъ. Къ этому извѣстію я оставался совершенно равнодушнымъ.

Чрезъ недѣлю по пріѣздѣ Горчакова, именно 21 мая, по случаю исполнившейся 50 лѣтней его службы въ офицерскихъ чинахъ, утромъ военные и гражданскіе чины въ парадномъ одѣяніи, собрались въ Бельведерскій дворецъ и принесли князю поздравленіе,—тогда же онъ объявилъ во всеуслышаніе и о помолвкѣ младшей своей дочери Ольги съ дипломатическимъ 23 лѣтнимъ чиновникомъ Барономъ Мейендорфомъ, котораго мать невѣсты въ минуты досады отъ неудовлетворенныхъ гордости и тщеславія, честила писаремъ, а Великій Князь Николай Николаевичъ одинъ разъ, при разговорѣ съ Княг. Горчаковою, назвалъ его тряпкою. Потомъ въ 4 часа по полудни, заданъ былъ юбиляру роскошный обѣдъ по подпискѣ, на которомъ присутствовало все семейство и сродники князя въ числѣ 12 душъ. По обыкновенію были произнесены спичи въ честь и похвалу юбиляра; первый началъ Варшавскій военный генералъ-губернаторъ Панютинъ; но что онъ шепталъ, о томъ зналъ только Его Высокопревосходительство, даже и тѣ, кои сидѣли подлѣ него, не могли ни разслышать, ни понять его рѣчи; витія былъ старъ, глухъ и безъ зубовъ. Въ свою очередь и Князь не отличился своимъ краснорѣчіемъ; къ русскимъ отвѣчалъ по русски, а къ полякамъ по французски; между прочимъ онъ упоминалъ о Крымѣ, Севастополѣ и о благосостояніи Царства Польскаго. За этимъ же обѣдомъ Князь получилъ изъ Петербурга телеграмму, которою Государь Императоръ то же поздравляетъ Князя, назначаетъ его шефомъ той гвардейской батареи, въ которую онъ поступилъ первоначально на службу и жалуетъ ему на 12 лѣтъ аренду въ 5 т. руб. сер. ежегодно; но увы! Фельдмаршальскаго жезла, на коего Князь расчитывалъ, а мы прибавимъ, и заслуживалъ,— не получилъ!

Пріѣхавшая изъ Петербурга дочь князя Горчакова г-жа Столыпина, мнѣ разсказала, что при представленіи ея отцомъ Муханова въ главные директоры внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Царства Польскаго (должность министра) съ производствомъ его въ тайные совѣтники, —Государь Императоръ изволилъ сказать: „осуждали Па-

„скевича за выборъ къ должностямъ лицъ неспособныхъ и даже не„достойныхъ, а и Горчаковъ начинаетъ тоже дѣлать“.—Къ этому Столыпина добавила, что было одно такое время, когда въ Петербургскихъ салонахъ трубили, что Царствомъ управляетъ кн. Горчакова и что самъ князь близокъ былъ къ паденію; это мнѣ подтвердилъ и будущій зять, баронъ Мейендорфъ.—Надобно сказать, есть въ сихъ извѣстіяхъ много правды.

11 іюня мы отправились за границу въ Карлсбадъ и Теплицъ и возвратились 15 сентября; воды женѣ мало принесли пользы.

По пріѣздѣ первый мой визитъ былъ къ архіепископу Арсенію, я поднесъ ему заграничный гостинецъ Богемскаго хрусталя расписанный красками бокалъ; онъ былъ доволенъ и подарочкомъ и моимъ вниманіемъ; приглашалъ на будущее лѣто всѣхъ насъ къ себѣ въ Почаевскую Лавру на богомолье; между разговорами онъ мнѣ разсказалъ, что когда назначенный Императоромъ Николаемъ въ оберъ прокуроры Синода гусарскій полковникъ графъ Протасовъ явился въ Синодъ въ полной формѣ и съ саблей на боку, то митрополитъ Серафимъ, въ полномъ присутствіи, перекрестившись, воскликнулъ: Господи Боже мой, въ первый разъ вижу здѣсь вооруженнаго съ нами соприсутствующаго! Отпуская меня, преосвященный спрашивалъ: не привезъ ли я русскихъ книжекъ, печатаемыхъ въ Лондонѣ подъ названіемъ „Голоса изъ Россіи“, которыя онъ очень хотѣлъ бы прочитать,—но я отвѣчалъ отрицательно.

26 сентября прибыли изъ заграницы Императоръ и Императрица, а 28 числа удостоили своимъ посѣщеніемъ балъ, данный для Ихъ Величествъ Горчаковыми, на этомъ балѣ была и графиня Потоцкая, жена Августа, женщина гордая, ненавидящая русскихъ и все русское и которую поляки называютъ *Польскою Королевою*; и эта та патріотка, когда на балѣ у Императрицы сдѣлалось что то съ башмакомъ, *добровольно поспѣшила принять роль горничной и при всѣхъ исправила обувь*.—Во время же пребыванія Августѣйшихъ гостей въ Варшавѣ, Императрица пожелала видѣть графа Андрея Замойскаго, но князь Горчаковъ отклонилъ это желаніе докладомъ, что Замойскій отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія назначить дочь его во фрейлины.

Изданъ Высочайшій Указъ Сенату о неповтореніи присяги въ продолженіи службы на чины. До этой отмѣны, при полученіи каждаго чина, надобно было присягать и платить священнику за труды; такъ наприм. отъ прапорщика до полковника, включительно, надобно было *восемь* разъ присягнуть.

О другомъ Указѣ, болѣе важномъ, именно, объ устройствѣ крестьянъ

сударь, онъ хорошо *сдаетъ*, но худо *играетъ*; разумѣя здѣсь сдачу Севастополя и плохую защиту.

На эту же Коронацію вызванъ былъ и Варшавскій архіепископъ Арсеній, которому на издержки въ пути и въ Москвѣ выдано было изъ казны 1000 руб., а сверхъ того пожалованъ ему при короновавіи брилліантовый крестъ на клобукъ. При поздравленіи моемъ съ этою Царскою милостію, владыко удивился, что я еще не въ службѣ, и насказалъ много лестныхъ фразъ на счетъ моихъ способностей и честности; справедливо замѣтилъ, что князь Горчаковъ напрасно занимается мелкими предметами; назвалъ покойнаго фельдмаршала очень хитрымъ человѣкомъ. При прощаніи благословилъ меня просфорою и хрустальнымъ пузырькомъ съ почаевскою водою.

И мы здѣсь въ Варшавѣ день коронаціи праздновали 26 августа: богослуженіемъ въ соборѣ, офиціальнымъ обѣдомъ въ замкѣ, на счетъ Горчакова, безплатнымъ театромъ и плохою иллюминаціею. Для угощенія же народа, на Уяздовской площади разставлены были столы съ водкою, пивомъ, булками, мясомъ и колбасами; рога у быковъ были вызолочены. Ожидали пріѣзда Варшавскаго военнаго генералъ-губернатора Панютина, но онъ замедлилъ, а устроитель угощенія не хотѣлъ долѣе его ожидать и по его мановенію бросившійся народъ всѣ столы мгновенно очистилъ отъ яствъ и питій.

Бывшій въ южной, а потомъ въ Крымской арміи у князя Горчакова, мой пріятель дежурный генералъ Ушаковъ разсказывалъ мнѣ:

1) Что при требованіи Австрійскимъ правительствомъ очищенія Придунайскихъ княжествъ отъ нашихъ войскъ, мы въ Букарестѣ имѣли въ госпиталяхъ больныхъ и раненныхъ до 3 т. человѣкъ и въ магазинахъ до 50 т. четв. провіанта и овса. Горчаковъ, призвавъ къ себѣ его Ушакова и генералъ-интенданта Затлера, приказалъ въ теченіи двухъ сутокъ пріискать средства для поднятія тѣхъ больныхъ и провіанта, нагрузить подводы и двинуться въ Бессарабію; ему представляли о не возможности исполненія его приказанія въ столь короткій срокъ, онъ настаивалъ на своемъ; наконецъ дерзнули ему замѣтить, что подобная поспѣшность какъ въ выводѣ войскъ изъ княжествъ, такъ и въ вывозѣ всѣхъ тяжестей и больныхъ, приметъ видъ бѣгства, а не добровольнаго очищенія княжествъ.

2) Что еще до назначенія Горчакова въ Крымъ на мѣсто Меньщикова, равно и по назначеніи его туда, онъ Горчаковъ былъ убѣжденъ и говорилъ: что *мы будемъ разбиты*,—и это пророчество дѣйствительно исполнилось.

3) Что послѣ отбытія штурма (кажется въ Іюлѣ 1855 г.) большая часть начальствующихъ заявили мнѣніе взорвать южную часть Сева-

стополя и перейдти на Сѣверную и тамъ защищать, но Горчаковъ, поддержанный морскими вождями, на отступленіе это не согласился.

4) Что въ концѣ того же мѣсяца изъ Петербурга присланный генералъ-адъютантъ боронъ Вревскій привезъ повелѣніе отъ двора о наступленіи на непріятеля. Собранъ былъ совѣтъ; разсуждали, спорили, доказывали и по большинству голосовъ рѣшено сдѣлать наступленіе, которое по диспозиціи могло быть и большою только рекогносцировкою и формальною аттакою, по усмотрѣнію главнокомандующаго; послѣдствіемъ сего наступленія и недоразумѣнія, произшедшаго отъ отданнаго чрезъ адъютанта приказанія, было сраженіе на 4 августа на Черной рѣчкѣ, на которомъ мы были сильно побиты.

Военный министръ кн. Долгоруковъ въ партикулярномъ письмѣ Горчакову между прочимъ замѣтилъ, что съ столь важнымъ приказаніемъ слѣдовало послать не адъютанта, а другое болѣе извѣстное и опытное лицо. Горчаковъ этимъ замѣчаніемъ обидѣлся и будто бы отвѣчалъ, что если оно сдѣлано отъ имени Императора, то онъ Горчаковъ принимаетъ его какъ вѣрноподанный, но если оно идетъ отъ лица его, военнаго министра, то вовсе не умѣстно, такъ какъ Горчаковъ носитъ званіе главнокомандующаго и сверхъ того въ чинѣ старше его.

По словамъ Ушакова,—а ему нельзя не вѣрить, какъ бывшему дежурному генералу, въ сраженіи на Черной рѣчкѣ существовалъ безпорядокъ: одна дивизія вовсе не была въ дѣлѣ, другая дивизія не попала въ назначенное ей мѣсто; да и въ самомъ главномъ штабѣ Горчакова не было единодушія и существовала какая то таинственность.—Онъ, Ушаковъ, на канунѣ сраженія говорилъ начальнику штаба, Коцебу, что мы будемъ разбиты,—и были разбиты—и

5) Что наканунѣ штурма 27 августа мы всѣ были убѣждены въ общемъ на другой день приступъ, такъ и случилось.

Изъ 7 укрѣпленій отъ 6 враги были отбиты, остальные—именно „Малаховъ курганъ“,—взятъ и оставался въ рукахъ непріятеля; онъ взятъ былъ въ расплохъ и не возвращенъ по неимѣнію подкрѣпленій. Тогда Горчаковъ приказалъ всему горнизону переходить на сѣверную сторону и мы 90 полевыхъ орудій, ввезенныхъ прежде въ Севастополь, должны были потопить. По словамъ Ушакова во время этого штурма у насъ не было головы, которая бы распоряжалась отбитіемъ врага.

Ушаковъ со всею убѣдительностію и непогрѣшимостію въ свое мнѣніе въ заключеніе мнѣ объявилъ, что при другомъ главнокомандующемъ, болѣе опытномъ и съ характеромъ и не столь суетливомъ, успѣхъ войны былъ бы несомнѣнный.

чрезъ Варшаву добрый мой знакомый и давній сослуживецъ по полку Псковскій помѣщикъ Креницынъ.—Я видѣлъ у него и читалъ собственноручное письмо извѣстнаго Александра Бестужева (Марлинскаго) къ Ксенофонту Полевому, писанное изъ Дербента въ 1832 году.—Оно, по своему содержанію, было столь интересно, что я съ дозволенія владѣльца письма сдѣлалъ выписку изъ него, здѣсь излагаемую. Бестужевъ говоритъ: „солдатъ нашъ очень не охотно идетъ „въ огонь, но хорошо стоитъ въ немъ отъ того, что не умѣетъ уйти „и лезетъ на вѣрную смерть отъ того, что не смѣетъ ослушаться. „Впрочемъ, русскій солдатъ доступенъ всѣмъ высокимъ чувствамъ, „еслибъ умѣли ихъ возбуждать заранѣе (чего увы! нѣтъ и въ заводѣ). „Примѣръ и красное слово увлекаетъ ихъ, и чудная вещь имя пол„ка, имя роты, извѣстной искони храбростію, какъ будто перерож„даетъ трусовъ въ безстрашныхъ. Впрочемъ я зналъ многихъ солдатъ, „которые также радостно идутъ въ дѣло, какъ въ кружало“.—Далѣе Бестужевъ пишетъ о пресловутомъ партизанѣ—пѣитѣ Денисѣ Давыдовѣ: „онъ болѣе выписалъ, чѣмъ вырубилъ себѣ славу храбреца. „Между прочимъ, я былъ друженъ съ Николаемъ Бедрягою, который „служилъ съ Денисомъ въ 1812 году. Онъ говоритъ, что они мог„ли бы въ тысячу разъ быть полезнѣе, если бы Бахусъ не мѣшалъ „Марсу. Денисъ ввѣрился слишкомъ какому то Храповицкому и за„нялся болѣе маскерадомъ за чаркою, чѣмъ дѣломъ.—Бедряга уѣхалъ „изъ отряда Давыдова за то, что онъ велѣлъ перерѣзать на честное „слово сдавшихся ему французовъ. Я очень люблю его, но онъ при„надлежитъ исторіи,—а исторія есть нагая истина“.

Сверхъ этого письма, я читалъ у Креницына злостные стихи на ген.-адъют. Ростовцева, присланные ему по городской почтѣ, въ день празднованія имъ юбилея. Онъ же мнѣ разсказывалъ о новомъ своемъ Псковскомъ губернаторѣ Муравьевѣ, который, по прибытіи, тотчасъ наложилъ на винный откупъ въ свою пользу денежный налогъ, тогда какъ предмѣстникъ его Черкасовъ былъ чуждъ этого налога. О подобномъ съ виннаго откупа налогѣ, существующемъ едвали не вовсѣхъ губерніяхъ, знало само правительство; всѣ и каждый имъ пользовался и считалось *безгрѣшнымъ доходомъ*.

Князь Горчаковъ 1 апрѣля возвратился изъ Петербурга; на другой день, я, по приглашенію, былъ у него и удостоился поцѣлуя; при разговорѣ объ опредѣленіи моемъ на службу и назначеніи къ должности, онъ какъ будто извинялся въ своей медленности; разсыпался похвалами о моей честности и способности и наконецъ сказалъ, что дѣло, по коему я долженъ получить назначеніе, поступило уже въ Государственный Совѣтъ и полагаетъ видѣть его оконченнымъ и Высочайше утвержденнымъ къ августу мѣсяцу. Я вовсе ненадѣялся наскорое

Съ упраздненіемъ названій западной и средней армій, слившихся въ прежнее наименованіе дѣйствующей, подъ начальствомъ князя Горчакова,— командовавшій средней арміей генералъ-адъютантъ Панютинъ, по представленію Горчакова былъ назначенъ Варшавскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и членомъ Административнаго Совѣта съ правомъ предсѣдательствовать въ Совѣтѣ въ случаѣ отсутствія намѣстника. Въ числѣ членовъ Совѣта состоялъ и главный директоръ Мухановъ. Въ отсутствіе князя Горчакова въ Москву на коронацію, между добрякомъ Панютинымъ и интриганомъ но далеко его умнѣйшимъ и опирающимся на расположеніе Горчаковыхъ—Мухановымъ проявилось несогласіе и раздоръ, усиливавшійся все болѣе и болѣе и послѣ возвращенія Горчакова въ Варшаву дотакой степени, что Панютинъ грозилъ оставить службу. Князь, узнавъ о томъ отъ жены своей, на другой же день отправился къ Панютину и упросилъ его остаться по прежнему при своихъ должностяхъ; но не умѣлъ помирить враждующихъ. Это первая непріятность отъ кичливаго Муханова.

Въ праздникъ Рождества Христова я торчалъ на выходѣ, князь освѣдомился о моемъ здоровьѣ; нѣмецъ сладенькій Коцебу и вертлявый генералъ Бутурлинъ подали мнѣ руки и были со мною любезны; послѣ богослуженія въ соборѣ завтракали у архіепископа, который извинялся, что давно не былъ у меня.

27 числа я и жена обѣдали у Горчаковыхъ; предъ обѣдомъ я говорилъ князю, что проведенная изъ Вислы въ фонтаны вода въ настоящее время крайне не чиста, а лѣтомъ изобиловала вшами,—что очень его удивило.

За столомъ, не помню съ какого повода, зашла рѣчь, о покойномъ генералѣ Красовскомъ, у коего Горчаковъ нѣкоторое время былъ начальникомъ корпуснаго штаба. Сіятельный заслуженнаго и достойнаго сего генерала честилъ мужикомъ, хвастуномъ, лгуномъ и это было высказано при родномъ племянникѣ Красовскаго, адъютантѣ Горчакова, который не посовѣстился поддакивать своему патрону о своемъ дядѣ. Съ нами также раздѣлялъ трапезу Калугинъ, женатый на дочери родного брата Горчакова, князя Петра. Предъ тѣмъ онъ былъ Волынскимъ губернаторомъ и имѣлъ отличную репутацію способнаго и дѣятельнаго агента, но князь—намѣстникъ, кажется соблазнилъ его посулами и будущею карьерою и назначилъ въ коммиссію Муханова директоромъ одного изъ отдѣленій. Онъ не поладилъ и не могъ поладить съ Мухановымъ, оставилъ службу и въ послѣдствіи былъ назначенъ Харьковскимъ губернаторомъ.

Назначеніе экспромтомъ Варшавскимъ оберъ-полиціймейстеромъ ген. маіора Аничкова, было крайне не удачно; это былъ человѣкъ лѣнивый, неподвижный и любившій поѣсть, испить и поспать.

1857 годъ.

Обычный порядокъ перваго дня новаго года: поздравленія, пожеланія, богослуженіе въ соборѣ и завтракъ у владыки; балъ у Горчаковыхъ, на который я не поѣхалъ по нездоровью жены; къ ней пріѣзжала сама княгиня за утѣшеніями; мужъ ея получилъ изъ Петербурга какія то не пріятныя бумаги и отъ нихъ былъ внѣ себя; все его смущаетъ, все тревожитъ, отъ всего труситъ. Несчастная натура!

Вскорѣ послѣ новаго года изданъ по войскамъ Высочайшій приказъ, дабы генеералы, штабъ и оберъ офицеры, вышедшіе въ отставку въ продолженіи минувшей войны, не были опредѣляемы вновь въ военную службу. Нельзя отрицать справедливости такого распоряженія: хотя я и подходилъ къ категоріи упомянутыхъ лицъ, но предписанное воспрещеніе ни какого не сдѣлало не пріятнаго во мнѣ впечатлѣнія потому что я едвали и желалъ вновь надѣть служебную лямку и оставался вполнѣ равнодушнымъ къ отданному приказу, зная впрочемъ, что мое опредѣленіе зависитъ не отъ приказа, а отъ Горчакова, могущего его обойти, что въ послѣдствіи имъ и сдѣлано.

Князь исходатайствовалъ у Императора архіепископу Арсенію близъ Новогеоргіевской крѣпости усадьбу съ каменнымъ домомъ, хозяйственными строеніями, фруктовымъ садомъ и паркомъ; захотѣлось владыкѣ имѣть еще и луга, но Горчаковъ на отрѣзъ отказалъ, въ видахъ интереса казны, которой, правду сказать, онъ былъ строгій оберегатель.—Тогда преосвященный взялся за ханжу—княгиню; въ постный день пригласилъ ее откушать съ нимъ глазъ на глазъ ушицы изъ ершей и кулебяки съ сигомъ и угостилъ на славу и всунулъ въ ея руку записку о просимыхъ лугахъ, сказавъ ей съ любезностію, что она имѣетъ рѣшительное вліяніе на достойнаго своего супруга и все можетъ сдѣлать; но тутъ же вдался въ безтактную откровенность и передалъ ей много такихъ пріятныхъ слуховъ о управленіи *достойнаго* ея *супруга*, что, по выраженію княгини, въ тотъ же день мнѣ высказанному, *у ней за обѣдомъ куски засѣдали въ горлѣ*. Княгиня чрезвычайно была огорчена переданными ей святымъ отцомъ слухами о ея мужѣ; разсказывая мнѣ о томъ, она едва не плакала; въ утѣшеніе ея я далъ ей для прочтенія № сѣверной пчелы, одна статья въ которомъ заключала хвалебные гимны ея супругу; а чтобы еще болѣе ослабить прискорбное впечатленіе, произведенное словами архипастыря, я прочиталъ ей корреспонденцію изъ Варшавы въ одну изъ Краковскихъ польскихъ газетъ и перепечатанную въ одной изъ здѣшнихъ польскихъ газетъ, въ которой корреспондентъ самымъ наглымъ и клеветническимъ перомъ описалъ покойнаго Паскевича и его

управленіе Царствомъ. Княгиня окончательно успокоилась, находя статью справедливою, перестала тревожиться и куски свободно могли проходить въ желудокъ, не останавливаясь въ горлѣ.

Говорили что ругательная корреспонденція о Паскевичѣ изобрѣтена Мухановымъ, что бы подслужиться Горчакову; едвали это вѣрно; князь по благородству своего характера не принялъ бы такой подлости.

Между тѣмъ, князь Горчаковъ отправился на Пасху въ Петербургъ, откуда, между прочимъ, писалъ Коцебу, что его сіятельство дворомъ принятъ былъ такъ, какъ не ожидалъ и *не заслуживалъ*. Послѣднее наивное слово вызвало смѣхъ нѣмца Коцебу, а названіе дурака отъ княгини. Но этотъ дуракъ не оставлялъ мечтать о фельдмаршальскомъ жезлѣ и надѣялся украситься имъ въ первый день Пасхи,—но увы! получилъ двѣ малахитовыя огромныя вазы, вовсе ему не нужныя и для него безполезныя; правда, подобные подарки дѣлалъ Императоръ Николай Паскевичу, но послѣдній имѣлъ въ Гомелѣ свой дворецъ, а у Горчакова же не было ни кола—ни двора. Онъ поступилъ не расчетливо, уклонившись отъ возможности полученія предлагаемыхъ ему нѣсколькихъ тысячъ десятинъ земли въ Самарской губерніи. Горчаковъ во истинну былъ Демьяномъ безсребренникомъ!

28 марта было торжественное присоединеніе къ православію католички жены русскаго подполковника Колышкина; побужденіемъ къ этому переходу было то, что на исповѣди ксензъ—фанатикъ объявилъ ей, что умершія ея дѣти въ православіи непремѣнно будутъ въ аду, и что это исповѣданіе хуже жидовскаго. Безумный ксензъ отдѣлался однимъ выговоромъ и временнымъ воспрещеніемъ исповѣдывать.

10-го апрѣля у кн. Горчаковой обѣдали архіепископъ Арсеній, Мухановъ и я; первый наставительно разглагольствовалъ и все изъ Божественнаго писанія; второй буфонилъ и при одномъ случаѣ проврался; разсказывая, какъ на дняхъ одинъ поваръ въ бѣшенствѣ поднялъ руку съ ножемъ на своего поваренка, Мухановъ уподобилъ его Аврааму, намѣревающемуся поразить своего сына Исаака взнесенною рукою съ ножемъ; архіепископъ очень вѣжливо замѣтилъ ему неприличіе его уподобленія и отнесъ это къ кощунству,—и былъ правъ.

Спустя нѣсколько дней, неожиданно ввалился ко мнѣ едва знакомый отставной генералъ-маіоръ князь Любомірскій, женатый на какой то графинѣ Толстой, принявшей потомъ латинскую вѣру. Онъ узналъ отъ сенатора Старынкевича, что я имѣю въ рукописи отчетъ Барклая Императ. Алексан. I о своихъ дѣйствіяхъ въ 1812 году противу французовъ, въ которомъ авторъ, между прочими интриговавшими лицами, вывелъ на сцену и Любомірскаго, тогда бывшаго

имъ генераламъ. Я не вѣрю сему; черты самовосхваленія вовсе не въ характерѣ князя.

Начальникъ инженеровъ въ арміи генер.-лейтенантъ Бухмееръ, за то, что у него *рыльце въ пушку*, неожидано получилъ увольненіе отъ должности, но съ полнымъ содержаніемъ.—Онъ однако же оказалъ несомнѣнную услугу, построивъ въ одну ночь мостъ въ Севастополѣ для перехода нашаго гарнизона съ южной на сѣверную сторону, послѣ взятія крѣпости союзниками. Еще до удаленія Бухмеера, князь Горчаковъ предлагалъ его мѣсто Тотлебену.

Въ № 257 газеты: Ind. Bel. напечатана корреспонденція изъ Петербурга, въ которой сильно осуждаются характеръ, поведеніе и способности покойнаго Паскевича и особенно правленіе его царствомъ польскимъ, и въ противоположность тому, рисуется радужными красками характеръ и способности настоящаго намѣстника князя Горчакова и управленіе его царствомъ, съ весьма однакоже легкимъ замѣчаніемъ его легкаго недостатка, именно нѣкотораго его пристрастія *къ прежнимъ своимъ сослуживцамъ*.

Этотъ намекъ относится къ генералъ-маіору барону Икскулю, который по ходатайству князя принятъ изъ отставки въ службу и назначенъ членомъ въ Администраціонный Совѣтъ царства. Далѣе корреспондентъ не на шутку увѣряетъ газету, что князь блестящимъ образомъ кончилъ Крымскую войну и вслѣдъ за этою ложью воздается похвала княгинѣ и происхожденію ея изъ какого то высокаго рода (отецъ отставной гвардейскій прапорщикъ Бахметьевъ, а мать княжна Несвицкая), а въ заключеніе авторъ увѣряетъ, что начальникъ главнаго штаба Горчакова— *Коцебу* и главный директоръ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ царствѣ— *Мухановъ*, пользующіеся особымъ довѣріемъ князя, будутъ непремѣнно удалены отъ своихъ должностей. При этомъ я одно замѣчу, что эти два сторонника Горчакова: нѣмецъ и русскій, были враги между собою, состоя на службѣ на разныхъ почвахъ.

11 сентября Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Варшаву; послѣ кратковременнаго отдыха посѣтилъ сперва православный соборъ, гдѣ были уже собраны чины и дамы православнаго исповѣданія, потомъ и католическій соборъ, въ которомъ также находились чины католическаго исповѣданія. При пріѣздахъ въ Варшаву покойнаго Императора Николая I-го, Его Величество посѣщалъ одинъ только православный соборъ, куда собирались чины *обоихъ* исповѣданій и ни разу не былъ въ католическомъ безъ сомнѣнія потому, что римскій прелатъ, по своимъ каноническимъ правиламъ, не цѣловалъ руки у Царя послѣ прикладыванія къ кресту.

„скевича за выборъ къ должностямъ лицъ неспособныхъ и даже не„достойныхъ, а и Горчаковъ начинаетъ тоже дѣлать“.—Къ этому Столыпина добавила, что было одно такое время, когда въ Петербургскихъ салонахъ трубили, что Царствомъ управляетъ кн. Горчакова и что самъ князь близокъ былъ къ паденію; это мнѣ подтвердилъ и будущій зять, баронъ Мейендорфъ.—Надобно сказать, есть въ сихъ извѣстіяхъ много правды.

11 іюня мы отправились за границу въ Карлсбадъ и Теплицъ и возвратились 15 сентября; воды женѣ мало принесли пользы.

По пріѣздѣ первый мой визитъ былъ къ архіепископу Арсенію, я поднесъ ему заграничный гостинецъ Богемскаго хрусталя расписанный красками бокалъ; онъ былъ доволенъ и подарочкомъ и моимъ вниманіемъ; приглашалъ на будущее лѣто всѣхъ насъ къ себѣ въ Почаевскую Лавру на богомолье; между разговорами онъ мнѣ разсказалъ, что когда назначенный Императоромъ Николаемъ въ оберъ прокуроры Синода гусарскій полковникъ графъ Протасовъ явился въ Синодъ въ полной формѣ и съ саблей на боку, то митрополитъ Серафимъ, въ полномъ присутствіи, перекрестившись, воскликнулъ: Господи Боже мой, въ первый разъ вижу здѣсь вооруженнаго съ нами соприсутствующаго! Отпуская меня, преосвященный спрашивалъ: не привезъ ли я русскихъ книжекъ, печатаемыхъ въ Лондонѣ подъ названіемъ „Голоса изъ Россіи“, которыя онъ очень хотѣлъ бы прочитать,—но я отвѣчалъ отрицательно.

26 сентября прибыли изъ заграницы Императоръ и Императрица, а 28 числа удостоили своимъ посѣщеніемъ балъ, данный для Ихъ Величествъ Горчаковыми, на этомъ балѣ была и графиня Потоцкая, жена Августа, женщина гордая, ненавидящая русскихъ и все русское и которую поляки называютъ *Польскою Королевою*; и эта та патріотка, когда на балѣ у Императрицы сдѣлалось что то съ башмакомъ, *добровольно поспѣшила принять роль горничной и при всѣхъ исправила обувь*.—Во время же пребыванія Августѣйшихъ гостей въ Варшавѣ, Императрица пожелала видѣть графа Андрея Замойскаго, но князь Горчаковъ отклонилъ это желаніе докладомъ, что Замойскій отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія назначить дочь его во фрейлины.

Изданъ Высочайшій Указъ Сенату о неповтореніи присяги въ продолженіи службы на чины. До этой отмѣны, при полученіи каждаго чина, надобно было присягать и платить священнику за труды; такъ наприм. отъ прапорщика до полковника, включительно, надобно было *восемь* разъ присягнуть.

О другомъ Указѣ, болѣе важномъ, именно, объ устройствѣ крестьянъ

въ губерніяхъ: Ковенской, Виленской и Гродненской,— мы въ Варшавѣ узнали изъ иностранныхъ газетъ.— Не странно ли?

Въ день Рождества Христова у князя Горчакова не было *селяма*, онъ простудился, слегъ въ постель и для развлеченія ему читаютъ пресловутаго Поль-де-кока; сіятельный вообще любитель грязныхъ сочиненій подобныхъ авторовъ.

Послѣдній день 1857 года ознаменовался пышными похоронами главнаго начальника почтоваго вѣдомства въ царствѣ кн. Александра Голицына, умершаго отъ апоплексическаго удара. Этотъ князь извѣстенъ былъ тѣмъ, что воспитывался у іезуитовъ, былъ ими совращенъ въ католицизмъ и за то (?) святые отцы подверглись преслѣдованію и изгнанію изъ Россіи, такъ какъ онъ былъ родной племянникъ Голицына,—любимца Александра I.

1858 годъ.

Въ день новаго года намѣстникъ по болѣзни не выходилъ и никого не принималъ. Тотчасъ былъ распущенъ слухъ, что будто бы онъ страждетъ размягченіемъ мозга, но это выдумка его благопріятелей, которыхъ у него таки накопилось достаточно.

Въ концѣ января съѣхались сюда всѣ губернаторы съ проэктами отчетовъ за минувшій годъ о состояніи управляемыхъ ими губерній.— По заведенному еще при Паскевичѣ порядку, эти проэкты предварительно были разсмотрѣны намѣстникомъ, исправлены, выглажены, обращены въ офиціальныя донесенія и въ такомъ безупречномъ видѣ представлены Государю Императору. По совершеніи этой процедуры на прощаньѣ съ губернаторами, князь Горчаковъ 1-го февраля задалъ имъ и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ обѣдъ. Между застольною болтовнею присутствовавшій за трапезою сенаторъ генералъ-лейтенантъ графъ Толстой разсказывалъ о выборныхъ яствахъ на обѣдахъ Императ. Александра I и вообще о прихотливомъ его вкусѣ и въ заключеніе сказалъ: „что же касается до *незабвеннаго*, то онъ вовсе не зналъ толку въ кушаньяхъ“. Никто не возражалъ, а отъ слова: незабвеннаго (т. е. Императора Николая), названнаго такъ въ манифестахъ царствующаго Государя, Гарчакова сильно покоробило. Родной дядя этого графа былъ оберъ-гофмаршаломъ при Александрѣ I.

Ходила молва о безпокойномъ и крутомъ характерѣ В. К. К. Н.

. . . . . .

. . . . . .

Послѣдовало Высочайшее повелѣніе, дабы рядовые изъ евреевъ не были производимы въ унтеръ офицеры. — Интересно было бы знать настоящую причину этого запрещенія; вѣдь не вѣроисповѣданіе тутъ вмѣшалось.

Заканчиваю 1858 годъ разсказомъ изумительнаго давно прошедшаго факта, доказывающаго близорукость и упорное самообольщеніе покойнаго Императора Николая I о совершенствѣ устройства нашихъ войскъ и ихъ непобѣдимости. — Дѣло въ томъ, что командиръ Варшавскаго арсенала генералъ-маіоръ Шеншинъ 29 января 1849 года подалъ начальнику артиллеріи въ арміи генералу Гиленшмидту докладную записку о томъ, что фельдмаршалъ Паскевичъ поручилъ ему Шеншину передѣлать нѣсколько солдатскихъ ружей по образцу новыхъ штуцеровъ, именно съ нарѣзкою въ стволѣ и съ стержнемъ въ казенникѣ; что одно изъ передѣланныхъ подвергнуто было испытанію и оказалось, что ружье, которое едва только могло стрѣлять съ вѣрностію на 350 шаговъ, можетъ быть употреблено такъ же хорошо, какъ и англійскій штуцеръ на 600 шаговъ; что это испытаніе ведетъ къ мысли, что и орудія артиллерійскія могутъ быть устроены на подобныхъ же основаніяхъ, т. е. съ нарѣзкою. Этой запискѣ Шеншина не дано ходу въ ожиданіи пріѣзда Государя Императора въ Варшаву. Прибылъ и грозный владыко; представили ему передѣланное ружье и при немъ произвели пробную стрѣльбу, показавшую достоинство ружья. — Не въ духѣ былъ Николай, произнесъ пагубное слово: „вздоръ" и никто и самъ даже фельдмаршалъ не дерзнули возражать и чрезъ четыре года, съ нашимъ негоднымъ оружіемъ, русскіе солдаты поведены на убой союзниковъ въ Молдавію и Крымъ.

1859 годъ.

День новаго года, а въ Варшавѣ почти не замѣтно движенія, потому что князь — Намѣстникъ въ Петербургѣ, а исправляющій его должность Варшавскій военный губернаторъ Панютинъ, изъ экономіи, сказался больнымъ; поляки же держатся новаго календаря и 13 дней какъ отпраздновали свой новый годъ.

Бывшій генералъ-интендантъ южной и крымской арміи, генералъ-маіоръ Затлеръ отданъ подъ военный судъ за безпорядки и злоупотребленія по провіантской части. Бывшій его главнокомандовавшій кн. Горчаковъ, разсуждая съ женою своей о предстоявшей судьбѣ Затлера, между прочимъ сказалъ: „кровь Затлера падетъ на мою голову; мнѣ должно было его защитить, или подать въ отставку; но мое семейство, мое семейство"! При первомъ письмѣ къ Горчакову Затлера, я, зная хорошо князя, сказалъ Затлеру, что онъ не получитъ отъ него просимой защиты, и, дѣйствительно, Горчаковъ отрекся отъ него. Защита

князя должна была состоять въ личномъ объясненіи съ Императоромъ, для чего надобно имѣть много твердости и рѣшительности, а этихъ то качествъ и лишенъ Горчаковъ *самою природою*. Впрочемъ, какая бы судьба ни постигла Затлера,—ужъ конечно отставленію или исключенію изъ службы, не болѣе, а онъ гораздо *обезпечилъ* себя, какъ подобаетъ предусмотрительному и разумному чиновнику въ Россіи.

Разсказываютъ, что въ Петербургѣ предположено воздвигнуть памятникъ Императору Николаю на разстояніи 235 шаговъ отъ памятника Петра *Великаго* и что по этому случаю ходятъ по рукамъ французскіе стишки: „отъ *великаго* до смѣшного не одинъ шагъ, а 235 шаговъ“.—Ужъ конечно Николай не былъ смѣшнымъ.

Извѣстно, что послѣ открытія Крымской войны мы не имѣли въ достаточномъ количествѣ свинца и для дѣланія пороха селитры и должны были пріобрѣтать и выписывать эти матеріалы изъ Пруссіи.— Въ 1855 году тоже возложено было и на начальника артиллеріи (нынѣшняго военнаго министра) Сухозанета, который и заключилъ контрактъ здѣсь съ жидами на значительную сумму, но при сей вѣрной оказіи и себя не забылъ, положивъ въ свой карманъ 14 тысячъ рублей. Такъ говорятъ многіе, и даже сами жиды. Начальникъ арсенала Горбуновъ также платилъ ему дань. Послѣ сего вѣрь его безкорыстію и умиляйся его рѣчами!

Первая телеграмма отъ Горчакова, изъ Петербурга полученная, была о томъ, что генералъ квартермистръ арміи, генералъ-лейтенантъ *Бутурлинъ*, по его просьбѣ, отчисленъ отъ сей должности и на мѣсто его назначенъ генералъ-маіоръ Семека.—Удивленію объ этомъ отчисленіи не было конца въ кругу военныхъ и каждый изобрѣталъ свою причину къ тому, а оно произошло такимъ образомъ. Съ самаго начала Крымской войны Бутурлинъ состоялъ генералъ-квартермистромъ армій, предводительствуемыхъ Горчаковымъ въ Молдавіи и Крыму; по окончаніи войны, Горчаковъ назначенъ былъ главнокомандующимъ войсками, въ Царствѣ Польскомъ расположенными, вмѣсто умершаго Паскевича; съ нимъ одновременно поступилъ и Бутурлинъ въ томъ же званіи генералъ квартермистра. Князь Горчаковъ былъ очень расположенъ къ нему и хотѣлъ, чтобы онъ, какъ ближайшій свидѣтель Крымской войны и его совѣтникъ, описалъ эту войну, но Бутурлинъ, какъ лѣнивѣйшее созданіе, отнѣкивался то тѣмъ, то другимъ; это охладило расположеніе къ нему князя. Потомъ французскій генералъ Ніель издалъ описаніе Севастополя союзниками и выставилъ наши ошибки и промахи и, между прочимъ, сказалъ, что „выдалось такое время для союзныхъ войскъ, въ которое князь Горчаковъ и его генералы могли бы ихъ задавить“. Горчаковъ, задѣтый заживое Ніелемъ, поручилъ Бутурлину написать возраженіе, но тотъ отвѣчалъ, что ему *никогда и что онъ завиленъ дѣлами*. Раздосадованный князь та-

кимъ отказомъ и зная по опыту, что въ мирное время генералъ-квартермистръ почти свободенъ отъ дѣлъ, сказалъ ему: „*позвольте въ этомъ усумниться*“ — и не въ мѣру самолюбивый Бутурлинъ оскорбился сими словами; на другой день сказался больнымъ, а на третій подалъ рапортъ объ отчисленіи его въ запасныя войска; рапортъ княземъ былъ принятъ и Бутурлинъ отчисленъ съ должности генералъ-квартермистра арміи. Этотъ Бутурлинъ, женатый на княжнѣ Гагариной, братъ которой перешелъ въ католицизмъ и сдѣлался іезуитомъ, — обезславилъ себя доносомъ на своего шурина въ видахъ полученія его имѣнія, — но не имѣлъ успѣха. Онъ же родной братъ автора исторіи войны Наполеона I въ 1812 году въ Россіи.

При отъѣздѣ Бутурлина изъ Варшавы данъ былъ прощальный обѣдъ, съ рѣчами и стихами.

Камеръ-юнкеръ Панютинъ, неразлучный спутникъ Паскевича, бывшій съ нимъ на царскомъ смотру при Вознесенскѣ, передалъ мнѣ, что Императоръ Николай, осматривая 4 пѣхотный корпусъ генерала Чеодаева, остался имъ недоволенъ и послалъ сказать ему, что онъ не приглашается на тотъ разъ къ столу Его Величества, а послѣ обѣда, обучая собранныхъ унтеръ офицеровъ, со многихъ споролъ галуны и наказалъ палками. — Это ужъ не по царски! — Чеодаевъ извѣстенъ былъ скупостію и сдѣлками съ подрядчиками мяса для его войскъ.

Я видѣлъ у князя Тенишева рѣдкую вещь, именно: монету, выбитую въ память сооруженія въ Петербургѣ памятника Императору Александру I Императоромъ Николаемъ I. Она серебряная, величиною и вѣсомъ въ рубль; на одной сторонѣ выбитъ тотъ памятникъ и вокругъ слова: „*Александру I благодарная Россія*“, а на другой сторонѣ вычеканено: „*монета рубль*“. По словамъ Тенишева, Николай хотѣлъ, чтобы эта дивная вещь ходила какъ деньги, но это не удалось и потому она скрылась и осталась только у нумизматовъ. Не то ли случилось и съ платиновыми деньгами?

Образованіе въ Варшавѣ „*Земледѣльческаго Общества*“ подъ предсѣдательствомъ графа Андрея Замойскаго и Высочайше утвержденный для него уставъ преисполнилъ измѣнническія сердца ляховъ радостію. Долго князь Горчаковъ противился этому образованію въ предчувствіи будущихъ отъ него для правительства золъ, — которыя и сбылись, но постоянные къ нему подступы вліятельнаго Муханова съ убѣжденіями о пользѣ для страны, равно и самой княгини Горчаковой, заставило князя склониться, но съ тѣмъ, чтобы при каждомъ засѣданіи Общества всегда присутствовалъ для порядка жандармскій офицеръ. Оно распространило было свои отдѣленія и по провинціямъ, но это было воспрещено.

Прочелъ напечатанную за границею на русскомъ языкѣ брошюру,

подъ заглавіемъ: „*Описаніе сельскаго духовенства*“. Въ ней авторъ выводитъ наружу весь деспотизмъ, тиранію нашихъ святителей, безпорядки и злоупотребленія консисторій, приниженность нашего сельскаго духовенства и требуетъ радикальнаго преобразованія; такъ же совѣтуетъ о уничтоженіи діаконовъ, какъ людей ненужныхъ и вредныхъ. Говорятъ, что авторъ этой брошюры въ 166 страницъ есть сельскій священникъ; что Святѣйшій Сунодъ намѣревался было лишить его сана, но Государь не допустилъ сего. Брошюра напечатана въ 1858 г. Мы съ кн. Тенишевымъ разсуждали и обсуждали наше самодержавіе современъ Петра I. При этомъ случаѣ онъ разсказалъ слѣдующую быль: „покойный графъ Петръ Александровичъ Толстой говаривалъ своимъ друзьямъ: „экая, братецъ, притча, живешь бывало заграницею, ну и расхрабришься, и думаешь: вотъ что скажу, вотъ что сдѣлаю. Поѣдешь въ возвратный путь и станешь чувствовать себя по маленьку тише и тише. На границѣ начнетъ тебя какъ будто коробить, а переступилъ порогъ въ зимнемъ дворцѣ и *поползъ на четверенькахъ*“.

А вотъ и еще разсказъ въ другомъ родѣ, слышанный мною отъ генеральши Карловичъ. Когда она съ своимъ мужемъ, бригаднымъ командиромъ, квартировала въ г. Ригѣ,—генералъ-губернаторъ Головинъ всегда давалъ балъ въ послѣдній день масляницы; „танцуютъ, бѣснуются; часы начинаютъ бить полночь, является трубачъ, и при оглушительномъ трубномъ его звукѣ музыканты перестаютъ играть, танцы мигомъ прекращаются, хозяинъ раскланивается и уходитъ, а гости спѣшатъ разъѣхаться. Головинъ такъ чтилъ начало поста, къ тому же онъ былъ ханжа и сектаторъ—ученикъ извѣстной Татариновой.

Въ первыхъ числахъ марта, жена моя спросила возвратившуюся изъ Петербурга княгиню Горчакову, поѣдетъ ли нынѣшнею весною вдовствующая Императрица заграницу? Княгиня отвѣчала, что нѣтъ и что Ея Величество объявила, что, прочитавъ въ „Колоколѣ“ осужденіе за трату денегъ при путешествіи, она ужъ болѣе не хочетъ ѣздить заграницу, опасаясь новаго осужденія. Хоть набатъ „Колокола“ въ этомъ отношеніи принесъ пользу.—Въ самой вещи, всѣ заграничныя поѣздки вдовствующей Императрицы, сопровождались изумительною расточительностію.

6 марта возвратился князь Горчаковъ изъ Петербурга; на другой день я у него обѣдалъ; увидя меня, онъ подалъ руку и сказалъ, что Государь Императоръ на назначеніе мое начальникомъ рекрутскихъ наборовъ въ Царствѣ Польскомъ изволилъ согласиться; что онъ, Горчаковъ, ожидаетъ въ скоромъ времени утвержденія проэкта о тѣхъ наборахъ, и по полученіи его прикажетъ спросить меня, желаю ли я быть назначеннымъ, и тогда надобно подать на Высочайшее Имя

представленъ Государю, то Его Величество изволилъ его разорвать и всѣ узнавшіе о такомъ великодушіи Монарха, были въ восторгѣ, славя Его милосердіе и доброту.—Я порадовался всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ.

27 іюля возвратилась жена изъ заграницы и привезла мнѣ двѣ запрещенныя книжки: *„тюрьма и ссылка“* соч. Искандера и *„нѣмцы и Дунай“* соч. Менькова.

Прочелъ отчетъ министра просвѣщенія за 1857 годъ.—Онъ возвѣщаетъ намъ радостную вѣсть о возстановленіи во всѣхъ русскихъ университетахъ права европейскихъ державъ, закрытыхъ при Императорѣ Николаѣ I въ 1848—1849 годахъ по случаю событій, совершившихся тогда во многихъ западныхъ державахъ, и преобразованій нѣкоторыхъ правительствъ и объ отмѣнѣ изданнаго въ 1849 году Высочайшаго повелѣнія о не допущеніи на публичное защищеніе диссертаціи лицъ, не извѣстныхъ университетскому начальству.—Тяжело было русскому народу подъ пятою Незабвеннаго!

Послѣ Крымской войны и уменьшенія войскъ, премножество осталось генеральства безъ мѣстъ; куда ихъ не распихиваютъ, а все остается въ излишествѣ; наконецъ начали назначать ихъ въ низшія должности: такъ Высочайшимъ приказомъ 15 іюля одинъ генералъ-маіоръ назначенъ „чиновникомъ особыхъ порученій V кл. при генералъ-квартирмейстерѣ главнаго штаба Его Императорскаго Величества“.—Чиновникомъ и V класса! Этого никогда не бывало.

Почтеннѣйшій мой знакомецъ и не пошлякъ генералъ лейтенантъ Веселицкій, командовавшій подъ Севастополемъ дивизіею, для моего убѣжденія, что солдаты были къ нему привязаны и готовы были за нимъ идти въ огонь и воду, серіозно выставилъ такой примѣръ: что изъ какого то полка, изъ котораго назначено было для него отпускать мясо, постоянно получалъ *лучшее, а иногда и съ прибавкою въ вѣсѣ.*—Этой наивности я посмѣялся,—а Веселицкій вѣдь былъ не дуракъ.

Въ августѣ управляющій здѣшними Императорскими дворцами генералъ-лейтенантъ Абрамовичъ ѣздилъ въ Данцигъ для отправленія оттуда въ С.-Петербургъ оранжереи рѣдкихъ деревьевъ и растеній, купленной Государемъ Императоромъ у Прусскаго князя Радзивила за 60 т. руб.

17 августа возвратился изъ за границы и князь Горчаковъ съ своимъ семействомъ.—На другой день дочь его княжна Софія разсказала женѣ моей, какъ ея сіятельный отецъ въ откровенно-дружеской бесѣдѣ съ своимъ зятемъ барономъ Мейендорфомъ, говоря о Севастополѣ и вообще о Крымской войнѣ, причислилъ себя къ *вели-*

редакторомъ и напечаталъ подобную статью, то и для него онъ по далъ бы такое же мнѣніе, т. е. посадить его въ крѣпость. По словамъ князя, благочестивѣйшая, кроткая Царица приняла благодушно приведенныя имъ причины и выслушала ихъ спокойно, но трудно было совладать съ Еленою Павловною и дѣлаемыми ею возраженіями.

Вскорѣ послѣ этой исторіи Варшавскіе литераторы и газетчики задумали совершить всенародно панихиду по недавно умершемъ заграницею знаменитомъ поэтѣ Мицкевичѣ; но какъ и онъ считался, и дѣйствительно былъ, врагъ Россіи, то Мухановъ не допустилъ исполниться этой тризнѣ.

Кажется въ одно время съ запрещеніемъ газеты „Слово“ была запрещена и русская газета „Искра“ за то, что въ напечатанной ею статьѣ объ извѣстномъ, уже покойномъ, живописцѣ Ивановѣ, выставленъ нѣкій самодуръ вельможа, который, пришедшаго къ нему артиста съ просьбою о покупкѣ ко Двору его картины, принялъ свысока, со всею надменностію временщика и упрекалъ его въ отношеніи носимой имъ бороды и усовъ. Хотя въ статьѣ и не названъ этотъ вельможа, сіяющій при Дворѣ, и въ рисункѣ не было на немъ генеральскихъ эполетъ и тьма-тьмущихъ орденовъ, а одѣтъ былъ въ партикулярное платье, но лицо его и вся эта исторія ясно давала уразумѣть, что охаянный вельможа былъ А.....

Разъ, бесѣдуя съ архіепископомъ Арсеніемъ, я услышалъ отъ него, что съ отобраніемъ при Екатеринѣ II-й отъ монастырей имѣній взяты также и всѣ ихъ капиталы, но куда послѣдніе поступили, совершенно неизвѣстно и вовсе не видно по дѣламъ, какъ Арсенію объявилъ бывшій товарищъ министра Государственныхъ имуществъ Гамалѣя.—Куда поступили? Да въ карманы фаворитовъ Императрицы, а ихъ было таки не мало. Перечисляешь и ужасаешься: Понятовскій, Салтыковъ, Орловъ, Васильчиковъ, Новосильцевъ, Потемкинъ, Зоричъ, Корсаковъ, Завадовскій, Ланской, Мамоновъ, Ермоловъ и Зубовъ. . . . . .

. . . . . .

Жена читаетъ: La cour de la Russie il va cent ans 1725—1783 год. и мѣстами переводитъ мнѣ. Какой развратъ, какія злоупотребленія и безпорядки существовали при нашемъ Дворѣ; сама Великая Екатерина II, будучи Великою Княгинею, получала пенсію отъ англійскаго правительства; а бояре, вельможи,—подлецъ на подлецѣ, мерзавецъ на мерзавцѣ. Надобно отнести особенному промыслу Божію, что Россія не погибла въ конецъ!

Въ одной изъ сдѣшнихъ русскихъ книжныхъ лавокъ были выставлены каррикатуры изъ Гоголевскаго „Ревизора“, печатанныя въ Петербургѣ; особенно одна замѣчательная изъ нихъ, представляющая

На другой день Императоръ на бангофѣ встрѣтилъ и привѣтствовалъ родного своего дядю принца прусскаго; за нимъ стали наѣзжать въ Варшаву и другіе иностранные принцы, между коими находился и не уклюжій *красный* принцъ Наполеонъ, а за тѣмъ пошли смотры и ученья войскъ, обѣды, балы и другія увеселенія.

Появленіе принца Пломъ-Плома въ Варшавѣ замѣчательно тѣмъ, что онъ привезъ пожалованный Императоромъ Наполеономъ князю Горчакову, какъ главнокомандовавшему подъ Севастополемъ, орденъ почетнаго Легіона большого креста; по словамъ Горчакова, онъ съ окончаніемъ войны одно только имѣлъ истинное удовольствіе, когда получилъ этотъ орденъ.—Принцъ Наполеонъ привезъ отъ Императора и другой орденъ того же названія для генерала Коцебу и отправилъ его къ нему съ двумя депутатами, но Коцебу не принялъ ордена, находя его ниже чина и званія, имъ носимаго.—Принцъ лично извинился предъ Коцебу, обѣщалъ доложить о сдѣланной ошибкѣ Императору и Коцебу вскорѣ получилъ удовлетвореніе въ присланномъ орденѣ почетнаго Легіона 2 ст. со звѣздою.

Показывая принцу Наполеону войска, Императоръ подъѣхалъ къ княгинѣ Горчаковой, отпустилъ ей нѣсколько любезностей и очень пріятныхъ на счетъ службы ея мужа и въ заключеніе сказалъ: „дай „Богъ, что бы онъ былъ здоровъ и намъ увидѣться въ будущемъ году“.—Осчастлививъ своимъ присутствіемъ данный Горчаковымъ балъ, на которомъ было 650 особъ, и позабавившись на скорую руку устроенною охотою шталмейстеромъ графомъ Августомъ Потоцкимъ въ лѣсахъ Натолинскихъ и Вилановскихъ, Государь Императоръ, послѣ семидневнаго пребыванія, оставилъ Варшаву, пожаловавъ многимъ награды, въ томъ числѣ и запускателю рукъ въ казну Бухмееру аренду на 12 лѣтъ по 2 т. въ годъ.—Есть отъ чего призадуматься.

Въ Вильнѣ охоту для Императора устроилъ тамошній богачъ графъ Тышкевичъ. Разсказываютъ, что эта охота была изумительна своею обстановкою.—Палатка, приготовленная для отдохновенія, была убрана древними вещами какого-то Саксонско-Польскаго короля Августа, страстно любившаго охоту; эту палатку и совсѣмъ ея убранствомъ Тышкевичъ пріобрѣлъ за дорогую цѣну въ Дрезденѣ.—Государю Императору, какъ палатка, такъ и украшавшія ее охотничьи вещи, очень понравились, угодливый графъ предложилъ ихъ, Государь принялъ и приказалъ отправить въ С.-Петербургъ.

Состоящій при министрѣ статсъ-секретарѣ царства дѣйст. статс. совѣтникъ Соломонъ Старынкевичъ, мой старый и давній пріятель, между прочимъ разсказалъ мнѣ, что когда Паскевичъ находился въ безнадежномъ положеніи, при дворѣ составилось два мнѣнія о назначеніи на мѣсто умиравшаго намѣстникомъ; одно было за графа Ки-

того же дня я получилъ отъ дежурнаго генерала печатный Высочайшій приказъ, подписанный 18 іюля, который гласилъ: *такой-то*, принятъ въ военную службу съ состояніемъ по армейской пѣхотѣ и назначеніемъ *инспекторомъ по военной переписи и набору рекрутъ въ Царствѣ Польскомъ.*

Прощай моя спокойная, безмятежная жизнь, моя блаженная лѣнь свободныя мои занятія, мое отчужденіе отъ свѣта и людей; прощай покойное, на распашку, польто, широкія безъ штрипокъ шаровары, легкая пастушеская шляпа, сапоги безъ шпоръ, зонтикъ отъ дождя и ручная палка отъ собакъ и жидовъ; прощай, прощай моя свобода и независимость дѣйствій, словъ и мыслей! Я вновь на государственной службѣ, вновь закабалилъ себя начальству; его прихотямъ и капризамъ, дисциплинѣ, табели о рангахъ, офиціальнымъ молебнамъ и панихидамъ, явкамъ на выходы въ замкѣ, встрѣчамъ и проводамъ, отданію чести рукою къ козырьку, узкой военной одеждѣ, столь часто измѣняемой и пр. и пр. Вновь украшусь металическимъ колпакомъ съ государственнымъ гербомъ и бѣлымъ пеномъ, позлащенными эполетами, серебрянымъ поясомъ, тупою саблею и красными штанами!

На другой день я ѣздилъ, къ Горчакову благодарить за опредѣленіе въ службу и назначеніе къ должности.— „Очень радъ, отвѣчалъ онъ, „что я сдѣлалъ пріятное и для васъ и для себя и для службы“. Я тутъ же спросилъ: въ чемъ состоитъ главная моя обязанность? „Въ томъ“, сказалъ онъ, „что бы не было пропусковъ по рекрутскимъ спискамъ и не мошенничали“. Легко сказать: „не мошенничали“.— Это язва хроническая, не излѣчимая, для нея нѣтъ врача!

Вскорѣ я получилъ и Высочайше утвержденное еще 3 марта „положеніе о рекрутской повинности въ Царствѣ Польскомъ и штатъ инспекторскому управленію“ на русскомъ и польскомъ языкахъ. По этому штату инспекторъ могъ быть въ генералъ-маіорскомъ и въ генералъ-лейтенантскомъ чинахъ и ему назначалось жалованье по чину и столовыхъ по 1401 руб. въ годъ. Мнѣ забавно показалась эта единица 1; почему бы не назначить круглымъ числомъ 1400 р.? Вѣрно, однако же имѣлось какое нибудь основаніе, какой нибудь финансовой расчетъ; но какимъ соображеніемъ руководствовалось наше правительство,— когда былъ въ ходу кнутъ,— назначать 101 ударъ, а не ровно 100?

Далѣе, по штату къ инспектору назначается чиновникъ для письмоводства, писарь, 3 старшіе помощника изъ военныхъ штабъ-офицеровъ (въ чинѣ полковника или подполковника), или изъ гражданскихъ чиновниковъ VI класса и 6 младшихъ помощниковъ изъ военныхъ или гражданскихъ чиновъ VIII класса. На канцелярскіе расходы опредѣлено 300 руб. Въ матеріальномъ отношеніи штатъ

Послѣдовало Высочайшее повелѣніе, дабы рядовые изъ евреевъ не были производимы въ унтеръ офицеры.— Интересно было бы знать настоящую причину этого запрещенія; вѣдь не вѣроисповѣданіе тутъ имѣшалось.

Заканчиваю 1858 годъ разсказомъ изумительнаго давно прошедшаго факта, доказывающаго близорукость и упорное самообольщеніе покойнаго Императора Николая I о совершенствѣ устройства нашихъ войскъ и ихъ непобѣдимости.—Дѣло въ томъ, что командиръ Варшавскаго арсенала генералъ-маіоръ Шеншинъ 29 января 1849 года подалъ начальнику артиллеріи въ арміи генералу Гиленшмидту докладную записку о томъ, что фельдмаршалъ Паскевичъ поручилъ ему Шеншину передѣлать нѣсколько солдатскихъ ружей по образцу новыхъ штуцеровъ, именно съ нарѣзкою въ стволѣ и съ стержнемъ въ казенникѣ; что одно изъ передѣланныхъ подвергнуто было испытанію и оказалось, что ружье, которое едва только могло стрѣлять съ вѣрностію на 350 шаговъ, можетъ быть употреблено такъ же хорошо, какъ и англійскій штуцеръ на 600 шаговъ; что это испытаніе ведетъ къ мысли, что и орудія артиллерійскія могутъ быть устроены на подобныхъ же основаніяхъ, т. е. съ нарѣзкою. Этой запискѣ Шеншина не дано ходу въ ожиданіи пріѣзда Государя Императора въ Варшаву. Прибылъ и грозный владыко; представили ему передѣланное ружье и при немъ произвели пробную стрѣльбу, показавшую достоинство ружья.—Не въ духѣ былъ Николай, произнесъ пагубное слово: „вздоръ" и никто и самъ даже фельдмаршалъ не дерзнули возражать и чрезъ четыре года, съ нашимъ негоднымъ оружіемъ, русскіе солдаты поведены на убой союзниковъ въ Молдавію и Крымъ.

1859 годъ.

День новаго года, а въ Варшавѣ почти не замѣтно движенія, потому что князь—Намѣстникъ въ Петербургѣ, а исправляющій его должность Варшавскій военный губернаторъ Панютинъ, изъ экономіи, сказался больнымъ; поляки же держатся новаго календаря и 13 дней какъ отпраздновали свой новый годъ.

Бывшій генералъ-интендантъ южной и крымской арміи, генералъ-маіоръ Затлеръ отданъ подъ военный судъ за безпорядки и злоупотребленія по провіантской части. Бывшій его главнокомандовавшій кн. Горчаковъ, разсуждая съ женою своей о предстоявшей судьбѣ Затлера, между прочимъ сказалъ: „кровь Затлера падетъ на мою голову; мнѣ должно было его защитить, или подать въ отставку; но мое семейство, мое семейство"! При первомъ письмѣ къ Горчакову Затлера, я, зная хорошо князя, сказалъ Затлеру, что онъ не получитъ отъ него просимой защиты, и, дѣйствительно, Горчаковъ отрекся отъ него. Защита

князя должна была состоять въ личномъ объясненіи съ Императоромъ, для чего надобно имѣть много твердости и рѣшительности, а этихъ то качествъ и лишенъ Горчаковъ *самою природою*. Впрочемъ, какая бы судьба ни постигла Затлера, — ужъ конечно отставленію или исключенію изъ службы, не болѣе, а онъ гораздо *обезпечилъ* себя, какъ подобаетъ предусмотрительному и разумному чиновнику въ Россіи.

Разсказываютъ, что въ Петербургѣ предположено воздвигнуть памятникъ Императору Николаю на разстояніи 235 шаговъ отъ памятника Петра *Великаго* и что по этому случаю ходятъ по рукамъ французскіе стишки: „отъ *великаго* до смѣшного не одинъ шагъ, а 235 шаговъ". — Ужъ конечно Николай не былъ смѣшнымъ.

Извѣстно, что послѣ открытія Крымской войны мы не имѣли въ достаточномъ количествѣ свинца и для дѣланія пороха селитры и должны были пріобрѣтать и выписывать эти матеріалы изъ Пруссіи. — Въ 1855 году тоже возложено было и на начальника артиллеріи (нынѣшняго военнаго министра) Сухозанета, который и заключилъ контрактъ здѣсь съ жидами на значительную сумму, но при сей вѣрной оказіи и себя не забылъ, положивъ въ свой карманъ 14 тысячъ рублей. Такъ говорятъ многіе, и даже сами жиды. Начальникъ арсенала Горбуновъ также платилъ ему дань. Послѣ сего вѣрь его безкорыстію и умиляйся его рѣчами!

Первая телеграмма отъ Горчакова, изъ Петербурга полученная, была о томъ, что генералъ квартермистръ арміи, генералъ-лейтенантъ *Бутурлинъ*, по его просьбѣ, отчисленъ отъ сей должности и на мѣсто его назначенъ генералъ-маіоръ Семека. — Удивленію объ этомъ отчисленіи не было конца въ кругу военныхъ и каждый изобрѣталъ свою причину къ тому, а оно произошло такимъ образомъ. Съ самаго начала Крымской войны Бутурлинъ состоялъ генералъ-квартермистромъ армій, предводительствуемыхъ Горчаковымъ въ Молдавіи и Крыму; по окончаніи войны, Горчаковъ назначенъ былъ главнокомандующимъ войсками, въ Царствѣ Польскомъ расположенными, вмѣсто умершаго Паскевича; съ нимъ одновременно поступилъ и Бутурлинъ въ томъ же званіи генералъ-квартермистра. Князь Горчаковъ былъ очень расположенъ къ нему и хотѣлъ, чтобы онъ, какъ ближайшій свидѣтель Крымской войны и его совѣтникъ, описалъ эту войну, но Бутурлинъ, какъ лѣнивѣйшее созданіе, отнѣкивался то тѣмъ, то другимъ: это охладило расположеніе къ нему князя. Потомъ французскій генералъ Ніель издалъ описаніе Севастополя союзниками и выставилъ наши ошибки и промахи и, между прочимъ, сказалъ, что „выдалось такое время для союзныхъ войскъ, въ которое князь Горчаковъ и его генералы могли бы ихъ задавить". Горчаковъ, задѣтый заживое Нѣлемъ, поручилъ Бутурлину написать возраженіе, но тотъ отвѣчалъ, что ему *никогда и что онъ заваленъ дѣлами*. Раздосадованный князь та-

кимъ отказомъ и зная по опыту, что въ мирное время генералъ-квартермистръ почти свободенъ отъ дѣлъ, сказалъ ему: „*позвольте въ этомъ усумниться*“ — и не въ мѣру самолюбивый Бутурлинъ оскорбился сими словами; на другой день сказался больнымъ, а на третій подалъ рапортъ объ отчисленіи его въ запасныя войска; рапортъ княземъ былъ принятъ и Бутурлинъ отчисленъ съ должности генералъ-квартермистра арміи. Этотъ Бутурлинъ, женатый на княжнѣ Гагариной, братъ которой перешелъ въ католицизмъ и сдѣлался іезуитомъ, — обезславилъ себя доносомъ на своего шурина въ видахъ полученія его имѣнія, — но не имѣлъ успѣха. Онъ же родной братъ автора исторіи войны Наполеона I въ 1812 году въ Россіи.

При отъѣздѣ Бутурлина изъ Варшавы данъ былъ прощальный обѣдъ, съ рѣчами и стихами.

Камеръ-юнкеръ Панютинъ, неразлучный спутникъ Паскевича, бывшій съ нимъ на царскомъ смотру при Вознесенскѣ, передалъ мнѣ, что Императоръ Николай, осматривая 4 пѣхотный корпусъ генерала Чеодаева, остался имъ недоволенъ и послалъ сказать ему, что онъ не приглашается на тотъ разъ къ столу Его Величества, а послѣ обѣда, обучая собранныхъ унтеръ офицеровъ, со многихъ споролъ галуны и наказалъ палками. — Это ужъ не по царски! — Чеодаевъ извѣстенъ былъ скупостію и сдѣлками съ подрядчиками мяса для его войскъ.

Я видѣлъ у князя Тенишева рѣдкую вещь, именно: монету, выбитую въ память сооруженія въ Петербургѣ памятника Императору Александру I Императоромъ Николаемъ I. Она серебряная, величиною и вѣсомъ въ рубль; на одной сторонѣ выбитъ тотъ памятникъ и вокругъ слова: „*Александру I благодарная Россія*“, а на другой сторонѣ вычеканено „*монета рубль*“. По словамъ Тенишева, Николай хотѣлъ, чтобы эта дивная вещь ходила какъ деньги, но это не удалось и потому она скрылась и осталась только у нумизматовъ. Не то ли случилось и съ платиновыми деньгами?

Образованіе въ Варшавѣ „*Земледѣльческаго Общества*“ подъ предсѣдательствомъ графа Андрея Замойскаго и Высочайше утвержденный для него уставъ преисполнилъ измѣнническія сердца ляховъ радостію. Долго князь Горчаковъ противился этому образованію въ предчувствіи будущихъ отъ него для правительства золъ, — которыя и сбылись, но постоянные къ нему подступы вліятельнаго Муханова съ убѣжденіями о пользѣ для страны, равно и самой княгини Горчаковой, заставило князя склониться, но съ тѣмъ, чтобы при каждомъ засѣданіи Общества всегда присутствовалъ для порядка жандармскій офицеръ. Оно распространило было свои отдѣленія и по провинціямъ, но это было воспрещено.

Прочелъ напечатанную за границею на русскомъ языкѣ брошюру,

Затлеръ, какъ будто очищенъ отъ преступленій и назначенъ ненужный ему пенсіонъ!

Князь Барятинскій произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы „за важныя заслуги, оказанныя имъ Престолу и Отечеству съ самаго начала принятія предводительства надъ войсками Кавказской арміи". Такъ сказано въ Высочайшемъ приказѣ. Князь Горчаковъ принялъ это извѣстіе молча, съ болѣзненною улыбкою, но его супруга — рветъ и мечетъ и на чемъ свѣтъ стоитъ честитъ виновника награды; кровавою обидою для себя считаетъ это производство. Безумно — честолюбивая баба! Тѣмъ болѣе она неистовствуетъ, что прочитала въ газетѣ Nord корреспонденцію изъ Петербурга, что князь Барятинскій назначается намѣстникомъ въ Царство Польское, а князь Горчаковъ получаетъ мѣсто въ Россіи соотвѣтственное нынѣ имъ занимаемому. Все это чистый вздоръ!

Заключу 1859 годъ словами изъ моего дневника:

„Чѣмъ болѣе размышляю о томъ инспекторствѣ и созданномъ Управленіи, чѣмъ болѣе разбираю, что называется по косточкамъ, о моихъ и помощниковъ моихъ обязанностяхъ и занятіяхъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ грязности, (?) безтолковости и совершенной безполезности моего инспекторства и его жалкаго Управленія".

1860 годъ.

Первый день высокоснаго года встрѣтилъ я какъ начальникъ, власть имущій и принялъ почтительныя поздравленія отъ чиновъ моего едва народившагося Управленія, а съ тѣмъ вмѣстѣ одному изъ нихъ вольнолюбившему капитану сдѣлалъ „репремантъ" за то, что онъ стоялъ съ отставленною въ сторону ногою и засунутою рукою въ карманъ своихъ штановъ. На дисциплинѣ зиждется порядокъ; дисциплина прежде всего. — Потомъ я самъ сталъ нырять къ начальству съ подобающими поклонами и за усталостію не былъ на балѣ у кн. Горчакова.

Распространенъ слухъ, и я самъ слышалъ отъ двухъ генераловъ, — изъ коихъ одинъ носилъ голубой мундиръ, — что будто бы въ Петербургѣ между гвардейскими офицерами составилось общество, для испрошенія у Государя Императора для Россіи конституціи, и что для уничтоженія этого общества вызванъ фельдмаршалъ князь Барятинскій. Откуда могутъ подобныя нелѣпости? Но я убѣжденъ, главные выдумщики — поляки: это ихъ прирожденное ремесло.

Въ одномъ изъ номеровъ Герценской газеты „Колоколъ“ за 1858 годъ напечатано слѣдующее о князѣ Горчаковѣ: „Изъ сильныхъ, но нечистыхъ рукъ Паскевича управленіе перешло къ Михаилѣ Горчакову, тяжолому, скучному, человѣку честному, но бездарному и выжившему изъ ума. Вѣчно занятый мелочами, Горч..... заваливаетъ себя пустыми бумагами и за множествомъ дѣлъ не можетъ добраться до дѣла, предоставляя собственно управленіе Муханову.—Почечитель Варшавскаго округа вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдываетъ внутренними и духовными дѣлами.—Учебныя заведенія, цензура, почты, театры, дороги все находится подъ его начальствомъ“.—Много не прекаемой правды въ этой статьѣ.

По обязанности моей службы я былъ съ визитомъ у статсъ секретаря Администраціоннаго Совѣта Карницкаго, который между прочимъ мнѣ сказалъ, что Государь Императоръ въ письмѣ къ Горчакову увѣдомилъ его, что рекрутскаго набора на сей годъ не будетъ,—чему я отъ души порадовался.

Родная сестра генерала Копьева, созданіе вѣтренное, легкомысленное, разсказываетъ о самой себѣ слѣдующее: еще въ царствованіе Николая, будучи въ маскарадѣ, гдѣ находилась и вся Августѣйшая фамилія, она стала разсуждать о томъ, почему бы Великую Княжну Ольгу Николаевну не выдать замужъ за князя Барятинскаго, тогда какъ В. К. Марью Николаевну выдали же за Герцога Лейхтенбергскаго, а происхожденіе перваго, ни чѣмъ не ниже послѣдняго.—На другой же день эту болтунью, не прошенную сваху, пригласили въ III отдѣленіе къ генер. Дубельту, который высказалъ ей все неприличіе вчерашняго ея разсужденія;—затѣмъ топнулъ ногою, опускная дверь съ стоявшею на ней грѣшницею опустилась и она получила розги. И по дѣломъ, если только это справедливо. При Екатеринѣ II Шетковскій подобное сѣченіе дамъ совершалъ рано утромъ, когда онѣ были въ постели.

Издано новое преобразованіе ценцуры; членами Главнаго Управленія назначены три военные генерала, изъ коихъ одинъ отъявленный ретроградъ—жандармъ Тимашевъ; каждому опредѣлено по 4 тысячи рублей содержанія въ годъ.—Задавять нашу едва народившуюся гласность и всякую благую мысль на пользу Россіи!

6 февраля удостоился обѣдать у Горчакова въ избранномъ обществѣ; были Варш. военный губернаторъ, начальникъ Главнаго Штаба арміи, гражданскіе губернаторы, губернскіе предводители дворянства, главные директоры правительственныхъ комиссій и статсъ-секретарь Совѣта Управленія; изъ дамъ были хозяйка и ея дочь.

Князь Горчаковъ въ разговорахъ съ своею женою, которая и сама видитъ, какъ бы дочь свою выдать за *богатаго* русскаго князя или

мѣщика, сказалъ ей, что . . . . . дворянство, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, ничѣмъ неспособно заняться. Едва ли мнѣніе не несправедливо.

Оберъ-прокуроръ сената Енохъ, крови израильской, дѣятельный и хитрый, какъ всѣ дѣти народа Божія, подбился къ князю и находится у него въ великой милости. Отъ Горчакова онъ представленъ къ дѣйст. стат. совѣтники и, получивъ телеграмму о производствѣ его, поспѣшилъ поздравить запискою, назвавъ его: *Monsieur ami.*

Въ мартѣ мѣсяцѣ въ Варшавѣ учредилось Варшавско-Общественное Собраніе, преимущественно для военно-служащихъ, съ цѣлію препровожденія свободнаго времени *въ пристойныхъ разговорахъ*, дозволенныхъ играхъ, чтеніи книгъ и періодическихъ изданій, какъ гласитъ уставъ. И я подписался въ члены и внесъ 40 руб. Учредители въ проэктѣ устава наименовали было его *клубомъ*, но Горчаковъ вычеркнулъ это страшное для него слово и замѣнилъ словомъ „Собраніе“.

Того же мѣсяца я отъ князя Горчакова получилъ такого рода повелѣніе, что какъ членъ Полеваго Аудиторіата генер.-лейт. Багговутъ уволенъ въ годовой отпускъ, а въ настоящемъ году не предвидится набора рекрутъ въ Царствѣ и занятія по занимаемой мною должности еще не могутъ быть значительны, то сверхъ этихъ занятій чтобы я исполнялъ должность и члена Полеваго Аудиторіата. Я былъ очень радъ такому назначенію, освобождаясь отъ томительной недѣятельности.

Въ этомъ же мѣсяцѣ, Императоръ, подобно какъ въ минувшемъ году, разрѣшилъ изъ резервнаго капитала отчислить 100.000 руб. на пособіе семейнымъ чиновникамъ, получающимъ жалованья въ Варшавѣ не свыше 450, а въ провинціи не свыше 300 руб.—При развертѣ этой суммы и моему Инспекторскому Управленію досталось получить 65 руб., кои я и подѣлилъ между дѣлопроизводителемъ и писаремъ.

Князь Горчаковъ снаряжается въ Питеръ съ отчетами и разными проэктами по устройству арміи и Царству Польскому и потому онъ находится въ возбужденномъ состояніи: ходя по комнатѣ изъ угла въ уголъ, онъ шепчетъ, разговариваетъ и машетъ руками; по словамъ служителя, это наводитъ на нее ужасъ. Я успокоилъ ее, разъяснивъ, что это напряженіе ума, занятаго дѣлами, нисколько не опасно и пр. и пр. Чрезъ нѣсколько дней потомъ, именно 17 марта, князь отправился въ Петербургъ.

Въ день пасхи Горчаковъ получилъ въ даръ отъ Императора какія-то двѣ драгоцѣнныя вазы— совершенно для него ненужныя и безпо-

прошеніе о принятіи меня въ военную службу; что я буду получать, кромѣ жалованья, еще столовые по окладу бригаднаго командира т. е. 1400 руб. въ годъ и что я буду знать только его одного и имѣть дѣло съ нимъ однимъ и въ заключеніе отпустилъ мнѣ пошлый комплиментъ. - Я поклонился и ни слова не отвѣчалъ. За обѣдомъ я разсказалъ, что одной изъ русскихъ газетъ напечатано отомъ, что въ нѣкоемъ губернскомъ городѣ, помилости винаго откупа, иногда вовсе небываетъ въ продажѣ уксуса, а когда и есть, то отъ самаго откупа и прескверный; причемъ я замѣтилъ, что все это происходитъ въ глазахъ губернатора. На мой разсказъ князь отвѣчалъ, *что не слѣдовало бы допущать это печатать*. Князь оченъ неблаговолитъ къ гласности. За этимъ же обѣдомъ я сообщилъ его сіятельству, что въ Петербургѣ составлены проэкты о судоустройствѣ и судопроизводствѣ и о полиціи. Я желалъ вызвать какія либо замѣчанія, но Князь не проронилъ ни одного словечка и оставался равнодушнымъ.

Съ 1 января въ Петербургѣ издавалась польская газета: „Slovo“ (Слово); издателемъ и редакторомъ ея былъ чиновникъ полякъ Огрызко. Неизвѣстно, какими темными путями онъ достигъ вниманія Государыни Императрицы Маріи Александровны и особенно Великой Княгини Елены Павловны; разумѣется всѣ поляки, служащіе и неслужащіе, сильные и безсильные, были сторонниками этой газеты и ей покровительствовали; даже много русскихъ, а болѣе Петербургскихъ, нѣмцевъ были на сторонѣ газеты. Вышло 14 номеровъ ея, вышелъ и № 15 въ то время, когда Горчаковъ находился въ Петербургѣ. Въ этомъ номерѣ превознесенъ былъ похвалами Лелевель, и объявлялось, что этотъ ученый мужъ, пребывавшій въ Брюсселѣ, согласился снабжать своими статьями польскую газету. А какъ Лелевель былъ однимъ изъ главныхъ коноводовъ возмущенія въ 1830 году въ Варшавѣ, изъ первыхъ подписалъ актъ отрѣшенія Императора Николая отъ польскаго престола и Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ приговоренъ къ смертной казни, — что утверждено и Импер. Николаемъ, то какимъ же образомъ о подобномъ лицѣ „Слово“ разсыпалось похвалами и могло оно участвовать въ газетѣ? Близорукое Петербургское правительство спохватилось, прозрѣло, наложило на изданіе газеты запрещеніе и довело до Высочайшаго свѣдѣнія. Горчаковъ тотчасъ телеграммою предписалъ Варшавскому военному губернатору конфисковать № 15, если будетъ присланъ въ Варшаву, и подалъ мнѣніе въ Совѣтѣ министровъ Огрызко посадить на одинъ мѣсяцъ на гауптвахту въ Петропавловскую крѣпость, что утверждено и Императоромъ. Но для Горчакова исторія еще не кончилась; онъ узналъ, что упомянутыя выше Августѣйшія Особы недовольны имъ за его мнѣніе объ Огрызкѣ, перепугался, испросилъ у нихъ аудіенціи и успѣлъ оправдаться и претворить гнѣвъ на милость, сказавъ, что если бы и сынъ его былъ

бывшихъ польскихъ войскъ полковника и директора военной аппликаціонной школы, во время штурма 1831 года Варшавы защищавшаго Вольское укрѣпленіе (гдѣ нынѣ устроено православное кладбище) и убитаго въ тамошнемъ костелѣ, обращенномъ потомъ въ церковь.— Покойница была ярою патріоткою и утѣшительницею заграницу бѣжавшихъ поляковъ, собирая для нихъ деньги,— но угомонилась послѣ угрозы Паскевича запрятать ее въ монастырь. Гробъ сопровождался безчисленнымъ множествомъ народа и значительныхъ лицъ,— особенно много было учениковъ учебныхъ заведеній; послѣ опущенія гроба въ могилу евангелическаго кладбища (она была протестантка) школьная молодежъ отправилась на за версту отстоящее православное кладбище, ворвалась туда силою, ходила и бѣгала по могиламъ, наругалась надъ нѣкоторыми „здѣ лежащими", оскорбила священника уговаривавшаго ихъ оставить „Божію ниву", нарвала охапку цвѣтовъ съ могилъ, которыми послѣднія были украшены, возвратилась на евангелическое кладбище, возложила эти цвѣты на могилу Совинской и съ шумомъ и гамомъ вошла въ Варшаву. Очевидно, эта дебошь была политическая; Горчаковъ перепугался, приказалъ произвести слѣдствіе, которое однако же по вліянію Муханова кончилось ничѣмъ, назвавъ ее „ученическою шалостію".

16 іюня въ $5^1/_2$ часовъ утра все генеральство, въ Варшавѣ почующее, въ полной формѣ собралось на дебаркадеръ желѣзной дороги и раскланялось съ княземъ Горчаковымъ, отъѣзжавшимъ заграницу къ водамъ. Его сіятельство даже и не поблагодарилъ за сдѣланную нами рабскую вѣжливость.— Эти встрѣчи и проводы составляютъ для меня истинную пытку.

Разсказываютъ, что Сухозанетъ при назначеніи его военнымъ министромъ требовалъ совѣта у генерала Ермолова: принять или не принять это званіе? Ермоловъ будто бы, подумавши, отвѣчалъ: *„принимай, братецъ, а то еще худшаго назначатъ"*.— Зло!

29 іюня по приглашенію Муханова былъ у него на именинномъ пирогѣ и обѣдѣ; всего находилось 14 человѣкъ и въ томъ числѣ начальникъ медицинской академіи (будущій лейбъ-медикъ) Цицуринъ. Это была личность образованная и *не въ мѣру* предъ начальствомъ похлебствующая, такъ, напр., на этомъ обѣдѣ онъ просилъ позволенія у Муханова дать его собачкѣ крылышко цыпленка. Сверхъ того, онъ былъ извѣстенъ за хвостуна и лжеца.

Въ августѣ мѣсяцѣ Варшавскій архіепископъ Арсеній произведенъ въ Кіевскіе митрополиты; послѣ обѣдни сказалъ своей паствѣ прощальную длинную рѣчь по тетрадкѣ; вмѣсто его въ Варшавскую епархію назначенъ Саратовскій владыко Іоанникій.— Доселѣ богатая Почаевская лавра состояла въ полной зависимости Варшавскихъ епис-

коповъ, которые потому и пользовались значительными отъ нея доходами; теперь же она отошла къ Волынскому епархіату; Арсеній зналъ это и, не смотря на то, при своемъ отъѣздѣ посвятилъ въ архимандриты Лавры здѣшнее лицо.

Въ полевомъ аудиторіатѣ слушали дѣло объ одномъ солдатѣ грабителѣ; оно замѣчательно тѣмъ, что этотъ преступникъ, при его обыскѣ, проглотилъ два полуимперіала разомъ.

3 сентября князь Горчаковъ и со всѣмъ своимъ семействомъ возвратился изъ заграницы и на другой день мы являлись съ поздравленіемъ.—Княгиня жаловалась мнѣ на Цикурина за совѣтъ ея мужу пользоваться водами Виши; князь это и исполнилъ, но получилъ отъ водъ какую то внутреннюю болѣзнь. Не она ли въ маѣ 1861 года свела его въ могилу?

Прибылъ и архіепископъ Іоанникій; лицо доброе и кроткое; послѣ перваго его богослуженія мы были у него на завтракѣ; онъ пріѣзжалъ и къ намъ съ визитомъ; меня не было дома и жена моя приняла и была обворожена имъ. Іоанникій (*получилъ*?) отъ синодскаго оберъ-прокурора письмо, предупреждавшее его о не совсѣмъ приличномъ поведеніи Варшавскаго духовенства, особенно соборнаго протоіерея Новицкаго. Въ самой вещи, этотъ святой отецъ ведетъ себя какъ язычникъ.

Послѣ ропота въ минувшихъ годахъ на недостаточность размѣнной мелкой монеты, нынѣшняго года въ обращеніи появилось множество *пятерокъ* и *десятокъ*, т. е. 5 и 10 грошевиковъ мѣдныхъ—высеребранныхъ съ штемпелемъ *1840* года. Меня удивилъ этотъ давно прошедшій годъ и столь поздній выпускъ, но мнѣ объяснили, что здѣшній монетный дворъ давно уже не дѣйствуетъ, но что, по недостаточности размѣнной монеты, Варшавское правительство испрашивало разрѣшенія у Петербургскаго о выбитіи тѣхъ пятерокъ и десятокъ на здѣшнемъ бывшемъ монетномъ дворѣ на милліонъ злотыхъ и оно дозволило, но съ тѣмъ, чтобы штемпель на нихъ выбитъ былъ 1840, а не 1859 годъ. Когда послѣдовало разрѣшеніе, эти новенькія, что называется съ иголочки, монетки, величиною въ наши серебряные пятачки и гривенники, красивы и удобны для кошельковъ; въ послѣдствіи Петербургъ сталъ высылать сюда свою россійскую тяжеловѣсно-уродливую мѣдную монету, годную только для крестьянскихъ кошелей.

Мухановъ,—этотъ 60 лѣтній старецъ, задумалъ жениться на 23 лѣтней вдовѣ Лубенской, той самой, которая, какъ въ своемъ мѣстѣ было сказано, просила Императора на балѣ пожаловать мужа ея сенатора въ графы.—Сколько княгиня Горчакова ни убѣждала Му-

ханова не дѣлать сего,—все было напрасно; когда же она о томъ своему мужу объявила, первыя слова князя были: „онъ пропалъ для меня“! а потомъ: „если ужъ старикъ влюбится, то самъ дьяволъ не разувѣритъ его, что онъ дѣлаетъ худо“. Чрезъ дня три самъ князь говорилъ о томъ же съ Мухановымъ, но безъ успѣха; когда же замѣтилъ, что онъ чрезъ свою женитьбу можетъ потерять мѣсто, а Мухановъ, потупя глаза, отвѣчалъ: „да будетъ, что угодно Богу“, тогда Горчаковъ сказалъ: „почтеннѣйшій, если бы вы исполняли свой долгъ, то ваши слова были бы хороши; а какъ вы пускаетесь на глупость, въ такомъ случаѣ они неумѣстны. Но не смотря на это и продолжавшіяся другія препятствія со стороны князя, равно и католическаго духовенства, отказавшагося, въ силу какой то тайной папской бревы, вѣнчать православнаго Муханова съ католичкою Лубенскою,—цѣль Мухановымъ достигнута, бракъ совершенъ вѣнчаніемъ въ одной только православной церкви и я былъ свидѣтелемъ и подписалъ вѣнчальный актъ.

По случаю ожидаемаго посѣщенія Варшавы Императора и иностранныхъ гостей, дѣлаются распоряженія о размѣщеніи сихъ послѣднихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребованы въ Варшаву командиры полковъ гренадерскаго австрійскаго Императора Франца Іосифа и пѣхотнаго принца Прусскаго,—для представленія ими своихъ ординарцевъ ожидаемыхъ сюда Императору Австріяку и регенту принцу Прусскому. Приглашеніе Франца Іосифа въ Варшаву осуждается военными.

Въ бесѣдѣ князя Горчакова съ моею женою 27 сентября о зазорномъ поведеніи своего сына, онъ высказалъ убѣжденіе, что онъ, Горчаковъ, *не проживетъ болѣе года*. При такомъ убѣжденіи, менѣе ретивый оставилъ бы службу и искалъ покоя заграницею, но не таковъ былъ князь, онъ трудился до истощенія силъ, до предсмертнаго обморока, что и случилось съ нимъ чрезъ 7 съ небольшимъ мѣсяцевъ.

Кто то сказалъ: „чудное государство Русское! Народъ представилъ полное право своимъ царямъ издавать законы; но чиновничья раса присоединила *условіе*, исполнять ихъ или не исполнять, смотря по обстоятельствамъ,—что и дѣлается въ Россіи“. Не въ силу ли этого пагубнаго условія министръ финансовъ въ прошломъ 1859 г. въ тихомолку выпустилъ въ народное обращеніе 100.000.000 рублей кредитными билетами, какъ видно изъ рѣчи его, произнесенной имъ сего года въ засѣданіи совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій. 100 мил. въ одинъ годъ! Да такая цифра, еще разъ повторенная въ выпускѣ, поведетъ государство прямо къ банкротству!— Эта рѣчь еще замѣчательна его же жалобою *на растрату огромныхъ суммъ заграницею нашими соотечественниками*.—Да, это

хроническая язва нашихъ милыхъ Россовъ, которая, если не совсѣмъ изцѣлится, то пооблегчится отъ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостнаго ига.

Пріѣхалъ и князь Горчаковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ; при свиданіи съ княгинею Горчаковою онъ сказалъ ей въ шуточномъ тонѣ: „*я какъ Христосъ долженъ спасать Россію*“,—намекая симъ на съѣздъ вѣнценосцевъ и на ожидаемые переговоры.

Наконецъ, въ 4 часа по полудни 8 октября изволилъ прибыть Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ престола, Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, и остановился въ Бельведерскомъ дворцѣ, бывъ встрѣченъ всѣмъ генералитетомъ.

Въ $10^1/_4$ часа утра 9 октября пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ заграницы регентъ Прусскій принцъ (нынѣшній Императоръ Германскій).—На дебаркадерѣ встрѣтилъ Его Высочество племянникъ Его, Государь Императоръ окруженный сотнею военныхъ лицъ и, сѣвъ съ нимъ и Цесаревичемъ въ экипажъ, отправился въ Бельведеръ, а генеральство поспѣшило въ Лазенковскій дворецъ, гдѣ князь Горчаковъ представилъ послѣ обѣдни Цесаревичу первостепенныхъ гражданскихъ лицъ и всѣхъ генераловъ.—На мою долю достался обыкновенный отъ Наслѣдника вопросъ: „давно ли вы въ этой должности“? Его Высочество былъ въ уланскомъ мундирѣ; онъ прекрасный юноша, еще не сложившійся; за нимъ по пятамъ слѣдовалъ попечитель его графъ Строгановъ, съ костылемъ въ рукѣ.

10 октября такая же церемоніальная встрѣча была и Австрійскому Императору, отвезенному Царемъ изъ баркадера въ Лазенковскій дворецъ. Съ Австріакомъ пріѣхалъ и его министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Рербергъ.—Достовѣрно, что Государь вовсе не имѣлъ намѣренія видѣться съ Австрійскимъ Императоромъ, памятуя враждебность его политики противу Россіи, но Австріакъ и его коварное министерство искало и желало сего свиданія и достигнуло своей цѣли побочными путями и тогда Царь долженъ былъ пригласить и регента принца Прусскаго.

11 октября у Горчаковыхъ балъ и ужинъ на 400 персонъ.—Я долго всматривался въ лицо австрійскаго Кесаря и нашелъ въ немъ нѣчто коварное, іезуитское, предательское; графиня Нессельродъ преслѣдовала безъ застѣнчивости Гаусбурга, хотя она была уже не первой молодости.—Министръ, графъ Рербергъ, имѣлъ физіономію отталкивающую.—Нашъ благодушный Императоръ мало занимался его Апостолическимъ Величествомъ; но много и тихо на сторонѣ говорилъ сперва съ роднымъ братомъ своей Августѣйшей супруги, принцемъ Александромъ Гессенъ-Дармштатскимъ, а потомъ,—прямо

ерейдя отъ него,—съ министромъ княземъ Горчаковымъ.—Изъ раз-
оворовъ съ этими двумя особами нѣкоторыя поодаль стоявшія лица
слышали только слѣдующія слова, произнесенныя Государемъ къ Гор-
акову, возвысивши голосъ: „*я имъ нѣсколько разъ намекалъ*“.
Кому и о чемъ? осталось не разъясненнымъ.—Бальные политики по-
агали, что эти слова относились до политики и союза съ Австрійцами.
Можетъ быть,—да,—а можетъ быть—и нѣтъ.

На 14 октября въ $4^1/_2$ часа по полудни назначенъ обѣдъ въ зам-
ѣ, на 300 особъ: къ этому Высочайшему столу еще наканунѣ были
азосланы приглашенія; но ночью Государь изъ Петербурга получилъ
елеграмму о томъ, что вдовствующая Императрица, Его родительница,
мираетъ и Августѣйшій Ея сынъ съ Наслѣдникомъ престола, въ 2
аса по полудни, отправился въ Петербургъ, а за нимъ разъѣхались
всѣ заграничные гости, и обѣдъ не состоялся.

Не состоялась такъ же и по той же причинѣ и приготовленная
ля гостей въ Скерневицахъ охота. Эта охота мнѣ памятна изрѣче-
іемъ циническимъ сенатора графа Толстаго. Когда его приглашали
а охоту, онъ отказался, сказавъ: „вотъ, если бы охота была на
Императоровъ, я бы поѣхалъ за тѣмъ, чтобы подстрѣлить или на
овалъ убить Австріака“.—Подобное чувство ненависти къ Австріаку
уществовало не у одного Толстаго.

Министръ, князь Горчаковъ, въ разговорѣ съ княгинею Горчаковою
бывшихъ переговорахъ съ австрійцами, сказалъ ей; „надѣюсь, что
оссія будетъ мною довольна; жаль только, что у меня, въ присут-
твіи двухъ Императоровъ, болѣло горло и я не могъ свободно и
ромко говорить, какъ бы хотѣлось“.

Говорили, что въ послѣдній день переговоровъ министръ Рербергъ
разъ приходилъ къ нашему Императору, а въ 7 Его Величество
принялъ его и что министръ, князь Горчаковъ при одномъ случаѣ
ому то сказалъ: „я какъ гладіаторъ, вымазанный масломъ для борьбы,
севозможными средствами старался выскользнуть изъ рукъ“.

Въ день пріѣзда Франца Іосифа въ Варшаву разбросаны были по
лицамъ ругательные памфлеты на его милость; а въ день переѣзда
го изъ Лазенковскаго дворца на баркадеръ, въ толпѣ народа слышны
или *въ честь* его же свистки.

Получена изъ Петербурга телеграмма о кончинѣ вдовствующей
мператрицы 20 октября въ $8^1/_2$ часовъ утра, а 22 числа совершена
дѣсь въ православномъ соборѣ торжественно-офиціальная панихида,
ри стеченіи многочисленныхъ чиновъ: военныхъ и гражданскихъ, и
менѣе многихъ дамъ; всѣ были въ траурѣ глубокомъ.—Замѣча-
льна скупость княгини, выразившаяся при этомъ печальномъ случаѣ;

она бюстъ покойной Императрицы, стоявшій въ замкѣ на виду всѣхъ, покрыла своимъ чернымъ истасканнымъ вуалемъ: я бы и не обратилъ на это вниманія, но мнѣ указалъ на неприличную сію покрышку генералъ-интендантъ Сипельниковъ, формалистъ и строгій сторонникъ всѣхъ родовъ приличій.

17 ноября вечеромъ и всю ночь полиція была на ногахъ и въ движеніи и заставляла дворниковъ преждевременно затворять и запирать въ домахъ ворота.—Эта предосторожность сдѣлана изъ опасенія, чтобы поляки, памятуя о 17 ноября 1830 года, въ которое они произвели въ Варшавѣ возмущеніе,—не покусились на тоже и теперь. Но подобная мѣра, никогда прежде не бывалая, по моему мнѣнію, лишь унижала правительство и доказывала его безсиліе.

Почти въ тоже время дочь генерала графа Нессельроде г-жа Калярджіа, гостившая у своего дяди канцлера, писала къ своему отцу въ Варшаву, что Россія стоитъ *на вулканѣ* и ожидаетъ страшнаго взрыва, что множество въ Петербургѣ *красныхъ*, къ которымъ принадлежатъ и оба зятя канцлера, Титовъ и Хребтовичъ; что въ Петербургѣ существуетъ непонятное свободо-мысліе:—что думаютъ, то и говорятъ и печатаютъ и пр. Этотъ упоминаемый взрывъ, да еще и страшный, думали видѣть отъ сближавшагося объявленія о свободѣ крестьянъ.

3 декабря, обѣдая у Горчаковыхъ, я видѣлъ князя въ тревожномъ положеніи; онъ едва прикасался къ блюдамъ, шепталъ и бормоталъ себѣ подъ—носъ, водилъ рукою по лицу, клалъ голову на руку и не разъ принимался читать лежавшую предъ нимъ записку.—Все безмолствовало.—Встали изъ—за стола, князь взялъ руку своей супруги и всѣ мы за ними вошли въ гостинную, гдѣ намъ подали кофе: но сіятельные супруги отдалились отъ насъ, сѣли въ уголъ, и говорили и разсуждали довольно долго съ жестикуляціями и передавая изъ рукъ въ руки записку; потомъ князь всталъ и отправился въ кабинетъ, мимоходомъ приказавъ дежурному адъютанту тотчасъ послать за Мухановымъ, а затѣмъ и мы всѣ разошлись, не понимая въ чемъ дѣло. Только на третій день княгиня объяснила мнѣ причину суматохи: князь, идя къ столу, получилъ отъ генералъ-губернатора Панютина секретную записку, заключавшуюся въ томъ, что вчера, при разыгрываніи аматерами—поляками піесы подъ названіемъ „Поэтъ“ въ пользу бѣдныхъ, игравшій эту роль молодой графъ Косаковскій, воспитанникъ іезуитовъ, вздумалъ отъ себя сказать, что здѣшняя цензура вымарываетъ статьи въ иностранныхъ газетахъ, здѣсь получаемыхъ, и шляхетная публика наградила взрывомъ рукоплесканій графа за его смѣлость.—Эта-та вздорная исторія и была причиною смущенія и растерянности Горчакова. Она кончилась при-

Затлеръ, какъ будто очищенъ отъ преступленій и назначенъ ненужный ему пенсіонъ!

Князь Барятинскій произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы „за важныя заслуги, оказанныя имъ Престолу и Отечеству съ самаго начала принятія предводительства надъ войсками Кавказской арміи". Такъ сказано въ Высочайшемъ приказѣ. Князь Горчаковъ принялъ это извѣстіе молча, съ болѣзненною улыбкою, но его супруга — рветъ и мечетъ и на чемъ свѣтъ стоитъ честитъ виновника награды; кровавою обидою для себя считаетъ это производство. Безумно — честолюбивая баба! Тѣмъ болѣе она неистовствуетъ, что прочитала въ газетѣ Nord корреспонденцію изъ Петербурга, что князь Барятинскій назначается намѣстникомъ въ Царство Польское, а князь Горчаковъ получаетъ мѣсто въ Россіи соотвѣтственное нынѣ имъ занимаемому. Все это чистый вздоръ!

Заключу 1859 годъ словами изъ моего дневника:

„Чѣмъ болѣе размышляю о томъ инспекторствѣ и созданномъ Управленіи, чѣмъ болѣе разбираю, что называется по косточкамъ, о моихъ и помощниковъ моихъ обязанностяхъ и занятіяхъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ грязности, (?) безтолковости и совершенной безполезности моего инспекторства и его жалкаго Управленія".

1860 годъ.

Первый день высокоснаго года встрѣтилъ я какъ начальникъ, власть имущій и принялъ почтительныя поздравленія отъ чиновъ моего едва народившагося Управленія, а съ тѣмъ вмѣстѣ одному изъ нихъ вольнолюбивому капитану сдѣлалъ „репремантъ" за то, что онъ стоялъ съ отставленною въ сторону ногою и засунутою рукою въ карманъ своихъ штановъ. На дисциплинѣ зиждется порядокъ; дисциплина прежде всего. — Потомъ я самъ сталъ нырять къ начальству съ подобающими поклонами и за усталостію не былъ на балѣ у кн. Горчакова.

Распространенъ слухъ, и я самъ слышалъ отъ двухъ генераловъ, — изъ коихъ одинъ носилъ голубой мундиръ, — что будто бы въ Петербургѣ между гвардейскими офицерами составилось общество, для испрошенія у Государя Императора для Россіи конституціи, и что для уничтоженія этого общества вызванъ фельдмаршалъ князь Барятинскій. Откуда могутъ подобныя нелѣпости? Но я убѣжденъ, главные выдумщики — поляки: это ихъ прирожденное ремесло.

1861 годъ.

По принятому порядку въ первый день новаго года кланялись въ замкѣ, молились въ соборѣ, позавтракали у владыки и разошлись и разъѣхались, каждый куда захотѣлъ, до бала у Горчаковыхъ.

Переданъ Австріею и привезенъ въ цитадель отставной изъ Ольвіопольскаго уланскаго полка полякъ Янковскій, обвиняемый зачинщикомъ всѣхъ безпорядковъ, здѣсь происшедшихъ и продолжающихся; ожидаютъ открытія имъ всѣхъ замысловъ эмигрантовъ на Царство Польское.

Стали носить булавки съ гербомъ приснопамятнаго королевства Польскаго, т. е. съ бѣлымъ орломъ, а одинъ молодой полякъ, прибывшій изъ Парижа, вздумалъ въ общественный маскарадъ явиться въ одеждѣ невольника съ цѣпями на рукахъ и ногахъ и въ окровавленной маскѣ. Его тотчасъ вывели и посадили въ кутузку.

И Варшавскій комендантъ Тутчекъ, по доброй волѣ, оставилъ службу и произведенъ въ полные генералы. Онъ просилъ 4 т. десятинъ земли въ Самарской губерніи, но Императоръ отказалъ; за то получилъ двойную пенсію противъ того, что ему слѣдовало по закону. Въ должность же коменданта назначенъ, къ удивленію многихъ, генералъ-лейтен. Мельниковъ.

Князь Орловъ, при великолѣпномъ рескриптѣ, за болѣзнью, получилъ увольненіе отъ всѣхъ должностей, но никто не назначенъ вмѣсто него предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Петербургскіе заграничныхъ газетъ корреспонденты давнымъ давно, по слухамъ, назначали на это мѣсто намѣстника Царства, что тревожило и смущало князя Горчакова, а теперь и еще болѣе. Въ № 2 русской газеты „*Будущность*“, издаваемой заграницей бѣглецомъ,—княземъ Долгоруковымъ, говорится, что люди образованные и патріоты желаютъ видѣть предсѣдателемъ Великаго Князя Константина, самодуры—графа Панина, а царская дворня—стараго графа Адлерберга . . . . . 14 января князь Горчаковъ, въ интимныхъ разговорахъ съ своею супругою, сказалъ ей, что при предстоящей поѣздкѣ въ Петербургъ онъ будетъ просить соизволенія Императора по минованіи одного года оставить службу по причинѣ преклонности лѣтъ и чувствуемаго имъ утомленія; съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ просить о награжденіи его полнымъ двухгодичнымъ содержаніемъ и потомъ отправится заграницу *на всегда*. Человѣческіе расчеты не всегда исполняются: часы князя были уже сочтены...

Удаленъ отъ должностей начальника тайной полиціи и предсѣдателя слѣдственной генер.-маіоръ маркизъ Паулучи, за его лѣность и

бездѣятельность.—Этотъ проходимецъ получалъ значительное содержаніе и былъ сторонникъ поляковъ.

Въ концѣ января получено изъ Петербурга частное извѣстіе, что Государь Императоръ изволилъ подписать манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, который и будетъ объявленъ въ день восшествія на престолъ. По мнѣнію трусливаго князя Россія гибнетъ, погибаетъ!

Между тѣмъ княгиня Горчакова по секрету объявила моей женѣ, что изъ зимняго дворца все оружіе перевезено въ Петропавловскую крѣпость. Извѣстіе это я отнесъ къ нелѣпостямъ.

Февраль мѣсяцъ былъ началомъ явныхъ и открытыхъ враждебно-революціонныхъ движеній. Первая демонстрація изъ мужскаго и женскаго пола нижняго класса совершена 13 февраля вечеромъ, и шествовала съ факелами, знаменемъ съ бѣлымъ орломъ и съ значками національныхъ цвѣтовъ, при шумѣ и гамѣ, отъ костела паулиновъ къ замку, но Варшавскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, посредствомъ конныхъ жандармовъ, была разсѣяна. На другой день всѣ дворянскіе предводители явились къ кн. Горчакову, и при объясненіяхъ замѣтили ему, что правительство знало уже о приготовлявшемся народномъ движеніи чрезъ налѣпленные назадъ тому два дня на стѣны плакаты, и потому слѣдовало бы ему принять предварительныя мѣры и не допустить ему совершиться.

Вторая демонстрація, болѣе многочисленная, буйная и дерзкая, была 15 числа. Съ толпами на площади Сигизмунда противъ замка ратовалъ тотъ же оберъ-полицеймейстеръ и успѣлъ разогнать ихъ, но получилъ ушибъ въ лобъ камнемъ. Противъ же другихъ сборищъ дерзкій генералъ Заблоцкій вывелъ роту солдатъ, и когда въ нее стали бросать камнями, кирпичами и полѣньями, приказалъ (не имѣя разрѣшенія) открыть огонь, и отъ залпа изъ ружей убито было 5 человѣкъ, а всѣ прочіе разбѣжались; самъ же Заблоцкій получилъ сильный ударъ кирпичемъ въ спину и пролежалъ нѣсколько дней въ постели.

Послѣ сего и того же числа явилась депутація изъ 14 обывателей и настоятельно потребовала отъ князя удаленія отъ должности Варшавскаго оберъ-полицеймейстера, на что слабохарактерный Горчаковъ согласился и въ угоду депутаціи назначилъ завѣдывать полиціею проходимца—итальянца, генералъ-маіора маркиза Паулучи, сторонника поляковъ.

Кратковременная, энергическая служба Трепова въ Варшавѣ, достойная похвалы, вскорѣ щедро была вознаграждена Императоромъ производствомъ его въ генералы и назначеніемъ пожизненной пенсіи по 3750 руб. въ годъ.

Другая депутація была болѣе важною и вполнѣ политическою.

лезныя, прибавку къ получаемому намѣстническому содержанію изъ доходовъ Царства 30 тыс. руб. еще 20 тыс. руб. Это не дурно, но сіательная крайне недовольна.

Нѣмецкія газеты протрубили о какомъ то заговорѣ противу Императора, что хотѣли его убить и стрѣляли, но только тяжело ранили; простой случай обратили въ ужасный, изъ мухи сдѣлали слона. Дѣло вотъ въ чемъ: на охотѣ флигель-адъютантъ князь Горчаковъ стрѣлялъ изъ ружья дробью и по несчастной осторожности угодилъ нѣсколькими дробинами въ эполеты Царя, и никакой раны не было.

Въ отсутствіи князя получена была на имя его отъ военнаго министра такого содержанія бумага, что изъ медицинской академіи и другихъ заведеній выпущено много молодыхъ людей въ медики, и вакансій нѣтъ и они остаются безъ мѣстъ и всѣ получили образованіе соотвѣтственно современной наукѣ, а потому Императоръ, желая доставить имъ должности въ войскахъ, предложилъ всѣхъ медиковъ, выслужившихъ 35 и болѣе лѣтъ и *слѣд.* имѣющихъ право на полныя пенсіи, уволить отъ службы, но предварительно желаетъ знать мнѣніе его,— князя Горчакова, какъ главнокомандующаго арміею. Идея Императора полезна; въ самой вещи, изъ числа военныхъ медиковъ есть много старыхъ и дряхлыхъ и, еще болѣе, прежняго образованія, не слѣдившихъ за наукою.

1 мая, въ полной парадной формѣ военщина представлялась въ Бельведерѣ Горчакову, приносила поздравленіе съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ Петербурга и потомъ была у обѣдни въ Лазенковской придворной церкви. Князь, улучивъ время, обѣщалъ чрезъ двѣ недѣли отдать долгъ 1800 руб. занятые у меня его женою, или предоставить въ мою собственность отданные мнѣ вчера три билета штиглицкаго займа. Старикъ обезденежился наличностію.

Прочиталъ брошюру Шипова „Россія и Польша, связь ихъ и взаимныя отношенія“. Весьма дѣльная брошюра; но ручаюсь головою, она не отучитъ поляковъ отъ ихъ безразсудныхъ *мечтаній*.

Генералъ Липранди разсказалъ мнѣ причину удаленія отъ должности бывшаго Московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго. Онъ замужней своей дочери, графинѣ Нессельродъ далъ письменное разрѣшеніе выдти замужъ за нѣкоего Смоленскаго князя Друцкаго-Сокольницкаго, съ которымъ она съ давнихъ поръ была въ связи, а Смоленскій архіерей, соблазненный 10 тыс. руб. тоже съ своей стороны благословилъ на этотъ бракъ.— Но Императоръ Николай иначе посмотрѣлъ на этотъ скандалъ и Закревскій и святый владыка слетѣли съ своихъ мѣстъ. Отвѣтственность за правду лежитъ на Липранди.

30 мая происходило погребеніе 85 лѣтней вдовы Совинской, жены

ною вѣрою надежду на высокое чувство справедливости Вашего Императорскаго Величества".

Вѣрноподданные:

(подписи).

Но еще прежде поднесеннаго адреса вышло: 1) воззваніе намѣстника, коимъ приглашались обыватели не внимать подстрекательствамъ враговъ порядка, старающихся возбудить волненіе въ публикѣ и 2) объявленіе, подписанное депутатами, о разрѣшенномъ кн. Горчаковымъ торжественномъ погребеніи пяти убитыхъ, убѣждая „во имя всего священнаго", во время этого погребенія сохранить порядокъ и спокойствіе. И дѣйствительно, это погребеніе было 18 февраля по напечатанной въ газетахъ программѣ и совершено въ полномъ порядкѣ, при стеченіи едва ли не всего народо-населенія и при совершенномъ отсутствіи на улицахъ, какъ было приказано, военщины и полиціи. Въ процессіи участвовало и еврейское духовенство съ покрывалами на головахъ. По этимъ убитымъ 23 февраля исполнены торжественныя моленія во всѣхъ костелахъ, иновѣрческихъ храмахъ и синагогахъ.

Наконецъ, въ отвѣтъ на поданный Варшавянами адресъ, послѣдовалъ на имя намѣстника и Высочайшій рескриптъ, подписанный 25 февраля, слѣдующаго содержанія:

„Присланное Мнѣ вами прошеніе Я прочелъ. Я долженъ бы считать оное какъ бы вовсе не существовавшимъ, потому что нѣкоторое „число лицъ, подъ предлогомъ безпорядковъ, возбужденныхъ на улицѣ, самовольно присвоиваетъ себѣ право охуждать всѣ дѣйствія „правительства. Я хочу однако же видѣть въ этомъ только одно „увлеченіе. Я посвящаю всѣ Мои заботы важнымъ преобразованіемъ, „вызваннымъ въ Моемъ государствѣ временемъ и развивающимися „потребностями. Мои подданные въ Царствѣ суть для Меня предметомъ такой же заботливости. Все, что можетъ споспѣшествовать „ихъ благоденствію, не находитъ и не найдетъ Меня равнодушнымъ".

„Я уже доказалъ имъ Мое желаніе, чтобы они участвовали въ „благодѣяніяхъ отъ улучшеній полезныхъ, существенныхъ, прогрессивныхъ. Я сохраняю тѣже намѣренія и тѣже чувства. Я вправѣ „полагать, что онѣ будутъ оцѣнены и не будутъ ослаблены неумѣстными или преувеличенными желаніями, которыхъ Я не могъ бы согласить съ благомъ Моимъ подданныхъ. Я исполню всѣ Мои обязанности. Ни въ какомъ случаѣ Я не стерплю безпорядковъ. На этой „почвѣ ничто не созидается. Стремленія, которыя бы на ней искали „опоры, тѣмъ самымъ уже заранѣе нашли бы свое осужденіе. Они „уничтожили бы всякое довѣріе и встрѣтили бы съ Моей стороны

„строгое охужденіе потому, что остановили бы край на пути правиль-„наго развитія, на которомъ Я неизмѣнно желаю удержать его".

АЛЕКСАНДРЪ.

Но вмѣстѣ съ рескриптомъ Горчаковъ получилъ отъ Царя и письмо, извѣщавшее, что въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ распоряженіе о реформахъ по всѣмъ отраслямъ администраціи, и сверхъ того повелѣвалось немедленно распустить обывательскую ратушную делегацію, учрежденную изъ 24 обывателей для удержанія порядка и тищины въ городѣ, и закрыть ресурсъ; въ который собирались сословія, толковали объ общественныхъ дѣлахъ и произносили зажигательныя рѣчи.

Князь, того же дня, какъ получилъ сказанныя бумаги, пригласилъ къ себѣ въ замокъ митрополита Фіалковскаго, графа Андрея Замойскаго и другихъ значительныхъ лицъ, прочиталъ имъ рескриптъ, объявилъ о дарованной реформѣ и поздравилъ съ Монаршею милостію. Депутаты не возражали, казались довольными и оставили князя. Не того хотѣли поляки и по прежнему продолжали свои возмутительные подступы и маневры.

Между тѣмъ и во многихъ городахъ обнаружилось враждебное движеніе, управляемое вожаками.

Итакъ, уступки сдѣланы, но эти уступки, если вѣрить словамъ переданнымъ мнѣ Мухановымъ, еще въ пріѣздъ по воцареніи Императора, Онъ намѣревался даровать Царству, но кн. Горчаковъ отсовѣтовалъ, и тогда Его Величество произнесъ наставительныя слова полякамъ, чтобы они оставили свои *мечтанія*.

Мартъ мѣсяцъ былъ замѣчателенъ своими происшествіями.

Прокураторъ Варшавскаго учебнаго округа, Мухановъ, по настоянію ожесточеннаго его врага, Коцебу, княземъ Горчаковымъ, подъ предлогомъ собственнаго его желанія, котораго вовсе не было, удаленъ отъ сей должности, и поручено исправленіе оной флюгеру—поляку, сенатору Лащинскому. Такъ же начальникъ Варшавскаго жандармскаго округа, Іолшинъ, вполнѣ неспособный для настоящаго времени и нечистый на руку, смѣненъ съ должности, и на мѣсто его назначенъ ген.-лейт. Куцинскій, начальникъ Виленскаго жандармскаго округа, не принесшій пользы ни тамъ, ни здѣсь.

Новое воззваніе намѣстника, чтобы варшавяне отнюдь не собирались толпами на площадяхъ и улицахъ для какихъ либо манифестацій или процессій, и не вынуждали въ противномъ случаѣ употреблять противъ нихъ силу оружія.

Вскорѣ за удаленіемъ Муханова отъ должности куратору послѣ-

ханова не дѣлать сего,—все было напрасно; когда же она о томъ своему мужу объявила, первыя слова князя были: „онъ пропалъ для меня“! а потомъ: „если ужъ старикъ влюбится, то самъ дьяволъ не разувѣритъ его, что онъ дѣлаетъ худо“. Чрезъ дня три самъ князь говорилъ о томъ же съ Мухановымъ, но безъ успѣха; когда же замѣтилъ, что онъ чрезъ свою женитьбу можетъ потерять мѣсто, а Мухановъ, потупя глаза, отвѣчалъ: „да будетъ, что угодно Богу“, тогда Горчаковъ сказалъ: „почтеннѣйшій, если бы вы исполняли свой долгъ, то ваши слова были бы хороши; а какъ вы пускаетесь на глупость, въ такомъ случаѣ они неумѣстны. Но не смотря на это и продолжавшіяся другія препятствія со стороны князя, равно и католическаго духовенства, отказавшагося, въ силу какой то тайной папской бревы, вѣнчать православнаго Муханова съ католичкою Лубенскою,—цѣль Мухановымъ достигнута, бракъ совершенъ вѣнчаніемъ въ одной только православной церкви и я былъ свидѣтелемъ и подписалъ вѣнчальный актъ.

По случаю ожидаемаго посѣщенія Варшавы Императора и иностранныхъ гостей, дѣлаются распоряженія о размѣщеніи сихъ послѣднихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребованы въ Варшаву командиры полковъ гренадерскаго австрійскаго Императора Франца Іосифа и пѣхотнаго принца Прусскаго,—для представленія ими своихъ ординарцевъ ожидаемыхъ сюда Императору Австріяку и регенту принцу Прусскому. Приглашеніе Франца Іосифа въ Варшаву осуждается военными.

Въ бесѣдѣ князя Горчакова съ моею женою 27 сентября о зазорномъ поведеніи своего сына, онъ высказалъ убѣжденіе, что онъ, Горчаковъ, *не проживетъ болѣе года*. При такомъ убѣжденіи, менѣе ретивый оставилъ бы службу и искалъ покоя заграницею, но не таковъ былъ князь, онъ трудился до истощенія силъ, до предсмертнаго обморока, что и случилось съ нимъ чрезъ 7 съ небольшимъ мѣсяцевъ.

Кто то сказалъ: „чудное государство Русское! Народъ представилъ полное право своимъ царямъ издавать законы; но чиновничья раса присоединила *условіе*, исполнять ихъ или не исполнять, смотря по обстоятельствамъ,—что и дѣлается въ Россіи“. Не въ силу ли этого пагубнаго условія министръ финансовъ въ прошломъ 1859 г. въ тихомолку выпустилъ въ народное обращеніе 100.000.000 рублей кредитными билетами, какъ видно изъ рѣчи его, произнесенной имъ сего года въ засѣданіи совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій. 100 мил. въ одинъ годъ! Да такая цифра, еще разъ повторенная въ выпускѣ, поведетъ государство прямо къ банкротству!— Эта рѣчь еще замѣчательна его же жалобою *на растрату огромныхъ суммъ заграницею нашими соотечественниками*.—Да, это

ковъ, которые потому и пользовались значительными отъ нея доходами; теперь же она отошла къ Волынскому епархіату; Арсеній зналъ это и, не смотря на то, при своемъ отъѣздѣ посвятилъ въ архимандриты Лавры здѣшнее лицо.

Въ полевомъ аудиторіатѣ слушали дѣло объ одномъ солдатѣ грабителѣ; оно замѣчательно тѣмъ, что этотъ преступникъ, при его обыскѣ, проглотилъ два полуимперіала разомъ.

3 сентября князь Горчаковъ и со всѣмъ своимъ семействомъ возвратился изъ заграницы и на другой день мы являлись съ поздравленіемъ.—Княгиня жаловалась мнѣ на Цикурина за совѣтъ ея мужу пользоваться водами Виши; князь это и исполнилъ, но получилъ отъ водъ какую то внутреннюю болѣзнь. Не она ли въ маѣ 1861 года свела его въ могилу?

Прибылъ и архіепископъ Іоанникій; лицо доброе и кроткое; послѣ перваго его богослуженія мы были у него на завтракѣ; онъ пріѣзжалъ и къ намъ съ визитомъ; меня не было дома и жена моя приняла и была обворожена имъ. Іоанникій (*получилъ*?) отъ синодскаго оберъ-прокурора письмо, предупреждавшее его о не совсѣмъ приличномъ поведеніи Варшавскаго духовенства, особенно соборнаго протоіерея Новицкаго. Въ самой вещи, этотъ святой отецъ ведетъ себя какъ язычникъ.

Послѣ ропота въ минувшихъ годахъ на недостаточность размѣнной мелкой монеты, нынѣшняго года въ обращеніи появилось множество *пятерокъ* и *десятокъ*, т. е. 5 и 10 грошевиковъ мѣдныхъ—высеребрянныхъ съ штемпелемъ *1840* года. Меня удивилъ этотъ давно прошедшій годъ и столь поздній выпускъ, но мнѣ объяснили, что здѣшній монетный дворъ давно уже не дѣйствуетъ, но что, по недостаточности размѣнной монеты, Варшавское правительство испрашивало разрѣшенія у Петербургскаго о выбитіи тѣхъ пятерокъ и десятокъ на здѣшнемъ бывшемъ монетномъ дворѣ на милліонъ злотыхъ и оно дозволило, но съ тѣмъ, чтобы штемпель на нихъ выбитъ былъ 1840, а не 1859 годъ. Когда послѣдовало разрѣшеніе, эти новенькія, что называется съ иголочки, монетки, величиною въ наши серебрянные пятачки и гривенники, красивы и удобны для кошельковъ; въ послѣдствіи Петербургъ сталъ высылать сюда свою россійскую тяжеловѣсно-уродливую мѣдную монету, годную только для крестьянскихъ кошелей.

Мухановъ,—этотъ 60 лѣтній старецъ, задумалъ жениться на 23 лѣтней вдовѣ Лубенской, той самой, которая, какъ въ своемъ мѣстѣ было сказано, просила Императора на балѣ пожаловать мужа ея сенатора въ графы.—Сколько княгиня Горчакова ни убѣждала Му-

Присланъ изъ Петербурга въ распоряженіе князя храбрый генер.-ейт. Хрулевъ, знаменитый защитникъ Севастополя; онъ помѣстился ъ замкѣ, въ качествѣ коменданта онаго.

Въ первый день католической Пасхи $^{19}/_{31}$ марта вышло отъ наѣстника слѣдующее воззваніе къ жителямъ Царства Польскаго".

„Въ постоянной заботливости своей о благѣ народовъ, Его скиетру Провидѣніемъ ввѣренныхъ, Его Императорско-Царское Велиество, Высочайшимъ Указамъ сего числа обнародованнымъ, даруетъ юдданнымъ Своимъ Царства Польскаго милостивыя учрежденія, со веденіемъ которыхъ народное преуспѣяніе получитъ новое развитіе. Жители Царства восчувствуютъ эту высокую милость ихъ Государя, ъ великодушномъ стремленіи своемъ не остановившагося, не взирая а безпорядки въ Варшавѣ послѣдовавшіе.—Зная вѣрность своихъ юдданныхъ Царства, Онъ отличилъ ихъ отъ горсти зловредныхъ юдей, эти безпорядки возбудившихъ.

„Всѣ сословія должны оправдать Его Императорско-Царскаго Веичества къ нимъ довѣріе искреннею признательностью и сохранеіемъ полнаго спокойствія и порядка.

„Да будетъ нынѣшній торжественный день новымъ залогомъ благоденствія края подъ мудрымъ и великодушнымъ правленіемъ Импеатора и Царя Александра II".

При этомъ воззваніи напечатанъ былъ и упоминаемый тамъ царій указъ отъ $^{14}/_{26}$ марта о дарованныхъ краю реформахъ, или, акъ говорили русскіе, о сдѣланныхъ полякамъ уступкахъ. – По правдѣ казать, большая часть этихъ реформъ были уже даны Императоромъ иколаемъ въ органическомъ Его статутѣ послѣ возмущенія 1830 — 831 годахъ, но не были приведены въ исполненіе тогдашнимъ наѣстникомъ Паскевичемъ, по извѣстнымъ причинамъ. Какъ бы то ни ыло, реформы даны, объявлены и вечеромъ того же дня делегаты, ъ одной рукѣ съ воззваніемъ, а въ другой съ царскимъ указомъ, вились въ собраніе, бывшее изъ всѣхъ классовъ и вѣроисповѣданій бывателей. Одинъ изъ старшихъ делегатовъ торжественно сталъ внаалѣ читать воззваніе намѣстника, но едва произнесъ начертанныя ъ немъ слова: „*Онъ* (Императоръ) *отличилъ ихъ отъ горсти зловредныхъ людей, эти безпорядки возбудившихъ*", какъ въ обраніи поднялся шумъ, гамъ, крики, и полились оскорбительныя азванія и упреки противъ князя Горчакова, а на делегатовъ вопили, то они измѣнники, достойные висѣлицы. Делегаты, видя такой нелагопріятный исходъ дѣла, съ трудомъ уплелись изъ буйнаго, мя-

она бюстъ покойной Императрицы, стоявшій въ замкѣ на виду всѣхъ, покрыла своимъ чернымъ истасканнымъ вуалемъ: я бы и не обратилъ на это вниманія, но мнѣ указалъ на неприличную сію покрышку генералъ-интендантъ Синельниковъ, формалистъ и строгій сторонникъ всѣхъ родовъ приличій.

17 ноября вечеромъ и всю ночь полиція была на ногахъ и въ движеніи и заставляла дворниковъ преждевременно затворять и запирать въ домахъ ворота.—Эта предосторожность сдѣлана изъ опасенія, чтобы поляки, памятуя о 17 ноября 1830 года, въ которое они произвели въ Варшавѣ возмущеніе,—не покусились на тоже и теперь. Но подобная мѣра, никогда прежде не бывалая, по моему мнѣнію, лишь унижала правительство и доказывала его безсиліе.

Почти въ тоже время дочь генерала графа Нессельроде г-жа Калярджіа, гостившая у своего дяди канцлера, писала къ своему отцу въ Варшаву, что Россія стоитъ *на вулканѣ* и ожидаетъ страшнаго взрыва, что множество въ Петербургѣ *красныхъ*, къ которымъ принадлежатъ и оба зятя канцлера, Титовъ и Хребтовичъ: что въ Петербургѣ существуетъ непонятное свободо-мысліе:—что думаютъ, то и говорятъ и печатаютъ и пр. Этотъ упоминаемый взрывъ, да еще и страшный, думали видѣть отъ сближавшагося объявленія о свободѣ крестьянъ.

3 декабря, обѣдая у Горчаковыхъ, я видѣлъ князя въ тревожномъ положеніи: онъ едва прикасался къ блюдамъ, шепталъ и бормоталъ себѣ подъ—носъ, водилъ рукою по лицу, клалъ голову на руку и не разъ принимался читать лежавшую предъ нимъ записку.—Все безмолствовало.—Встали изъ—за стола, князь взялъ руку своей супруги и всѣ мы за ними вошли въ гостинную, гдѣ намъ подали кофе: но сіятельные супруги отдалились отъ насъ, сѣли въ уголъ, и говорили и разсуждяли довольно долго съ жестикуляціями и передавая изъ рукъ въ руки записку: потомъ князь всталъ и отправился въ кабинетъ, мимоходомъ приказавъ лежурному адъютанту тотчасъ послать за Мухановымъ, а затѣмъ и мы всѣ разошлись, не понимая въ чемъ дѣло. Только на третій день княгиня объяснила мнѣ причину суматохи: князь, идя къ столу, получилъ отъ генералъ-губернатора Панютина секретную записку, заключавшуюся въ томъ, что вчера, при разыгрываніи аматерами — поляками піесы подъ названіемъ „Поэтъ“ въ пользу бѣлыхъ, игравшій эту роль молодой графъ Коссаковскій, воспитанникъ іезуитовъ, вздумалъ отъ себя сказать, что здѣшняя цензура вымарываетъ статьи въ иностранныхъ газетахъ, здѣсь получаемыхъ, и шляхетная публика наградила взрывомъ рукоплесканій графа за его смѣлость.—Эта-та вздорная исторія и была причиною смущенія и растерянности Горчакова. Она кончилась при-

зывомъ графа къ князю и замѣчаніемъ, ему сдѣланнымъ, о неприличіи его поступка.

Вмѣсто Аничкова, этого увальня, любившаго понѣжиться, поспать и покушать, назначенъ въ Варшаву оберъ-полицеймейстеромъ жандармскаго корпуса полковникъ Треповъ, будущій знаменитый С.-Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ.

Вскорѣ послѣ женитьбы Муханова появилась въ обращеніи карикатура, представлявшая погребеніе Муханова; за гробомъ шествуетъ 21-лѣтняя его вдова, а за нею на костыляхъ, столь же старые, какъ и умершій, его кандидаты — Фондуклей и Ленскій.

Разсказываютъ, что Государь Императоръ, будучи недоволенъ своимъ министромъ финансовъ, предложилъ это мѣсто генералу Чевкину. Умный горбунъ отвѣчалъ, „что министръ финансовъ долженъ быть или геній или дуракъ, а онъ, Чевкинъ, не считаетъ себя ни тѣмъ, ни другимъ".

Заключимъ этотъ высокосный годъ изложеніемъ знаменій, показывавшихъ тревожно-болѣзненное состояніе Варшавы и близкое наступленіе открытыхъ безпорядковъ и возмущенія, сперва въ городѣ, а потомъ и въ провинціяхъ Царства Польскаго. Они состояли:

1) Въ посрамленіи православнаго кладбища при погребеніи Савинской, о чемъ изложено выше.

2) Въ разбрасываніи въ театрѣ вонючихъ снадобій въ присутствіи двухъ Императоровъ.

3) Въ появленіи на головахъ поляковъ конфедератокъ.

4) Въ битьѣ ночью стеколъ въ домахъ, гдѣ жили русскіе.

5) Въ осмотрѣ 16 декабря кн. Горчаковымъ войскъ, разставленныхъ по улицамъ Варшавы для того, чтобы обыватели видѣли нашу силу.

6) Въ увѣренности черни о наступающей революціи. Такъ, когда я 27 декабря проходилъ мимо сберегательной кассы и увидѣлъ толпы народа, пришедшія за своими вкладами, и спросилъ: зачѣмъ берутъ деньги? — Мнѣ отвѣчали: будетъ революція. — Объ этой сценѣ я доложилъ князю и онъ только покачалъ головою; но за нѣсколько передъ тѣмъ часовъ, Горчаковъ совѣтовался съ Мухановымъ объ усиленіи гарнизона.

7) Въ вопросѣ князя у коменданта Александровской цитадели, Ермолова: все ли у него исправно въ крѣпости и достаточно ли соли?

8) Въ полномъ убѣжденіи Горчаковыхъ о близкомъ возмущеніи въ городѣ.

Убитые мятежники, не смотря на просьбы о дозволеніи торжественно ихъ похоронить, всѣ зарыты во рву Александровской цитадели при молитвахъ ксендза.

Послѣ кроваваго урока, бѣснованія на площадяхъ и улицахъ, подобныя предшествовавшимъ, прекратились, но были перенесены въ другомъ видѣ въ костелы, тамъ по окончаніи богослуженія всѣми присутствовавшими воспѣвались гимны и возсылались мольбы объ избавленіи отъ ига московцевъ и воскресеніи *крулевства* польскаго.

Характерный отвѣтъ мнѣ далъ русскій купецъ Дутовъ, когда я спросилъ его: что онъ думаетъ о настоящихъ событіяхъ?—Дутовъ сказалъ: „правительство-то, ваше превосх. дѣйствовало слабенько и ужъ оченно было уступчиво; кабы повалило душъ 200, такъ не розѣвали бы рты“.

Въ этомъ же мартѣ мѣсяцѣ Совѣтъ Управленія въ Царствѣ, именемъ Императора, декретомъ упразднилъ учрежденное въ 1857 году зловредное Земледѣльческое Общество „за дѣйствія при настоящихъ обстоятельствахъ противныя уставу“, яснѣе,—за принятіе участіе въ волненіи и въ возбужденіи къ нему многими его членами помѣщиками.

Главный директоръ юстиціи Држевецкій, тихій, скромный, но безгласный юристъ и членъ въ Совѣтѣ Управленія, по желанію маркиза Веліопольскаго и по личному приглашенію князя намѣстника, отказался отъ своей должности; началъ управлять ею самъ г. маркизъ, а чрезъ нѣкоторое время назначилъ временно въ главные директоры оберъ-прокурора Воловскаго, который впослѣдствіи былъ сосланъ въ одну изъ дальнихъ россійскихъ губерній и тамъ умеръ.

По возникшимъ въ г. Люблинѣ безпорядкамъ на улицахъ, Люблинскій гражданскій губернаторъ Мицкевичъ бросилъ городъ, прибылъ въ Варшаву, и за то былъ Высочайше удаленъ изъ службы, яко невѣрный рабъ.

Наступилъ апрѣль мѣсяцъ. Не довѣряя варшавянамъ, войска расположились въ палаткахъ на главныхъ площадяхъ и улицахъ города; начались одиночныя на послѣднихъ убійства революціонными *красными* жандармами—кинжальщиками и вѣшателями.

Вельможный маркизъ Веліопольскій, ненавидимый за свою надменность и суровость обѣими партіями, гр. Замойскаго и красными, переселился на временное жительство въ замокъ.

Съ своей стороны и я, въ виду ежедневной опасности, хотѣлъ жену мою съ сыномъ, по примѣру многихъ русскихъ дамъ, отправить въ Дрезденъ, но она не согласилась, говоря: *„умирать, такъ умирать вмѣстѣ“!*

бездѣятельность.—Этотъ проходимецъ получалъ значительное содержаніе и былъ сторонникъ поляковъ.

Въ концѣ января получено изъ Петербурга частное извѣстіе, что Государь Императоръ изволилъ подписать манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, который и будетъ объявленъ въ день восшествія на престолъ. По мнѣнію трусливаго князя Россія гибнетъ, погибаетъ!

Между тѣмъ княгиня Горчакова по секрету объявила моей женѣ, что изъ зимняго дворца все оружіе перевезено въ Петропавловскую крѣпость. Извѣстіе это я отнесъ къ нелѣпостямъ.

Февраль мѣсяцъ былъ началомъ явныхъ и открытыхъ враждебно-революціонныхъ движеній. Первая демонстрація изъ мужскаго и женскаго пола нищаго класса совершена 13 февраля вечеромъ, и шествовала съ факелами, знаменемъ съ бѣлымъ орломъ и съ значками національныхъ цвѣтовъ, при шумѣ и гамѣ, отъ костела паулиновъ къ замку, но Варшавскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, посредствомъ конныхъ жандармовъ, была разсѣяна. На другой день всѣ дворянскіе предводители явились къ кн. Горчакову, и при объясненіяхъ замѣтили ему, что правительство знало уже о приготовлявшемся народномъ движеніи чрезъ налѣпленные назадъ тому два дня на стѣны плакаты, и потому слѣдовало бы ему принять предварительныя мѣры и не допустить ему совершиться.

Вторая демонстрація, болѣе многочисленная, буйная и дерзкая, была 15 числа. Съ толпами на площади Сигизмунда противъ замка ратовалъ тотъ же оберъ-полицеймейстеръ и успѣлъ разогнать ихъ, но получилъ ушибъ въ лобъ камнемъ. Противъ же другихъ сборищъ дежурный генералъ Заблоцкій вывелъ роту солдатъ, и когда въ нее стали бросать камнями, кирпичами и полѣньями, приказалъ (не имѣя разрѣшенія) открыть огонь, и отъ залпа изъ ружей убито было 5 человѣкъ, а всѣ прочіе разбѣжались; самъ же Заблоцкій получилъ сильный ударъ кирпичемъ въ спину и пролежалъ нѣсколько дней въ постели.

Послѣ сего и того же числа явилась депутація изъ 14 обывателей и настоятельно потребовала отъ князя удаленія отъ должности Варшавскаго оберъ-полицеймейстера, на что слабохарактерный Горчаковъ согласился и въ угоду депутаціи назначилъ завѣдывать полиціею проходимца—итальянца, генералъ-маіора маркиза Паулучи, сторонника поляковъ.

Кратковременная, энергическая служба Трепова въ Варшавѣ, достойная похвалы, вскорѣ щедро была вознаграждена Императоромъ производствомъ его въ генералы и назначеніемъ пожизненной пенсіи по 3750 руб. въ годъ.

Другая депутація была болѣе важною и вполнѣ политическою.

Она состояла изъ нѣсколькихъ значительныхъ членовъ—помѣщиковъ Земледѣльческаго Общества съ своимъ президентомъ, графомъ Андреемъ Замойскимъ, и представила Горчакову адресъ Государю Императору, который и былъ отправленъ въ Петербургъ съ статсъ-секретаремъ Совѣта Управленія, Карницкимъ.

адресъ (переводъ съ французскаго).

„Настоящія происшествія въ Варшавѣ, слѣдствіе взволнованныхъ умовъ, и глубокія чувства всеобщей скорби побуждаютъ насъ сдѣлать Вашему Императорскому Величеству нижеслѣдующее представленіе, въ той надеждѣ, что благородное сердце Вашего Величества не отвергнетъ голосъ несчастнаго народа“.

„Происшествія эти, отъ описанія коихъ мы удерживаемся, не есть порывъ мѣстныхъ страстей одного какого либо класса народа; это—пламенное, единодушное выраженіе заглушенныхъ чувствъ и неудовлетворенныхъ потребностей. Долговременныя страданія народа, впродолженіи многихъ столѣтній свободными постановленіями управлявшагося, и неимѣніе даже никакого законнаго органа для объясненія у подножія Престола желаній своихъ и потребностей, поставили край въ такое положеніе, что онъ можетъ возносить голосъ свой только жертвами,—которыя и приноситъ. Въ душѣ каждаго жителя нашего края лежитъ сильное и горячее убѣжденіе, что онъ среди семьи народовъ Европы составляетъ отдѣльную народность. Этого убѣжденія истребить и даже ослабить не могли ни время, ни вліяніе различныхъ обстоятельствъ. Все, что оскорбляетъ его или противодѣйствуетъ ему, глубоко потрясаетъ умы.—Край съ горестью видитъ, что неудовлетвореніе этой потребности породило недостатокъ довѣрія, необходимаго въ сношеніяхъ между правителями и управляемыми. Довѣрія этого не возстановитъ безполезное употребленіе мѣръ насильственныхъ. Край нашъ, нѣкогда равнявшійся въ просвѣщеніи съ прочими краями Европы, не достигнетъ развитія своихъ моральныхъ и матеріальныхъ силъ до тѣхъ поръ, пока проистекающія изъ духа народа основанія, его традиціи и исторія не усвоятся церковію, законодательствомъ и публичнымъ воспитаніемъ, словомъ всѣмъ общественнымъ организмомъ. Край желаетъ этого тѣмъ болѣе, что одинъ только онъ изъ семьи народовъ европейскихъ лишенъ необходимыхъ условій существованія, безъ коихъ ни одинъ не можетъ достигнуть предназначенія, для котораго Провидѣніе даровало ему жизнь“.

„Повергая страданія и пламенныя желанія наши къ подножію Престола, мы, убѣжденные въ великодушіи Монарха, имѣемъ съ пол-

ною вѣрою надежду на высокое чувство справедливости Вашего Императорскаго Величества".

Вѣрноподданные:

(подписи).

Но еще прежде поднесеннаго адреса вышло: 1) воззваніе намѣстника, коимъ приглашались обыватели не внимать подстрекательствамъ враговъ порядка, старающихся возбудить волненіе въ публикѣ и 2) объявленіе, подписанное депутатами, о разрѣшенномъ кн. Горчаковымъ торжественномъ погребеніи пяти убитыхъ, убѣждая „во имя всего священнаго", во время этого погребенія сохранить порядокъ и спокойствіе. И дѣйствительно, это погребеніе было 18 февраля по напечатанной въ газетахъ программѣ и совершено въ полномъ порядкѣ, при стеченіи едва ли не всего народо-населенія и при совершенномъ отсутствіи на улицахъ, какъ было приказано, военщины и полиціи. Въ процессіи участвовало и еврейское духовенство съ покрывалами на головахъ. По этимъ убитымъ 23 февраля исполнены торжественныя моленія во всѣхъ костелахъ, иновѣрческихъ храмахъ и синагогахъ.

Наконецъ, въ отвѣтъ на поданный Варшавянами адресъ, послѣдовалъ на имя намѣстника и Высочайшій рескриптъ, подписанный 25 февраля, слѣдующаго содержанія:

„Присланное Мнѣ вами прошеніе Я прочелъ. Я долженъ бы счи„тать оное какъ бы вовсе не существовавшимъ, потому что нѣкоторое „число лицъ, подъ предлогомъ безпорядковъ, возбужденныхъ на улиц„ѣ, самовольно присвоиваетъ себѣ право осуждать всѣ дѣйствія „правительства. Я хочу однако же видѣть въ этомъ только одно „увлеченіе. Я посвящаю всѣ Мои заботы важнымъ преобразованіямъ, „вызванными въ Моемъ государствѣ временемъ и развивающимися „потребностями. Мои подданные въ Царствѣ суть для Меня предмет„ами такой же заботливости. Все, что можетъ способствовать „ихъ благоденствію, не находитъ и не найдетъ Меня равнодушнымъ".

„Я уже доказалъ имъ Мое желаніе, чтобы они участвовали въ „благодѣяніяхъ отъ улучшеній полезныхъ, существенныхъ, прогрессив„ныхъ. Я сохраняю тѣже намѣренія и тѣже чувства. Я вправѣ „полагать, что онѣ будутъ оцѣнены и не будутъ ослаблены несвоев„ременными или преувеличенными желаніями, которыхъ Я не могъ бы согла„сить съ благомъ Моимъ подданныхъ. Я исполню всѣ Мои обязан„ности. Ни въ какомъ случаѣ Я не стерплю безпорядковъ. На этой „почвѣ ничто не созидается. Стремленія, которыя бы на ней искали „опоры, тѣмъ самымъ уже заранѣе нашли бы свое осужденіе. Они „уничтожили бы всякое довѣріе и встрѣтили бы съ Моей стороны

„строгое охужденіе потому, что остановили бы край на пути правиль-
„наго развитія, на которомъ Я неизмѣнно желаю удержать его".

АЛЕКСАНДРЪ.

Но вмѣстѣ съ рескриптомъ Горчаковъ получилъ отъ Царя и письмо, извѣщавшее, что въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ распоряженіе о реформахъ по всѣмъ отраслямъ администраціи, и сверхъ того повелѣвалось немедленно распустить обывательскую ратушную делегацію, учрежденную изъ 24 обывателей для удержанія порядка и тишины въ городѣ, и закрыть ресурсъ; въ который собирались сословія, толковали объ общественныхъ дѣлахъ и произносили зажигательныя рѣчи.

Князь, того же дня, какъ получилъ сказанныя бумаги, пригласилъ къ себѣ въ замокъ митрополита Фіалковскаго, графа Андрея Замойскаго и другихъ значительныхъ лицъ, прочиталъ имъ рескриптъ, объявилъ о дарованной реформѣ и поздравилъ съ Монаршею милостію. Депутаты не возражали, казались довольными и оставили князя. Не того хотѣли поляки и по прежнему продолжали свои возмутительные подступы и маневры.

Между тѣмъ и во многихъ городахъ обнаружилось враждебное движеніе, управляемое вожаками.

Итакъ, уступки сдѣланы, но эти уступки, если вѣрить словамъ переданнымъ мнѣ Мухановымъ, еще въ пріѣздъ по воцареніи Императора, Онъ намѣревался даровать Царству, но кн. Горчаковъ отсовѣтовалъ, и тогда Его Величество произнесъ наставительныя слова полякамъ, чтобы они оставили свои *мечтанія*.

Мартъ мѣсяцъ былъ замѣчателенъ своими происшествіями.

Прокураторъ Варшавскаго учебнаго округа, Мухановъ, по настоянію ожесточеннаго его врага, Коцебу, княземъ Горчаковымъ, подъ предлогомъ собственнаго его желанія, котораго вовсе не было, удаленъ отъ сей должности, и поручено исправленіе оной флюгеру—поляку, сенатору Лащинскому. Такъ же начальникъ Варшавскаго жандармскаго округа, Іолшинъ, вполнѣ неспособный для настоящаго времени и нечистый на руку, смѣненъ съ должности, и на мѣсто его назначенъ ген.-лейт. Куцинскій, начальникъ Виленскаго жандармскаго округа, не принесшій пользы ни тамъ, ни здѣсь.

Новое воззваніе намѣстника, чтобы варшавяне отнюдь не собирались толпами на площадяхъ и улицахъ для какихъ либо манифестацій или процессій, и не вынуждали въ противномъ случаѣ употреблять противъ нихъ силу оружія.

Вскорѣ за удаленіемъ Муханова отъ должности куратору послѣ-

довало удаленіе его слабымъ, растерявшимся княземъ Горчаковымъ и отъ должности главнаго директора внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ по слѣдующему событію. Отъ $^{5}/_{17}$ марта Горчаковъ предписалъ Муханову „по случаю настоящихъ обстоятельствъ, поручить гражданскимъ губернаторамъ, дабы они вмѣнили въ обязанность уѣзднымъ начальникамъ, президентамъ и бургомистрамъ городовъ и войтамъ гминъ:

„1) Усугубить наблюденіе за разъѣзжающими по уѣзду лицами, и „при малѣйшемъ подозрѣніи кого либо въ неблагонамѣренныхъ дѣйствіяхъ, немедленно доносить ему для доведенія до свѣдѣнія Его „Сіятельства; въ случаѣ же важнѣйшихъ со стороны подобныхъ лицъ „дѣйствій, арестовать ихъ, о чемъ одновременно доносить намѣстнику „и губернатору".

„2) Обратить особенное вниманіе на иностранцевъ, пребывающихъ „въ Царствѣ и вновь сюда пріѣзжающихъ; о тѣхъ же изъ нихъ, „которые замѣчены будутъ въ предосудительныхъ, поступкахъ или въ „распространеніи вредныхъ слуховъ и въ разговорахъ недоброжелательныхъ правительству, немедленно доносить ему для испрошенія „приказанія Его Сіятельства".

„3) Обращать особенное вниманіе на частныхъ лицъ, прибывающихъ „изъ заграницы по иностраннымъ паспортамъ, и при малѣйшемъ подозрѣніи въ тождествѣ лицъ или по инымъ обстоятельствамъ, тотчасъ „доносить ему для доведенія до свѣдѣнія Князя".

„4) Внушить крестьянамъ, что правительство, особенно заботясь „объ ихъ благосостояніи, ожидаетъ, что они не только не будутъ слушать подговорщиковъ къ безпорядкамъ, но что даже для сохраненія „общественнаго порядка, всякаго появляющагося между ними для „подговоровъ возмутителя будутъ задерживать и представлять ближайшему начальству".

„5) У всѣхъ людей неизвѣстныхъ требовать паспортовъ или другихъ письменныхъ видовъ, и если же они не представятъ таковыхъ, „то задерживать ихъ и доставлять къ ближайшимъ полицейскимъ, „которымъ приказать, по доставленіи къ нимъ подобныхъ людей тотчасъ подвергать ихъ допросамъ; но если они окажутся людьми, неизвѣстными лично, то отправлять ихъ подъ карауломъ въ города, а „если бы при исполненіи этого встрѣчено было со стороны сихъ людей „сопротивленіе и они оказали бы намѣреніе напасть въ толпахъ, противъ нихъ просить содѣйствія ближайшей военной силы.

„Словомъ, возложить на губернаторовъ и подчиненныхъ имъ чиновниковъ земской и городской полиціи самое бдительное наблюденіе за „всѣми появляющимися въ краѣ подозрительными людьми и за ихъ „дѣйствіями съ тѣмъ, чтобы при малѣйшемъ сомнѣніи принимаемы

„весьма бѣднымъ человѣкомъ, тоже содержится частью изъ получае
„отъ меня ежегоднаго пенсіона. Наконецъ, послѣдняя, Софія, не
„дучи замужемъ, находится вполнѣ на моемъ попеченіи.

„Жена моя имѣетъ 800 душъ родового имѣнія, которое зало
„и приноситъ весьма малый доходъ. Не взирая на весьма боль
„содержаніе отъ щедротъ В. И. В. мнѣ назначенное, и на пож
„ваніе мнѣ 50 тыс. руб. за Крымскую войну, я не оставляю п
„себя значительныхъ сбереженій, потому что репрезентація по з
„маемому мною мѣсту и содержаніе большого семейства требо
„большихъ расходовъ; едва ли послѣ моей смерти, считая капит
„зированіе аренды, очистится для моихъ дѣтей 50 т. руб.

„Въ такомъ положеніи я дерзаю прибѣгнуть къ В. И. В.
„просьбою о милостивомъ призрѣніи тѣхъ изъ моихъ дѣтей, кот
„останутся въ бѣдности. На счетъ моей жены я покоенъ, будучи
„надеждѣ, что Вы изволите пожаловать ей пенсію, которая обезпеч
„ея послѣдніе дни. Но для трехъ дочерей моихъ: Варвары, Ольг
„Софіи, не имѣющихъ права на пенсію за службу отца, осмѣлива
„просить, въ видѣ особой милости пожизненнаго содержанія по и
„мѣру того, что сдѣлано для дочерей многихъ лицъ, продолжавш
„здѣсь службу свою, какъ Вы изволите это усмотрѣть изъ при
„гаемой у сего особой записки.

„Всемилостивѣйшій Государь! Не отриньте сей послѣдней прос
„солдата, служившаго Царямъ и Россіи съ постояннымъ самоот
„женіемъ, и довершите милость Вашу къ нему дозволеніемъ по
„стить его тѣло на кладбищѣ сѣверной стороны Севастополя, по
„воиновъ, не допустившихъ враговъ нашего отечества перейти за
„бежъ того мѣста, гдѣ теперь ихъ могила.

„Да благословитъ Господь царствованіе Вашего Императорск
„Величества“!

19 числа. Утромъ въ 11 часовъ панихида по усопшемъ князѣ
Бельведерѣ; совершилъ оную архіепископъ Іоанникій въ присутст
семейства покойнаго и военныхъ чиновъ; тѣло, по неготовности
гроба, покоилось на столѣ вполнѣ уже одѣтымъ.

Около 6 часовъ полудня послѣдовалъ выносъ гроба на рукахъ
Бельведера въ Лазенковскую придворную церковь, чрезъ садъ и б
церемоніи: было духовенство, много военныхъ, мало статскихъ, нѣ
и музыканты, въ церкви надъ гробомъ была совершена панихида.
вся эта церемонія кончилась поздно.

Наконецъ прибылъ изъ Петербурга военный министръ и 20 м
отдалъ приказъ по арміи слѣдующаго содержанія:

„Высочайшимъ приказомъ 16 сего мая мнѣ повелѣно вступить

Присланъ изъ Петербурга въ распоряженіе князя храбрый генер.-лейт. Хрулевъ, знаменитый защитникъ Севастополя; онъ помѣстился въ замкѣ, въ качествѣ коменданта онаго.

Въ первый день католической Пасхи $^{19}/_{31}$ марта вышло отъ намѣстника слѣдующее воззваніе къ жителямъ Царства Польскаго".

„Въ постоянной заботливости своей о благѣ народовъ, Его ски„петру Провидѣніемъ ввѣренныхъ, Его Императорско-Царское Вели„чество, Высочайшимъ Указамъ сего числа обнародованнымъ, даруетъ „подданнымъ Своимъ Царства Польскаго милостивыя учрежденія, со „введеніемъ которыхъ народное преуспѣяніе получитъ новое развитіе. „Жители Царства восчувствуютъ эту высокую милость ихъ Государя, „въ великодушномъ стремленіи своемъ не остановившагося, не взирая „на безпорядки въ Варшавѣ послѣдовавшіе.—Зная вѣрность своихъ „подданныхъ Царства, Онъ отличилъ ихъ отъ горсти зловредныхъ „людей, эти безпорядки возбудившихъ.

„Всѣ сословія должны оправдать Его Императорско-Царскаго Ве„личества къ нимъ довѣріе искреннею признательностью и сохране„ніемъ полнаго спокойствія и порядка.

„Да будетъ нынѣшній торжественный день новымъ залогомъ благо„денствія края подъ мудрымъ и великодушнымъ правленіемъ Импе„ратора и Царя Александра II".

При этомъ воззваніи напечатанъ былъ и упоминаемый тамъ царскій указъ отъ $^{14}/_{26}$ марта о дарованныхъ краю реформахъ, или, какъ говорили русскіе, о сдѣланныхъ полякамъ уступкахъ.— По правдѣ сказать, большая часть этихъ реформъ были уже даны Императоромъ Николаемъ въ органическомъ Его статутѣ послѣ возмущенія 1830—1831 годахъ, но не были приведены въ исполненіе тогдашнимъ намѣстникомъ Паскевичемъ, по извѣстнымъ причинамъ. Какъ бы то ни было, реформы даны, объявлены и вечеромъ того же дня делегаты, въ одной рукѣ съ воззваніемъ, а въ другой съ царскимъ указомъ, явились въ собраніе, бывшее изъ всѣхъ классовъ и вѣроисповѣданій обывателей. Одинъ изъ старшихъ делегатовъ торжественно сталъ вначалѣ читать воззваніе намѣстника, но едва произнесъ начертанныя въ немъ слова: „*Онъ* (Императоръ) *отличилъ ихъ отъ горсти зловредныхъ людей, эти безпорядки возбудившихъ*", какъ въ собраніи поднялся шумъ, гамъ, крики, и полились оскорбительныя названія и упреки противъ князя Горчакова, а на делегатовъ вопили, что они измѣнники, достойные висѣлицы. Делегаты, видя такой неблагопріятный исходъ дѣла, съ трудомъ уплелись изъ буйнаго, мя-

съ гробомъ умершаго; 36-ли факельщиковъ должны идти по сторонамъ колесницы, какъ это было при погребеніи Паскевича или менѣе, и во фракахъ-ли и въ треуголкахъ быть погребальной прислугѣ, какъ заведено, или въ длинныхъ плащахъ и распущенныхъ шляпахъ; тремъ траурнымъ каретамъ быть въ процессіи, какъ при погребеніи Паскевича, или одной, принадлежащей самой княгинѣ Горчаковой? Эти вопросы представилъ комитетъ разрѣшенію высшей власти.

Составленъ церемоніалъ. Все было готово къ вывозу тѣла, для чего назначено 27 мая. Всѣ чины, назначенные по церемоніалу, собрались въ Лазенковскую церковь въ 11 часовъ утра. Войска разставлены по улицамъ шествія кортежа; ими командовалъ генералъ Липранди; послѣ заупокойной обѣдни и панихиды, совершенныхъ архіепископомъ соборне, гробъ съ подобающею церемоніею перевезенъ на желѣзную дорогу и отправился далѣе, чрезъ Вѣну и Галацъ въ Севастополь.

Съ прахомъ поѣхала и княгиня Горчакова съ нѣкоторыми изъ своихъ дѣтей. При гробѣ былъ до границы сильный караулъ; его сопровождали всѣ бывшіе адъютанты князя, изъ нихъ одному, подполковнику Мезенцову было поручено исправное доставленіе гроба до Севастополя и сохраненіе порядка, равно и веденіе расхода на всемъ пути и въ Севастополѣ, для чего я выдалъ ему 9 тыс. рубл. Вообще, погребеніе князя Горчакова стоило казнѣ 13800 руб., а Паскевича 25 тыс. руб.—разница огромная!

Спустя дня два, Сухозанетъ, по должности намѣстника, получилъ отъ министра статсъ-секретаря Царства Польскаго, Тымовскаго, подписанное имъ въ день совершившагося погребенія 27 мая изъ Петербурга отношеніе слѣдующаго содержанія:

„Государь Императоръ, обращая вниманіе на затруднительное по„ложеніе трехъ дочерей, оставшихся послѣ скончавшагося намѣстника „въ Царствѣ Польскомъ генералъ-адъютанта князя Горчакова, изъ „коихъ одна еще не устроена; зная, что покойный, неимѣвшій на„какого состоянія, единственно изъ жалованья своего удѣлялъ имъ „помощь, а съ тѣмъ вмѣстѣ оцѣняя важныя заслуги, оказанныя имъ „впродолженіи свыше 50-лѣтней службы, и въ особенности во время „управленія Царствомъ въ званіи намѣстника; наконецъ, имѣя въ „виду, что кончина его послѣдовала въ то самое время, когда онъ, „при изнеможенныхъ уже жизненныхъ силахъ, съ пламеннымъ усер„діемъ посвящалъ себя важному труду для благосостоянія сего края „развитіемъ дарованныхъ оному Его Вел. честнымъ учрежденій.—не„зависимо отъ обезпеченія положенія вдовы его пожизненною пенсіею „Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать тремъ дочерямъ его: Ва„варѣ Панкратьевой, баронессѣ Ольгѣ Мейендорфъ и княжнѣ Софіи

„Горчаковой, изъ суммъ общихъ Царства, въ единовременное пособіе, „каждой по 50000 руб. сер. безъ всякаго вычета.

„О вышеизображенной Монаршей волѣ имѣю честь сообщить Ваш „Высок. для надлежащаго къ исполненію оной распоряженія, покор„нѣйше прося принять увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ почтеніи и „истинной преданности".

Съ другой стороны благодушный Императоръ изволилъ назначить княгинѣ Горчаковой слѣдующія пенсіи: какъ вдовѣ главнокомандующаго 10 т. р. с. изъ государственнаго казначейства, и какъ вдовѣ намѣстника 25 т. р. с. изъ казны Царства.

Такъ какъ княгиня Горчакова предположила соорудить въ Севастополѣ памятникъ своему покойному супругу, то и взяла съ собою его мраморный бюстъ для поставленія его на томъ памятникѣ. Позднѣе она письмомъ уже изъ Севастополя душевно благодарила за мою преданность къ князю и увѣдомляла, что выдала на тотъ памятникъ 10 т. рублей.

Во все продолженіе пребыванія гроба въ Варшавѣ, никакихъ безпорядковъ и демонстрацій въ городѣ не было; но затѣмъ вновь стали возобновляться буйственные и самоуправные поступки, сборища и волненія, вызвавшія предостереженія отъ оберъ-полиціймейстера, и не смотря на это, по приказанію благодушествующаго Сухозанета, войска расположенныя съ марта на площадяхъ, для охраненія порядка и спокойствія, сняли свои палатки и вступили въ казармы.

Временный визирь объявилъ по секрету Липранди, что онъ не въ состояніи исправлять двѣ должности намѣстника Царства и главнокомандующаго арміею; при разговорахъ онъ подробно распрашивалъ о Муравьевѣ-Карскомъ, у котораго Липранди былъ начальникомъ штаба въ гренадерскомъ корпусѣ, вѣроятно думая о назначеніи его намѣстникомъ и главнокомандующимъ; а между тѣмъ корреспонденція изъ Петербурга въ Ind. Belg. извѣщала, что Муравьевъ отъ этой предлагаемой ему чести отказался.

Съ 5 іюня въ правительственной газетѣ начали печататься новыя учрежденія, дарованныя Царемъ здѣшнему краю.—Званіе губернскихъ предводителей дворянства уничтожено.

Маркизъ Велюпольскій напечаталъ во всѣхъ польскихъ газетахъ, чтобы воспитанники учебныхъ заведеній при встрѣчѣ съ высшими духовными, гражданскими и военными сановниками снимали фуражки, равно не носили никакой другой одежды, кромѣ форменной и не имѣли въ рукахъ палокъ. Разумѣется, этому заявленію посмѣялись и все осталось по прежнему; а правду сказать, училищная молодежь, при всѣхъ безпорядкахъ была на первомъ планѣ.

... вызвалъ въ Варшаву посколь... ...наго устройства дѣла ... обстоятельствахъ будучи ... непозволительна для ...

... Сухозанета Варшавскому ... провіантмейстера военнаго ... провіантскаго департа... ... ему назначено было ... интендантъ арміи. Су... ... почтенію и уваженію ... передъ тѣмъ, чтобы ему. Мель... ... Сухозанетъ изволилъ ... видъ. Мельниковъ, ... винить! Оба правы и ...

... эмигрантскаго круга ... разрѣшенія Сухозанета ... была митрополитомъ ... переполненъ при... ... своего пола личностями. ... По окончаніи бого... ... на рукахъ до самой ... демонстрировалъ колѣнопреклонен... ... Это тоже была ... разрѣшенная пра... ... стоялись предъ окнами ... англійскаго на... ... участіе къ нимъ ... ...ходу.

... находившійся заграницей ... графъ Лам... ... въ Царствѣ ... объ этомъ знать. ...

... костелѣ св. Яна ... благодарственный ... ... мятежную пѣснь и ... ... окончить ... изъ костела, шумѣла, ... улицѣ, у одного ... ... костельнаго ... ... На другой день,

8 іюля, войска вновь расположились на площадяхъ и въ другихъ унктахъ города, даже въ красинскомъ саду, въ палаткахъ.

Конецъ іюля завершился слѣдующимъ объявленіемъ по Варшавѣ, дѣланнымъ Сухозанетомъ 30 числа:

„На многихъ домахъ въ здѣшнемъ городѣ замѣчены были приклеенные плакаты, призывающіе жителей завтра, въ понедѣльникъ, 31 іюля къ церковному празднованію народнаго торжества и къ большой иллюминаціи.

„Почему объявляется къ общему свѣдѣнію, что завтрашній день, кромѣ предписаннаго по церковному уставу богослуженія, не будетъ допущено никакого другаго; а скопленіе народа для какой-либо демонстраціи, какъ нарушающее общественное спокойствіе, будетъ задерживаемо войскомъ при выходѣ изъ церквей, для поступленія съ виновными по всей строгости предоставленной мнѣ власти. Воспрещается также запирать лавки подъ строгою личною отвѣтственностью торгующихъ, а равно устроивать вечеромъ иллюминацію, за которую подвергнутся отвѣтственности какъ домовладѣльцы, такъ и жильцы, иллюминовавшіе свои квартиры.

„Противъ нарушителей сего распоряженія приняты будутъ неослабныя мѣры.

„Предваряя о томъ всѣхъ жителей Варшавы, присовокупляю, что всякія пагубныя послѣдствія падутъ на ослушниковъ и нарушителей общественнаго спокойствія“.

Это празднество, затѣянное вожаками всѣхъ волненій въ Варшавѣ, было въ память соединенія Литвы съ Польшею при звѣрообразномъ Ягеллѣ, и не смотря на много и некраснорѣчивое объявленіе Сухозанета и щедро размазанныя угрозы, оно 31 іюля совершилось: всѣ костелы были биткомъ наполнены народомъ, пѣвшимъ излюбленные свои гимны; всѣ лавки и магазины были заперты и иллюминація горѣла. Когда на другой день были призваны къ Сухозанету почетные граждане и онъ осыпалъ ихъ упреками, они безъ церемоніи ему сказали, что не отъ правительства они обогащаются въ торговлѣ, а отъ публики народа. *Пагубныя* же послѣдствія заключались въ арестованіи около 200 оборванцевъ, которые вскорѣ и были освобождены.

За обѣдомъ въ русскомъ клубѣ 3 августа Сухозанетъ, будучи уже навеселѣ, произнесъ рѣчь, въ которой воздалъ похвалу войскамъ за ихъ *терпѣніе* при настоящемъ волненіи въ Царствѣ и *кротость*, оказываемую ими къ жителямъ. Это правда, что войска были терпѣливы и кротки не смотря на всѣ оскорбленія, которыми преслѣдовали ихъ бунтовщики. Далѣе, въ своей рѣчи высказалъ безцеремонно оказанныя имъ услуги въ званіи военнаго министра, говоря: *я* уни-

чтожилъ военныя поселенія; *я* возвратилъ кантонистовъ отцамъ и *я* сократилъ срокъ службы для солдатъ и т. п. Вездѣ *я* и *я*, к будто бы надъ *я* не было другой высшей власти и воли.

Наконецъ графъ Ламбертъ Высочайшимъ рескриптомъ отъ 6 густа назначенъ исправляющимъ должность намѣстника въ Цар Польскомъ, и Высочайшимъ приказомъ, того же числа отданнымъ мандующимъ 1-ю арміею, съ нимъ вмѣстѣ дежурный генералъ глав штаба Его Императорскаго Величества генералъ-лайтенантъ и г ралъ-адъютантъ Герштенцвейгъ назначенъ Варшавскимъ военн генералъ-губернаторомъ и главнымъ директоромъ внутреннихъ д а затѣмъ старецъ Сухозанетъ, награжденный алмазными знаками ор св. Андрея, уволенъ въ отпускъ заграницу.

Вотъ упомянутый Высочайшій рескриптъ на имя Ламберта:

Графъ Карлъ Карловичъ!

„Назначая васъ исправляющимъ должность намѣстника Моего „Царствѣ Польскомъ, и облекая васъ полнымъ довѣріемъ, Я пору „вамъ принять всѣ мѣры къ благоуспѣшному дѣйствію государств „ныхъ учрежденій, дарованныхъ Царству указомъ Моимъ 14 (26) м „сего года. Остаюсь въ этомъ въ твердой увѣренности, что жи „Царства просвѣщеннымъ и здравымъ умомъ своимъ поймутъ, „только въ правильномъ развитіи этихъ учрежденій они могутъ „рѣсти залогъ дальнѣйшаго успѣха въ самобытности управленія „общественнаго благосостоянія, а не въ раздорѣ и народныхъ во „ніяхъ, поставляющихъ преграды къ осуществленію лучшихъ Мо „намѣреній и предначертаній. Призовите къ содѣйствію въ труд „вашихъ людей способныхъ и благомыслящихъ, дабы дѣйствитель „нужды любезныхъ Мнѣ подданныхъ восходили ко Мнѣ чрезъ „средство ваше, какъ законное выраженіе общихъ желаній, зр „обдуманныхъ въ кругу просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ согр „данъ, а не въ видѣ заявленія обманчивыхъ увлеченій, внушаем „врагами всякаго порядка. Возстановите спокойствіе въ краѣ, а „съ своей стороны, съ радостью готовъ предать забвенію минув „и на довѣріе ко Мнѣ и любовь Польскаго народа отвѣчать все „тѣмъ же“.

По прибытіи Ламберта въ Варшаву, онъ и Сухозанетъ, 11 12 августа, каждый самъ отъ себя, отдали приказы по арміи, пер о своемъ вступленіи въ командованіе оною, при увѣренности, „что „чины ея будутъ отличаться тѣмъ же благороднымъ стремлені „къ чести и пользѣ службы, и будутъ съ тѣмъ же возвышенн „самоотверженіемъ исполнять свои обязанности, какъ исполняли

до нынѣ".—Послѣдній о своемъ отбытіи, и при томъ воздавъ хвалу рміи, въ заключеніе сказалъ: „что онъ признаетъ священнымъ долгомъ свидѣтельствовать предъ Императоромъ, что превосходная армія Его Величества, которую украшала всегда слава военная, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ образцемъ дисциплины, являя примѣры высокаго самоотверженія тамъ, гдѣ этого ожидаетъ отъ нея служба Е. И. В.".

12 числа вся военщина въ полной парадной формѣ откланивалась Сухозанету и пожелала ему добраго пути; а отъ него одни только енералы отправились къ Ламберту и представились ему.

Первымъ дѣломъ новаго начальника было снять съ площадей и бщественныхъ садовъ палатки и солдатъ. Но эта черта миролюбія е была оцѣнена жителями. Того же 15 числа графъ принималъ дуовенство всѣхъ вѣроисповѣданій, сенаторовъ, высшихъ администраіонныхъ чиновниковъ и консуловъ. Подъѣзжая изъ Бельведера къ амку, онъ увидѣлъ полицейскихъ и жандармовъ, разставленныхъ по быкновенію для сохраненія порядка, и приказалъ ихъ снять и болѣе е ставить. – Эта такъ понравилось толпившемуся около замка народу, то Ламберту, возвращавшемуся въ Бельведеръ, кричали: ура!

При поѣздкѣ Сухозанета заграницу 14 жандармовъ охраняли его собу, но не смотря на то, гдѣ-то за г. Петроковомъ, во время слѣованія поѣзда, угостили его крикомъ и каменьями, которые падали стѣны его вагона, не причиняя впрочемъ ему вреда, но фельдъегеръ, идѣвшій въ другомъ вагонѣ, получилъ ушибы.

Разсказываютъ за достовѣрное, что при назначеніи графа Ламберта амѣстникомъ, въ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ Императора было азсуждаемо: соединить ли съ симъ званіемъ и званіе командующаго рміей? Кромѣ исправ. должность военнаго министра Милютина, всѣ рочіе члены полагали раздѣлить эту власть, но Милютинъ опровергъ хъ мнѣніе, Государь съ нимъ согласился и Ламбертъ назначенъ и амѣстникомъ и командующимъ арміею.

23 августа я былъ у Ламберта и вручилъ ему письмо отъ княгини орчаковой, просившей его покровительства вдовѣ генер. Нементовскаго интенданту замка Стечковскому. Графъ былъ чрезвычайно вѣжливъ.

По приглашенію разбросанныхъ вожаками красныхъ, плакатовъ о ыдуманныхъ ими будто бы въ Вильнѣ и Бѣлостокѣ убійствахъ, соершенныхъ нашими войсками надъ поляками, большая часть здѣшихъ жителей облеклась въ глубокій трауръ, наполнили костелы, молились о небывалыхъ убіенныхъ и о карѣ московцевъ; въ этотъ день всѣ лавки и магазины были заперты.

20 августа, по случаю тезоименитства Императора былъ офиціаль-

ный обѣдъ у Ламберта. За то въ католическомъ костелѣ народъ при молебнѣ, когда заигралъ органъ „Te Deum“ прервалъ его и затянулъ зажигательный свой гимнъ. У многихъ русскихъ, кои вечеромъ освѣтили свои окна, были выбиты стекла.

Въ виду увеличивавшихся въ городѣ безпорядковъ и буйствъ злоумышленниками, и многократно воспрещавшихся на улицахъ и площадяхъ народныхъ скопищъ, 10 сентября съ утвержденія графа Ламберта сдѣлано въ отношеніи войскъ подробное распоряженіе и наставленіе, главные мотивы коихъ суть слѣдующіе:

Всѣми войсками, въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ расположенными, командуетъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ.

Варшава, въ отношеніи командованія войсками, раздѣляется на двѣ половины, на правую или Замковую и на лѣвую или Бельведерскую.

Одна половина Варшавы подчиняется начальнику 4 пѣхотной дивизіи, другая—его помощнику.

Варшава по прежнему оставляется, касательно циркуловъ, раздѣленною на четыре военные отдѣла, и въ каждомъ отдѣлѣ располагается одинъ пѣхотный полкъ съ полковымъ штабомъ.

Настоящее раздѣленіе Варшавы на двѣ половины и четыре военные отдѣла имѣетъ цѣлью—прекращеніе безпорядковъ и поддержаніе полиціи въ томъ случаѣ, когда дѣйствія ея окажутся безуспѣшными.

По требованію полиціи для прекращенія безпорядковъ начальникъ отдѣла немедленно высылаетъ достаточное число войскъ.

По прибытіи этихъ войскъ на мѣсто происшествія дѣйствія полиціи прекращаются.

Начальникъ отдѣла троекратно съ барабаннымъ боемъ увѣщеваетъ скопище разойтись, предваряя, что въ случаѣ непослушанія, будетъ употреблена сила и приказываетъ прочитать слѣдующее

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„Именемъ закона требую, дабы вы разошлись, ибо въ противномъ „случаѣ противъ оказывающихъ упорство употреблено будетъ оружіе, „не исключая стрѣльбы“.

Въ случаѣ неповиновенія употребить силу, дѣйствуя преимущественно бѣлымъ оружіемъ, а въ крайности прибѣгать къ дѣйствію огнемъ, стараясь захватить предводителей скопищъ, подстрекателей и зачинщиковъ. На начальниковъ войскъ возлагается внушить всѣмъ

изъявилъ желаніе быть похороненнымъ въ Севастополѣ. 2) Государственныхъ процентныхъ бумагъ на 30 тысячъ рублей и наличныхъ 5 тыс. рублей. 3) Собственноручное на Высочайшее Имя письмо о призрѣніи послѣ его смерти семейства его и о погребеніи праха его въ Севастополѣ. Оно замѣчательно тѣмъ, что писано 19 октября 1859 года, на четвертый день отбытія Государя изъ Варшавы. Копія съ этого письма излагается ниже.

Пока дѣятельно хлопотали о приготовленіи тѣла къ выносу изъ Императорскаго дворца, изъ Петербурга телеграммою Высочайше повелѣно:

а) Гробъ поставить въ придворной церкви Лазенковскаго дворца до отправленія его въ Севастополь.

б) Погребеніе произвести по правиламъ устава, какъ полагается фельдмаршалу.

в) Всѣ издержки отнести на счетъ казны Царства.

Того же 18 мая объявлено приказаніе по войскамъ, при Варшавѣ собраннымъ, какъ о кончинѣ князя, такъ и объ отправленіи при тѣлѣ его ежедневно панихидъ: утромъ въ 11 и по полудни въ 7 часовъ.

Такъ прошелъ первый день кончины князя Горчакова; съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія военнаго министра.

Поляки начали благовѣстить, что князь отравленъ, подобно тому какъ будто бы былъ отравленъ Дибичъ Орловымъ. Я подалъ мнѣніе исправл. должность начальн. главн. штаба Крыжановскому, чтобы усопшаго анатомировать съ приглашеніемъ и польскихъ медиковъ; онъ согласился и сдѣлалъ распоряженіе, но княгиня сильно сему воспротивилась, и анатомированіе не состоялось, равно осталась неизвѣстною и настоящая причина смерти.

Вотъ копія съ упомянутаго выше письма:

„Всемилостивѣйшій Государь! Письмо это будетъ представлено „В. И. В. послѣ моей смерти. Посвятивъ жизнь службѣ незабвеннымъ „родителямъ Вашимъ и В. И. В., я мало заботился о собственныхъ „дѣлахъ, и со смертью моею оставляю довольно большое семейство въ „затруднительномъ положеніи. Изъ онаго сынъ мой обезпеченъ пожа„лованнымъ мнѣ въ Царствѣ маіоратомъ, который достанется ему по „наслѣдству отъ меня. Одна дочь, Наталья Столыпина, также обезпе„чена, такъ какъ мужъ ея имѣетъ порядочное состояніе; но старшая „дочь моя, Панкратьева, коей мужъ разстроилъ небольшое состояніе „свое, содержится съ дѣтьми частью отъ ежегоднаго пособія, мною ей „даваемаго; младшая Ольга замужемъ за барономъ Мейендорфомъ,

Затѣмъ нарядъ войскъ, размѣщеніе оныхъ въ городѣ, назначеніе сборныхъ пунктовъ на случай тревоги и слѣдованіе войскъ къ онымъ, распредѣленіе начальниковъ частей и вообще всѣ предметы по управленію войсками, въ Варшавѣ расположенными, въ военномъ отношеніи предоставляются командующему войсками (т. е. генералъ-лейтенанту Хрулеву).

Не смотря на эти предписанныя мѣры, безпорядки въ городѣ продолжались. Такъ, 14 числа толпа напала на одну кузницу и снесла ее за то, что хозяинъ кузницы не позволилъ своимъ работникамъ итти въ костелъ, по приглашенію коноводовъ волненій.

Рѣдкій день не проходитъ, въ который бы не совершалось демонстраціи „*набоженства*“ по костеламъ цѣлыми цѣхами: портныхъ, сапожниковъ, жестянниковъ, кузнецовъ и тому подобныхъ ремесленниковъ съ ихъ женами, дѣтьми и работниками. Къ этому набоженству приглашаются за 2—3 дня литографированными тайнымъ образомъ плакатами, налѣпляемыми къ угламъ улицъ и дверямъ домовъ и костеловъ, и приказанію незримыхъ, во тьмѣ скрывающихся, агитаторовъ всѣ повинуются. По среди священнодѣйствія поютъ хоромъ пѣснь Богородицѣ „объ освобожденіи ойчизны отъ москевцевъ“. Это главная цѣль костельныхъ сборищъ.

Такъ, 23 сентября рано утромъ въ каѳедральной фарѣ св. Яна происходило набоженство, на коемъ присутствовалъ приглашенный цѣхъ чиновничій.—Въ прекращеніи подобнаго кощунства власти не имѣли успѣха. Да и можно ли имѣть его, когда легкомысленный простой классъ вѣритъ всякой нелѣпости? Такъ, 24 числа появилось объявленіе отъ имени Іисуса Христа, спадшее будто бы съ неба. Спаситель увѣщеваетъ поляковъ съ удвоеннымъ усердіемъ приносить молитвы въ костелахъ объ освобожденіи ойчизны отъ варваровъ—москалей и устранить себя отъ всякихъ забавъ и увеселеній.

Назначенъ новый Варшавскій комендантъ; это генер.-лейтенантъ князь Бубетовъ. Назначеніе неудачное, особенно для настоящаго времени.

28 сентября совершено было пышное, шумное, демонстративное погребеніе мятежнаго Варшавскаго митрополита *Фіалковскаго* при стеченіи многочисленнаго всѣхъ классовъ народа. Замѣчательны особенности этихъ похоронъ: 1) комиссія, устроивавшая погребеніе, увѣрила графа Ламберта *честнымъ словомъ*, что въ процессіи не будетъ никакихъ противо-правительственныхъ знаковъ и эмблемъ, и только подъ этимъ условіемъ графъ разрѣшилъ процессіи слѣдовать съ квартиры

умершаго въ каѳедральную фару длиннѣйшимъ путемъ по городскимъ принципальнымъ улицамъ, обѣщаясь и самъ, какъ католикъ, присоединиться къ кортежу. Это разрѣшеніе дано было предъ самымъ выступленіемъ процессіи изъ дома Фіалковскаго, и коль скоро она вся вытянулась по улицѣ, а генералъ-губернаторъ замѣтилъ несущіяся противо-правительственныя эмблемы и далъ о томъ знать Ламберту, то послѣдній и остался въ замкѣ, не выходя изъ своего кабинета.

2) Гробъ митрополита несли на рукахъ крестьяне, созванные изъ деревень.

3) Аристократъ изъ аристократовъ, графъ Андрей Замойскій шелъ подъ руку съ однимъ крестьяниномъ.

4) Въ процессіи участвовало одно только лицо въ военномъ русскомъ мундирѣ,— это былъ управляющій Ловичскимъ княжествомъ, полковникъ Гауке, пріѣхавшій въ Варшаву самовольно изъ Ловича съ своими чиновниками и частью поселянами.

5) Въ числѣ хоругвій церковныхъ съ крестами на верху красовалось одно знамя, на которомъ съ одной стороны былъ изображенъ гербъ бывшаго крулевства „бѣлый орелъ", а съ другой стороны гербъ Литвы „скачущій всадникъ". Такіе же гербы несены были и на подушкахъ.

6) На челѣ регалій, несенныхъ предъ гробомъ, была на подушкѣ корона польскаго королевства. Эту демонстративную затѣю великудрые поляки объясняли тѣмъ, что Императоръ Александръ II въ Варшавѣ не короновался и не присягалъ, что исполнилъ Императоръ Николай, а по древнему закону, по смерти каждаго короля корона передавалась на сохраненіе примасу королевства, которымъ въ настоящее время былъ Фіалковскій, то „ма се розумець" при его погребеніи и корона была несена при его гробѣ.— И глупо, и жалко и смѣшно!

7) Въ хвостѣ кортежа шествовала толпа обоего пола, устроенная въ шеренги, взявшись другъ съ другомъ за руки, предводительствуемая ксендзами; это было оборванное, запачканное полупьяное, отребье, или какъ называютъ поляки „*голота*", выставленное агитаторами во головѣ всѣхъ волненій и демонстрацій.

На другой день послѣ этой демонстраціи появилось отъ подземныхъ комитетовъ литографированное слѣдующее приглашеніе: „Ветераны бывшаго польскаго войска просятъ товарищей съ молодымъ поколѣніемъ на набожество за свободу, цѣлость и независимость отчизны на $^{10}/_{22}$ октября въ костелъ Бернардинокъ". Это приглашеніе было окаймлено рисункомъ, на которомъ изображался острогъ и старый полякъ въ цѣпяхъ, бѣлый орелъ, скачущій всадникъ, портретъ Импе-

ратора и тому подобныя нелѣпости.—Это набоженство назначалось въ годовщину смерти польскаго героя, а русскаго врага, князя Юзефа Понятовскаго, погибшаго не 10, а 9 октября въ волнахъ Эльстера въ Лейпцигѣ 1813 года. Впрочемъ, это набоженство не состоялось.

Наконецъ, 2 октября *Царство Польское* намѣстникомъ, графомъ Ламбертомъ, объявлено состоящимъ *на военномъ положеніи*.

Не смотря на это объявленіе, агитаторы назначили 3 числа набоженство въ каѳедральной фарѣ св. Яна и костелѣ Бернардиновъ и прочихъ костелахъ по давно-умершемъ *Костюшкѣ*. Правительство приглашало не дѣлать сего, но его не послушались и костелы наполнились народомъ, воспѣвавшимъ тамъ свои зажигательные гимны. Тогда приняты были крутыя мѣры: предъ дверьми двухъ помянутыхъ костеловъ, св. Яна и Бернардиновъ, поставлены были вооруженныя роты солдатъ съ тѣмъ, чтобы они каждаго выходящаго послѣ набоженства поляка арестовывали; когда же первые вышедшіе были задержаны, всѣ остальные, узнавъ о томъ, затворились въ костелахъ, и думали отсидѣться, но роты оставались на стражѣ весь день и ночь, выжидали выхода мятежниковъ для ихъ арестованія, а они не выходили, развлекались пѣніемъ своихъ гимновъ. Тогда на зарѣ прибѣгнули къ мѣрѣ рѣшительной, но повидимому неблагоразумной: солдаты, по приказанію высшаго начальства, вторгнулись въ тѣ два осажденные костела, арестовали всѣхъ мущинъ (женщинъ оставили на свободѣ, а онѣ то и были ярыми подстрекательницами) и отвели ихъ на дворъ замка, гдѣ имъ сдѣлали разборъ и до 200 человѣкъ отправили въ Александровскую цитадель, а всѣхъ прочихъ, которыхъ было вдвое болѣе, распустили по домамъ.

5 октября по опредѣленію католической духовной консисторіи сказанные два костела, какъ осквернённые вторженіемъ солдатъ, были закрыты для богослуженія; чрезъ нѣсколько дней закрыты и всѣ прочіе костелы въ Варшавѣ, а въ подражаніе имъ, по наущенію вожаковъ, закрылась и синагога.

Послѣ замкнутія костеловъ въ правительственной газетѣ напечатано слѣдующее объявленіе:

„Костелы св. Яна и Бернардиновъ заперты по распоряженію про„лата Бѣлобржескаго; поводомъ закрытія послужили будто бы сдѣлан„ныя въ оныхъ злоупотребленія, изслѣдованіе которыхъ правительство „предоставило вполнѣ духовному начальству. Но вмѣстѣ съ тѣмъ „духовное начальство распорядилось прекращеніемъ богослуженія въ „другихъ костелахъ. Не видя никакихъ уважительныхъ основаній къ „такому распоряженію, правительство оставляетъ отвѣтственность за „всѣ послѣдствія, какія отъ сего произойти могутъ, на тѣхъ, которые „сдѣлали эти распоряженія“.

Что побудило къ насильственному вытаскиванію и выталкиванію изъ тѣхъ костеловъ *мирныхъ пѣвуновъ* неугодныхъ правительству гимновъ и молитвъ? То, что свободные коноводы преднамѣревались во что бы ни стало освободить заключенниковъ, и утромъ на другой день стали на улицахъ собираться толпы, чтобы итти для освобожденія, а слѣдовательно и нападенія на окружавшее костелы войско, что, разумѣется, повело бы къ кровопролитію,—чего Ламбертъ вовсе не хотѣлъ, и потому, по настоянію Герштейнцвейга, такъ сказать, *нехотя* согласился на упомянутое очищеніе костеловъ, которое и было выполнено прежде, чѣмъ агитаторы успѣли сформировать разрозненныя толпы въ массы для открытаго нападенія на войска и освобожденія плѣнныхъ изъ костеловъ. А за упомянутымъ очищеніемъ костеловъ послѣдовало, какъ выше сказано, и закрытіе ихъ для богослуженія.

Эта, по истинѣ печальная исторія имѣла болѣе печальный исходъ для одного изъ главныхъ ея дѣятелей.

Послѣ осажденія войсками костеловъ, насильственнаго очищенія ихъ отъ мятежниковъ, арестованія изъ нихъ болѣе виновныхъ и закрытія костеловъ, между намѣстникомъ Царства и Варшавскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, обращавшихся другъ съ другомъ на *ты*, неизвѣстно изъ—за чего, по этому происшествію возникла распря и ссора, послѣдствіемъ коей была дуэль на *смерть по американски*; несчастный жребій выпалъ Герштейнцвейгу и онъ, 6 октября, возвратясь отъ Ламберта въ Брюлевскій дворецъ, гдѣ квартировалъ, пообѣдалъ съ своимъ адъютантомъ, соснулъ и потомъ изъ револьвера пустилъ въ себя пулю, но только нанесъ себѣ тяжелую рану, и въ безсознательномъ состояніи оставаясь отъ раны, скончался 24 октября. Это былъ отличный и способный генералъ въ русскихъ войскахъ, дѣятельный и образованный. Кажется, судьба тяготѣла надъ этою фамиліею: и отецъ его, корпусный командиръ при Императорѣ Николаѣ, сдѣлался самоубійцею.

11 октября графъ Ламбертъ отдалъ слѣдующій приказъ по арміи:

„По случаю постигшей меня неожиданной болѣзни, требующей освобожденія отъ дѣлъ, хотя и кратковременнаго, Государю Императору благоугодно было поручить командованіе 1-ю арміею и исполненіе должности намѣстника въ Царствѣ военному министру генералъ-адъютанту Сухозанету". Затѣмъ отправился заграницу *безъ повозки*, пробывъ здѣсь въ своихъ должностяхъ ровно два мѣсяца.

Назначеніе Ламберта сюда было крайне неудачно; мягкій, кроткій, вѣжливый, но безъ энергіи, при постоянной своей болѣзни, онъ не въ состояніи былъ управлять рулемъ, ему ввѣреннымъ, въ столь бурное время.—Вмѣстѣ съ упомянутымъ выше приказомъ Ламберта от-

данъ былъ приказъ и явившагося изъ заграницы генер. Сухозане вступленіи имъ, по Высочайшему повелѣнію, въ должности *врем* намѣстника и главнокомандующаго, и на другой же день мы и честь представляться ему въ замкѣ.

А между тѣмъ Высочайшимъ приказомъ *еще 9 октября* гене Лидерсъ былъ уже назначенъ *на время отсутствія* Лам исправляющимъ должность намѣстника въ Царствѣ и *временно* гл командующимъ арміею. Этотъ ералажъ въ назначеніи трудно и спутать.

Съ закрытіемъ костеловъ толпы стали собираться предъ две оныхъ и воспѣвать свои мятежные гимны, но при появленіи во разбѣгались во всѣ стороны, чтобы не быть арестованными.

Учреждены двѣ военныя слѣдственныя комиссіи и одна военно ная для мятежниковъ арестованныхъ и арестуемыхъ, которыхъ уже набралось.

Между Сухозанетомъ и маркизомъ Веліопольскимъ бывшее и пр у нихъ несогласіе теперь возобновилось съ новою силою и первый нихъ отправилъ въ Петербургъ съ объясненіями генералъ-маіора тапова, а чрезъ нѣсколько дней вызванъ туда и самъ надмѣ маркизъ. Этотъ полякъ, какъ изъ всего видно, пользуется значен и довѣріемъ при нашемъ дворѣ.

23 числа прибылъ въ Варшаву и генералъ-адъютантъ Лидерс на другой день мы представлялись ему; но не прежде онъ вступ въ отправленіе своихъ должностей, какъ по полученіи о своемъ значеніи упомянутаго выше Высочайшаго приказа 9 октября, непон почему задержаннаго столь долго въ Петербургѣ и полученнаго з только 28 октября.

При представленіи нашемъ Лидерсу присутствовалъ и Сухозан который, по удаленіи Лидерса въ свой кабинетъ, по случаю пред наченнаго имъ 2 ноября отъѣзда въ Петербургъ произнесъ къ н *прощальную* рѣчь. — Мы были очень довольны разстаться съ эт велемудрымъ мужемъ, ни какъ не ожидавшимъ себѣ въ Петерб сюрприза, заключавшагося въ томъ, что онъ 13 ноября назна членомъ государственнаго совѣта, а военнымъ министромъ — генер Милютинъ.

Прелатъ Бѣлобржескій арестованъ, посаженъ въ цитадель и данъ военному суду по полевому уголовному уложенію за беззако замкнутіе Варшавскихъ костеловъ и за сопротивленіе приказан намѣстника, графа Ламберта. Судъ приговорилъ лишить его свящ ническаго сана и званія, ордена св. Анны, и *разстрѣлять*.

стникъ же Лидерсъ, вмѣсто разстрѣленія опредѣлилъ сослать его поселеніе; но Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ Бѣбржескаго отправить на годъ въ казематъ крѣп. Динабурга съ мъ, чтобы ему тамъ были предоставлены всѣ выгоды и удобства его жизни. Замѣчательно, что при объявленіи ему судомъ приора разстрѣлять—онъ зарыдалъ и покаялся въ своей винѣ.

Почти одновременно съ прелатомъ Бѣлобржескимъ арестованъ и правленъ въ цитадель болѣе важный въ іерархіи израиля, достоимый раввинъ Мозейшъ, за зловредныя его дѣянія противъ правительства при возмущеніи. Но этотъ талмудистъ-фанатикъ жизни рогой и всѣми уважаемый, по милости связи съ банкирами—евреями, бѣгъ кары правосудія и токмо, какъ австрійскій подданный, выанъ въ Краковъ.

По Высочайшему повелѣнію потребовано свѣдѣніе объ образѣ мыслей габъ и оберъ-офицеровъ. Спрашивается: для чего?

Въ Варшавѣ выходятъ три подпольные литографированные листка волюціоннаго содержанія.

Въ числѣ запертыхъ въ Варшавѣ католическихъ костеловъ былъ мкнутъ и уніатскій Базиліановъ или св. Василія. Но уніатскій ископъ, живущій въ г. Холмѣ, узнавъ о томъ, предписалъ настоятелю го костела отворить оный и совершать въ немъ богослуженіе.

При первомъ же священнодѣйствіи два поляка-католика вошли въ стелъ и дерзостно воспрещали священнику прекратить богослуженіе запереть костелъ попрежнему, но были схвачены, арестованы и отавлены въ цитадель.

Два мѣсяца какъ генералъ Лидерсъ управляетъ Царствомъ и Варавою и уже слышны нареканія близкихъ къ нему подчиненныхъ въ внодушіи къ дѣламъ; онъ упорно сдержанъ и молчаливъ; это нѣщъ тяжелый, непривѣтливый, но любитель прекраснаго пола; зять о, Веймарнъ, оскорбительно отзывается о нравственности своего выкопревосходительнаго тестя.

Закончу этотъ годъ полученнымъ извѣстіемъ, что въ Римѣ посвященъ выбранный нашимъ правительствомъ С.-Петербургскій ксендзъ елинскій въ архіепископы Варшавской епархіи, и прибытія его скоро дѣсь ожидаютъ. Безъ сомнѣнія, онъ сниметъ печати съ костеловъ, но опротивится ли пѣнію въ оныхъ гимновъ?—это мы увидимъ.

Относительно собственно себя, положеніе мое не измѣнилось ни къ чшему, ни къ худшему. Обязанности мои, какъ инспектора, выясни-

ный обѣдъ у Ламберта. За то въ католическомъ костелѣ народъ о молебнѣ, когда заигралъ органъ „Te Deum“ прервалъ его и зат нулъ зажигательный свой гимнъ. У многихъ русскихъ, кои вечеро освѣтили свои окна, были выбиты стекла.

Въ виду увеличивавшихся въ городѣ безпорядковъ и буйствъ з умышленниками, и многократно воспрещавшихся на улицахъ и п щадяхъ народныхъ скопищъ, 10 сентября съ утвержденія гр Ламберта сдѣлано въ отношеніи войскъ подробное распоряженіе наставленіе, главные мотивы коихъ суть слѣдующіе:

Всѣми войсками, въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ расположенны командуетъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ.

Варшава, въ отношеніи командованія войсками, раздѣляется двѣ половины, на правую или Замковую и на лѣвую или Бель дерскую.

Одна половина Варшавы подчиняется начальнику 4 пѣхотной визіи, другая—его помощнику.

Варшава по прежнему оставляется, касательно циркуловъ, разд ленною на четыре военные отдѣла, и въ каждомъ отдѣлѣ распо гается одинъ пѣхотный полкъ съ полковымъ штабомъ.

Настоящее раздѣленіе Варшавы на двѣ половины и четыре военн отдѣла имѣетъ цѣлью—прекращеніе безпорядковъ и поддержаніе п лиціи въ томъ случаѣ, когда дѣйствія ея окажутся безуспѣшны

По требованію полиціи для прекращенія безпорядковъ начальни отдѣла немедленно высылаетъ достаточное число войскъ.

По прибытіи этихъ войскъ на мѣсто происшествія дѣйствія пол ціи прекращаются.

Начальникъ отдѣла троекратно съ барабаннымъ боемъ увѣщева скопище разойтись, предваряя, что въ случаѣ непослушанія, буд употреблена сила и приказываетъ прочитать слѣдующее

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„Именемъ закона требую, дабы вы разошлись, ибо въ противно „случаѣ противъ оказывающихъ упорство употреблено будетъ оруж „не исключая стрѣльбы“.

Въ случаѣ неповиновенія употребить силу, дѣйствуя преимуще венно бѣлымъ оружіемъ, а въ крайности прибѣгать къ дѣйст огнемъ, стараясь захватить предводителей скопищъ, подстрекателей зачинщиковъ. На начальниковъ войскъ возлагается внушить всѣ

рядникамъ и нижнимъ чинамъ, что въ этомъ состоитъ главная цѣль въ дѣйствіи при разсѣяніи скопищъ, а не въ томъ, чтобы ранить убивать людей.

Раненыхъ и убитыхъ войска обязаны подобрать, не оставляя ни одного изъ нихъ въ рукахъ возмутителей.

Только однимъ совокупнымъ и дружнымъ дѣйствіемъ полиціи, предупреждающей безпорядки, и войска, поддерживающаго полицію, можно достигнуть водворенія прочнаго въ городѣ спокойствія.

Если потребуется собрать войска, въ Варшавѣ и окрестностяхъ расположенныя, въ сборные пункты въ городѣ, подается для того сигналъ для тревоги съ одного изъ трехъ пунктовъ: изъ Бельведера, по распоряженію командующаго 1-ю арміею въ случаѣ его пребыванія въ Бельведерѣ; съ главной гауптвахты Саксонской площади, по распоряженію военнаго генералъ-губернатора и изъ замка по распоряженію генерала Хрулева, въ случаѣ не нахожденія въ замкѣ командующаго арміею. Сигналъ для тревоги, данный въ одномъ пунктѣ, повторяется въ остальныхъ двухъ.

Сигналъ для тревоги состоитъ изъ 6 ракетъ, послѣдовательно пущенныхъ съ каждаго изъ тѣхъ трехъ пунктовъ, и изъ 6 пушечныхъ выстрѣловъ съ форта Владиміръ.

По сигналамъ тревоги войска собираются на сборныя мѣста согласно диспозиціи, составленной генер.-лейт. Хрулевымъ.

Войска должны слѣдовать какъ можно поспѣшнѣе, въ боевой амуниціи, безъ ранцевъ.

По выступленіи изъ мѣстъ расположенія или при первомъ удобномъ случаѣ начальникъ каждой части напоминаетъ ей вкратцѣ, какъ опасно и предосудительно для солдата предаваться грабежу и тому подобнымъ безпорядкамъ.

Ни что не должно остановить или замедлить слѣдованіе войскъ къ мѣстамъ сборовъ по назначеннымъ имъ дорогамъ.

Бездѣйствіе и нерѣшительность вмѣняются въ вину.

Въ случаѣ, если во время слѣдованія караула или команды по нимъ, изъ какого либо дома будутъ сдѣланы выстрѣлы или брошены камни, то на выстрѣлы и камни не отвѣчать пальбой, а занѣтить только домъ и донести о томъ начальству.

Если на караулъ или команду во время ихъ слѣдованія начнутъ бросать камни или подобное, такъ что нельзя будетъ далѣе слѣдовать безопасно, то открывать себѣ путь оружіемъ.

Затѣмъ нарядъ войскъ, размѣщеніе оныхъ въ городѣ, назначеніе сборныхъ пунктовъ на случай тревоги и слѣдованіе войскъ къ оным, распредѣленіе начальниковъ частей и вообще всѣ предметы по управленію войсками, въ Варшавѣ расположенными, въ военномъ отношеніи предоставляются командующему войсками (т. е. генералъ-лейтенанту Хрулеву).

Не смотря на эти предписанныя мѣры, безпорядки въ городѣ продолжались. Такъ, 14 числа толпа напала на одну кузницу и снесла ее за то, что хозяинъ кузницы не позволилъ своимъ работникамъ итти въ костелъ, по приглашенію коноводовъ волненій.

Рѣдкій день не проходитъ, въ который бы не совершалось демонстраціи „*набоженства*“ по костеламъ цѣлыми цѣхами: портныхъ, сапожниковъ, жестянниковъ, кузнецовъ и тому подобныхъ ремесленниковъ съ ихъ женами, дѣтьми и работниками. Къ этому набоженству приглашаются за 2—3 дня литографированными тайнымъ образомъ плакатами, налѣпляемыми къ угламъ улицъ и дверямъ домовъ и костеловъ, и приказанію незримыхъ, во тьмѣ скрывающихся, агитаторовъ всѣ повинуются. По среди священнодѣйствія поютъ хоромъ пѣснь Богородицѣ „объ освобожденіи ойчизны отъ москевцевъ“. Это главная цѣль костельныхъ сборищъ.

Такъ, 23 сентября рано утромъ въ каѳедральной фарѣ св. Яна происходило набоженство, на коемъ присутствовалъ приглашенный цѣхъ чиновничій.—Въ прекращеніи подобнаго кощунства власти не имѣли успѣха. Да и можно ли имѣть его, когда легкомысленный простой классъ вѣритъ всякой нелѣпости? Такъ, 24 числа появилось объявленіе отъ имени Іисуса Христа, спадшее будто бы съ неба. Спаситель увѣщеваетъ поляковъ съ удвоеннымъ усердіемъ приносить молитвы въ костелахъ объ освобожденіи ойчизны отъ варваровъ—москалей и устранить себя отъ всякихъ забавъ и увеселеній.

Назначенъ новый Варшавскій комендантъ; это генер.-лейтенантъ князь Бубетовъ. Назначеніе неудачное, особенно для настоящаго времени.

28 сентября совершено было пышное, шумное, демонстративное погребеніе мятежнаго Варшавскаго митрополита *Фіалковскаго* при стеченіи многочисленнаго всѣхъ классовъ народа. Замѣчательны особенности этихъ похоронъ: 1) комиссія, устроивавшая погребеніе, увѣрила графа Ламберта *честнымъ словомъ*, что въ процессіи не будетъ никакихъ противо-правительственныхъ знаковъ и эмблемъ, и только подъ этимъ условіемъ графъ разрѣшилъ процессіи слѣдовать съ квартиры

умершаго въ каѳедральную фару длиннѣйшимъ путемъ по городскимъ принципальнымъ улицамъ, обѣщаясь и самъ, какъ католикъ, присоединиться къ кортежу. Это разрѣшеніе дано было предъ самымъ выступленіемъ процессіи изъ дома Фіалковскаго, и коль скоро она вся вытянулась по улицѣ, а генералъ-губернаторъ замѣтилъ несущіяся противо-правительственныя эмблемы и далъ о томъ знать Ламберту, то послѣдній и остался въ замкѣ, не выходя изъ своего кабинета.

2) Гробъ митрополита несли на рукахъ крестьяне, созванные изъ деревень.

3) Аристократъ изъ аристократовъ, графъ Андрей Замойскій шелъ подъ руку съ однимъ крестьяниномъ.

4) Въ процессіи участвовало одно только лицо въ военномъ русскомъ мундирѣ,—это былъ управляющій Ловичскимъ княжествомъ, полковникъ Гауке, пріѣхавшій въ Варшаву самовольно изъ Ловича съ своими чиновниками и частью поселянами.

5) Въ числѣ хоругвій церковныхъ съ крестами на верху красовалось одно знамя, на которомъ съ одной стороны былъ изображенъ гербъ бывшаго крулевства „бѣлый орелъ", а съ другой стороны гербъ Литвы „скачущій всадникъ". Такіе же гербы несены были и на подушкахъ.

6) На челѣ регалій, несенныхъ предъ гробомъ, была на подушкѣ корона польскаго королевства. Эту демонстративную затѣю велемудрые поляки объясняли тѣмъ, что Императоръ Александръ II въ Варшавѣ не короновался и не присягалъ, что̀ исполнилъ Императоръ Николай, а по древнему закону, по смерти каждаго короля корона передавалась на сохраненіе примасу королевства, которымъ въ настоящее время былъ Фіалковскій, то „ма се розумець" при его погребеніи и корона была несена при его гробѣ.— И глупо, и жалко и смѣшно!

7) Въ хвостѣ кортежа шествовала толпа обоего пола, устроенная въ шеренги, взявшись другъ съ другомъ за руки, предводительствуемая ксендзами; это было оборванное, запачканное полупьяное, отребье, или какъ называютъ поляки „*голота*". выставляемое агитаторами во головѣ всѣхъ волненій и демонстрацій.

На другой день похоронной демонстраціи появилось отъ подземныхъ вождей литографированное слѣдующее приглашеніе: „Ветераны бывшаго польскаго войска просятъ товарищей съ молодымъ поколѣніемъ на набожество за свободу, цѣлость и независимость ойчизны на $^{10}/_{22}$ октября въ костелъ Бернардиновъ." Это приглашеніе было окаймлено рисункомъ, на которомъ изображался острогъ и старый полякъ въ цѣпяхъ, бѣлый орелъ, скачущій всадникъ, портретъ Импе-

Затѣмъ нарядъ войскъ, размѣщеніе оныхъ въ городѣ, назначеніе сборныхъ пунктовъ на случай тревоги и слѣдованіе войскъ къ онымъ, распредѣленіе начальниковъ частей и вообще всѣ предметы по управленію войсками, въ Варшавѣ расположенными, въ военномъ отношеніи предоставляются командующему войсками (т. е. генералъ-лейтенанту Хрулеву).

Не смотря на эти предписанныя мѣры, безпорядки въ городѣ продолжались. Такъ, 14 числа толпа напала на одну кузницу и снесла ее за то, что хозяинъ кузницы не позволилъ своимъ работникамъ итти въ костелъ, по приглашенію коноводовъ волненій.

Рѣдкій день не проходитъ, въ который бы не совершалось демонстраціи *„набоженства“* по костеламъ цѣлыми цѣхами: портныхъ, сапожниковъ, жестянниковъ, кузнецовъ и тому подобныхъ ремесленниковъ съ ихъ женами, дѣтьми и работниками. Къ этому набоженству приглашаются за 2—3 дня литографированными тайнымъ образомъ плакатами, налѣпляемыми къ угламъ улицъ и дверямъ домовъ и костеловъ, и приказанію незримыхъ, во тьмѣ скрывающихся, агитаторовъ всѣ повинуются. По среди священнодѣйствія поютъ хоромъ пѣснь Богородицѣ „объ освобожденіи ойчизны отъ москевцевъ“. Это главная цѣль костельныхъ сборищъ.

Такъ, 23 сентября рано утромъ въ каѳедральной фарѣ св. Яна происходило набоженство, на коемъ присутствовалъ приглашенный цѣхъ чиновничій.—Въ прекращеніи подобнаго кощунства власти не имѣли успѣха. Да и можно ли имѣть его, когда легкомысленный простой классъ вѣритъ всякой нелѣпости? Такъ, 24 числа появилось объявленіе отъ имени Іисуса Христа, спадшее будто бы съ неба. Спаситель увѣщеваетъ поляковъ съ удвоеннымъ усердіемъ приносить молитвы въ костелахъ объ освобожденіи ойчизны отъ варваровъ—москалей и устранить себя отъ всякихъ забавъ и увеселеній.

Назначенъ новый Варшавскій комендантъ; это генер.-лейтенантъ князь Бубетовъ. Назначеніе неудачное, особенно для настоящаго времени.

28 сентября совершено было пышное, шумное, демонстративное погребеніе мятежнаго Варшавскаго митрополита *Фіалковскаго* при стеченіи многочисленнаго всѣхъ классовъ народа. Замѣчательны особенности этихъ похоронъ: 1) комиссія, устроивавшая погребеніе, увѣряла графа Ламберта *честнымъ словомъ*, что въ процессіи не будетъ никакихъ противо-правительственныхъ знаковъ и эмблемъ, и только подъ этимъ условіемъ графъ разрѣшилъ процессіи слѣдовать съ квартиры

умершаго въ каѳедральную фару длиннѣйшимъ путемъ по городскимъ принципальнымъ улицамъ, обѣщаясь и самъ, какъ католикъ, присоединиться къ кортежу. Это разрѣшеніе дано было предъ самымъ выступленіемъ процессіи изъ дома Фіалковскаго, и коль скоро она вся вытянулась по улицѣ, а генералъ-губернаторъ замѣтилъ несущіяся противо-правительственныя эмблемы и далъ о томъ знать Ламберту, то послѣдній и остался въ замкѣ, не выходя изъ своего кабинета.

2) Гробъ митрополита несли на рукахъ крестьяне, созванные изъ деревень.

3) Аристократъ изъ аристократовъ, графъ Андрей Замойскій шелъ подъ руку съ однимъ крестьяниномъ.

4) Въ процессіи участвовало одно только лицо въ военномъ русскомъ мундирѣ,—это былъ управляющій Ловичскимъ княжествомъ, полковникъ Гауке, пріѣхавшій въ Варшаву самовольно изъ Ловича съ своими чиновниками и частью поселянами.

5) Въ числѣ хоругвій церковныхъ съ крестами на верху красовалось одно знамя, на которомъ съ одной стороны былъ изображенъ гербъ бывшаго крулевства „бѣлый орелъ", а съ другой стороны гербъ Литвы „скачущій всадникъ". Такіе же гербы несены были и на подушкахъ.

6) На челѣ регалій, несенныхъ предъ гробомъ, была на подушкѣ корона польскаго королевства. Эту демонстративную затѣю велемудрые поляки объясняли тѣмъ, что Императоръ Александръ II въ Варшавѣ не короновался и не присягалъ, что̀ исполнилъ Императоръ Николай, а по древнему закону, по смерти каждаго короля корона передавалась на сохраненіе примасу королевства, которымъ въ настоящее время былъ Фіалковскій, то „ма се розумець" при его погребеніи и корона была несена при его гробѣ.— И глупо, и жалко и смѣшно!

7) Въ хвостѣ кортежа шествовала толпа обоего пола, устроенная въ шеренги, взявшись другъ съ другомъ за руки, предводительствуемая ксендзами; это было оборванное, запачканное полупьяное, отребье, или какъ называютъ поляки „*голота*". выставляемое агитаторами во головѣ всѣхъ волненій и демонстрацій.

На другой день похоронной демонстраціи появилось отъ подземныхъ вожаковъ литографированное слѣдующее приглашеніе: „Ветераны бывшаго польскаго войска просятъ товарищей съ молодымъ поколѣніемъ на набожество за свободу, цѣлость и независимость отчизны на $^{10}/_{22}$ октября въ костелъ Бернардиновъ". Это приглашеніе было окаймлено рисункомъ, на которомъ изображался острогъ и старый полякъ въ цѣпяхъ, бѣлый орелъ, скачущій всадникъ, портретъ Импе-

ратора и тому подобныя нелѣпости.—Это набоженство назначалось въ годовщину смерти польскаго героя, а русскаго врага, князя Юзефа Понятовскаго, погибшаго не 10, а 9 октября въ волнахъ Эльстера въ Лейпцигѣ 1813 года. Впрочемъ, это набоженство не состоялось.

Наконецъ, 2 октября *Царство Польское* намѣстникомъ, графомъ Ламбертомъ, объявлено состоящимъ *на военномъ положеніи*.

Не смотря на это объявленіе, агитаторы назначили 3 числа набоженство въ каѳедральной фарѣ св. Яна и костелѣ Бернардиновъ и прочихъ костелахъ по давно-умершемъ *Костюшкѣ*. Правительство приглашало не дѣлать сего, но его не послушались и костелы наполнились народомъ, воспѣвавшимъ тамъ свои зажигательные гимны. Тогда приняты были крутыя мѣры: предъ дверьми двухъ помянутыхъ костеловъ, св. Яна и Бернардиновъ, поставлены были вооруженныя роты солдатъ съ тѣмъ, чтобы они каждаго выходящаго послѣ набоженства поляка арестовывали; когда же первые вышедшіе были задержаны, всѣ остальные, узнавъ о томъ, затворились въ костелахъ, и думали отсидѣться, но роты оставались на стражѣ весь день и ночь, выжидали выхода мятежниковъ для ихъ арестованія, а они не выходили, развлекаясь пѣніемъ своихъ гимновъ. Тогда на зарѣ прибѣгнули къ мѣрѣ рѣшительной, но повидимому неблагоразумной: солдаты, по приказанію высшаго начальства, вторгнулись въ тѣ два осажденные костела, арестовали всѣхъ мущинъ (женщинъ оставили на свободѣ, а онѣ то и были ярыми подстрекательницами) и отвели ихъ на дворъ замка, гдѣ имъ сдѣлали разборъ и до 200 человѣкъ отправили въ Александровскую цитадель, а всѣхъ прочихъ, которыхъ было вдвое болѣе, распустили по домамъ.

5 октября по опредѣленію католической духовной консисторіи сказанные два костела, какъ осквернённые вторженіемъ солдатъ, были закрыты для богослуженія; чрезъ нѣсколько дней закрыты и всѣ прочіе костелы въ Варшавѣ, а въ подражаніе имъ, по наущенію вожаковъ, закрылась и синагога.

Послѣ замкнутія костеловъ въ правительственной газетѣ напечатано слѣдующее объявленіе:

„Костелы св. Яна и Бернардиновъ заперты по распоряженію пре„лата Бѣлобржескаго; поводомъ закрытія послужили будто бы сдѣлан„ныя въ оныхъ злоупотребленія, изслѣдованіе которыхъ правительство „предоставило вполнѣ духовному начальству. Но вмѣстѣ съ тѣмъ „духовное начальство распорядилось прекращеніемъ богослуженія въ „другихъ костелахъ. Не видя никакихъ уважительныхъ основаній къ „такому распоряженію, правительство оставляетъ отвѣтственность за „всѣ послѣдствія, какія отъ сего произойти могутъ, на тѣхъ, которые „сдѣлали эти распоряженія“.

Что побудило къ насильственному вытаскиванію и выталкиванію изъ тѣхъ костеловъ *мирныхъ пѣвуновъ* неугодныхъ правительству гимновъ и молитвъ? То, что свободные коноволы преднамѣревались во что бы ни стало освободить заключенниковъ, и утромъ на другой день стали на улицахъ собираться толпы, чтобы итти для освобожденія, а слѣдовательно и нападенія на окружавшее костелы войско, что, разумѣется, повело бы къ кровопролитію,—чего Ламбертъ вовсе не хотѣлъ, и потому, по настоянію Герштейнцвейга, такъ сказать, *нехотя* согласился на упомянутое очищеніе костеловъ, которое и было выполнено прежде, чѣмъ агитаторы успѣли сформировать разрозненныя толпы въ массы для открытаго нападенія на войска и освобожденія плѣнныхъ изъ костеловъ. А за упомянутымъ очищеніемъ костеловъ послѣдовало, какъ выше сказано, и закрытіе ихъ для богослуженія.

Эта, по истинѣ печальная исторія имѣла болѣе печальный исходъ для одного изъ главныхъ ея дѣятелей.

Послѣ осажденія войсками костеловъ, насильственнаго очищенія ихъ отъ мятежниковъ, арестованія изъ нихъ болѣе виновныхъ и закрытія костеловъ, между намѣстникомъ Царства и Варшавскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, обращавшихся другъ съ другомъ на *ты*, неизвѣстно изъ—за чего, по этому происшествію возникла распря и ссора, послѣдствіемъ коей была дуэль на *смерть по американски*; несчастный жребій выпалъ Герштейнцвейгу и онъ, 6 октября, возвратясь отъ Ламберта въ Брюлевскій дворецъ, гдѣ квартировалъ, пообѣдалъ съ своимъ адъютантомъ, соснулъ и потомъ изъ револьвера пустилъ въ себя пулю, но только нанесъ себѣ тяжелую рану, и въ безсознательномъ состояніи оставаясь отъ раны, скончался 24 октября. Это былъ отличный и способный генералъ въ русскихъ войскахъ, дѣятельный и образованный. Кажется, судьба тяготѣла надъ этою фамиліею: и отецъ его, корпусный командиръ при Императорѣ Николаѣ, сдѣлался самоубійцею.

11 октября графъ Ламбертъ отдалъ слѣдующій приказъ по арміи:

„По случаю постигшей меня неожиданной болѣзни, требующей осво„божденія отъ дѣлъ, хотя и кратковременнаго, Государю Императору „благоугодно было поручить командованіе 1-ю арміею и исполненіе „должности намѣстника въ Царствѣ военному министру генералъ„адъютанту Сухозанету“. Затѣмъ отправился заграницу *безъ поворота*, пробывъ здѣсь въ своихъ должностяхъ ровно два мѣсяца.

Назначеніе Ламберта сюда было крайне неудачно; мяткій, кроткій, вѣжливый, но безъ энергіи, при постоянной своей болѣзни, онъ не въ состояніи былъ управлять рулемъ, ему ввѣреннымъ, въ столь бурное время.—Вмѣстѣ съ упомянутымъ выше приказомъ Ламберта от-

данъ былъ приказъ и явившагося изъ заграницы генер. Сухозанета о вступленіи имъ, по Высочайшему повелѣнію, въ должности *временно* намѣстника и главнокомандующаго, и на другой же день мы имѣли честь представляться ему въ замкѣ.

А между тѣмъ Высочайшимъ приказомъ *еще 9 октября* генералъ Лидерсъ былъ уже назначенъ *на время отсутствія* Ламберта исправляющимъ должность намѣстника въ Царствѣ и *временно* главнокомандующимъ арміею. Этотъ ералажъ въ назначеніи трудно и распутать.

Съ закрытіемъ костеловъ толпы стали собираться предъ дверями оныхъ и воспѣвать свои мятежные гимны, но при появленіи войскъ разбѣгались во всѣ стороны, чтобы не быть арестованными.

Учреждены двѣ военныя слѣдственныя комиссіи и одна военно-судная для мятежниковъ арестованныхъ и арестуемыхъ, которыхъ много уже набралось.

Между Сухозанетомъ и маркизомъ Веліопольскимъ бывшее и прежде у нихъ несогласіе теперь возобновилось съ новою силою и первый изъ нихъ отправилъ въ Петербургъ съ объясненіями генералъ-маіора Потапова, а чрезъ нѣсколько дней вызванъ туда и самъ надмѣнный маркизъ. Этотъ полякъ, какъ изъ всего видно, пользуется значеніемъ и довѣріемъ при нашемъ дворѣ.

23 числа прибылъ въ Варшаву и генералъ-адъютантъ Лидерсъ, и на другой день мы представлялись ему; но не прежде онъ вступилъ къ отправленіе своихъ должностей, какъ по полученіи о своемъ назначеніи упомянутаго выше Высочайшаго приказа 9 октября, непонятно почему задержаннаго столь долго въ Петербургѣ и полученнаго здѣсь только 28 октября.

При представленіи нашемъ Лидерсу присутствовалъ и Сухозанетъ, который, по удаленіи Лидерса въ свой кабинетъ, по случаю предназначеннаго имъ 2 ноября отъѣзда въ Петербургъ произнесъ къ намъ *прощальную* рѣчь. — Мы были очень довольны разстаться съ этимъ велемудрымъ мужемъ, ни какъ не ожидавшимъ себѣ въ Петербургѣ сюрприза, заключавшагося въ томъ, что онъ 13 ноября назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а военнымъ министромъ — генералъ Милютинъ.

Прелатъ Бѣлобржескій арестованъ, посаженъ въ цитадель и преданъ военному суду по полевому уголовному уложенію за беззаконное замкнутіе Варшавскихъ костеловъ и за сопротивленіе приказаніямъ намѣстника, графа Ламберта. Судъ приговорилъ лишить его священническаго сана и званія, ордена св. Анны, и *разстрѣлять*. На-

ѣстникъ же Лидерсъ, вмѣсто разстрѣленія опредѣлилъ сослать его
а поселеніе; но Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ Бѣ-
юбржескаго отправить на годъ въ казематъ крѣп. Динабурга съ
ѣмъ, чтобы ему тамъ были предоставлены всѣ выгоды и удобства
для его жизни. Замѣчательно, что при объявленіи ему судомъ при-
говора разстрѣлять—онъ зарыдалъ и покаялся въ своей винѣ.

Почти одновременно съ прелатомъ Бѣлобржескимъ арестованъ и
отправленъ въ цитадель болѣе важный въ іерархіи израиля, досто-
тимый раввинъ Мозейшъ, за зловредныя его дѣянія противъ пра-
вительства при возмущеніи. Но этотъ талмудистъ-фанатикъ жизни
строгой и всѣми уважаемый, по милости связи съ банкирами—евреями,
избѣгъ кары правосудія и токмо, какъ австрійскій подданный, вы-
ланъ въ Краковъ.

По Высочайшему повелѣнію потребовано свѣдѣніе объ образѣ мыслей
штабъ и оберъ-офицеровъ. Спрашивается: для чего?

Въ Варшавѣ выходятъ три подпольные литографированные листка
революціоннаго содержанія.

Въ числѣ запертыхъ въ Варшавѣ католическихъ костеловъ былъ
замкнутъ и уніатскій Базиліановъ или св. Василія. Но уніатскій
епископъ, живущій въ г. Холмѣ, узнавъ о томъ, предписалъ настоятелю
этого костела отворить оный и совершать въ немъ богослуженіе.

При первомъ же священнодѣйствіи два поляка-католика вошли въ
костелъ и дерзостно воспрещали священнику прекратить богослуженіе
и запереть костелъ попрежнему, но были схвачены, арестованы и от-
правлены въ цитадель.

Два мѣсяца какъ генералъ Лидерсъ управляетъ Царствомъ и Вар-
шавою и уже слышны нареканія близкихъ къ нему подчиненныхъ въ
равнодушіи къ дѣламъ; онъ упорно сдержанъ и молчаливъ; это нѣ-
мецъ тяжелый, непривѣтливый, но любитель прекраснаго пола; зять
его, Веймарнъ, оскорбительно отзывается о нравственности своего вы-
сокопревосходительнаго тестя.

Закончу этотъ годъ полученнымъ извѣстіемъ, что въ Римѣ посвя-
щенъ выбранный нашимъ правительствомъ С.-Петербургскій ксендзъ
Фелинскій въ архіепископы Варшавской епархіи, и прибытія его скоро
здѣсь ожидаютъ. Безъ сомнѣнія, онъ сниметъ печати съ костеловъ, но
воспротивится ли пѣнію въ оныхъ гимновъ?—это мы увидимъ.

Относительно собственно себя, положеніе мое не измѣнилось ни къ
лучшему, ни къ худшему. Обязанности мои, какъ инспектора, выяснив-

лись въ полученной мною въ ноябрѣ мѣсяцѣ мною составленной и утвержденной намѣстникомъ инструкціи, которая однако же оставалась безъ всякаго дѣйствія, потому что рекрутскаго набора въ Царствѣ не было; я попрежнему являлся въ полевой аудиторіатъ два раза въ недѣлю въ качествѣ члена высшаго въ арміи суда, коллегіально выслушивалъ дѣла и размашисто подписывалъ приговоры. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ аудиторіатъ лишился своего почетнаго предсѣдателя ген.-лейтенанта Карловича, который по представленію Сухозанета, за старостью (70 л.) уволенъ отъ службы полнымъ генераломъ съ пенсіею, и для смягченія сдѣланной ему несправедливости съ арендою на 6 лѣтъ по 1500 р. въ годъ, — и пріобрѣлъ новаго предсѣдателя въ лицѣ члена того же аудиторіата генералъ-лейтенанта Мазуркевича, неграмотнаго колпака и поляка.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ по вліянію зятя Лидерса, я по приказанію сего генерала и главнокомандующаго, мимо моего желанія, представилъ старшаго моего помощника, подполковника Тухолку въ полковники, и, воспользуясь этимъ случаемъ, представилъ собственно отъ себя другого моего старшаго помощника подполковника Гацфельда къ Станиславу 2-й ст. съ короною, каковыя награды они и получили. Самъ же я сдѣлалъ большую глупость, отказавшись, по неумѣстной совѣстливости, отъ представленія и мнѣ награды.

Въ августѣ мѣсяцѣ жена моя, по приглашенію княгини Горчаковой, ѣздила къ ней въ Берлинъ; при свиданіи княгиня была чрезвычайно растрогана и, обнимая, рыдала. Изъ Берлина жена моя съ дочерью княгини, Софіею, ѣздила въ Потсдамъ для осмотра рѣдкостей.

1862 годъ.

Январь. Лидерсъ ѣздилъ на границу для встрѣчи *возлюбленной* своей племянницы, вдовы Дараганъ.

Задумалъ было я объ отставкѣ и приготовилъ уже для того всѣ бумаги, но, по зрѣломъ размышленіи, отмѣнилъ свое намѣреніе, и вмѣсто отставки подалъ прошеніе объ отпускѣ къ германскимъ водамъ на 4 мѣсяца.

Президентъ Варшавы, Андро (побочный сынъ графа Ланжерона) поступилъ въ Сенатъ, а на его мѣсто назначенъ Войда.

Генералъ Затлеръ, *отставленный* изъ военной службы по суду, захотѣлъ быть членомъ русскаго клуба; его не приняли, какъ оглашеннаго по злоупотребленіямъ въ Высочайшемъ приказѣ. Пріѣхалъ

Лидерсъ, Затлеръ пожаловался и временно-главнокомандующій приказалъ его принять, что клубомъ и исполнено безъ возраженій и баллотировки.

Прибылъ новопоставленный Варшавскій архіепископъ, Фелинскій; со станціи желѣзной дороги его сопровождалъ почетный конный эскортъ изъ жандармовъ и казаковъ. На другой день онъ сдѣлалъ визитъ намѣстнику, адъютантъ коего, князь Урусовъ, встрѣтилъ его эминенцію у подъѣзда, испросилъ благословеніе и облобызалъ его десницу. Того же дня онъ открылъ всѣ запертые костелы и самъ совершилъ богослуженіе въ каѳедральномъ соборѣ св. Яна; а вечеромъ появилась уже и литографированная каррикатура, представлявшая архіепископа съ двумя ключами въ рукахъ и каскою на головѣ. Фелинскій — мужчина ражій и каска пристала къ его лицу.

Но за нѣсколько дней до прибытія прелата, Лидерсъ, пригласивъ къ себѣ польскихъ гражданскихъ чиновниковъ, объявилъ имъ, что если жены ихъ и дочери будутъ продолжать пѣть въ костелахъ запрещенные гимны, то главы семействъ получатъ увольненіе отъ службы, а присутствовавшій при этомъ генералъ Крыжановскій добавилъ: *и отпадутся подъ военный судъ.*

Февраль. Въ день восшествія на престолъ легкомысленные поляки ожидали объявленія имъ конституціи, но вмѣсто ея и въ память сего торжественнаго дня Лидерсъ смягчилъ наказаніе 70 преступникамъ, виновнымъ по возмущенію.

Въ замкѣ Лидерсъ для потѣхи своей племянницы приказалъ устроить солдатскій театръ, и первая пьеса, разыгранная нижними чинами, была Гоголевскій „*Ревизоръ*“. Много смѣялись надъ солдатами *въ юбкахъ.*

Мартъ. Архіепископу Фелинскому красные, въ особенности студенты, сдѣлали въ каѳедральномъ соборѣ демонстрацію; при богослуженіи, когда прелатъ взошелъ на каѳедру и сталъ говорить назидательную, не въ духѣ мятежниковъ, проповѣдь, чего они никакъ не хотѣли допустить, въ разныхъ мѣстахъ костела начали махать шапками, кашлять, щикать, и одинъ, болѣе дерзкій, закричалъ, чтобы народъ выходилъ изъ костела, и выталкивали не выходившихъ. Но порядокъ вскорѣ возстановленъ, проповѣдь окончена, а изъ числа злочинцевъ 15 были арестованы уже за дверями храма и отправлены въ цитадель. Въ тотъ же день члены государственнаго польскаго совѣта явились къ своему сотоварищу Фелинскому съ изъявленіемъ глубокаго сожалѣнія о случившемся и нанесенномъ ему оскорбленіи.

Апрѣль Въ день Пасхи, по представленію Лидерса вышли награды, по обыкновенію въ количествѣ ужасающемъ. Лидерсъ отправился

въ Петербургъ съ огромною свитою, взявъ съ собою и родную свою дочь, г-жу Веймарнъ, и внучку, а другую внучку съ племянницею своею, Дараганъ, для безопасности отъ здѣшнихъ мятежниковъ только на время своего отсутствія отправилъ въ Дрезденъ. Это отсутствіе Лидерса продолжалось 15 дней.

Въ день рожденія Государя Императора объявлены милости и для провинившихся поляковъ: такъ, 89 лицъ, отданныхъ или въ солдаты, или содержащихся въ крѣпостяхъ, или же отправленныхъ на временное пребываніе въ дальнія русскія губерніи, повелѣно освободить и возвратить на родину; въ томъ числѣ 12 ксендзовъ и одинъ лютеранскій пасторъ; сверхъ того 18 преступникамъ уменьшены наказанія. Разумѣется, это возвращеніе прибавило существенный контингентъ злоумышленниковъ и враговъ правительства; въ особенности не слѣдовало возвращать ксендзовъ, этихъ правиллегированныхъ нашихъ непріятелей.

Въ тотъ же высокоторжественный день, въ воспоминаніе пресловутой конституціи 3 мая, при богослуженіи въ костелѣ св. Крыжа происходило пѣніе зажигательнаго гимна, а при арестованіи при выходѣ изъ костела учениковъ учебныхъ заведеній, этихъ главныхъ запѣвалъ, полетѣли на полицейскихъ камни, и только подоспѣвшій сильный военный патруль могъ разсѣять мятежную толпу.

Высочайшимъ приказомъ 17 апрѣля графъ Ламбертъ уволенъ отъ званія командующаго 1-ю арміею и исправляющаго должность намѣстника. Между тѣмъ Лидерсъ попрежнему остается только временнымъ начальникомъ и повидимому его не хотятъ назначать настоящимъ, и въ торжественный день 17 апрѣля, когда онъ былъ въ Петербургѣ, его высокопревосходительство удостоился назначенія членомъ государственнаго совѣта.

Мар. Распространенъ слухъ о назначеніи великаго князя Константина вице-королемъ Царства Польскаго. Дѣло возможное.

Прибылъ сюда генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ съ письмомъ отъ Императора къ Лидерсу и, спустя нѣсколько дней обратно отправился въ Петербургъ съ письмомъ же Лидерса къ Его Величеству, захвативъ съ собою появившійся въ Варшавѣ плакатъ, возвѣщавшій народу, что „изъ дома пареубійствъ (?) назначается въ Царство Вице-Король", и приглашающій не дѣлать ему встрѣчи и попрежнему оставаться въ траурѣ.

Главный штабъ 1-й арміи назначенъ къ расформированію, но носятся слухи о томъ.

Слухи подтвердились: послѣдовало официальное назначеніе великаго

князя Константина намѣстникомъ Царства Польскаго; а маркиза Веліопольскаго — намѣстникомъ гражданской части въ Царствѣ. Лидерсъ же, оставаясь пока временнымъ командующимъ арміею, возведенъ въ графское достоинство.

Вмѣстѣ съ упомянутымъ выше назначеніемъ — губернаторъ Минской губерніи, графъ Келлеръ, главнымъ директоромъ внутреннихъ дѣлъ и пѣкій Крживецкій — главнымъ директоромъ исповѣданій и народнаго просвѣщенія въ Царствѣ; оба по ходатайству высокомельможнаго маркиза Веліопольскаго.

Іюнь Хотя по Высочайше—утвержденному уставу о рекрутскихъ наборахъ въ Царствѣ, я, какъ инспекторъ, подчинялся одному только намѣстнику и получалъ только отъ него предписанія и приказанія, не менѣе того однако же я счелъ не лишнимъ представиться и маркизу Веліопольскому, какъ начальнику всей гражданской части въ Царствѣ. Онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ Брюлевскаго дворца и былъ чрезвычайно вѣжливъ и любезенъ, посадилъ меня на софу, а самъ сѣлъ въ кресло подлѣ меня: мы объяснялись, онъ по польски, я по русски и частью по польски; онъ сказалъ, что прожилъ семь мѣсяцевъ въ Петербургѣ и не могъ выучиться по русски. Разговорились о рекрутскомъ наборѣ: онъ былъ согласенъ съ моимъ мнѣніемъ, что слѣдовало бы очистить города отъ безпокойной черни и въ нихъ произвести усиленный наборъ, а селенія отъ набора освободить. Я спѣшилъ его оставить; онъ пожалъ мнѣ руку и благодарилъ меня за сдѣланную ему мною честь.

Полученъ отъ военнаго министра печатный проэктъ подъ заглавіемъ: „главныя основанія предполагаемаго устройства военнаго управленія по округамъ для сдѣланія по оному начальствующими лицами своихъ замѣчаній". По этому проэкту корпусные штабы и главный штабъ 1-й арміи на мирное время упраздняются и вся Имперія раздѣляется на *военные округи*.

Должность Варшавскаго военнаго генералъ-губернатора и его управленіе упразднены.

Въ $7^1/_2$ часовъ утра, по обыкновенію графъ Лидерсъ прогуливался въ Саксонскомъ общественномъ саду, на устроенныхъ въ немъ минеральныхъ водахъ, которыя онъ употреблялъ, и, противъ всякаго ожиданія, получилъ изъ револьвера тяжелую рану въ лицо отъ покушавшагося на жизнь его злодѣя, который тогда же скрылся и не былъ задержанъ гулявшею на водахъ публикою. Это случилось 15 іюня и въ тотъ же день, по болѣзни Лидерса, вступилъ въ командованіе арміею начальникъ артиллеріи, генералъ-адъютантъ Мерхилевичъ; а 16 іюля Высочайше повелѣно великому князю Константину вступить въ командованіе арміею на правахъ главнокомандующаго.

По Высочайшему повелѣнію всѣ воскресныя школы, состоящія въ войскахъ для нижнихъ чиновъ, закрыты.

20 іюня новый намѣстникъ Царства, великій князь Константинъ, съ своимъ семействомъ изволилъ прибыть въ Варшаву, расположиться въ Бельведерскомъ дворцѣ и удостоить своимъ посѣщеніемъ раненаго графа Лидерса.

21 іюня. Утромъ въ Лазенковскомъ дворцѣ великому князю представлялись военные и гражданскіе чины, духовенство и иностранные консулы. Послѣ того Его Высочество посѣтилъ соборы: — православный и римско-католическій, а потомъ вечеромъ былъ въ большомъ театрѣ. Послѣ окончанія піесы, когда великій князь спустился къ плохо освѣщенному подъѣзду и сѣлъ въ свой кабріолетъ съ адъютантомъ Бремзеномъ, къ нему подошелъ неизвѣстный человѣкъ и въ упоръ выстрѣлилъ изъ револьвера въ Его Высочество; къ счастію пуля попала въ эполетъ, пробила его платье и ранила лѣвое плечо, безъ поврежденія кости; злодѣя схватили, нашли при немъ еще и кинжалъ, а револьверъ былъ заряженъ 6-ю зарядами; при задержаніи онъ проглотилъ какое-то ядовитое вещество, но принятыми мѣрами извергнулъ его и былъ отправленъ въ цитадель. Это былъ подмастерье портнаго 22 лѣтъ, по прозванію *Ярошинскій*, покусившійся на жизнь великаго князя, какъ по слѣдствію оказалось по наущенію другихъ, того же вечера бѣжавшихъ изъ Варшавы.

22 числа военное генеральство приносило Его Высочеству поздравленіе съ чудеснымъ спасеніемъ отъ покушенія на его жизнь. Великій князь вышелъ къ намъ одѣтымъ въ военное пальто, имѣя лѣвую руку на перевязи; онъ былъ веселъ и разговорчивъ; самъ изволилъ разсказать о случившемся съ нимъ. Онъ полагалъ, что подходившій къ его кабріолету незнакомецъ съ протянутыми руками хочетъ подать прошеніе, но онъ вовсе не ожидалъ выстрѣла; что, возвратившись въ Бельведеръ, великій князь замѣтилъ, что лѣвая бакенбарда была вся въ порохѣ, сдѣлалась менѣе, чѣмъ правая, и что онъ не чувствуетъ никакой боли отъ раны; просилъ не питать никакого мщенія къ полякамъ, говоря, что онъ присланъ сюда Императоромъ въ качествѣ *примирителя*; просилъ также держать въ войскахъ *благоразумную* дисциплину. Въ заключеніе, отпуская насъ, благодарилъ какъ отъ самаго себя, такъ и отъ имени августѣйшей своей супруги за наше участіе.

Въ тотъ же день въ римско католическомъ соборѣ совершено было благодарственное молебствіе, при которомъ архіепископъ Фелинскій произнесъ соотвѣтственную происшествію назидательную рѣчь, въ заключеніе которой убѣждалъ свое духовенство, и съ церковной каѳедры, и при исповѣди, и въ домахъ наставлять своихъ духовныхъ

ѣтей въ исполненіи христіанскихъ обязанностей. Но это для ксендзовъ былъ „гласъ вопіющій въ пустыни".

23-го же числа подобное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ совершилось и въ православномъ соборѣ.

Польская злонамѣренность послѣ происшествія стала распускать слухъ и увѣрять народъ, что преступникъ вовсе не полякъ, а русскій, посланный изъ Петербурга тамошними русскими заговорщиками по пятамъ великаго князя для лишенія его жизни. А болѣе завзятые изъ красныхъ подбросили анонимныя письма къ маркизу Веліопольскому и генераламъ Хрулеву и Крыжановскому, которыми угрожали имъ лишить жизни.

Въ день рожденія великой княгини Александры Іосифовны военные и гражданскіе чины послѣ богослуженія въ Лазенковской церкви въ томъ же дворцѣ принесли поздравленіе и были допущены къ цѣлованію ея руки.

Спустя нѣсколько дней послѣ нападенія на намѣстника, Варшавскій оберъ-полиціймейстеръ, генералъ-маіоръ Пильсудскій уволенъ отъ должности. До того онъ былъ полиціймейстеромъ въ Москвѣ и сюда назначенъ по рекомендаціи Московскаго оберъ-полиціймейстера Потапова, когда сей послѣдній въ Варшавѣ преобразовывалъ и устроивалъ сѣтную полицію. Разумѣется, Пильсудскій (польской расы) послѣ случившихся при немъ двухъ крупныхъ событій, (нападенія и раненія графа Лидерса и особенно великаго князя) не могъ внушить къ себѣ довѣрія и долженъ былъ потерять мѣсто. Пильсудскаго замѣнилъ сынъ оберъ-шенка Муханова подполковникъ Мухановъ, баричъ и лѣнтяй; выборъ крайне неудачный.

Іюль. 1 іюля въ квартирѣ предсѣдателя аудиторіата генералъ-лейтенанта Мазуркевича, собравшееся генеральство для поздравленія его съ 50-лѣтнимъ юбилеемъ службы и полученіемъ аренды на 12 лѣтъ по 2 тысячи рублей въ годъ, узнало, что у великаго князя въ 9 часовъ утра родился сынъ, названный *Вячеславомъ*, и потому отправилось въ Бельведеръ и принесло поздравленіе его высочеству. Онъ не ожидалъ такого сюрприза, удивился, что такъ скоро мы узнали о рожденіи сына, и благодарилъ за поздравленіе; а 27 іюля совершено было въ придворной Лазенковской церкви по Высочайше утвержденному церемоніалу и крещеніе. Крестнымъ отцомъ былъ Государь Императоръ, но Его мѣсто заступалъ прибывшій изъ Петербурга великій князь Александръ Александровичъ.

За два дня до крещенія издано слѣдующее „объявленіе по войскамъ въ Царствѣ Польскомъ расположеннымъ:

„Въ ознаменованіе чудескаго спасенія Его И. В. Великаго Князя

„Константина Николаевича отъ руки убійцы и въ память рожденія „В. К. Вячеслава Константиновича, жители Варшавы православнаго „вѣроисповѣданія, т. е. военнослужащіе и гражданскіе чины, пожелали „соорудить общими средствами икону Спасителя для Варшавскаго ка„ѳедральнаго православнаго собора. По всеподданнѣйшемъ о семъ „докладѣ Государю Императору, Его Величество съ особеннымъ удо„вольствіемъ соизволилъ на таковое приношеніе и Высочайше пове„лѣлъ: благодарить всѣхъ жертвователей. — Далѣе „объявленіе" предлагаетъ жертвуемыя деньги отправлять къ генералъ-интенданту Синельникову, изъявившему готовность принять на себя исполненіе этого священнаго дѣла.

Графъ Лидерсъ, уволенный до излѣченія болѣзни, отправился заграницу съ дочерью, племянницею и двумя внучками. За 8 мѣсячную его службу въ Варшавѣ и полученную имъ рану, ему назначено пожизненнаго содержанія изъ государственнаго казначейства по 15 тыс. руб. въ годъ, ежегодной пенсіи изъ казны Царства по 10 тыс. руб. и аренда на 12 лѣтъ по 4 тыс. руб. въ годъ, и сверхъ того выдано на поѣздку 10 тыс. руб. Старикъ добрый, но слабый и плохой администраторъ.

По случаю упраздненія учрежденій 1-й арміи и 1-го, 2-го и 3-го армейскихъ корпусовъ съ ихъ штабами, равно званій главнокомандующаго арміею и командировъ тѣхъ корпусовъ, учреждены для управленія войсками той арміи три *военные округа:* Варшавскій (въ Царствѣ Польскомъ) Виленскій и Кіевскій. Командующимъ войсками Варшавскаго округа подъ главнымъ начальствомъ великаго князя назначенъ генералъ-адъютантъ баронъ Рамзай, которымъ и отданъ былъ о томъ приказъ, замѣчательный слѣдующими заключительными словами: „Да здравствуетъ Государь Императоръ! Да здравствуетъ „Государь Намѣстникъ для счастія и благоденствія Россіи и Поль„ши"! Мы представлялись его высокопревосходительству. Онъ подалъ мнѣ надежду, что рекрутскаго набора на сей годъ не будетъ. Маркизъ Веліопольскій предлагалъ великому князю для охраненія его особы при выѣздахъ учредить особый небольшой отрядъ *гидовъ* изъ Варшавскихъ почетныхъ обывателей, но его высочество отклонилъ это предложеніе, безъ сомнѣнія полагая, что конвой его, изъ линейныхъ казаковъ состоящій, лучше охранитъ его особу.

15 іюля былъ первый выѣздъ великаго князя послѣ полученія имъ раны, онъ посѣтилъ Веліопольскаго, барона Рамзая и архіепископовъ: Іоанникія и Фелинскаго. — Странно, мы русскіе о состояніи здоровья его высочества почерпали свѣдѣнія изъ С.-Петербургскихъ русскихъ газетъ.

26 числа произведено покушеніе на жизнь маркиза Веліопольскаго;

сдѣлано по немъ въ близкомъ разстояніи два выстрѣла изъ револьвера и оба мимо; тогда злодѣй пустился въ бѣгство, и на бѣгу принялъ ядъ, не въ большомъ однако же количествѣ, но былъ пойманъ и отправленъ въ цитадель, гдѣ дали ему противоядіе. Это былъ работникъ въ литографіи, 19 лѣтъ, пьяница и развратной жизни, по прозванію Рилль.

28 числа въ ознаменованіе рожденія Государыни Императрицы и совершившагося святаго крещенія великаго князя Вячеслава, его высочество намѣстникъ изволилъ оказать милосердіе 114 политическимъ преступникамъ, сосланнымъ въ русскія губерніи, и разрѣшилъ имъ возвратиться въ Царство Польское *на наши головы*.

Августъ. 3 августа новое покушеніе на жизнь маркиза Велiопольскаго.

Въ $7\frac{1}{2}$ часовъ вечера онъ съ женою проѣзжалъ въ открытомъ экипажѣ по Уяздовской аллеѣ, какъ неожиданно со стороны устремился на него неизвѣстный съ огромнымъ въ рукѣ кинжаломъ, и былъ уже вблизи дверецъ экипажа, но маркизъ выхватилъ изъ кармана пистолетъ и прицѣлился въ него; тогда злодѣй, при видѣ направленнаго на него пистолета, бросился въ сторону и бѣжалъ, размахивая кинжаломъ, конецъ котораго былъ отравленъ ядомъ. Его поймали и отправили въ цитадель. Это былъ 19-лѣтній работникъ, по прозванію Ржонца, изъ той же литографіи, въ которой находился и Рилль.

На другой день принесено было поздравленіе Велiопольскому и совершено благодарственное молебствіе въ фарѣ св. Яна. При поздравленіи главный директоръ финансовъ, каммергеръ Ленскій, отъ имени администраціоннаго совѣта умолялъ маркиза не выѣзжать безъ конвоя, и глава гражданскаго управленія благодарилъ за такое къ нему участіе и въ заключеніе сказалъ: „что при настоящихъ обстоятель„ствахъ, болѣе чѣмъ когда нибудь жизнь его принадлежитъ краю, „и что никакіе злодѣйскіе замыслы не подавятъ его духа и не со„вратятъ съ задуманной имъ цѣли“. (А цѣль эта была, какъ впослѣдствіи оказалось, отдѣлить Царство отъ Россіи и сдѣлать его самоуправляемымъ и самостоятельнымъ подъ короною царя). Нѣсколько дней спустя, маркизъ получилъ анонимное, на французскомъ языкѣ крайне неразборчивымъ почеркомъ писанное, письмо, въ которомъ говорилось, что не будетъ публичнаго покушенія на его жизнь, но что зарѣжутъ его въ постели и вырѣжутъ все его семейство. Отъ этого письма послѣ прочтенія у маркиза сдѣлалось голонокруженіе и обморокъ, продолжавшійся полчаса, и потому полагали, что оно было отравлено окуреніемъ какимъ либо ядовитымъ веществомъ.

Послѣ сдѣланнаго покушенія на Велiопольскаго, онъ президента

Варшавы, войду, какъ объявлено для пользы службы, уволилъ отъ должности и на мѣсто его назначилъ родного своего сына, камерера гр. Велiопольскаго.

Между тѣмъ трое преступниковъ, покушавшихся на жизнь великаго князя и маркиза Велiопольскаго, были судимы военнымъ судомъ по полевому военному уложенiю при открытыхъ дверяхъ и при защитникахъ и приговорены къ смертной казни *чрезъ повѣшенiе*, каковая казнь и исполнена: надъ Ярошинскимъ 9-го, а надъ Ржонцемъ и Риллемъ 14-го августа.

Вечеромъ 9 числа въ разныхъ мѣстахъ Варшавы подняты были литографированныя объявленiя или воззванiя, чтобы 16 числа во всемъ краѣ совершены были панихиды по душѣ новаго мученика свободы Ярошинскаго, героя, умершаго на висѣлицѣ за то, что всей душой возлюбилъ свою отчизну и посвятилъ себя для ея пользы, приглашая взять съ него примѣръ и научиться принести въ жертву Польшѣ свою жизнь.

Велiопольскiй началъ приводить въ исполненiе свои затѣи о самоуправленiи Царства Польскаго, такъ,— почтовое вѣдомство и округъ путей сообщенiя выдѣлялись изъ подъ опеки Россiйскаго С.-Петербургскаго министерства, и это сдѣлано по представленiю великаго князя намѣстника.

Его высочество съ семействомъ изволилъ перебраться изъ Бельведера въ Лазенковскiй дворецъ.

Сентябрь. Самое крупное событiе этого мѣсяца былъ съѣздъ въ Варшаву многочисленныхъ помѣщиковъ и составленный ими подъ редакцiею графа Андрея Замойскаго на французскомъ языкѣ адресъ или письмо къ сему послѣднему, здѣсь въ переводѣ предлагаемый:

Господинъ Графъ!

„Безпримѣрныя въ лѣтописяхъ бѣдствiя Польши, прекращая политическое ея существованiе, не успѣли поколебать духъ народа, „ни исказить, ниже охладить пламенное сознанiе объ историческомъ „его признанiи.

„Духъ народа возмужалъ самоотверженiемъ и самопожертвованiемъ, „чувства окрѣпли страданiями и вѣрою въ будущее, и въ роковыя „минуты вопiетъ о возвратѣ отнятыхъ у насъ, вѣками освященныхъ, „нашихъ правъ и свободы.

„Мы въ минувшемъ году повергли уже къ ступенямъ престола адресъ; впослѣдствiи же, бывъ призваны къ изъявленiю голосовъ при

„выборѣ членовъ въ уѣздные и городовые совѣты, мы заявили въ „прошеніи, поданномъ на имя бывшаго тогда намѣстника, скрѣплен„номъ 20000 подписей, что только представители по выборамъ, на„дѣленные правомъ гласно изъявлять свои мнѣнія, могутъ представить „всѣ нужды края; всѣ же данныя нынѣ льготы не въ состояніи пре„дупредить грозящія ему бѣдствія.

„Военное положеніе устранило возможность изложенія нашихъ же„ланій; непринятыя же вторично во вниманіе нужды края привели „многихъ къ несчастнымъ послѣдствіямъ.

„Нынѣ опять мы, поляки, во имя общественнаго порядка и евро„пейской цивилизаціи, основываясь на воззваніи *) Великаго Князя, „чтобы не дозволить странѣ нашей шествовать по краю пропасти безъ „исхода, прибыли изъ всѣхъ окрестностей ея, и за недостаткомъ иного „пути къ изъявленію нашихъ желаній, утруждаемъ Васъ, Графъ, въ „полной увѣренности, что, олицетворяя въ себѣ духъ нашего народа, „Вы не оставите представить Великому Князю наши нужды и убѣж„денія, лежащія въ глубинѣ нашихъ душъ и сердецъ,—нужды и „убѣжденія, коихъ утаеніе признаемъ зловреднымъ, гласное же заяв„леніе предъ лицемъ всей земли крайне необходимымъ.

„Мы не устраняемся отъ принятія участія въ недавно данныхъ „намъ льготахъ, но мы обязаны заявить, что нынѣ употребляемыми „мѣрами будетъ край поставленъ въ то положеніе, въ коемъ ни „военные суды, ни заточенія, ни изгнанія, ни даже смертныя казни „не будутъ въ состояніи водворить спокойствіе; напротивъ, произве„дутъ крайнее раздраженіе и втолкнутъ на дорогу, ежеминутно па„губнѣйшую для управляемыхъ и управителей. Мы же, какъ поляки, „тогда только будемъ въ состояніи поддерживать Правительство съ „довѣріемъ, когда правленіе будетъ свое польское, и когда основною „грамотою вмѣстѣ съ правами свободы будутъ соединены всѣ про„винціи, составляющія наше отечество.

„Самъ Великій Князь въ отзывѣ своемъ почтилъ нашу любовь къ „отечеству и обѣщаетъ намъ свое содѣйствіе для блага его; мы не „можемъ раздѣлять на части этой любви; мы любимъ наше отечество „всецѣлое, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе самъ Богъ начерталъ для него и „какіе переданы историческими преданіями“.

Безъ сомнѣнія эта многоглаголивая эпистола дошла до рукъ великаго князя, и Его Высочество отправилъ Замойскаго въ Петербургъ, откуда онъ уже болѣе не возвращался въ Варшаву, а съ дозволенія

---

*) Это воззваніе великаго князя къ полякамъ сдѣлано было послѣ второго покушенія на жизнь Велюпольскаго.

правительства удалился заграницу, гдѣ и до нынѣ проживаетъ, не принимая, къ чести его сказать, никакого явнаго участія въ мятежѣ.

Между тѣмъ въ городахъ Царства (но не въ селеніяхъ) безпорядки и возмутительныя демонстраціи продолжались. Въ самой Варшавѣ красными учрежденъ подпольный центральный народный комитетъ, напечатавшій планъ организаціи для всеобщаго, по данному сигналу, возстанія и программу приготовительныхъ работъ къ оному. Извѣстный революціонеръ Мерославскій тоже преподалъ полякамъ человѣколюбивый совѣтъ, чтобы они при возстаніи старались захватить сколь можно болѣе русскихъ офицеровъ и русскихъ семействъ, и при атакѣ баррикадъ выставляли ихъ впередъ подъ пули и штыки своихъ солдатъ.

Ношеніе полькам и траурнаго одѣянія неустанно продолжается; горе тѣмъ, которыя сего не исполняютъ; такъ—г-жу Калерджіо, дочь графа Нессельроде, появившуюся въ цвѣтномъ платьѣ, уличная толпа обкричала, обшикала и освистала.

Октябрь. Великая княгиня Елена Павловна, проѣздомъ изъ заграницы въ Петербургъ, останавливалась здѣсь въ Варшавѣ у августѣйшаго своего племянника, и мы имѣли счастіе ей представляться и лобызать ея десницу. Кажется, она охотница поговорить.

Преданы полевому военному суду обвиняемые въ принадлежности къ тайному обществу съ цѣлью формированія революціоннаго войска для произведенія всеобщаго возстанія въ Царствѣ: дворянъ 11, дворянъ неутвержденныхъ герольдіею 5, мѣщанъ 38 и крестьянъ 12, всего 66 штукъ сволочи сущей. Этотъ судъ подъ предсѣдательствомъ ген.-маіора Корниловича предписано производить при открытыхъ дверяхъ и съ защитниками. Эти открытыя двери и защитники по окончаніи суда болѣе нигдѣ уже не употреблялись,—и сдѣлано благоразумно.

27 числа Фелькнеръ, въ воротахъ своей квартиры, днемъ, найденъ заколотымъ кинжаломъ съ 4 ранами на груди и съ отрѣзаннымъ ухомъ. Фелькнеръ служилъ въ генеральномъ штабѣ офицеромъ, потомъ перешелъ на службу въ Царство Польское и назначенъ инспекторомъ одной изъ здѣшнихъ гимназій; вначалѣ Варшавскихъ демонстрацій, по враждебности къ нему учениковъ, удаленъ отъ должности и въ минуту смерти былъ начальникомъ тайной полиціи у правительства. Должность убитаго принялъ съ крайнею неохотою, по приказанію великаго князя, старшій мой помощникъ по инспекторству полковникъ Тухолка, и съ того часа сталъ носить при себѣ ради своей безопасности отъ убійцъ револьверъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ убѣдительно просилъ меня объ исходатайствованіи назначенія ему въ члены полеваго аудиторіата,—что я обѣщалъ и исполнилъ *на счетъ свой.*

Ноябрь. Прибытіе проѣздомъ въ Варшаву изъ Петербурга великаго князя Михаила Николаевича съ супругою. Тѣ только генералы представлялись его высочеству, которые сами пожелали сего.

Утомительно—этикетный вечеръ у Его Высочества намѣстника.

Въ день Георгіевскаго праздника обѣдъ для Георгіевскихъ кавалеровъ у Его Высочества.

Декабрь. Поздравленіе Варшавскаго коменданта, князя Бебутова, съ 50-лѣтнимъ юбилеемъ въ офицерскихъ чинахъ, обѣдъ ему по подпискѣ и пожалованіе *этому бѣдняку* на 12 лѣтъ аренды по 3 тысячи рублей въ годъ.

Открыта подпольная типографія возмутительной газеты „Ruch“ и виновные схвачены.

Великій князь Михаилъ Николаевичъ назначенъ вмѣсто князя Барятинскаго намѣстникомъ Кавказскимъ и главнокомандующимъ Кавказскою арміею.

Разстрѣлянъ унтеръ-офицеръ полицейской стражи изъ польскихъ дворянъ, Злобицкій, за ударъ нанесенный полиціймейстеру Зенбушу и за разрубленіе головы частному приставу.—Замѣчательно, что это первый примѣръ разстрѣлянія по суду въ Варшавѣ, и что преступникъ въ судѣ объявилъ, *что для примѣра онъ достоинъ смертной казни.*

Бывшему генер.-интенданту арміи Синельникову великій князь изъ награднаго капитала пожаловалъ 8 тыс. руб. безъ вычета.—Изрядно!

Предположено съ 1 января 1863 года произвести рекрутскій наборъ въ однихъ только городахъ, дабы очистить отъ волнующагося и готоваго взяться за оружіе городского сброда. Варшавскій подпольный центральный комитетъ съ своей стороны разослалъ окольникъ къ властямъ, угрожая имъ смертью, если будутъ набирать или способствовать къ набору рекрутъ.

25 декабря въ день Рождества Христова выходъ великаго князя въ замкѣ. Его высочество подъ руку съ супругою изволилъ шествовать церемоніально въ церковь; мы, по византійскому обычаю, преклонялись предъ августѣйшею четою. Богослуженіе совершалъ архіепископъ соборне.

Этотъ 1862 годъ собственно для себя я могу считать счастливымъ; *во первыхъ*, потому, что по моему представленію, какъ инспектора, два мои старшіе помощника, Тухолка и Гацфельдъ, награждены: первый чиномъ, а послѣдній орденомъ; *во вторыхъ*, потому, что по моему представленію великимъ княземъ разрѣшено оставшіяся отъ

штатной суммы инспекторскаго управленія слишкомъ 400 руб. раздать младшимъ моимъ помощникамъ и дѣлопроизводителю; *въ третьихъ*, потому, что я за усердную службу въ аудиторіатѣ былъ представленъ къ Высочайшему награжденію годовымъ содержаніемъ 2500 руб. которое и вышло въ день Пасхи 1863 года; и особенно въ четвертыхъ потому, что должность моя инспектора по набору рекрутъ и состоящее при мнѣ управленіе, какъ вполнѣ безполезныя и лишь отягощающія по расходу казну Царства, и объ упраздненіи которыхъ я предлагалъ еще покойному намѣстнику князю Горчакову упразднены, — по новому, возобновленному моему о томъ въ октябрѣ домогательству, и выставленнымъ доказательствамъ директору канцеляріи внутреннихъ дѣлъ дѣйств. статск. совѣтнику, Гутаковскому, съ убѣдительною просьбою передать мнѣніе главному гражданскому начальнику края, маркизу Велюпольскому, что онъ, Гутаковскій, и исполнилъ, то есть, докладъ былъ сдѣланъ въ полномъ засѣданіи, и, по словамъ Гутаковскаго, мнѣ лично переданнымъ, какъ самъ маркизъ, такъ и прочіе члены засѣданія были *удивлены моею добросовѣстностью*. — Объ этомъ доведено было до свѣдѣнія великаго князя намѣстника. Его высочество сдѣлалъ представленіе и получено Высочайшее разрѣшеніе: должность инспектора со всѣмъ составомъ управленія его съ 1 января 1863 года и т. с. *упразднить*.

Между тѣмъ, въ ожиданіи Высочайшаго разрѣшенія объ упраздненіи моей инспекторской должности, командующій войсками въ Царствѣ, генералъ баронъ Рамзай, предложилъ мнѣ быть назначеннымъ на вакансію членомъ въ полевой аудиторіатъ, (гдѣ я находился уже болѣе двухъ лѣтъ) но какъ эту вакансію въ члены я обѣщалъ уже полковнику Тухолкѣ и не хотѣлъ нарушить даннаго мною ему слова, то отъ предложенія барона Рамзая я отказался, и такимъ образомъ былъ Тухолка представленъ и назначенъ, какъ выше сказано, *на мой счетъ*.

КОПІЯ

съ донесенія Министра Статсъ-Секретаря Царства къ Намѣстнику Великому Князю отъ 29 Ноября 1862 года.

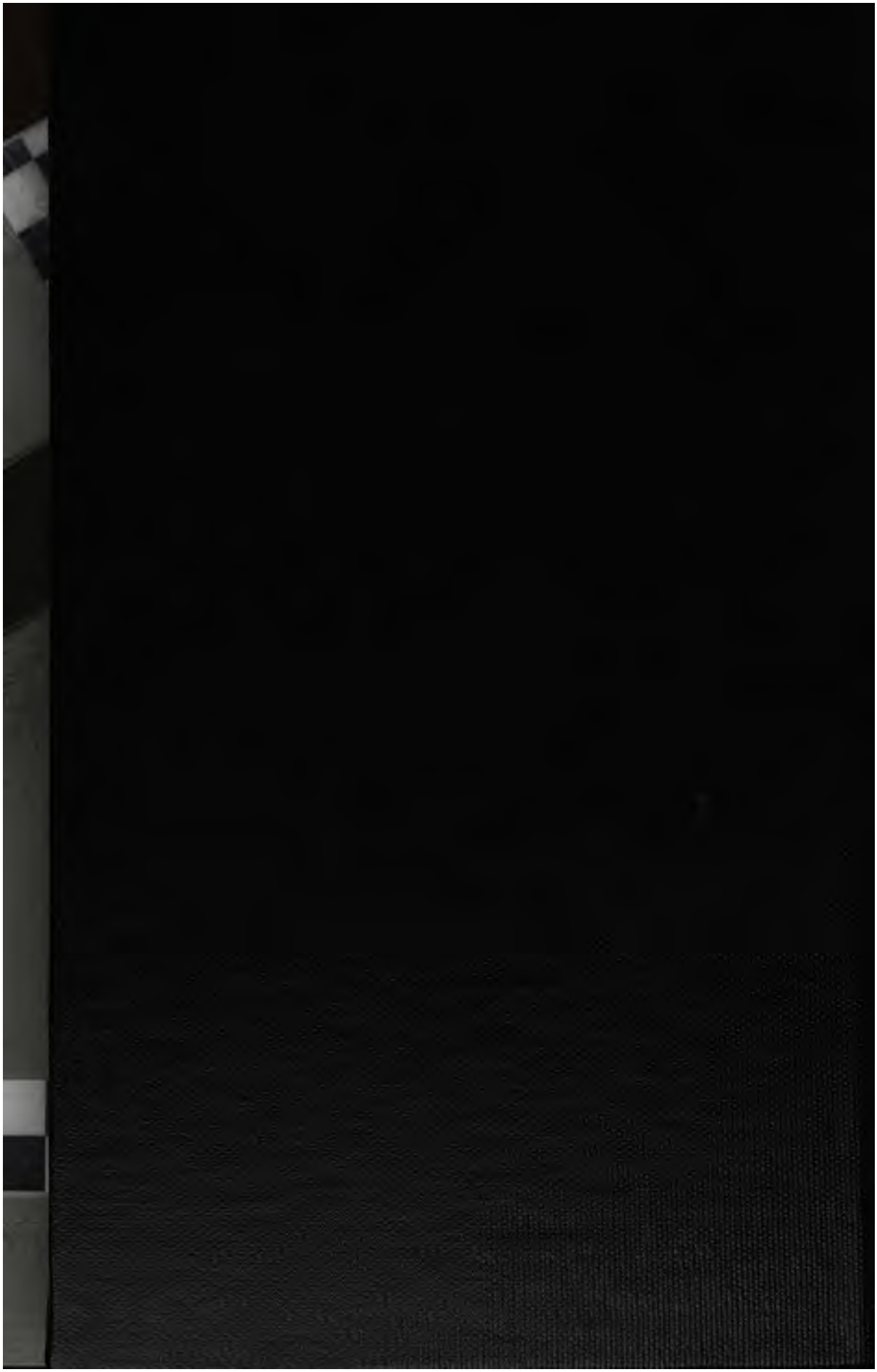
Согласно съ мнѣніемъ Вашего Императорскаго Высочества, изъясненнымъ во всеподданѣйше доложенномъ мною отношеніи отъ 17 Ноября за № 17352 и опредѣленіемъ Совѣта Управленія 9 числа того же мѣсяца состоявшимся, Государь Императоръ, находя, что учрежденная статьями 24 и 25 Высочайше утвержденнаго 3 Марта 1859 года Положенія о рекрутской повинности въ Царствѣ должность инспектора

военной переписи и рекрутскаго набора, съ особымъ при немъ Управленіемъ въ составѣ трехъ старшихъ и шести младшихъ помощниковъ и чиновника для письмоводства, при возложеніи наблюденія за исполненіемъ всѣхъ дѣйствій, относящихся къ военной переписи и набору рекрутъ на Правительственную Комиссію Внутреннихъ Дѣлъ и при обязанности жандармскихъ офицеровъ имѣть надзоръ за соблюденіемъ существующихъ по сему предмету правилъ, оказывается уже излишнею, Высочайше разрѣшить изволилъ: помянутую должность инспектора по этой части, со всѣмъ составомъ управленія его, съ 1 Января 1863 г. нов. стил. упразднить.

37 90 95ST2 53 005 BR 4 6842

89 23379
Vospominanila Vasilila Abramov
Stanford University Libraries
3 6105 043 037 857

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE